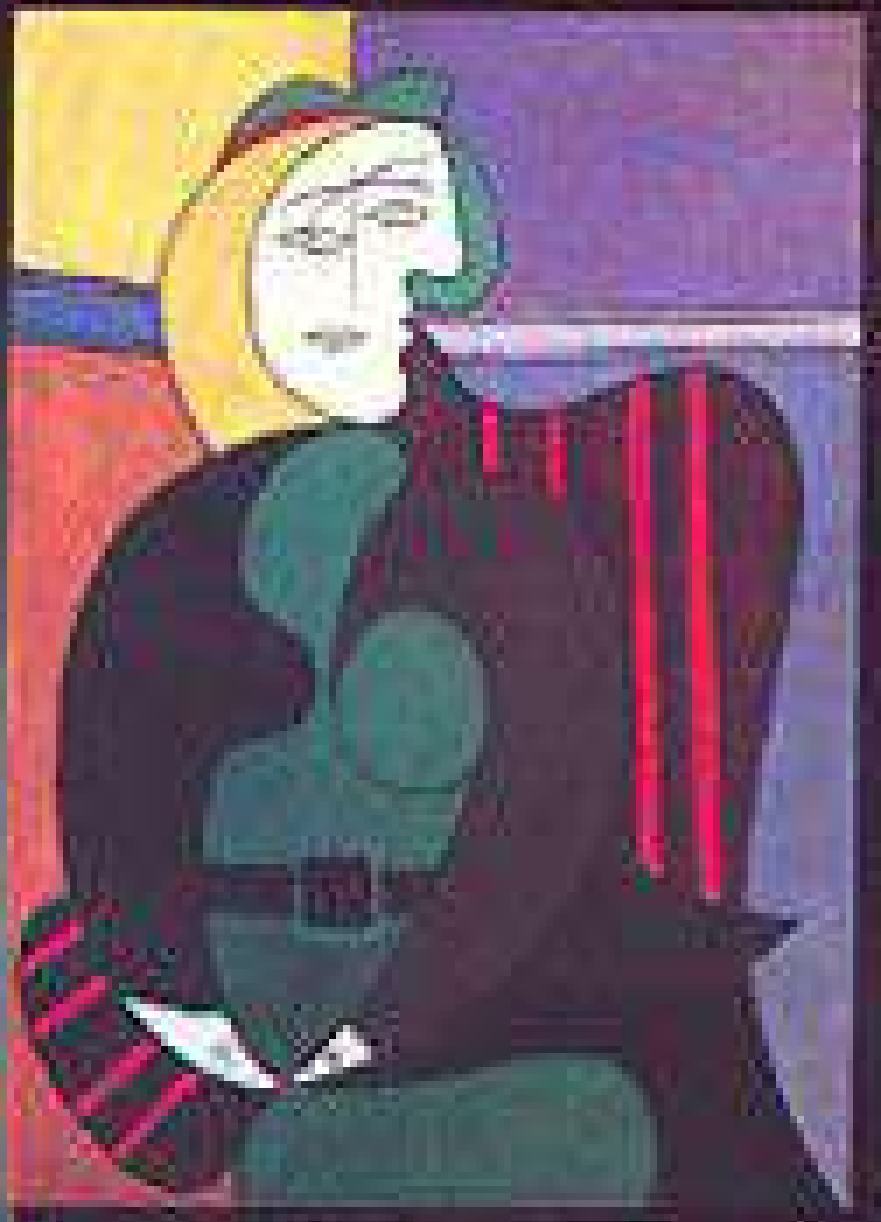

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ

ВОЗМОЖНОСТЬ
БЫТЬ
УВИДЕНЫМИ

УДК 930.8
ББК 63.3
Ж561

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ имени Максима Танка

Главный редактор И. Р. Чикалова

Редакционная коллегия:

Г. А. Космач, В. В. Тугай, Е. Н. Сурга, Р. А. Чикалов

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В. А. Федосик;
доктор исторических наук, профессор В. Н. Сидорцов

Ж561 **Женщины** в истории: возможность быть увиденными:
Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. — Мн.: БГПУ им.
Максима Танка, 2001. — с.

ISBN № 985-435-359-1

Сборник научных статей подготовлен по инициативе кафедры
всеобщей истории Белорусского государственного педагогического
университета им. Максима Танка и содержит работы белорусских,
русских и украинских авторов по важнейшим аспектам методоло-
гии и теории женской и гендерной истории. Предметом рассмот-
рения являются также социальный статус и положение женщин на
различных этапах истории Беларуси, зарубежных стран эпохи
античности, периода средневековья, нового и новейшего времени.

УДК 930.8
ББК 63.3

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора: **ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ НА ПОСТ-
СОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ** 5

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИИ

Н.Л. Пушкарева. Как женщин сделали видимыми 20
О.М. Шутова. Устная и гендерная история в свете антропологизации
историографии 55
И.И. Юкина. Проблемы становления российской истории женщин . . . 73
Н.А. Чухим. Присутствие в истории: опыт методологического анализа 84

РАЗДЕЛ II. ЖЕНЩИНА И ОБЩЕСТВО В ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

О.М. Ленцевич. Женское служение в англичском христианстве: монашество
и мучничество 92
М.А. Буланакова. Ментальные стереотипы и образ знатной женщины
в период утверждения церковного брака в средневековой Франции . . 105
Е.Н. Сурга. Повитухи в период позднего средневековья в Германии:
маргиналы или пограничная социальная группа? 115
М.А. Буланакова. Брак и регламентация социальной жизни женщины
в стюартовском обществе 125
О.В. Петровская. Менталитет южнославянской женщины второй
половины XIX — начала XX века 132
Т.В. Королева. Феминистское движение во Франции в конце XIX —
начале XX века 142
Н.В. Новикова. Суфражистки и суфражетки: идеология и политика
британского феминистского движения в начале XX века 154
А.М. Ермаков. Женская «трудова повинность» в нацистской Германии
(1933—1939 годы) 180
О.И. Чеснокова. Женский опыт ГУЛАГа в советской истории
1930—1950-х годов 189
И.Р. Чикалова. Американки и внутренняя политика США в последней
трети XX века 193
Н.А. Шведова, Е.В. Израэлян. Канадки, общество и государство
в 1980—1990-е годы 220
В.В. Фрольцов. Гендерный фактор в формировании внутренней
и внешней политики ФРГ в 1980—1990-е годы 246

ISBN 985-435-359-1

© Коллектив авторов, 2001

РАЗДЕЛ III. ЖЕНЩИНА, СЕМЬЯ И БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Н.Ў. Сліж. Жанчына ў шляхецкай сям’і ў XVI—XVII стагоддзях . . .	270
С.А. Толмачэва. Социальный статус беларусскай крест’янки во второй половине XIX века.	278
О.А. Соболевская. из истории еврейской женщины на Беларуси в XIX веке.	290
Г.Н. Яковлева, А.Н. Дулов. Женщины Витебщины в период модернизации 1930-х годов.	304
А.В. Булич. Формирование установок на малолетность у женщин Беларуси во второй половине XX века.	311
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	319

От редактора:

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Появление категории *гендера* в общественных и социальных науках, субдисциплины *гендерных исследований* и гендерных исследований применительно к отдельным областям знаний (например, истории) стало одним из наиболее заметных событий последнего тридцатилетия в современных социальных науках. Само понятие гендера оформилось терминологически в процессе развития теории феминизма¹, женских, а затем и собственно гендерных исследований, и стало одним из наиболее важных понятий, концептуализированных феминистской эпистемологией.

¹ Предложить универсальное определение феминизма практически не представляется возможным — его теория, идеология и практика столь многоаспектны. Объединяющими факторами для разных направлений в феминизме, благодаря которым можно говорить о нем как о некоем целом, являются критика традиционной патриархатной культуры, акцент на самоценности личности женщины и ее праве на свободу в самореализации. Большой толковый социологический словарь COLLINS предлагает четыре определения феминизма: 1. Целостная теория, связанная с характером глобального угнетения женщин и их подчинения мужчинам. 2. Социополитическая теория и практика, стремящаяся к освобождению всех женщин от мужского превосходства и эксплуатации. 3. Социальное движение, заключающее в себе стратегическую конфронтацию с гендерно-классовой системой. 4. Любая идеология, состоящая в диалектическом противоречии со всеми женоненавистническими идеологиями и действиями. Все большее число исследователей разделяет сегодня широкое определение феминизма. Из множества существующих я бы выделила формулировку из учебника по социологии Родни Старка, который предлагает рассматривать феминизм в трех взаимосвязанных измерениях: во-первых, в качестве оппозиции всем формам стратификации на основе гендера; во-вторых, исходя из убеждения, что биология не должна предопределять подчиненный статус женщин; и, в-третьих, на основе признания общего опыта и общих целей у женщин, которые направляют свои усилия на осуществление перемен.

В начале 1980-х гг. термин гендер был введен в исследовательскую повестку либеральными феминистками для анализа депривированного положения женщины, а затем был теоретически использован радикальными феминистками, становившимися все более влиятельными в университетах (и в программах женских исследований Women's Studies), в качестве ключевой категории для анализа властных иерархий и взаимозависимостей, пронизывающих собой все общество и его институты. На этом этапе концептуализируются понятия *маскулинности* и *феминности*, а также социальной конструкции *сексуальности*, без которых анализ гендера и его моделирования уже неосуществим.

Отсутствие в среде специалистов общего мнения, что такое гендер и гендерные исследования, как они соотносятся с традиционными и с «женскими исследованиями», и, в частности, с «женской, или гендерной, историей» — все это вызывает трудности в определении предмета исследования. Категория «гендер», несмотря на широкое использование, остается весьма дискуссионной, поэтому будет уместным начать с определения, помещенного в оксфордском справочнике по философии: «Гендер — термин, введенный с целью выделения социального аспекта различия полов. Когда говорят о различии между существами женского и мужского пола как о различии «пола», то имеется в виду их биологическое различие. Когда говорят о «гендере», то исходят из определенных социокультурных дефиниций понятия *женщины* и *мужчины* и предполагают изначально установленное различие их социального положения»¹. При всей множественности и дискуссионности определений, смысл термина заключается прежде всего в идее социальной моделирования или конструирования пола: гендер — социальная организация половых различий; социальная конструкция системы социо-половых отношений; культурологическая характеристика поведения, которое соответствует полу в данном обществе в данное время. Гендер — это осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной². Гендер — это набор характеристики, ожидания и модели поведения³. Гендер — это набор социальных ролей; это — костюм, маска, смирительная рубашка, в которой мужчины и женщины исполняют свои нравственные танцы⁴.

¹ См.: Gennifer H. The Oxford Companion to Philosophy. Oxford, 1995.

² См.: Sapiro V. The Political Integration of Women. Urbana, etc.: University of Illinois Press, 1984.

³ См.: Lerner G. The Creation of Patriarchy. New York — Oxford: Oxford University Press, 1986.

Все феминистские (как и гендерные) исследователи разделяют позицию, что не пол, но гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин через систему воспитания, традиции и обычаи, правовые и этические нормы. С точки зрения биологии, пол очевиден с момента рождения, его не выбирают. В то же время ощущение человеком принадлежности к определенному социальному полу воспитывается всю жизнь, в течение которой он осваивает те поведенческие нормативы, которые будут его характеризовать как женщину или мужчину. Хотя биологические различия действительно существуют, не они являются решающими в конструировании мужской и женской природы. Мужские и женские поведенческие нормы являются продуктами культур соответствующих обществ. Решающим фактором в формировании различий является процесс социализации, подчиненный культурному — в широком смысле слова — стандарту общественной среды.

Таким образом, термины «пол/sex» и «гендер/gender» используются для разделения набора биологических различий и системы социальных, культурных, психологических характеристик. Сам же гендер предстает как знание, устанавливающее значения для телесных различий. Эти значения варьируются в зависимости от культур, социальных групп и времени. Исследование гендерных отношений мужчин и женщин означает выявление полоролевых моделей их поведения как социально детерминированных — в отличие от традиционного подхода, где различие их социальных ролей определяется «естественным», природным фактором, биологической организацией.

Выдвижение гендера в качестве категории анализа позволило расширить исследовательскую повестку. Например, заняться изучением того, как гендер (социальный пол) соотносится с анатомическими половыми различиями; как гендерные отношения конституируются и поддерживаются (в жизненном цикле человека и более широко — в качестве социального опыта, ограниченного временем); как гендерные отношения соотносятся с другими видами социальных отношений, такими, как классовые или расовые; что становится причиной, ведущей к изменениям в гендерных отношениях с течением времени; каковы взаимоотношения между формами сексуальности и гендерными отношениями; существуют ли только два, а если не два, то, сколько гендеров; каковы взаимоотношения между формами мужского доминирования и гендерными отношениями; перестанет ли быть актуальным вопрос о гендерных отношениях в эгалитарных обществах; имеется ли нечто отчетливо мужское или женское в спо-

собах мышления и социальных отношениях, и, если имеется, то являются ли данные врожденными или социально сконструированными; являются ли гендерные различия социально полезными или необходимыми, а если да, то каковы последствия этого для феминистской цели достижения «гендерной справедливости»¹.

Все эти вопросы поставили гендер в фокус дискуссий гуманистариетов. Он был признан центральной категорией для анализа структур власти, организации социальных и культурных институтов, моделей идеологического контроля в современном обществе. Утверждение гендера в качестве категории анализа стало одним из самых важных перемен в общественных и гуманитарных науках в 1980-е гг.

Проблематизация категории гендера внутри феминистской области «женских исследований» (Women's Studies) вызвала к жизни появление новой научной междисциплинарной субдисциплины — «гендерных исследований» (Gender Studies). Они стали развиваться как субдисциплина внутри феминистской мысли в области истории, антропологии, психологии, языкознания, литературоведения, переместив акцент с исследований женщин, что было характерно для 1970-х гг., на изучение гендерных отношений, включающих как женщин, так и мужчин. «Гендерные исследования» превратились в междисциплинарную исследовательскую область, в рамках которой стал осуществляться анализ властных взаимоотношений и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования. От «женских исследований» гендерные исследования отличаются иной исследовательский интерес. Для первых, особенно в 1970-е гг., было важно указать и продемонстрировать различия между мужчинами и женщинами, выявлять и распространять информацию о женщинах и, таким образом, создать фундамент для дальнейшего теоретического анализа. Получив толчок для своего развития от *женских исследований*, в *гендерных исследованиях* акцент переместился от изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата к исследованию более широкого социального контекста, анализу *гендерной системы*.

Развитие «Исследований мужчин» («Men's Studies»), «Гей/Лесбийских исследований» («Gay/Lesbian Studies»), «Квиер

¹ См.: Flax J. Postmodernism and Gender Relations in Feminist Theory // Nicholson L.J. (ed.) *Feminism/Postmodernism*. New York and London: Routledge, 1990.

исследований» («Queer Studies») стали ключевыми для переноса акцента в исследованиях с женщин на механизмы функционирования властного дискурса. С этого момента начинаются *гендерные исследования* как таковые, включившие в область своего исследовательского интереса также проблемы социального конструирования *маскулинности* и *сексуальности*. В 1990-е гг. «гендерные исследования» уже выступают в качестве междисциплинарной исследовательской субдисциплины, отделившейся от «женских исследований», став новейшим концептуальным проектом постфеминизма, в рамках которого реализуются новые возможности гендерного подхода для анализа властных взаимоотношений и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в общественной и приватной сферах. На этом этапе усиливается теоретическая роль в развитии «гендерных исследований» ранее периферийных областей, вышедших из невидимости, «Men's Studies», «Gay/Lesbian Theory», «Queer Theory».

Концептуализация понятия гендера превратила его в важнейшую категорию исторического анализа. Но прежде чем оперировать ею, необходимо произвести процедуру извлечения самих, прежде «невидимых», женщин из темноты прошлого, дать им «свою» историю. Долгое время из-за господства «биологизаторской» идеологической парадигмы, абсолютизированной анатомические различия между мужчинами и женщинами, многие сферы человеческой жизнедеятельности оказались как бы «естественно» разделенными на «женские» и «мужские», приватные и публичные. Разделение, обусловленное полом, отразилось соответствующим образом на содержании исторической науки и репрезентации истории. Для них характерным явилось четкое фиксирование стандартов женского и мужского поведения, признание соответствующей атрибутики пола «на все времена» и для всех народов; сегрегация женщин и женского внутри научного дискурса с подчас дискриминационным подтекстом («женская сфера», «женское занятие», «женская логика»). Сами же женщины практически полностью игнорировались в научных исследованиях. Центральный дискурс исторических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и их групповые интересы концептуально несовместимы с историческим исследованием. И несмотря на факт, что женщины (вопреки исключительности из мира политики и профессиональной деятельности) на разных этапах участвовали **особенными и лишь им доступными** способами в мировых трансформациях, это обстоятельство не находило должного понимания у исследователей.

Исключение составили лишь труды, посвященные женщинам масштаба преемственной Евфросинии Полоцкой, княгини Ольги, народной героини Жанны Д'Арк, императриц Екатерины Великой и Марии-Терезии, королевы Виктории и подобным им по значению и роли в мировой культуре и политике¹.

На первый взгляд, приоритет, отдаваемый всестороннему изучению экономического и политического развития стран и регионов, истории конфликтов и боевых действий, оперирование обобщающими терминами (народ, жители, население, трудящиеся, рабы, рабовладельцы, патрицианство, крестьяне, феодалы, землевладельцы, рабочие, буржуазия, политические деятели, политическая элита, армия, защитники отечества, и т.д.) не имеет ничего общего с исключением женщин из канвы исследований. Наоборот, оно как бы свидетельствует о том, что женщины не изучаются в связи с незначительным присутствием их в руководстве стран, в армиях и других важных областях жизни, отсутствием значимых следов их участия в общественно-историческом процессе. В обратном случае, возможно, все было бы иначе — ведь написаны труды о великих женщинах! Но при традиционном подходе шансов на развитие, по определению Н.Л. Пушкаревой, «исторической феминологии» мало, поскольку исторический процесс реконструируется историками как цель принимаемых решений и событий, происходящих в рамках четко обозначенной т.н. *общественной сферы*, на фоне которой невидимой оставались все те, кто был выпеснен в «непрестижную» *приватную* сферу. Ими, прежде всего, были женщины.

Как следствие, знание конструировалось и продолжает конструироваться таким образом, что значительным группам населения в нем не находилось места. В результате происходило формирование соответствующего отношения к этим группам людей как к «иным», «ненастоящим». А что касается научного исследования таких групп, то оно, в лучшем случае, рассматривалось как вспомогательное, само по себе маргинальное. Заниматься исследованием роли женщин даже в тех сферах, где они были наиболее «видимыми», — в семейной, приватной жизни, по воспроизводству хозяйства

¹ В белорусской историографии зарубежных стран первым стал сборник «Женщины-легенды» / Сост., научн. ред. и автор предисл. В.А. Федосик. Мн., 1993. Из российских работ следует выделить следующие: Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988; Кайдаш С. Сила слабых. Женщины в истории России (XI—XIX вв.). М., 1989.

семьи — было непрестижно. Для включения «забытых» женщин нужна была смена идеологических парадигм, которая и состоялась во многом благодаря активному развитию феминистской эпистемологии. Вытеснение биологизаторской и утверждение на ее месте социальное конструирование парадигмы происходило благодаря концептуализации и проблематизации новых или широко не использовавшихся прежде научных категорий.

Во-первых, произошла концептуализация понятия патриархата. Само введение этого понятия в научный дискурс не является несомненной заслугой феминистов второй волны. Использованное Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» для характеристики общества, пришедшего на смену материнскому роду в период разложения первобытнообщинного строя, оно оказалось незаслуженно забытым и стало прочно ассоциироваться с «детством» истории: «ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрасено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено. Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме — патриархальной семье¹. Существенным признаком такой семьи, далее пишет Ф. Энгельс, является отцовская власть: «Цивилизация соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной»².

Параллельно процессу утверждения патриархата, государства и, соответственно, общества гендерного неравенства шел процесс утверждения классового общества. Именно «класс» в качестве категории общественной стратификации и такие его производные как «классовая борьба», «социально-экономическая формация», «социальная революция» (но в применении лишь исключительно

¹ Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти тт. Т. 6. М., 1987. С. 139.

² Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти тт. Т. 6. М., 1987. С. 241.

к борьбе классов и в качестве ее итога) стало предметом исследования историков (не обязательно марксистов). О патриархате просто забыли, и само общество с точки зрения пола/гендера не подвергалось изучению, пока на это обстоятельство не обратили внимание феминистские исследователи, которые дали развернутое описание патриархата. Патриархат — это система (экономическая, социальная, культурная), обеспечивающая доминирование мужчин в обществе и семье, которое осуществляется в различных формах: разделении сфер труда, сегрегации женщин и вытеснения их в особые «женские сферы»; практике двойных стандартов, различающихся для мужчин и для женщин; лингвистической дискриминации последних; неравном доступе к образованию и институтам власти. Таким образом, патриархат представляет систему, в которой интересы женщин подчинены интересам мужчин, а в более широком смысле — патриархатной власти, которая основывается на тех социальных значениях, которыми общество наделяет биологическое различие между мужчинами и женщинами. Патриархатные отношения являются структурными: они укоренены в институтах и в социальных практиках общества.

Во-вторых, состоялись концептуализация понятий *общественного* и *приватного* пространств в патриархатном обществе, в которых мужчины и женщины играют несимметричные роли, и проблематизация вопроса о соотношении между *общественным* и *приватным*. Патриархатное общество характеризует отчетливая дихотомия двух сфер жизнедеятельности: *общественной* — первичной и *приватной* — вторичной и, соответственно, не обладающей высоким статусом. Различие между *общественной* и *приватной* сферами сложилось и существует как отражение отношений власти и подчинения между мужчинами, монополизировавшими сферу *общественного*, и контролируемые ими женщинами, вытесненными в область *приватного*. Поэтому, если субъект истории (а соответственно и политики), в качестве которого традиционно выступал мужчина, всегда был объектом интенсивного исследования, то участие женщин в событийной истории (которое было действительно минимальным в силу вытеснения женщин из сфер общественной жизни, особенно до предоставления им политических прав и расширения их участия во внесемейном хозяйстве) не изучались по вполне объективным причинам: их там просто не было. Но вместе со смещением исследовательского интереса с изучения общества на макроуровне и переходом историков к изучению его (особенно до-новейшего времени) на микроуровне возник-

ли совершенно новые объекты исследования: семья, детство, старость, повседневность, жизнь и смерть человека. Включение женщин в научный дискурс стало неизбежным.

В-третьих, произошла концептуализация категории гендера, лучшего статуса, равнозначный по значимости категориям «класс» и «этнос». Изучение общества и протекающих в нем процессов только с классовых позиций, проводившееся в СССР на протяжении десятилетий, не могло создать полнокровную картину общества ни в исторической ретроспективе, ни его современного состояния. Выделение новых стратификационных параметров (таких, как раса, пол, возраст, семья, физическое состояние) и изучение общества на их основе, безусловно, обогащает историческую науку более объемным знанием об обществе и протекающих внутри него процессах, а методологию исторического исследования — новым инструментарием. Использование в качестве основы для изучения исторических срезов любого из названных параметров перспективно и с методологической и с эпистемологической точки зрения. Что касается гендерного анализа общества, то он не обязательно полностью подменяет собой классовый, но, используемый в сочетании с ним, позволяет создавать более объемную панораму общества.

Хотя сегодня в среде западноевропейских и американских исследователей существует практически полное признание того, что в основе объективного исторического исследования должна быть полуженщина информация, характеризующая положение в обществе, политике, хозяйственной деятельности обоих полов, еще недавно эта точка зрения продвигалась в жарких академических дискуссиях. Предшествовавшая историография не признавала за различиями пола/гендера определяющего статуса, аналогичного таким ключевым категориям, как класс или этнос. Дебаты, развернувшиеся со второй половины 1960-х гг. по многим проблемам истории и современного состояния общества, в результате привели к тому, что к 1980-м гг. множество «частных» тем, которые касались женщин, стали не просто статусными, но и приобрели совершенно иное звучание.

Активно развиваясь, «история женщин» включила в сферу своих интересов множество вопросов, имеющих отношение к их жизни в разные эпохи, и дала импульс к созданию нового направления в историографии — «гендерной истории». Что же представляет из себя логика развития последней? Каким образом концептуализация категории «женщин» и «гендера» повлияли на формирование и развитие гендерной истории? На первом этапе исследователи занялись

включением в историческую канву женщин, прежде забытых или вычеркнутых из официальной «мужской» историографии, и созданием т.н. «ее истории» («her-story» в противовес «his-story» — «его история»). В середине 1970-х гг., стремясь связать «женскую историю» с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, исследователи занялись изучением исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархальных структурах классовых обществ. Традиционный социально-классовый анализ общества они дополнили фактором различия полов, а статус исторического лица предложили рассматривать как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик. На этом этапе категория гендера еще не вошла в историческое исследование.

На следующем этапе вместе с концептуализацией понятия гендера в 1980-е гг. сложилось направление, в котором центральным предметом исследований выступает уже не «история женщин», а история властных взаимоотношений, иерархических взаимозависимостей и взаимосвязей между мужчинами и женщинами, т.е. гендерных отношений, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики. Основные теоретико-методологические положения гендерной истории впервые сформулировал американский историк Джоан Скотт в докладе «Гендер: полезная категория исторического анализа», озвученном на пленарном заседании ежегодной конференции *Американской ассоциации историков* в декабре 1985 г. и через год опубликованном в виде статьи в *American Historical Review*. Траектория современного исторического знания, в ее трактовке, развивается от истории как бы бесполой, по форме всеобщей, но, по существу, игнорирующей женщин к ее зеркальному отражению — однополой «монологической» «женской истории» и далее — к «диалогической» истории *гендерных отношений*, а еще точнее, к обновленной и обогащенной социальной истории, расширившей понимание социального и соответственно, свое предметное поле и включившей в него все сферы межличностных отношений как в общественной, так и в частной жизни. Таким образом, переход от истории женщин к гендерной истории был закономерен, и стимулировал научную полемику о путях интеграции новой дисциплины во всеобщую историю. Наиболее полный теоретико-историографический анализ развития женской и

гендерной истории в русскоязычной литературе представлен статьями Н.Л. Пушкаревой¹ и работами Л.П. Репиной².

Программы заседаний Международных конгрессов исторических наук, начиная с 1960-х гг. стали отражением изменений исследовательского интереса ученых в сторону более «тщательного изучения повседневной жизни людей в разные исторические эпохи»,³ которое без включения женщин уже невозможно. Рост числа исследователей на Западе, задействованных в «женских исторических исследованиях», привел к оформлению соответствующих организационных структур. В 1990 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук была создана «Международная федерация исследователей, изучающих историю женщин», объединившая ученых нескольких десятков стран. Тем самым манифестировалось признание «женской темы», которая к тому же достаточно быстро насыщалась на Западе фундаментальными разработками.

Тем не менее, на постсоветском пространстве число историков, решивших связать свою научную биографию с новым направлением, пока сравнительно невелико, хотя уже можно констатировать наличие перемен. Активно разрабатывает новую область исторического познания ведущий научный сотрудник

¹ См.: Пушкарева Н.Л. «Как женщин сделали видимыми» (см.: настоящий сборник); Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот «гендер»? (новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999; Пушкарева Н.Л. «Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999; Пушкарева Н.Л. Между «порьмой» и «хаосом». Феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание // Шорэ Э., Хайдер К. (отв. ред.) Пол. Гендер. Культура. Вып. 2. М., 2000.

² См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть I // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

³ См.: Академик Тихвинский С.Л. Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и Новейшая история, 2001. № 1. С. 7.

Института этнологии и антропологии РАН, постоянный представитель России в «Международной федерации исследователей, изучающих историю женщин» Н. Л. Пушкарева, которая занялась «женской темой» еще в середине 1980-х гг.¹ В 1990-е гг. она издала (не считая многих статей) несколько новых книг², в т.ч. монографию «Женщины в русской истории с десятого по двадцатый век» в США, перизданную затем в Великобритании. Обобщающая статья Л. Н. Пушкаревой открывает представляемый читателю сборник.

И в других научных учреждениях РАН работают специалисты, исследовательский интерес которых связан с новым направлением. Проблемы гендерной методологии в историческом исследовании и исторической феминологии находят в центре внимания ученых из Института всеобщей истории

¹ См.: некоторые статьи Н.Л. Пушкаревой, опубликованные в 1980-е гг.: Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3; Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X–XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4; Отечественная историография вопроса о положении женщин на Руси X–XV вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985; Методика работы с нормативными памятниками X–XV вв. для характеристики истории семьи и положения женщины // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Тбилиси, 1985; Имущественные права женщин в Русском государстве X–XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986; Семейный быт Древней Руси // Семья и школа. М., 1986. № 11, 1987. №№ 1–2; Зарубежная историография о социальном положении женщины в Древней Руси // Вопросы истории. 1988. № 4; Женщины в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4; Семейный быт Древней Руси: отношения детей и родителей // Традиции семьи. Свердловск, 1988; Комплекс актовых источников и методика работы с ним для характеристики социального статуса женщин в Русском государстве // Актуальные проблемы изучения и издания письменных источников. Вып. 2. Тбилиси, 1988; Социальный статус средневековых женщин в центре внимания историков Европы и США // Вопросы истории. 1988. № 9; Нормативные памятники как особый источник по истории древнерусской семьи // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1988.

² Пушкарева Л.Н. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997; «А се грехи злые, смертные» (Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в)). М., 1999.

РАН Л. П. Решиной¹ и Т. Л. Лабутинной. В ряду авторитетных исследователей – опубликовавшая более 60 работ по теории и истории женского движения, гендерному измерению политических процессов в России ведущий научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН С. Г. Айвазова. В Институте США и Канады РАН гендерные исследования ведут Е. В. Исраелян и Н. А. Шведова, одна из работ которых представлена в настоящем сборнике.

Сегодня в гендерной проблематике активно работают историки, представляющие Ивановский государственный университет – О. А. Хасбулатова², О. И Шнырова, Т. Б. Рябова³, Тверской государственный университет – В. И. Успенская, Петербургский Институт языка и культуры, один из авторов данного сборника, И. И. Юкина и ряд других. Своими публикациями заявила о себе группа исследователей, работающих на кафедре всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета (М. А. Буланакова, Н. В. Новикова, А. М. Ермаков)⁴. На Украине гендерная проблематика в истории разрабатывается историком-феминологом, председателем Одесского научного Центра женских исследований Л. А. Смоляр⁵, харьковская школа представлена монографией руководителя Харьковского центра гендерных исследований, И. А. Жеребкиной⁶. В Беларуси историографические и методо-

¹ См.: Решина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Решина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; Решина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть I // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Решина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

² Хасбулатова О. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994; Хасбулатова О.А. (отв. ред.) Социальная феминология. Иваново, 1998.

³ Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.

⁴ См.: настоящий сборник.

⁵ Смоляр Л. Минуте заради майбутнього. Жіночий рух наддніпрянської України II пол. XIX – поч. XX ст. Сторінки і сторі. Одеса, 1998.

⁶ Жеребкина И. Женское политическое бессознательное. Проблема гендера и женского движения в Украине. Харьков, 1996.

логические аспекты новой дисциплины последовательно разрабатывает участвующая в данном сборнике своим новым материалом О. М. Шутова¹, перспективы гендерной истории в свете «визуального поворота» современной гуманитаристики анализирует в одной из статей А. Усманова². Ряд преподавателей-историков и аспирантов Минска, Гродно, Бреста, Витебска, в т.ч. публикуемые в сборнике О. И. Чеснокова, Г. Н. Яковлева, О. М. Ленцевич, Е. Н. Сурга, С. А. Толмачева, А. В. Булич, А. Н. Дулов, тоже начинают проявлять интерес к исторической феминологии, предполагающей ревизию подхода к изучению общества, с тем чтобы учитывать его многокомпонентность, наличие, помимо классов, других стратификационных параметров, среди которых «пол/гендер» является одним из важнейших.

И.Р. Чикалова

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИИ

¹ См.: Шутова О. На пути к истории людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX века). Мн., 1999; Шутова О. Гендерный подход и междисциплинарность в историографии // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований / Ред. И.Р. Чикалова. Мн., Май 2000; Шутова О. Устная и гендерная история в свете антропологии истории (см. настоящий сборник).

² См.: Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные исследования, 2001, № 4.

Н.Л. Пушкарева

КАК ЖЕНЩИН СДЕЛАЛИ ВИДИМЫМИ¹

1. Феминизм и историческая феминология

До конца 1960-х — начала 1970-х гг. для историков всех стран казалось очевидным, что прошлое (как, впрочем, и настоящее, и будущее) есть нечто общее, универсальное для всех без различия пола — как для мужчин, так и для женщин. Позиции этой научной парадигмы казались неоспоримыми, поскольку коренились в стереотипном восприятии отношений полов как заданных биологически и потому неизменных². Но в конце 1960-х — начале 1970-х гг. ученые-гуманитарии ряда стран всерьез задумались над тем, не является ли *то*л таким же инструментом социальной детерминации, как *класс* и *этнос*. Новая постановка вопросов пола оказалась главным содержанием “невидимой революции” в гуманитарных науках. Социология и демография, лингвистика и психология, педагогика и юриспруденция в буквальном смысле “заметили” пол, заинтересовались им и тем, как он влияет на жизнь индивида и личности. Чуть позже, в 1970-е гг., “невидимая революция” захватила и историков.

Оценивая события четвертьвековой давности, историки науки тесно связывают происходивший тогда научный поворот с обществено-политическими и культурными процессами конца 1960-х гг. в Европе и США. Вряд ли можно отрицать тот факт, что “смена вех” была в известном смысле следствием молодежных движений конца 1960-х гг., знаменитой “студенческой революции” мая 1968 г., поставившей под сомнение всю систему ценностей и ориентиров исследователей, политиков и вообще людей старшего поколения³.

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Ки Дж. МакАртуров (Грант № 01-68118-000) и РГНФ (грант № 01-01-00071а). Автор неоднократно касался поставленной в данной статье темы в своих предыдущих публикациях; данный очерк является окончательным и самым полным вариантом, который предположительно войдет в книгу “Историческая феминология и гендерные исследования в истории”, готовящуюся к публикации в московском издательстве “Ладомир”.

² Mitterauer M. Zur Kritik von Familienideologien aus historischer Sicht // Mannznan A. (ed.) Geschichte der Familie. Königstein, 1981 (Historie heute. Bd. 3). S. 42-56.

³ Известный французский историк-феминолог Мишель Перро назвала события мая 1968 г. “стимулирующими” для ‘женской истории’, поскольку именно после этих событий общегосударственный Centre National de la Recherche scientifique (CNRS) включил в тематическую программу исследований изучение женского движения, в том числе современного, новейшего. См: Perrot M. Vorwort // Corbin A., Farge A., Perrot M. (eds.) Geschlecht und Geschichte. Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? Frankfurt am Main, 1989. S. 18, 26.

Не только научное сообщество, но и социум как таковой оказались в результате той эпохи ниспровержений подготовленными к восприятию новых концепций. Немалую роль сыграла и сопровождавшая молодёжные движения сексуальная революция, позволявшая открыто говорить о проблемах пола и открывшая для обсуждения в средствах массовой информации (а не только в научной литературе) ряд ранее табуированных тем (скажем, вопрос о сексуальной удовлетворенности женщины в браке или о толерантности к трансвестизму и операциям по смене пола). Важнейшим социально-политическим фактором оказалось оживление феминизма — так называемая «вторая волна» его.

Чтобы употреблять термин “феминистский”, необходимо хотя бы коротко охарактеризовать само понятие “феминизм”. В “Энциклопедии феминизма” Л. Таттл говорится о существовании более, чем 300 определений понятия “феминизм”¹. “Феминизм — это политика, направленная на изменение существующих властных отношений в обществе” — такое определение дается автором первого издания на постсоветском пространстве учебника “Теория и история феминизма” философом Ириной Жеребкиной². “Это осознанная необходимость доказывать свое Я в мужском обществе” — так определяла для себя феминизм вице-президент Феминистской лиги Казахстана Светлана Шакирова, автор еще одного учебного пособия³. Учитывая, что “феминизмов” много (больших и мелких исследователей склоняется к тому, что речь идет о *направлениях* феминизма, однако сами феминистки настаивают на плюральности понятия), нет и единого, согласного мнения о том, кого следует причислять к феминистам и каковы цели их борьбы. В эпоху, когда идут споры о содержании понятий “женский интегрес”, “женская природа”, “женская сущность”, когда все еще не найдены материальные носители женской идентичности, — очень трудно объявлять конечной целью феминисток достижение справедливости для *всех* представительниц ‘прекрасного пола’, улучшения положения *всех* женщин, во всех странах. Равенство для всех неосуществимо, интересы женской части населения в целом и одновременно учесть невозможно — ведь оно неоднородно и, в большинстве своем, равнодушно к феминизму. Стратегический уровень мышления требует признания этого факта. Однако тактически феминизм постоянно артикулирует потребности женского

¹ Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. New York (Arrow Books), 1986.

² Жеребкина И.М. Теория и история феминизма. Курс лекций. Харьков, 1996. С. 8.

³ Шакирова С. Эпистемология гендера // Шакирова С, Сейтова М. (ред.) Пол женщины. Алматы, 2000. С. 11.

коллективного субъекта, говоря как бы от имени “всех женщин”, сознательно отказываясь от сужения рамок.

При этом *либеральные феминистки* озабочены созданием равных *возможностей* для самореализации для обоих полов¹, в том числе общих или более или менее общих стартовых возможностей для детей разного пола², на достижение всеми ими высоких профессиональных целей, а не на выполнение привычных, эссенциальных ролей³. *Социалистические феминистки* (марксистки) полагают, что дискриминация женщины и противоречия между полами детерминированы антагонизмами общества, основанного на частной собственности. Превращение домашней работы в часть общественного производства, ее обобществление, индустриализация — путь к достижению равенства. Социалистические феминистки стараются подчеркнуть, что именно система социализации и привычные формы найма формируют те практики труда, которые дискриминируют женщин⁴. Благодаря этим феминисткам и их борьбе против дискриминации женщин в сфере труда в автобиографиях (CV) при приеме на работу была отменена пометка “пол” и с начала 1970-х гг. тестирование стало основной формой отбора способных работников. Для *радикальных феминисток* женщины — это дискриминируемый и эксплуатируемый биологический класс. Асимметрию социального статуса полов можно уничтожить, считают они, если женщины захватят в свои руки все средства воспроизводства человека, все репродуктивные права⁵. Для радикалок характерна тематизация и обговаривание таких сюжетов, как мужская монополия в культуре и знании и половой дискриминации в повседневной жизни. “Феминизм — это когда не дашь вытирать о себя ноги” — так определила для себя эту категорию английская писательница Ребекка Уэст (1892-1983)⁶. Ясно одно: приня-

тие нами многозначности того или иного термина созвучно демократическому плюрализму. Но вернемся к истории...

Феминистки первой волны — т.е. те, кто создавал первые женские организации во второй половине XIX — начале XX в. выступали за *равенство прав* с мужчинами (на получение образования, на участие в политической жизни, на равную оплату труда и т.п.)¹. Однако надежды либерального феминизма на решение женского вопроса только в социальном аспекте оказались призрачными. Женщины начала 1960-х гг. практически повсеместно добились избирательных прав², могли получать образование и работать — но эти права во многом только усложнили положение женщин: женщины окончательно вышли за пределы своего дома, вступили в мир мужской культуры и мужской деятельности и были вынуждены принять условия мужской игры, конкуренции. Поэтому феминистки второй волны — начала 1960-х гг. — поставили вопрос о *равенстве возможностей* реализовывать эти права, возможно, уже прописанные в законах. Они поставили проблему необходимости гибких преобразований культуры — во имя изменения модели отношений, основанных на господстве и подчинении, акцентировав вопрос о свободной, автономной женской личности. Слава ронадначальницы и крупнейшего теоретика феминизма второй волны по праву принадлежит автору книги “Второй пол” (1949 г.) Симоне де Бовуар³, французскому философу-экзистенциалисту (хотя она сама и избегала записывать себя в ряд убежденных феминисток), которая первой поставила этот вопрос.

Не будучи услышанной многими современниками и современницами, так и не решившимися превратить ее труд в «исповедание веры», С. де Бовуар сумела достигаться до сердец их дочерей, участниц женского движения 1960-х гг. “Симона де Бовуар освободила миллионы женщин от патриархального рабства. Взмахом волшебной палочки ... она рассеяла догму о естественности сексуального разделения труда, ... проложив нам дороги свободы”, так оценила книгу С. де Бовуар ее соотечественница психолог Э. Бадинтер⁴. Историческое значение книги “Второй пол” (переведенной на русский язык полвека спустя) состояло в том, что именно

1 Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60 гг. XIX в. Л., 1984.

2 Подробнее см.: Школьников И.А., Шнырова О.В. Суфражизм в Великобритании и в России: опыт сравнительного анализа // Вы и мы. 1998. № 6(22). С. 16-21; Гусейнова Ф. США: антимонополистическое движение женщин. М., 1977. С. 19 и др.

3 Бовуар С. де. Второй пол. М., 1997.

4 Badinter E. Simone de Beauvoir // Le Nouvel Observateur. 1986. 2-8 Mai. P. 13.

1 Weiner G. Feminist Education and Equal Opportunities // British Journal of Sociology of Education. 1986. V.7(3). P. 265-274.

2 Byrne E. Women and Education. L., 1978. P. 19.

3 Acker S. Gendered Education. Sociological Reflections on Women Teaching and Feminism. Bristol, 1994. P. 45.

4 Gaskell J. Conceptions of Skill and the Work of Women // Hamilton R., Barrett M. (eds.) The Politics of Divercity. L., 1986.

5 См. об этом в работах С.Файерстоун: Firestones S. The Dialectics of Sex. The Case for Feminist Revolution. London, 1970. P. 12-13.

6 «Я никогда не могла дать ясное определение того, что такое феминизм. Я только знаю, что меня называют феминисткой всякий раз, когда я не позволяю вытирать о себя ноги» // Душенко К., Манча Г. (сост.) Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. М., 2001. С. 501.

Симона де Бовуар первой поставила проблему историчности существующего стереотипа, соотносящего “природное” (женское) с “культурным” (мужским), показав, что эта проблема не столько взаимодополнения (природного — культурным, а женского — мужским), сколько иерархии и власти (и именно власти “мужского” над “женским”).¹ Конфликт между способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта (права, политики, чужой власти) определяет, по С. де Бовуар, особенность “женского удела”. Преодоление навязанного “женского удела”, стремление к свободе — способ разрешения описанного конфликта — подтверждается биографиями крупных женских личностей в истории, развитием идей женского равноправия и женского движения. Их этапы Симона де Бовуар как раз и анализирует в своей книге, подводя итоги просчетов и достижений и подготавливая основу для нового этапа феминистского движения, поставившего во главу угла не просто женщину или, как это было в конце XIX — начале XX в., трудящуюся женщину-тражданку, но автономную, свободную женскую Личность, способную «присвоить» собственную жизнь.

Вопросы, поднятые С. де Бовуар (ее книга была переведена на английский в 1953 г.), оказались созвучными женщинам-публицисткам начала 60-х гг., поэтому книги Бетти Фридан “Мистика женственности” (1963), Каролайн Берд “Рожденная женщиной” (1968) и, в особенности, “Сексуальная политика” Кейт Миллет (1971)² стали не только логическим продолжением “Второго пола”, но и развитием основной идеи этой книги, идеи становления женской Личности. Пробуждение социального женского самосознания — основное достижение неофеминизма, изменившего в 1960—1970-е гг. представления о содержании демократии. Неофеминистки 60-х потребовали уже не просто дать им право избирать политиков, но впустить женщин во властные структуры (популярный лозунг того времени “Демократия без женщин — не демократия” во французском варианте 1968 года звучал так: “Если женщина имеет право на половину рая, то она имеет право и на половину власти на земле!”)³.

¹ Подробнее см. о соотношении мужского как культурного и женского как природного: Ortner Sh. Is Female to Male as Nature is to Culture? // Rosaldo M.Z., Lamphere L. (ed.) Women, Culture, and Society. Stanford, 1974.

² Friedan B. The Feminine Mystique. New York, 1963; Millet K. Sexual Politics. New York, 1971. Русские переводы: Фридан Б. Загадка женственности. М., 1993; Миллет К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 23-58 (в извлечениях)

³ Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 34.

Однако не все неофеминистки оказались готовыми следовать за Симоной де Бовуар, настаивавшей на том, что нет никакой особой женской сущности, а напротив — существует принципиальное сходство и даже равенство экзистенциального начала в человеке, будь то мужчина или женщина. Впоследствии эти несогласные с “эгалитаристками” (сторонницами и последовательницами С. де Бовуар) сформировали заметное философское направление радикальных неофеминисток, отстаивающих идею “особости” женской субъективности, “назначения” и “призвания” быть женщиной¹. Без утверждения своего особого взгляда на мир, на историю и культуру — считали радикальные неофеминистки — женщины рискуют потерять свою самобытность, раствориться, “исчезнуть” в мужском обществе, ведь “мужчины создали мир для себя” и выстроили его в соответствии с мужскими ценностями, вкусами, предпочтениями².

В споры о том, существует ли особое “женское начало”, особый женский взгляд на мир оказались втянутыми представители всех наук о человеке — генетики, психологи, антропологи, этнологи, философы, историки, социологи, филологи. В 1970 г. во Франции возникло “Движение за освобождение женщины” или MGF (“Mouvement pour la liberation des femmes”), и следом на политической сцене этой страны возникли первые феминистские журналы³. Следом за Францией, а подчас и одновременно с ней, свое место на виртуальной общественной трибуне борьбы за права женщин заняли и американские журналы, в частности «Signs», а также ежеквартальные издания («Feminist Studies», «Women’s Studies Quarterly») и другие⁴.

¹ Ушакова В.К. Общественная роль женщины и идеология неофеминизма. Критический анализ. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1984.

² Осмысление позиций этого направления, настаивающего на существовании ‘женского’ как ‘особого’ см.: Downs L.L. If Woman is Just an Empty Category, Then Why Am I Afraid to Walk Alone At Nights? Identity Politics Meets the Postmodern Subject // Comparative Studies in Society and History. 1993. № 35.

³ Подробнее см.: Kandel L. L’explosion de la presse féministe // Le Debat. 1980. Mai. № 1.

⁴ Perrot M. Making History: Women in France // Rewriting Women’s History. Changing Perceptions of the Role of Women in Politics and Society. Ed. by S.J. Kleinberg. Berg, 1988. Стоит добавить, что журналы со временем получили мощную финансовую поддержку со стороны фонда Форда и специально созданной правительственной организации — Национального Совета по исследованиям женщин.

Взлет неофеминизма оказал огромное влияние на интеллектуальную сферу во всех странах мира. Немалое количество ученых в Европе и США стали избирать объектом своих изысканий женщиной — в семье и на производстве, в системах права и образования, в науке и политике, в литературе и искусстве. Первые спецкурсы по «женской теме» были прочитаны в американских университетах (Вашингтона, Портленда, Ричмонда, Сакраменто) в 1969 г., однако им не очень «везло» с популяризацией этой проблематики. Перелом, как можно судить с высоты событий четвертьвековой давности, наступил тогда, когда исследовательница из Корнелльского университета Шейла Тобиас предложила обобщающее название для таких исследований — *Female Studies*. Возглавленная ею команда преподавателей социальных наук в 1970 г. прочла в указном университете междисциплинарный курс «Женская персональность» (*Female Personality*), на который записалось и сдало зачетный экзамен более 400 студентов. Одновременно, в том же 1970 г., в Университете Сан-Диего была учреждена специальная междисциплинарная программа обучения студентов и та же Ш. Тобиас организовала специальное издание *Female Studies*, которое взялось за публикацию программ курсов, списков литературы и было нацелено на обмен опытом между преподавателями (всего вышло пять томов этого издания, поэтому впоследствии данная инициатива получила наименование «Программы пяти»). И если первый том *Female Studies-I* включал всего 10 программ курсов, то уже опубликованный следом, в самом конце того же 1970 г. сборник *Female Studies-II* — уже 66. 1970 г. был отмечен также созданием в Балтиморе издательства *Feminist Press*, учрежденного Флоренс Хоу и Полом Лоутером¹.

Между адептами нового направления разгорелись споры о названии. Здесь стоит отметить, что на появление *women's studies* как нового направления в гуманитаристике откликнулись прежде всего ученые-феминистки. С точки зрения феминистской теории, нельзя объяснить социальную действительность, не понимая «механизмов» воспроизводства общественного неравенства, основанного на разделении людей по полу. Феминисты считают властные отношения между мужчинами и женщинами одним из решающих организационных принципов общества, а самые последовательные (так сказать, «отъявленные феминистки») — просто самым решающим и даже более важным, чем, скажем, класс. Именно им, уч-

¹ Boxer M.J. For and About Women: The Theory and Practice of Women's Studies in the United States // *Reconstructing the Academy*. Women's Education and Women's Studies. Chicago, 1988.

ным-феминисткам название *Female Studies* показалось слишком биологизированным, и они предложили заменить его на *Feminist Studies*. Но и это название было отвергнуто — на этот раз по причине идеологизированности (поскольку не все желающие примкнуть к новому направлению числили себя феминистками). Не совсем корректным (и даже безграмотным) выглядело и наименование *Women's Studies* — «изучение женщин», вскоре замененное на *Women Studies* — «женские исследования» как исследования любой проблемы, написанные на «женскую тему» и, кстати сказать, чаще всего самими женщинами¹. В 1975 г. Нин Коч (Nynne Koch) сконструировала термин **«феминология»**².

Итогом растущего интереса к проблемам пола, желания ответить на вопрос, есть ли и нет у женщин всего мира коллективное прошлое и настоящее, (возможность сказать «мы», как это могли сказать пролетарии в марксистской схеме), и стала «бархатная», «невидимая», а в известном смысле и поначалу «незамеченная» научная революция. Главным вопросом любой революции, как известно, является вопрос о власти, в данном случае — вопрос о единственности идеи коллективного, общего для обоих полов прошлого и настоящего. И если традиционная наука пыталась настаивать на том, что нет необходимости по отдельности реконструировать «мужское» и «женское» прошлое и настоящее, то сторонницы и сторонники идеи существования особой женской субъективности (позже и здесь наметилась терминологическая поправка — не «субъективности», но «субъектности!»), понятия «женского социального опыта», настаивали на выделении в особое исследовательское поле всего, что связано с женщиной. В российском научном дискурсе «женские исследования», появившись как дисциплина позднее, примерно десятилетие спустя, стали фигурировать под именем *социальной феминологии*. Принято считать, что *социальная феминология* — это *междисциплинарная отрасль научного знания, которая изучает совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцией ее социального статуса и функциональных ролей*³.

¹ Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 153

² Через 10 лет после «корнелльской инициативы», к началу 80-х гг., в университетах мира существовало уже более 500 исследовательских программ и читались десятки, если не сотни курсов. Подробнее см.: Perrot M. Une histoire des femmes est-elle possible? P., 1984. P. 9–15.

³ Хасбулатова О.А. (отв. ред.) Социальная феминология. Иваново, 1998. С. 4.

Поскольку женщины составляют во всех странах по меньшей мере половину населения, постольку «женская тема» (т.е. вопросы, связанные с особенностями семейного, общественно-политического и правового статуса женщин, их психологии, индивидуального и социального поведения) присутствует в исследованиях экономистов и демографов, политологов и юристов, историков и этнографов уже почти полтора века. В свое время само обращение к «женской теме» ученых различных специальностей было спротоцировано первым публичным обсуждением 'женского вопроса', т.е. хронологически вписывается в интеллектуальную, культурную и социально-политическую историю Восточной и Западной Европы, а также США середины прошлого века¹. Однако институционализация социальной феминологии произошла лишь тогда, когда она сумела доказательно заявить о себе как о науке интегративной и показать перспективы своей междисциплинарности. А это произошло лишь к концу 1960-х — середине 1970-х гг., т.е. три десятилетия тому назад.

Вначале «женские исследования», или социальная феминология, напоминали движение без центра, без лидера, без единого стиля и были весьма разнообразны по целям и содержанию². Чтобы избежать иерархизации и добиться большего единения (ведь феминизм настаивает на том, что это идеология равных возможностей!), сторонницы нового направления совместно подписывались на журналы, настаивали на проведении своих занятий в комнатах, где можно поставить стулья в форме круга, практиковали ведение дневников размышлений, при общении использовали только обращение по имени (оставив мужскому сообществу обращение по фамилии), увлекались созданием малых творческих групп и коллективов, небольших совместных проектов, весьма популярными стали у феминисток-преподавательниц и коллективные способы преподавания с участием студентов. Не без участия психологов первые феминологи разрабатывали приемы интерактивности (взаимодействия преподавателя и студентов) — т.к. социальный опыт каждой отдельной женщины-исследовательницы признавался ценным для других.

Не прошло и двух-трех лет, как в среде самих исследователей «женской темы» наметились внутренние разногласия. Прежде все-

¹ Подробнее см.: Stollberg-Rilinger B. *Vlter der Frauengeschichte? Das Geschlecht als historiographische Kategorie im 18. Und 19. Jahrhundert* // *Historische Zeitschrift*. 1996. Bd. 262. S. 39-71.

² Davis N.Z., Scott J.W. *A New Kind of History* // *A History of Women in the West*. V. 1. Pantel P.S. (ed.) *From Ancient Goddesses to Christian Saints*. Harvard, 1994. P. VII-IX.

то они были связаны с невозможностью консенсуса между теми, кто видел в «women's studies» часть женского движения и теми, кто считал их неидеологизированным и неполитизированным именно научным направлением. Кэтрин Стимпсон (Catherine Stimpson) выделила в среде единомышленниц 5 групп исследовательниц — пионеры (кто начал изучение женской темы, когда еще не существовало феминологии), идеологи (пришедшие в нее из женского движения), радикалы (пришедшие из иных политизированных, прежде всего левых, движений и пытающиеся занять свою нишу), присоединившиеся (кто переориентировал свои исследования после их институционализации) и примкнувшие (кто не собирался навсегда связать свою научную судьбу с феминологией, переориентировать исследования, но видел практическую пользу от знаний, приобретаемых в случае контактов, для своей карьеры). Грудности поисков взаимопонимания нашли отражение в статье Ш. Реджистер (Sherry Redguster) «Как открыть курс женских исследований, когда администрация против него, студенты думают, что это слишком трудно, у факультета нет денег, а вы, наверное, слишком стары, чтобы преподавать что-то новое?» (1979)¹. Она показала, что практически каждой исследовательнице «женской темы» придется проходить одни и те же стадии: компенсации (попытки компенсировать недостаток чего-либо, обиду на что-то через обращение к этой теме), критики, сбора доказательных фактов, построения и концептуализации своей позиции.

В 1975 г., объявленном ООН «Всемирным годом женщины», в рамках особой «Декады женщин» (Women's Decade, 1975—1985), гуманитарии впервые задумались о возможности составления долгосрочных координированных международных программ по изучению женской истории. На протяжении этого десятилетия состоялось несколько десятков научных встреч под такими названиями, как «Есть ли у женщин своя история?» (Жутью, Франция, 1974 г.), «Историческая демография и женщина» (Пуатье, Франция, 1979 г.), «Меняющиеся роли мужчин и женщин в частной и общественной жизни» (Афины, 1985 — по инициативе ЮНЕСКО).

Если говорить об «истории женщин» как самостоятельном научном направлении в области исторических наук, то определяющим параметром стоит, вероятно, назвать «синтетичность», объединяющий характер. Ведь история женщин — это и политическая история (история участия или, напротив, исключения, маргинали-

¹ Boxer M.J. *Op. cit.* P.; Сеитова М., Шакирова С. (ред.) *Пол женщины*. Алматы, 2000. С. 120.

зации женщин из процесса управления обществом); и экономическая история (ибо вопросы труда, занятости, предпринимательства, заработной платы и т.п. могут быть рассмотрены и сквозь призму участия или неучастия женщин в той или иной сфере хозяйственной жизни); и история права (история борьбы женщин за равноправие); и история семьи, поскольку «история женщин» охватывает многие области демографической истории; и история культуры и общественной мысли (история меняющихся представлений о месте и роли женщины); и история повседневности, быта и традиций, т.к. женщины были одновременно хранителями их и медиаторами, передававшими их из поколения в поколение. Женскую тему легко вычленишь и в истории религии (история женского монашества, церковных представительств о роли женщины) и многих других направлений исторического исследования.

Короче, нет буквально такой области изучения прошлого, которую нельзя было бы «развернуть» на проблему женщин и их роли. Поэтому многие историки быстро поняли неисчерпаемость темы и принялись интенсивно ее разрабатывать. Конец 1960-х гг. — время рождения «истории женщин» как самостоятельного направления познания прошлого и, одновременно, как части women's studies. Приверженцы феминистской теории из среды философов и социологов изучают опосредованную полом социальную действительность и считают работу по выработке своих теорий происходящей на наших глазах, действующей, текущей в прямом смысле слова. *Феминистки и феминисты, изучающие прошлое, поставили новую задачу. Они принялись изучать изменения этой опосредованной полом действительности «в пространстве» и «во времени» (т.е. с учетом географической, этно-культурной и хронологической составляющей). Предмет исторической феминистки — это «женщины в истории», это история изменений их социального статуса и функциональных ролей, а также — и это очень важно — это «женская история», т.е. история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.*

Если воспользоваться сравнениями и тезаурусом Макса Вебера, то предмет исторической феминистки можно определить и более образно. Развитие цивилизации, по мнению М. Вебера, было ничем иным как «расколдовыванием мира», высвобождением его из-под власти природно-родовых начал, освященных авторитетом церкви. Частью этого «расколдовывания мира» было, с его точки

зрения, и «расколдовывание» отношений между полами, их «очеловечивание», превращение в отношения взаимной ответственности, что — в свою очередь — невозможно без становления женской личности, ее эмансипации. Иными словами, изучая историческую феминологию, мы пускаемся в увлекательный путь «расколдовывания» отношений между мужчинами и женщинами в разные исторические эпохи, отношений, которые заданы, на первый взгляд, самим Богом, Провидением, «естественным» (казалось бы!) делением всего одушевленного на два пола.

2. Пренатальный период и муки родов: предыстория исторической феминологии в западной науке

В большинстве европейских стран изучение «женской истории» шло одним и тем же путем: путем вычленения собственно истории «прекрасного пола» из истории общенациональной. Это сейчас признано, что отдельное, обособленное изучение «истории женщин» без «истории мужчин» невозможно. Тогда же, двадцать лет назад, необходимо было признание темы «истории женщин» как таковой. Поэтому вопрос, который сейчас кажется риторическим — «Есть ли у женщин своя история?» четверть века тому назад звучал вполне конкретно и требовал конкретного ответа¹. О спорности «всеобщности» всем привычной всеобщей истории заговорили практически одновременно исследователи-историки в разных странах².

Первый курс по общей «женской истории» был прочитан в 1966 г. в г. Новый Орлеан (США), в Бернард колледже, когда в Свободном университете Сияэттла уже год как читался спецкурс по политической женской истории³.

¹ Degler C.N. Is There a History of Women? Oxford, 1975. Подробный анализ первых дебатов о том, существует ли женская история, см. в кн.: Perrot M. (ed.) Une histoire des femmes est-elle possible? Paris, 1984.

² Очерк рождения исторической феминологии как вычленения «истории женщин» из общенациональной истории в США описан М.Боксер (Boxer M.J. For and about women: the theory and practice of women's studies in the United States // Reconstructing the Academy. Women's education and women's studies. Chicago, 1988. P. 11-21), в Германии — К.Хаузен (Hausen K. Die Nicht-Einheit der Geschichte als historiographische Herausforderung. Zur historischen Relevanz und Anstößigkeit der Geschlechtergeschichte // Hausen K., Hunt L., Kbhne T. (eds.) Geschlechtergeschichte und Allgemeine Geschichte. Herausforderungen und Perspektiven). Göttingen, 1998. S. 15-57.

³ Подробнее о первых курсах см.: Caroll B.A. (ed.) Liberating Women's History: Theoretical and Critical Essays. Urbana (Ill), 1976.

Традиционная история — почти вся о войнах, революциях и политике с позиции силы — посвятила женщинам мало страниц, потому что немного женщин прославилось в данных видах мужского доминирования. Те же немногие, которых упоминали, были удостоены этой чести за “проявленное мужество” — т.е. когда демонстрировали мужское поведение. Это были, например, женщины, которые вели в бой войска “с мужской храбростью”, правительницы, которые правили страной так, как если бы они были мужчинами. “Женщины оставались незамеченными, потому что казалось, что их опыт, их деятельность, их сфера жизни не представляют исторического интереса”¹. Неслучайно, ранняя “история женщин” или историческая феминология была “историей подавляемых”, “историей жертв истории”².

И все же в середине 1970-х гг. в мировой науке сложился ряд факторов, которые способствовали формированию «женской истории» как особой субдисциплины. Общей социально-политический контекст возникновения исторической феминологии характеризуются теми же параметрами, что и контекст возникновения women's studies вообще (студенческая и сексуальная революция, вторая волна феминизма). Мировая общенаучная парадигма того времени (а мы говорим о конце 1960-х — начале 1970-х гг.) характеризовалась господством теорий социального конструирования реальности и модернизма. Наконец, в исторических науках Европы и Америки также сложилась ситуация, благоприятная для возникновения “women's history” или исторической феминологии как самостоятельного научного направления.

Формированию «женской истории» как особой субдисциплины благоприятствовал, во-первых, интерес к ней тех, кто изучал *проблемы массовых движений*. Немалое количество американских специалистов в области women's studies вышло как раз из исследователей рабочего, крестьянского и иных массовых движений, в которых (в отличие в истории партий и тайных обществ) всегда присутствовали оба пола. В исследовании создания первых женских организаций, в истории феминизма и суфражизма эти специалисты увидели ключ к пониманию острых вопросов современности, а именно: Что следует понимать под пресловутым «угнетением женщин»? Всегда ли оно существовало? Как и когда возникло?

¹ Бок Г. История, история женщин, история полов // THESIS. 1994. № 6. С. 172.

² Farge A. Praxis und Wirkung der Frauengeschichtsschreibung // Corbin A., Farge A., Perrot M. (eds.) Geschlecht und Grschichte... S. 32.

Каковы были причины его появления и каковы тогда формы, методы и пути преодоления неравенства?¹

2. С другой стороны, возникновение «женской истории» было поддержано *медиевистами*. И это тоже не случайно. Возросшие трудности исторического познания (расширение числа источников, диверсификация прежних итогов и результатов), устаревание методов анализа и, в особенности, методологических ориентиров — все это превратило медиевистику и историю раннего Нового времени в «испытательный полигон» новейших аналитических экспериментов.

Именно медиевисты и специалисты по ранней истории Нового времени первыми предложили преодолеть упрощенный, событийно-политизированный подход к освещению исторического прошлого. Именно они обратили внимание на Человека как субъекта истории, на те внутренние взаимосвязи между разнообразными сферами его социальной деятельности, которые обеспечивали развитие общества, его целостность и неповторимость на каждом временном этапе. Здесь трудно не вспомнить роль французской школы Анналов в совершении поворота исторической науки к антропологически-ориентированной истории.

3. Немалую роль в выделении “истории женщин” как самостоятельного направления сыграла институционализация так называемой “*новой социальной истории*”, объединившей, по сути дела, все аспекты повседневной жизни людей прошлого, не сводимые к “чистой” экономике, дипломатии, событийной военной или политической истории.

Несмотря на некоторую проблематичность дефиниции (казалось бы, вся история — социальная), термин “новая социальная история” прижился и оказался очень жизнеспособным, прежде всего оттого, что была тесно связана с актуальными проблемами современности. Несмотря на кажущуюся отдаленность от текущей политики, “социальная история” оказалась, тем не менее, открыто политизированным направлением исторического знания. И причино этого в том, что изучение проявлений религиозного и национального гнета, дискриминации по половому признаку или по сексуальным предпочтениям раскрывало с новых, неизвестных до того сторон механизм идеологической власти над индивидом, что

¹ Любопытно, что данное наблюдение четко сформулировано в одном из наиболее значимых исследований не феминности, а маскулинности. См.: Hearn J., Morgan D. (eds.) Men, Maskulinites and Social Theory. London, 1990. P. 2–3.

невольно приводило исследователей к требованию изменить существующий порядок.

“Новая социальная история” приютила под своим «крылом» целый ряд субдисциплин. “История труда” стала изучаться социальным историком иначе, чем историком экономики, то же можно сказать и об “аграрной”, и о “рабочей”, и о “городской истории”. Самостоятельной и самоценной частью “социальной истории” стала историческая демография (отнюдь не сразу сумевшая преодолеть патриархальное видение истории)¹, “история повседневности” индивидов и социальных групп, “история детства”, “история сексуальности”, “старости” и, скажем, “вдовства” т.д. Без «истории женщин» здесь было, конечно, не обойтись.

4. Огромное значение имело и резко возросшее значение исторической антропологии, позволившее выделиться в отдельной направленности исторического знания (и, разумеется, социальной истории) “истории частной жизни” и “истории повседневности”, став дополнением к той, традиционной истории, к которой все призывали за много веков. Ведь женщины, наряду с мужчинами, были “централами”, а не маргиналами, вместе с мужчинами они сохраняли культурную память, традиции, связь поколений. Однако с появлением письменности и стремления записать важные события отбор фактов по их важности стал делаться мужчинами, а они записывали то, что в истории делалось ими же и что именно они находили важным в своем социальном опыте. Опыт женщин оставался незаписанным и недооцененным. А жизнь женщин как раз и была связана с повседневным бытом и эмоциональными отношениями в семье и вне ее.

История повседневности и частной жизни сделала предметом изучения — в отличие от традиционной этнографии — не просто вещи, не только материальные формы существования человека, но “обычай, формы и практики” повседневного быта², прежде всего — отношения людей и вещей, людей — к вещам и явлениям повседневности, социальный и семейный «облик человека», формирующийся в зависимости от форм его деятельности и самовыражения. История частной жизни близка “микро-истории” отдельных людей

1 О взаимосвязи процессов возникновения “истории женщин” и нового рождения исторической демографии в 1960-е гг. см.: Farge A., Klapisch-Zuber C. (ed.) *Madame ou Mademoiselle? Itérimaire de la solitude féminine XVIIIe-XXe siècles*. Paris, 1984.

2 Подробнее об истории частной жизни и истории повседневности см.: *Revue de Synthèse?* 111-112: Juli – December 1983 (“Sciences et Mentalités”) — сообщения Ж. Ревеля, Р. Шартье, Ж. Рожера.

и локальной истории (противопоставивших себя господствовавшей в науке десятилетиями “макро-истории”, т.е. истории крупных социальных движений и политических катаклизмов, процессов большой длительности, так называемого *longue durée* и т.д.). Тематизация и проблематизация “истории частной жизни” в начале 1970-х — 1980-е гг. совпала с появлением и развитием в системе психологических наук интереса к “особенному”, “относительному”, “временному”, “обусловленному” (в то время как в недалеком прошлом предлагала всегда от этого абстрагироваться).

История в очередной раз сблизилась с психологией, и этот союз оказался исключительно успешным, в том числе и для “женских исследований”.

5. К середине 1980-х гг., когда социальная история уступила пальму первенства *истории культурной и интеллектуальной* (в известном смысле близкой т.н. культурно-исторической антропологии, возникшей на рубеже веков), в центре внимания специалистов оказалось изучение изменений социальных и культурных категорий. Особое значение для них приобрела историческая и социальная психология, возникла т.н. “психоистория”, история чувств (эмоций), в научный оборот оказался “брошен” новый термин «история ментальностей». То есть интерес исследователей прошлого оказался обращенным к образу мира, заложенному культурой в сознание людей и преобразующемуся вне контроля их сознания. Так возник интерес к изучению поведенческого модуля человека, к реконструкции истории языковых и знаковых символов различных культур, к истории представлений и образов (иматологии).

«История ментальностей» неизбежно подвела исследователей к выводу о необходимости изучения «женской истории» как такой научной проблемы, которая приближает к пониманию общего и особенного, социального и индивидуального, сходного и отличного в эволюции духовного мира мужчин и женщин. Новые подходы к историческому знанию убедили к тому же, что «женская история» не только событийна, но и, как правило, аффективна, т.е. почти всегда предполагает не только перечисление фактов, но и драматизацию прошлого, и, следовательно, состоит не только из цели событий, но и связанных с ними переживаний, рефлексий. И интерес к такой “нескучной”, эмоционально-окрашенной истории рос с огромной быстротой.

Однако было бы наивно представлять себе рождение нового направления в виде умиленной картины всеобщего признания и аплодисментов в адрес ее первых адептов. “Женская история”, или историческая феминология, были принята мировым научным

сообществом, конечно же, далеко не сразу. Идея реконструкции прошлого сквозь призму женского взгляда на мир воспринималась с огромной долей скепсиса. Попытки придать нео-феминистскому сознанию историческую ретроспективу, создать некие «сексуально-детерминированные» исследования вызвали у ученых-традиционалистов в лучшем случае ироническую усмешку. Тем более, что первые феминологи не устали твердить, что «ключом к пониманию женской истории является принятие того факта, пусть и болезненное принятие, что это — *история большинства человечества*», — именно так писала Герда Лернер в своей книге «Большинство находит свое прошлое: Помещая женщин в историю»¹.

По крайней мере 10 лет эта «история большинства человечества», т.е. «женская история», существовала непризнаваемая мировым научным сообществом. Это предопределило возникновение духа кастовости университетских и иных научных объединений, ставивших целью изучение женской темы. К концу 1970-х гг. их сторонницы образовали некую евро-американскую субкультуру, что-то вроде «сестринства ученых-историков», со свойственными женщинам взаимоподдержкой, частыми встречами единомышленниц и оживленной перепиской.

Большую роль в популяризации «женской темы» сыграла периодическая научная печать². Здесь особое место принадлежит образованной еще в 1930–1940-е гг. на основе шестой секции «Высшей Школы Социальных исследований» в Париже Школе Анналов (Л. Февр, М. Блох и их коллети) с известным ныне периодическим изданием «*Annales: Economies, Societes, Civilisations*» (*Annales E.S.C.*). Вплоть до настоящего времени «*Annales E.S.C.*» остаются одним из ведущих журналов, публикующих статьи по истории женщин. Идею сторонников и продолжателей «школы Анналов» подхватили создатели английского журнала «*Past and Present*» (основан в 1952 г.). Позже, к 1960–1970-м гг. к ним присоединились другие западноевропейские, прежде всего австрийские (журнал «*L'Homme*») и скандинавские исследователи социальной истории, до этого уделявшие мало внимания истории полов, сексуальности, исторической демографии, социальной антропологии — т.е. тем отраслям исторической науки, которые традиционно питают феминистскую историографию. В 1975 г. возник журнал «*Geschichte und Gesellschaft*» в Западной Германии, который и поныне объединяет единомышленников, интересующихся в первую очередь историей Человека и публикующий статьи по истории женщин.

¹ Цит. по: Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. Longman, 1986. P. 147. ...

² Kandel L. L'explosion de la presse féministe // Le Debat. 1980, Mai.

В 1989 г. на XVII Конгрессе исторических наук приверженцы «женской истории» создали собственную организацию — International Federation for Research in Women's History. После своей первой конференции в Беллажио (Италия) в 1989 г. и первого международного конгресса в 1990 г. в МФИИЖ зарегистрировалось более трех десятков стран, где ведутся научные разработки в этой области. СССР, который в 1989 г. еще существовал, не мог войти в эту организацию на полных правах (в связи с отсутствием в СССР Центра по изучению женской истории, а Федерацией признается только коллективное членство), но вошел в нее в качестве наблюдателя. МФИИЖ финансируется фондом Рокфеллера. Во главе ее стоит организационный Совет, переизбираемый каждые четыре года. Ведущую роль в нем до августа 2000 г., когда на конгрессе историков в Осло состоялось переизбрание руководства, играли Карен Оффен, Ида Блом, Натали Земон Дэвис и некоторые другие видные западноевропейские и американские историки. Результаты первых встреч исследователей-феминологов и их дискуссии опубликованы в коллективной работе «Создавая историю женщин. Международные перспективы», изданной под редакцией Карен Оффен, Рут Пирсон и Джейн Рендалл в 1991¹.

Значило ли это, что «женская тема» стала равноправным историческим направлением, признанным мировым научным сообществом? И да, и нет. «Да» — поскольку с середины 1980-х гг. практически во всех странах наблюдается «мода» на женскую проблематику, и практически все крупные научные журналы, в том числе и исторические, решили следовать ей и подготовили тематические номера, в которых была сделана подборка статей по исторической феминологии². «Нет» — потому что тема все-таки оставалась маргинальной, не влияющей ни на структуру аргументации тех или иных исследователей, не изучающих специально «женскую тему», ни на общее строение важнейших обобщающих работ по истории разных стран, ни на итоговые выводы.

3. Основные направления исторической феминологии на Западе

Если мы попытаемся оценить объем научной литературы, созданной к настоящему времени по истории женщин, то в глаза

¹ Writing Women's History. International Perspectives. Ed. by K. Offen, R. Pierson, J. Rendall. Bloomington (Ind.), 1991.

² Так, например, первыми были: «*Revue historique*» (1984, № 1), «*The American Historical Review*» (1984, № 6 (June)), «*XVIIIth Century*» (1984, June-September). В дальнейшем число таких тематических номеров стало расти в геометрической прогрессии.

бросится прежде всего его колоссальный размах. При этом даже неспециалисту становится заметной неравномерность освещения тех или иных эпох в этой общей, воссоздаваемой коллективно, «женской истории». Если судить по трехтомной библиографии раббот по «истории женщин», подготовленной Джей Фрей и организованным ею коллективом авторов из США и охватывающей историографическую ситуацию до 1982¹, то больше всего «повезло», во-первых, периоду средневековья; во-вторых, середине и второй половине XIX — началу XX столетия — истории зарождения и развития женского движения, феминизма. В-третьих, немало написано и пишется о современности, поскольку социологи и демографы уже давно почувствовали важность женской темы в изучении проблем сегодняшнего дня и подчас трудно понять, чьей рукой написано то или иное исследование историка, этнолога или же социолога.

Что же касается проблематики, то как в исследованиях отдельных эпох, так и в работах, написанных на основании материалов новейшего времени, историками-феминологами анализируются, в общем-то, одни и те же вопросы, которые условно можно объединить в четыре основные темы: «Работа», «Семья», «Политика» (общественно-политическая жизнь) и «Культура» (в том числе идеология). Чтобы очертить в целом результаты исследований специалистов по «истории женщин» по этим четырем главным, а также многим частным направлениям стоит представить себе процесс появления самой «историко-феминологической» проблематики. Он достаточно поучителен, т.к. может помочь найти аналогии в нашей историографической ситуации, достигнуть необходимого уровня исследований в этой области, минуя многие «скрытые рифы» и «подводные камни» этой темы.

Прежде всего, обратим внимание на то, что — как ни настаивали специалисты по истории женщин на «полноправии» женской темы в любом обобщающем труде по истории страны или группы стран (например, Европы) — абсолютное большинство создателей таких трудов мало прислушивалось к ним тогда и далеко не всегда слышит их сейчас, четверть века спустя. Многообразные «Истории Европы» и «Истории Америки», истории отдельных стран практически до начала 1990-х гг. строились по старым структурным принципам (история экономики, история политики, история культуры, в последнее время добавилась демографическая история). И только в американских, чуть позже — во французских и германских учебниках появились «главки» или просто интерполяции (вставки), упоминающие об особенностях «истории женщин», не-

совпадениях в хронологии тех или иных процессов (истории женщин и общей истории страны или региона).

«Женская тема» очень медленно и постепенно обрела права в сравнительно-исторических исследованиях по социальной, политической и культурной истории Западной и Восточной Европы. Без всякого допущения можно сказать, что в мировой историографии нет пока ни одной работы, в которой бы велся параллельный, сопоставительный анализ женской истории, скажем, в Европе и странах других континентов (Южной Америке, Азии), хотя попытки создания обобщающих трудов, осмысляющих историю женщин в очень широком территориальном и хронологическом масштабе на Западе предпринимались. Среди них — такие монографии и сборники очерков как книга, выпущенная под редакцией Гроаг Белл «Женщины. От Греков до Французской революции»; трехтомник, изданный под редакцией австрийских исследовательниц Аннеты Кюн и Джейн Рюссен «Женщины в истории», а также ярко и интересно написанная французками Альбистор и Армогагэ «История феминизма».

Оттолкнувшись от расхожего умозаключения о том, что женщины, как правило, имеют свой взгляд на происходящие вокруг них события и явления и свои ценности, авторы работ по «истории женщин» довольно убедительно доказали, что это утверждение верно и для успешных эпох. Здесь трудно обойти вниманием книгу двух американских исследовательниц — Р. Брайденталь и К. Кунз «Becoming Visible. Women in European History» (т.е. «Становясь видимыми: Женщины в Европейской истории»), вышедшую в свет в Бостоне в 1977¹. Авторы этого сборника статей были первыми, кто поставил задачу «сделать видимыми» безвестных страниц мировой истории, вернуть их на ее сценические подмостки. Важнейшим итогом деятельности тех, кто возвращал истории голоса и образы былых когда-то «незаметными», «неслышимыми» и «невидимыми» дочерей, жен, вдов, матерей, был вывод исследователей-медиевистов о том, что в эпоху средневековья правовой, семейной, а зачастую и социальной статус женщины был мало отличим от статуса мужчины, во всяком случае, наряду со сферами «мужского господства» (дом, политика) всегда существовали области «господства женщин» (дом, семья, хозяйство), имевшие в то время не меньшее значение.

Так или иначе, первые из историков-феминологов, принадлежавшие французской и англоязычной историографии, старались показать в своих трудах присутствие **постепенного прогресса**, «нарастания положительных достижений» в истории женщин. К сто-

¹ Bridenthal R., Koonz C. (eds.) *Becoming Visible: Women in European History*. Boston, 1977.

¹ Frey J. and others (Eds.) *Women in Western European History*. London, 1982.

ронникам концепции “прогресса” относится, пожалуй, подавляющее большинство современных западных историков-феминологов. Они составляют **первое и важнейшее идейное направление в современном изучении мировой «истории женщин»**¹.

“Делая видимыми” представительниц прекрасного пола во всех исторических эпохах, исследовательницы-феминологи “подняли” темы женского участия в политической борьбе и структурах власти, в религиозных движениях и церковных объединениях, а через анализ женского домашнего труда — в экономической жизни общества².

И все же практически с самого начала существования исторической феминологии среди историков на Западе было немало сторонников релятивистских концепций, сомневавшихся даже не столько в возможности эволюировать процессы женской истории, сколько вообще в возможности реконструкции и познания исторической реальности как таковой. Какой была *реальная жизнь и реальное положение* женщин в давно прошедшие эпохи — поскольку это уже “утраченная реальность”, не обеспеченная к тому же (если, скажем, речь идет о средневековье, достаточным количеством репрезентативных источников) — нам узнать уже не дано, считали они. Был ли видимый, *реальный* прогресс в истории изменений социального, семейного, правового статуса женщин — вопрос очень спорный, считали они. Как писал редактор книги «Подчиненный пол» В. Булло, «Чем больше что-то меняется, тем больше остается по-прежнему» (The more things change, the more they remain the same“).

В книге говорилось о том, что «женщины никогда не были доволны отведенной им ролью, но редко когда их попытки и усилия изменить положение вещей оканчивались реальным результатом». Так что В. Булло и сторонники схожих взглядов еще тогда, в 1970-е гг., предложили отказаться от попыток реконструировать саму «женскую историю», а обратиться к истории **меняющихся**

1 Grogan Bell S. Women: From the Greeks to the French Revolution. Belmont (Calif.), 1973; Albistur M., Armogathe D. Histoire du feminisme francais. Du Moyen Age a nos jours. Paris, 1977. V.1—2; Kinneer M. Daughters of Time. Women in the Western Tradition. Ann Arbor, 1982; Crowford P.(ed.) Exploring Women's Past. Boston, 1983; Lowe M. Hubbard R. Woman's Nature: Rationalisations of Inequality. New York, 1983; Kühn A., Rösen J. (Eds.) Frauen in der Geschichte. Bd. I-III. Düsseldorf, 1983.

2 Wiesner M. Women and Gender in Early Modern Europe. Cambridge, 1993 и Hufton O. The Prospect Before Her: a History of Women in Western Europe 1500-1800. London, 1995.

представлений о женщинах, их месте и роли в обществе¹. Это — **второе направление в исследованиях «истории женщин»**.

Пожалуй, самые интересные и нестандартно, увлекательно написанные работы по истории женщин как раз принадлежат к этому направлению. У истоков его, помимо В. Булло, стоит обзорная «История женщин», принадлежащая перу Мари Пьетр. Разделив свой труд на три части: «Мать» (история женщин в Древнем мире), «Супруга” (история женщин в Средние века) и «Личность» (Новое время), она постаралась отразить главные социальные и правовые трансформации, показав, впрочем, их сложность и неоднозначность² — как раз сквозь призму меняющихся взглядов на женщину и ее социальную роль.

Вне сомнения, Пьетр тоже была, так сказать, “прогрессисткой”, но, к примеру, говоря о XVI в. и влиянии Ренессанса на социальный статус женщин, исследовательница увидела «два лица» той эпохи. С одной стороны — «возникновение вопроса об освобождении и рабстве женщин», с другой — «ограничение их одной только домашней жизнью». С одной стороны — открытие путей к интеллектуальному совершенствованию, с другой — превращение мира науки и техники в область безусловного мужского преобладания. С одной стороны — преодоление «женоненавистнических» постулатов католицизма, а с другой — «затвердение» законодательства, «закрепляющего непоправимое женщин». В неоднозначности подхода к истории XVI в. в общей истории женщин была большая заслуга автора.

Но, конечно, самой яркой и заметной фигурой разбираемого нами направления и, одновременно, одним из пионеров изучения истории женщин в связи с анализом истории ментальности, повседневной жизни и истории семейных отношений в Западной Европе Нового времени является профессор Принстонского университета (США), член многочисленных международных исторических ассоциаций Натали Земон Дэвис. В свое время ее книга «Возращение Мартина Герра», являющаяся образцом сочетания научного анализа и знания средневековых источников с живостью и популярностью изложения, произвела буквально переворот в западноевропейской историографии³. Она породила целую массу направлений и тем исследований, и по сей день ее регулярно цити-

1 Bullough V.L. The Subordinate Sex. A History of Attitudes Towards Women. Urbana-Chicago-London, 1973.

2 Piettre M. La condition feminine a travers les ages. P., 1974.

3 Davis N.Z. The Return of Martin Guerre.Oxford, 1976; Eadem. A Trade Union in Sixteenth Century France // Economical-Historical Review. 2-nd ser. Bd. XIX. N.Y., 1966.

руют современные авторы. То же можно сказать и о статьях, написанных ею, поскольку они содержат неизменно не только новый материал, но и постановку новых вопросов, новых тем, в т.ч. и по интересующей нас проблеме.

Для определения особого места исследований Н.З. Дэвис в ряду публикаций по истории женщин Западной Европы представляются особенно важными несколько монографий, написанных ею с интервалом в полтора десятилетия. Одна из них («Общество и культура во Франции раннего Нового времени» — 1975 г.) ставила целью проследить традиции и новации, в т.ч. в отношениях между полами. В центре внимания автора оказались французские горожанки — их жизнь, их помыслы, уровень их образованности, занятость важнейшими делами (т.е. работой, их профессиональное мастерство). «Анализ так называемого «сексуального символизма», — полагала Н.З. Дэвис, — находится в тесной связи с понятиями превосходства и подчинения, на которых зиждется политика, основано право, и потому изучение процесса распределения власти и допустимых возможностей в семье позволяет приблизиться к пониманию этих процессов в политической жизни, в частности, раннего Нового времени»¹.

Восстанавливая «историческую справедливость в отношении женщин», феминологи, реконструируяшие не столько саму ушедшую реальность, сколько *представления* о женщинах и их социальной роли, убеждали, что «безмолвными и «незаметными» статистками мировой истории женщины стали не сами по себе, а благодаря их современникам-мужчинам. В своей знаменитой статье «Женщины на вершине» Натали Земон Дэвис — убежденная и открытая феминистка — писала, что «именно мужчины в силу предопределенности взглядов системной ценности, в которых главными являются карьера, самореализация в политике и в военном деле, «не пускали» женщин на убористые столбы хроник, практически «забывали» о них при составлении правовых кодексов и намеренно отодвигали их на второй план при создании композиций книжных миниатюр, икон и фресок². Но женщины сопротивлялись этой навязываемой им роли —

¹ Davis N.Z. The Reasons of Misrule: Jouth Groups and Charivaris in Sixteenth Century France // Past and Present. Oxford, 1971. № 50. P. 41–76; Eadem. Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975; Eadem. Frauen und Gesellschaft am Beginn der Neuzeit. Studien über Familie, Religion und die Wandlungsfähigkeit des sozialen Klupfers. Frankfurt am Main, 1989.

² Davis N.Z. Women on Top // Davis N.Z. (ed.) Society and Culture in Early Modern France. London, 1975.

сопротивлялись всегда... Таким образом, вскрытая историками-феминологами роль женщин в интеллектуальных трансформациях социума, в т.ч. и особенно в рождении идеологии феминизма в XVI—XVII вв., предстала очевидной и несомненной.

Среди обобщающих работ, в которых анализировались меняющиеся *представления* о женщинах, стоит отметить вышедший в 1988 г. двухтомный труд «История их самих. Женщины в Европе от доисторических времен до настоящего времени». Его авторами являются преподавательницы Колумбийского университета в Нью-Йорке — Б.С. Андерсон и Ю.П. Цинссер, феминистки, члены Координационного комитета женщин-историков².

Рассмотрев в своем двухтомнике социальный статус женщин разных социальных страт (отсюда и названия глав: «женщины в деревне», «женщины в городе», «женщины в замке и поместье», «женщины в церкви», «женщины на фабрике», «женщины на бирже»), хронологически проследив изменение роли женщин в истории начиная с IX до XX столетия, авторы доказали, что периодизация историй женщин имеет собственную внутреннюю основу, а она сама — собственный внутренний регулирующий механизм. В частности, они первыми посчитали, что видеть в начале Нового времени, в XVI—XVII вв. какую-то «переломность» вряд ли верно.

Б.С. Андерсон и Ю.П. Цинссер писали о том, что у женщин в Европе «не было Ренессанса — во всяком случае во времен Ренессанса», что «века от Ренессанса до Просвещения открыли много новых возможностей», но «лишь для мужчин», что именно в XVI—XVII вв. не только церковными, но и светскими идеологами стал проповедываться идеал женщины — «ангела дома» — как идеал для женщин «всех классов и во всех обстоятельствах». Именно тогда, в XVI в., считали они, женщины были лишены «прежних прав

¹ «Женщины в эпоху Реформации и Контрреформации были одновременно и освобождены, и закрепощены... С точки зрения закрепления стереотипов, касающихся поведения женщин, возможности выбора модели поведения они были ограничены. С точки же зрения новых условий для духовной самореализации в условиях сильнейших идеологических потрясений они получили свободу, не меньшую, чем мужчины» (Women in Reformation and Counter-Reformation Europe. Public and Private Worlds. Ed. by Sh.Marshall. Bloomington and Indianapolis, 1989. P. 207) Подробнее о возникновении идеологии феминизма в XVI—XVII вв. см.: Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996. С. 20–21.

² Anderson B.S., Zinsser J.P. A History of Their Own. Women in Europe from Prehistory to the Present. New York, 1988.

на контроль их имущества», именно тогда подтвержден «основной авторитет мужчины в семье», отвергнуты «все попытки женщин самостоятельно регулировать число деторождений», «забыт за ненадобностью» вопрос о высшем образовании для женщин и получения ими квалифицированного профессионального обучения. Доказывая это, авторы книги опирались на исторические реалии эпохи Ренессанса и Реформации, подчеркивая кардинальные перемены в области менталитета и духовной жизни общества стран Западной Европы. Лейтмотивом книги американских феминисток стало доказательство тезиса о том, что во все времена в отношении женщин в обществе идеология, право, вся государственная система традицион-но «восхваляли, сохраняли, поддерживали и, в случае необходимости, восстанавливали субординацию, а не равенство в качестве идеала». К концу XVII в. авторы отнесли победу над женщиной «героя истории» — мужа, отца, «обеспечителя» (provider), «патриарха». При всей ироничности изложения проблемы, в конечном счете, несомненным и правильным является вывод Андерсон и Цинссер о том, что «какие бы различия не определяли социальный статус женщин разных классов, в разные эпохи и в разных странах, общим было их неравенство, дискриминация и маргинализация, коренившиеся в их принадлежности к женскому полу».

От работы Андерсон и Цинссер, отрицавших «прогрессивность» эпохи Ренессанса в женской истории Европы, логично перейти к характеристике **третьего направления в изучении «истории женщин»**. Так, сопоставляя французскую и англоязычную литературу с германской и анализируя последнюю (*германскую* историографию конца 1970—1980-х гг.), легко заметить, что у тамошних исследователей выработался собственный подход к изучению истории женщин, который можно было бы назвать **скептическим** и **даже гиперкритическим**. Если английские и французские исследовательницы в очень многих случаях старались выявить, вычленив каждое малейшее позитивное изменение в «истории женщин», то германские историки (среди них — на удивление много историков-мужчин, хотя женщин все равно больше!) не склонны были подвергать пересмотру точку зрения, утвердившуюся в их литературе еще в начале XX в.

Статус всех женщин во все эпохи оценивался ими в целом как «непривилегированный», возможности самореализации женщин как «узкие», явления самостоятельной хозяйственной деятельности как «чрезвычайно редкие». Само европейское общество, по замечанию одного из специалистов германской исторической феминологии К.Й. Лоренцен-Шмидта, «всегда было и остается общес-

твом господства мужчин»¹. Искать свидетельства прогрессивных изменений — дело, конечно, благородное, однако вплоть до событий XX столетия исследователю вряд ли удастся доказать, что те или иные социальные изменения принесли женщинам более «добра», чем «зла».

В последнее время в германской историографии под влиянием общен historiографической ситуации и усиления влияния феминистки настроенных исследователей скептицизм в отношении «женской истории» и ее прогрессивности явно смягчился. А те, кто стойко устоял на старых позициях, ушел из исследованных собственно «женской истории» в изучение «истории полов» (Geschlechtergeschichte), которую можно считать формой «gender history».

И все же указанные три подхода к теме [(1) поиски позитивной динамики; (2) отрицание таковой, по крайней мере — до начала Новейшего времени; (3) отказ от попыток реконструкции самой «истории женщин» и замена ее «историей представлений о женщинах»] сохраняют свое значение даже в самой новейшей историографии исторической феминологии.

К началу 1980-х гг. число исследователей, увлеченных идеей изменить представления о прошлом и «вписать» в него женщин, «выведа на свет из тьмы историй», стремительно выросло и продолжало расти в геометрической прогрессии. Среди соген книг и статей, выпущенных на Западе в 1970-е — начале 1980-х гг., были и конкретно-исторические, и общетеоретические, интерпретирующие. Рост числа работ по «женской истории», можно сказать, консолидировал знание, производимое женщинами. Вначале в США, а затем во многих странах Европы произошла институционализация женских исследований: возникли исследовательские проекты, группы и лаборатории, прямо заявлявшие, что их целью является изучение «истории женщин» как комплексной, междисциплинарной научной проблемы. Попытки представить «историю женщин» как проблему многогранную, сложную, вызывающую много дискуссий и несогласий завершились изданием живо написанной и великолепно изданной с полиграфической точки зрения (уникальные иллюстрации) капитального (шеститомного) издания по истории европейских женщин — «Истории Женщин на Западе». Идея и реализация ее принадлежали патриарху французской социальной истории Жоржу Дюби и главе феминистского направления

¹ Lorenzen-Schmidt K.-J. Zur Stellung der Frauen in der frühneuzeitlichen Stadtgesellschaft Schleswigs und Holsteins // Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 1. Köln-Wien, 1979.

во французской историографии Мишель Перро¹. Во введении к изданию его редакторы отмечали, что их цель — обобщить результаты конкретных исследований, проведенных специалистами разных стран и написать эту «историю женщин» так, чтобы быть услышанными представителями “традиционной” (читай: старой) науки.

Оценивая историю женщин Западной Европы за более чем 10 веков, авторский коллектив склонялся к мысли о том, что собранный в этом труде материал сможет «разбить» старое мнение, согласно которому женщина всегда была «угнетена, а мужчина ее подавлял». Реальность и древности, и средневековья, и последующего времени была, как им думалось, «сложнее»: «Пропасть между социально-правовым статусом мужчин и женщин сохранилась, — писали они, подразумеваемая сохранение этой «пропасти» и сейчас, — но было и много «пространств», где женщины объективно становились субъектами (а не объектами) истории».

Нельзя сказать, что все выпуски этого труда построены по одному принципу, хотя, пожалуй, в основе деления на тома лежит старый, добрый хронологический принцип (античность, средневековье, начало Нового времени, Новое время или Индустриальная эра, Новейшее время). В то же время, каждый том является в определенной степени авторским в смысле построения и структуры.

Целью авторов всех томов и каждого в отдельности была, как они неоднократно подчеркивали и заявляли, не оценка статуса женщин (высокий/низкий, свободный/приниженный), а стремление «показать манеру жить и действовать». Безусловно, новым для издания такого рода и плана была признана попытка оценить роль представлений о «женской красоте» и «идеальной внешности» в формировании общих этических установок. Выделение этого аспекта «женской истории» на второе после «труда и работы» место, роль этих факторов как побудительного мотива и отражения приобщения женщин к политическим интригам — все это казалось пятнадцатилетнему назад буквально «революционной постановкой вопроса». Замечу и устойчивое членение томов на две части. Первая излагала, как правило, «реальное» положение женщины в семье и обществе, а вторая — раскрывала «идеальный» или “ментальный” образ этого социального статуса — представление о женщине в литературе, театре, искусстве, во взглядах современников.

Шеститомник “История женщин на Западе” оказался одной из самых раскупаемых и переводимых книг (увы, на русском языке

¹ Histoire des femmes en Occident. Sous la direction de G.Duby et M.Perrot. V. I—VI. Paris, 1985—1991.

он так и не вышел). Он подтвердил тот факт, что к концу 1980-х — началу 1990-х гг. желание и, главное, умение историков-феминологов, скажем так, “разговаривать” с бывшими когда-то молчаливыми свидетельницами исторических катаклизмов не осталось незамеченным. Энтузиастки-первопроходчицы перелопатили сотни архивных дел, находя источники, проливающие свет на положение женщин в разные эпохи; они описывали отдельные судьбы и анализировали опыт женских общностей (например, в монастырях и первых женских союзах), старались пересмотреть в свете новых данных даже то, что устоялось, казалось, чуть ли навеки (прежде всего, хронологию).

Все это сделало возможным осуществить самый настоящий переворот в представлениях о прошлом. Не случайно сторонницы нового направления чаще всего говорили о желании преодолеть безусловное господство «старой истории» и “переписать ее” (некоторые исследования имели именно такой подзаголовок, как например, сборник статей под редакцией Сэры Клайнберг (S. Kleinberg. “Rewriting Women’s History: Changing Perceptions of the Role of Women in Politics and Society”. Berg, 1988). По остроумному наблюдению англичанки Э. Дэвин стремление феминологов обособиться довольно быстро дошло до готовности заменить «общепутреваемый термин »history” (который феминистки прочитывали как «his-story», дословно: «его история», «история мужчины») новым термином, характеризующим новый подход к изучению прошлого, а именно термином «her-story» (т.е. «её история», «история женщины»)¹.

Но что значило тогда “переписать историю”? Одни говорили, что нужно прежде всего “добавить в историю женские имена”. Другие — настаивали на необходимости решения более сложной задачи: о необходимости *взглянуть на историческое прошлое глазами женщин*, “добавить женский опыт”, исходя из ценностей, которые дороги женщинам. И в этом случае “позволительно было бы задаться вопросом: течет ли время для женской половины человечества в том же ритме, как и для мужчин, и воспринимается ли оно таким же образом?”² — т.е. *поставить вопрос о совпадении хронологических вех* общей (всеобщей) истории и “истории женской”.

¹ Davin A. Redressing the Balance or Transforming the Art? The British Experience// Rewriting Women’s History. Ed.by S.J.Kleinberg. Berg, 1988.

² Albitur M., Armogathe D. Histoire du féminisme français. Du Moyen Age a nos jours. Paris, 1977. V. 1—2.

4. Что достигла «историческая феминология» на Западе

Прежде чем подвести итоги развития исторической хронологии, попытаемся начертить общую хронологию развития женских исследований в западной гуманитаристике и вписать в нее женские исследования в истории.

Не будет преувеличением сказать, что историческая феминология прошла те же этапы развития и институционализации, что и женские исследования в целом, практически — без задержек и опозданий.

Конец 1960-х — начало 1970-х гг. — этап признания “невидимости” женщин в истории и сексистской однобокости наших знаний о прошлом (если этот этап К. Макинтош назвала “womanless sociology”, то мы по аналогии можем назвать “womanless history”)¹.

Начало 1970-х — середина 1970-х гг. — этап комплементарного развития, стремление создать новые исследования, в т.ч. анализирующие прошлое, дополнив их именами ранее “потерянных” женщин, дать им право голоса, оживить этих “слящих красавиц” знаниями об их повседневности, системе ценностей, радостях и печалях. При этом “мужская история” все еще воспринимается как основа, к которой добавляются “голоса женщин”, мужские ценности воспринимаются как норма, а женские — как необычное, выходящее за рамки нормы, как отклонение².

Середина 1970-х — конец 1970-х — этап приближения истории и феминистской идеологии, принятия историками феминистской идеи восприятия женщин как подчиненной группы, рассмотрение их в качестве “проблемы, аномалии или отсутствия” (М. Шустер и С. Ван Дайн³). Следствием перехода исследований на этот этап были призывы переопределить понятия (например, “эпоха Ренессанса — это эпоха прогресса”), а вместе с ними парадигмы и методы, отказавшись от восприятия мужских основ периодизации истории, старых приемов выявления главных (история государства и права, дипломатии, войн) и неглавных, маргинальных тем (к ним традиционно относили историю быта, фольклора, биографическую историю). Однако, несмотря на сближение исторического анализа с феминистской парадигмой, исключающей рассмотрение

¹ Цит. по: Andersen M. Changing the Curriculum in Higher Education // Reconstructing the Academy. Women's Education and Women's Studies. Chicago, 1988. P. 120.

² Duby G., Perrot M. Writing the History of Women // A History of Women in the West. Ed. by G.Duby et M.Perrot. V. I. Harvard, 1994. P. XII.

³ Цит по: Andersen M. Op. cit. P. 121.

женщины как “жертвы”, историческая феминология все еще была “историей женских страданий”¹.

С начала 1980-х — по настоящее время — попытки изучать женщин в истории и историю женщин, опираясь на понятия, выработанные в ходе развития женских исследований в гуманитаристике (женский опыт, женское сообщество (community), женская идентичность, женское видение мира и т.п., большее внимание уделяется т.н. “контекстуальному”, по-новому оценивается роль персонального опыта как пружины, содержащей в себе механизм развития и т.п.).

Попытаемся теперь определить основные успехи исторической феминологии как направления в изучении прошлого, равноправной с историей университетов, историей городов, историей общественных движений и проч.

1. Бесспорно: историческая феминология *выполнила* свою *главную задачу* — “вернула женщин” (в т.ч. и прежде всего — выдающихся, хотя впрочем не только их одних!) общим курсам истории. Упомянутое «возвращение» выразилось в появлении специальных глав в разделах учебников, где рассказывалось о выдающихся женщинах, равно как о социальном положении представительниц разных социальных слоев, их правах и моделях повседневной жизни. Историческая феминология была официально признана как особое направление специализации на факультетах (подобно медиовистике, модернизистике, источниковедению, свое место в университетах Европы и США заняли и women's studies).

2. Историко-феминологические исследования доказали, что *полученное ранее “единое и полное” знание о прошлом таковыми не является*, потому что в нем, по сути, почти отсутствуют женщины — ведь они имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, отличную от мужской. Чтобы сделать женщин “видимыми”, феминологам пришлось прибегнуть к изучению “женского опыта” (Frauen Erfahrung, women's experience) — понятия, введенного психологами и социологами и прочно прижившегося в исторической феминологии. Это позволило выделить его модификации в разных культурах и расширило представления о духовной культуре прошлого в целом², “изменить ракурс исторического видения”³. “История как таковая уже никогда не сможет быть прежней... Мы получаем новую историю, по-новому прочи-

¹ М. Перро назвала этот подход “историографией женских несчастий”. См.: Perrot M. Vorwort // Perrot M. (ed.) Op. cit. P. 23.

² Scott J. The Evidence of Experience // Critical Inquiry. 1991. V. 17. № 4. P. 773-797.

³ Perrot M. Vorwort // Op. cit. S. 26.

танную, обогащенную и уточненную — и впервые мы получаем подлинную историю человечества”¹.

3. Необычайно важным — и для западной, и для отечественной науки 70-х гг. — стал вывод о существовании в доиндустриальных обществах *двух соединяющихся сфер или доменов существования* — сферы господства Мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и господства Женщины (дом, семья, домохозяйство). Феминологи доказали, что сферы эти были не “сепаратными”, а “соединяющимися” и равно значимыми для функционирования доиндустриального и раннеиндустриального общества как целостного организма².

4. Исследуя проблему “двух соединяющихся сфер”, феминологи обратили особое внимание не столько на отношения полов, не на их взаимодополнение (как это сделала традиционная наука, прежде всего этнографическая), а на их *различия*. Тем самым они сделали важный шаг вперед: от изучения вначале традиционных социальных ролей женщины (материнства, проституции, родов и родовспоможения) к изучению социальной роли и значимости женщины, задействованных в мужской сфере, т.е. анализу *нетрадиционных женских ролей* — их участия в мире политики, дипломатии, управления во все эпохи, во всех странах. Тем самым феминологи внесли важный вклад в подрыв традиционного стереотипа о “природном” предназначении женщины (вынашивание детей, производство рода, ответственность за семью и домашний очаг), показали, как оторваться от традиционного противопоставления (прикрывающегося идеей дополнения) “природного”, (женского) и “культурного” (мужского), “частного” (женского) — “публичного” (мужского).

5. Историческая феминология ввела новое измерение в социально-экономическую историю, родив такие темы как “феминизация бедности”, “феминность безработицы”, “политическая экономия домашней работы”, “история женского труда”, заставив признать категорию “пол” одним из структурообразующих экономических принципов.

¹ Anderson B.S., Zinsser J.P. A History of Their Own. Women in Europe from Prehistory to the Present. New York, 1988.

² Boxer M.J., Quataert J.H. (eds.). Connecting spheres. Women in the Western World. 1500 to the Present. New York — Oxford, 1987. Подробный анализ взаимодействия и неразрывности этих сфер см.: Kelly-Gagol J. Sociale Beziehungen der Geschlechter. Methodologische Implikationen einer feministischen Geschichtsschreibung // Schäfer-Hegel B. Männer, Mythos, Wissenschaft. Pfaffenweiler, 1989. S. 17-22 (esp.18).

6. “Женская история” разрушила многие проявления мужского мифотворчества в социальной истории¹. Феминологи поставили под сомнение оценку важнейших эпох и процессов в мировой истории. Данные феминисток-археологов показали, что в доклассовую эпоху именно женщины были основными добытчицами пищи (поскольку охота удовлетворяла всего 10-15% потребностей племени в пище, а собирательство было женским делом)². Феминологи, изучавшие эпоху средневековья и Нового времени, доказали: “прогрессивность” многих процессов и явлений — античной цивилизации, эпохи Ренессанса, великих буржуазных революций — выглядит такой только в системе мужских абстракций о Добре и Счастье. “Демократическая афинская цивилизация” предполагала содержание женщин в гинекеях (женских полонинах домов). Европейский Ренессанс означал для женщин вытеснение с рынка труда, признание домашней экономики (где они властвовали) малозначимой, вспомогательной, а в области культурной — “одомашнивание” жен буржуа. Кроме того, именно на эпоху Возрождения пришлись и “охота на ведьм”, и самые одиозные процессы над теми, кто был обвинен в ведьмовстве... Да и славные буржуазные революции не торопились распространить на женщин лозунг “Свобода, равенство, братство!”

7. Благодаря исторической феминологии в мировой науке родились новые темы, разработанные в том числе и монографически, которые ранее просто не могли возникнуть, т.к. считались слишком частными: “история прислужничества и найма кормилиц”, “история домашней работы”, “история вынашивания детей и родовспоможения”, “история подкидышания детей и отказа от них”. Заставив заговорить доголе молчаливых свидетельниц исторических катаклизмов, феминологи обогатили науку работами, анализирующими условия существования женщин в мужском обществе и тем самым *придали новый импульс и объемность культурно-исторической антропологии*. Они помогли отойти от исследования деяний (или злодеяний) великих людей, сосредоточив внимание на тех, кто “создавал фон” для первых, но остался незамеченным в истории.

8. Особой темой, рожденной исторической феминологией, стала тема истории (и иконографии, изображений) женского тела. Социальные роли, культурные практики, символические

¹ Удачное и очень точное заключение В.И.Успенской. См.: Успенская В.И. Женская история и развитие феминистского сознания // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000.С. 138.

² Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. Longman, 1986. P. 146-147.

формы — все эти аспекты “истории тела” не могли бы быть рассмотрены многогранно, если бы в исследовательский анализ не была введена тема «женского» как отличного от «мужского».

9. Исследования повседневности, ментальностей, частной жизни, сексуальности, выполненные историками-феминистками, показали ранее малоизученную сторону этих научных сюжетов, а именно: как люди или “экторы” (действующие лица, от англ. *actor*) истории могут стать из “творцов” ее “жертвами”, поскольку на протяжении столетий женщины составляли депривированную часть, “униженное и оскорбленное” большинство¹. Историческая феминистка придала иной смысл изучению истории повседневности и некоторых сюжетов исторической этнологии (истории семьи, быта), поскольку еще раз убедительно в историчности разделения социальной жизни на публичную и приватную сферы².

10. Феминистки французской школы, развивая эти исследования повседневности и частной жизни, показали, что прошлое может быть реконструировано не только по событийным векам (основание городов, военные битвы, начало войн и мирные договоры), но и по векам в истории быта и семьи, т.е. той сферы, с которой женщина была связана теснее мужчины.

11. Чтобы объяснить существование конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта у женщин разных социальных категорий, феминистки ввели фактор *различия полов* в традиционный социальный-классовый анализ. Сторонники этого направления в исторической феминистке (зачастую, но не всегда, это были представители марксистского феминизма) доказали, что, по крайней мере в доиндустриальных обществах, неравенство между полами определялось отношениями собственности и именно экономические причины лежали в основе “ухудшения” или “падения” (decline) статуса женщины в Новое время.

Марксистская основа подготовки историков-феминисток способствовала появлению фундаментальных трудов, в которых исследовались исторически сложившиеся формы подчинения женщин и господства над ними в патриархальных структурах (в чем они выражались, как проявлялись и воспроизводились из поколения в поколение). Кстати сказать, само различение терминов “патриархальный” (не имеющий отрицательных коннотаций и часто употребляемый как термин скорее этнологический) и

1 Smith D.S. The Everyday World As Problematic. A Feminist Sociology. Oxford, 1988.

2 Yeatman A. Gender and the Differentiation of Social Life into Public and Domestic Domains // Social Analysis. Special Issue “Gender and Social Life”, 1984. V. 15. P. 32-50.

“патриархатный” (имеющий отрицательную коннотацию и подкрепляющий зависимость женщин от власти, *архоса* мужчин) — также “завоевание” исторической феминистки. В иных дисциплинах эти два термина употребляются взаимозаменяемо.

12. В широком смысле историческая феминистка, входящая составной частью в “women’s studies”, не просто оживила интерес к истории женского движения и суфражизма, но и реабилитировала феминизм как политику, в основе которой лежит принцип свободы выбора. Она заставила признать феминистскую идею *личностного становления женщины* как основы ее эмансипации и эмансипации общества от стереотипов. Отметим, что не только в российской, но и в мировой науке эта идея — личностного становления как основы женской свободы — десятилетиями вытеснялась идей-фикс марксистов и радикальных феминистов, а именно — идей коллективной борьбы женских масс за “общее дело”, идей уравнивания женщины “перед лицом народного хозяйства” в качестве “трудоустрой” с трудовой силой мужчины. А результат? С исчезновением понятия “женская личность” исчезала и проблема становления женщины как субъекта истории). Теперь же, благодаря новому подходу феминистов к “женскому вопросу”, по-новому зазвучали и “ответы” на него, поскольку в реконструкцию прошлого власти ворвались понятия, типичные для философов-экзистенциалистов: “свобода воли”, “свобода выбора”, проблемы самореализации личности и ее идентичности.

13. Историческая феминистка показала специалистам по women’s studies, как культура (конфессия, социальный контекст, “времена” — которые, как известно, “не выбирают, в них живут и умирают”) могут воздействовать на формирование феминистского дискурса, на иерархию важности поднимаемых проблем, на их содержание. Социологи, психологи, педагоги, короче — практики “всех мастей” — получают для исследования в виде социального заказа наиболее актуальные вопросы. То, что практически по каждому из этих вопросов возможна и необходима историческая экспертиза, — также доказали историки-феминистки. И потому значение институционализации women’s history оказалось было значительно большим, нежели просто новый подход, новый метод реконструкции прошлого.

14. В конечном счете, результатом рождения исторической феминистки (как и *women’s studies* вообще) было пробуждение социального женского самосознания и прежде всего у самих женщин-ученых, связавших свои творческие судьбы с изучением себя самих и статуса своих предшественниц.

И все же подчеркивая свою “отделенность” и “несводимость” к обычной истории, историко-феминистические штудии с каждым годом становились все более кастовыми. Из “истории женщин” историческая феминистка медленно превращалась в “историю подавления женщин”. То и дело со страниц феминистки-

ческих исследований поступали мизоандринные (мужененавистнические) настроения, “доказательства” женской исключительности, утверждения о том, что история, написанная женщиной — точнее и объективнее, чем написанная мужчиной,¹ “так как знание угнетенного точнее и глубже знания угнетателя”¹.

Как ответ на подобный подход к прошлому, в мировой исторической науке появилась “история гомосексуальности”, а также “история мужчин и мужественности” (историческая андрология — иными словами, History как His Story)², испытавшие, как ни странно, те же трудности признания и тот же скептицизм, что и историческая феминология. Между тем «истории отцовства», «истории мужской чести», «истории маскулинности»³ доказывали убежденным феминисткам, что до последнего времени не было создано не только объективной истории Женщины и истории женской культуры, но и истории культуры мужской, равно как истории Мужчины.

Дальнейшее развитие обособленной “женской” и “мужской” истории грозило оказаться туником, если бы не пресловутая женская интуиция. Сторонницы исторической феминологии первыми признали необходимость интеграции своих исследований с трудами историков-андрологов, поскольку только параллельное рассмотрение истории Женского и истории Мужского могло позволить увидеть в “их взаимодействии настоящий мотор истории”⁴. Убыстрить такое сближение, равно как “освежить” свои тео-

ретические выкладки, могло помочь использование некоторых новейших общественно-научных концепций. В условиях смены научных парадигм феминологи одними из первых заявили о своей толерантности ко всем либеральным идеям, о своей открытости всем новым теориям и концепциям.

Это было попадание в «десятку»! На безграничном и действительно междисциплинарном поле «женской истории» свободно разместились сторонники разных теоретических подходов: марксисты и позитивисты, детерминисты и индетерминисты, структуралисты и «холисты» (от англ. *whole* — целый), неокантинцы и сторонники «новой исторической науки» (школы Анналов, инициативной группы Кремского института по изучению структур повседневно), школы семиотики и многих других. Но самый существенный поворот в «женских исследованиях» произошел в середине — конце 1980-х гг., когда они «встретились» с несколькими новыми общественно-научными концепциями, прежде всего с концепцией социального конструирования гендера.

О.М. Шугова

УСТНАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЗАЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ

Несколько последних десятилетий показывают значительные изменения в историческом сознании и новые тенденции в историографии, связанные с переосмыслением традиционных направлений исследований и появлением новых интересов познания и стратегий в отношении истории. Антропологизация исторической науки и ее ориентированность на микроуровневые исследования, междисциплинарность и образование новых предметных областей, “лингвистический поворот” — эти черты определяют сегодня лицо “новой” историографии.

Уже в 1970—1980-е гг. в преобладавшей тогда социальной истории происходит сдвиг исследовательских интересов от изучения макроуровневых структур с акцентом на генерализацию и обезличивание (например, “производительные силы”, “производительные отношения”, “народ”, “государство”, “институты права”) к исследованию прошлого с микроуровня, с позиций индивидуального опыта.

Кроме того, “антропологизация” понимания “культуры”, позволяющая расширить ее определение как “реальное содержание

1 Harding S. Is there a Feminist Method? // Harding S. (ed.) *Feminism and Methodology*. Milton, 1987. P. 14. Подробнее о превращении феминологии в “историю подавления женщин” см.: Gordon L. *What’s New in Women’s History* // de Lauretis T. *Feminist Studies / Critical Studies*. Bloomington, 1986. P. 20-31.

2 Появление исторической андрологии было следствием возникновения социальной андрологии или изучения маскулинности в социологии. См.: Gilmore D.D. *Manhood in the Making: cultural concepts of masculinity*. New Haven, 1990; Hearn J., Morgan D. (eds.) *Men, Masculinities and Social Theory*. London, 1990; Silverman K. *Male Subjectivity at the Margins*. London, 1992; Frosh S. *Sexual Difference: Masculinity and Psychoanalysis*. London, 1994.

3 Delumeau J., Roche D. (eds.) *Histoire des peres et de la paternite*. Paris, 1990; Gilmore D.D. *Manhood in the Making: Cultural Concepts of Masculinity*. New Haven, 1990; Lenzen D. *Vaterschaft: vom Patriarchat zur Alimentation*. Reimbeck bei Hamburg, 1991; Kuehne T. (ed.) *Maennergeschichte — Geschlechtergeschichte: Männlichkeit im Wandel der Moderne*. Frankfurt am Main, 1996.

4 Schmitt-Pantel P. *Die Differenz der Geschlechter, Geschichtswissenschaft, Ethnologie und die griechische Stadt der Antike* // Perrot M. (ed.) *Geschlecht und Geschichte, ...* S. 25.

1 Подробнее о том, как развивались “женские исследования” в истории после этой “встречи” см.: Пушкарева Н.Л. Кому он нужен, этот гендер? // Социальная история. 1998/1999. М., 1999. С. 155-177.

обыденного сознания людей прошлых эпох, отличающееся массовым характером и большой устойчивостью, ментальные представления, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки, стереотипы восприятия, модели поведения¹, изменяет и отношение к категории “социальный”. В социальной истории наряду с классами и сословиями начинают изучаться социальные микроструктуры — семья, община, приход и т.д.²

Такой переход от макроистории, анализирующей крупные структуры, к микроистории, направляющей усилия на изучение малых сообществ и “маленького человека”, знаменовал переключение исследовательского интереса на историю повседневной жизни. При этом новые истории повседневности не идентифицировали себя с той “историей повседневности”, которую предлагал в 1960-е гг. Ф. Бродель в работе “Структуры повседневной жизни”³. Их внимание было обращено не на материальные условия повседневности, а на то, как эти условия испытывались людьми.

Для становления микроистории знаковыми становятся работы Э. Томпсона “Формирование рабочего класса”, К. Томаса “Религия и упадок магии: изучение народных верований в Европе XVI—XVII вв.”, П. Берка “Народная культура в Европе начала Нового времени”, Н. З. Дэвис “Общество и культура во Франции начала Нового времени”, К. Гинзбурга “Сыр и черви: космос мельника, XVI в.”, раскрывавшие индивидуальный опыт людей, повседневную жизнь “многих”, делавших акцент на “народной культуре”⁴. С этого времени лозунг “Не История, а истории со множеством индивидуальных центров” приобретает все большее число приверженцев во всем мире.

Не случайно в историософских представлениях современных западных исследователей преобладает концепция прерывности, разнонаправленности, структурированности исторического процесса. И не только история подвергается такой “фрагментализа-

1 Duby G. Problems and Methods Intellectual History // Love and Marriage in the Middle Ages. Cambridge, Oxford, 1994. P. 21

2 Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 20

3 Braudel F. The Structures of Everyday Life. London, 1981.

4 См.: Thompson E.P. The Making of the English Working Class. New York, 1966; Thomas K. Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in 16th and 17th Century Europe. London, 1971; Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. London, 1978; Davis N.Z. Society and Culture in Early Modern France. New York, 1975; Ginzburg C. The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. New York, 1978.

ции”. Пожалуй, самым драматическим явлением XX в. стала идея о дискретности, дроблении всех сторон человеческой жизни. Первыми ее почувствовали математики, художники-авангардисты, открывшие новое представление действительности, на самом деле состоящей из фрагментов. Эта стилистика проникла буквально во все жанры искусства, литературу, кино, рекламную продукцию и т.д. Более того, она приняла философскою направленность. Идеи дискретности определяют сегодня и новый взгляд на взаимоотношения дискретного и непрерывного не только в науке и искусстве, но и обществе¹. Именно идея дискретности нанесла окончательный удар по историцизму как способу восприятия мира, прочно утвердившемуся в европейской историографии с XIX в.

Подобные социокультурные изменения сказываются и на образе представления прошлого в трудах историков. Что важнее для понимания истории: то, сколько было построено мануфактур во Франции в XVI в. или то, как воспринимали люди перемены, связанные с их строительством? Что мы можем считать более информативным: рапорты генералов или солдатские письма жителям? В связи с подобными вопросами, которыми сегодня задаются многие историки, возникают и новые образы истории: история повседневности, микроистория, история семьи, история детства, устная история и др. При этом смещаются не только акценты внимания историков, но сами способы и стили исторического повествования.

Даже в таких “традиционных” объектах исторического исследования, как история внешней политики и дипломатии, социальная история, главное внимание историка направляется не столько на макроуровень, где он замечает, как происходят военные события, заключаются договоры, конфликтуют экономические и политические интересы, сколько на образ жизни людей тех времен, на т.н. “вторую реальность”, которую они создавали, перерабатывая действительность. Поэтому вполне понятно, почему литературные и художественные произведения, фольклор, этнографические материалы, памятники повседневной жизни и быта становятся сегодня важнейшими историческими источниками.

Возврат нарратива? Да. Сегодня многие говорят о возвращении старой, “рассказывающей”, истории, т.е. близкой к литературе по стилистике и по методам — с преобладанием описания в работе историка. В целом, видимо, имеет место “возвращение нарратива” на новом витке и с новым теоретическим обоснованием. Под “нарративом” мы понимаем организацию исторического материала в хронологи-

1 Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

гической последовательности вокруг преимущественно одного связанного сюжета¹. Ставшее на Западе уже обыденным разочарование в «структурной» истории, отказывающейся от нарратива под предлогом его ненаучности, приводит сегодня к необыкновенной популярности «описательной» истории, ориентирующейся на микроподход, изучение человека, индивидуализацию и детализацию.

От Геродота и Плиния история пределала долгий путь, и за два с лишним тысячелетия историки научились задавать новые вопросы прошлому. От простого «как?» мы перешли к «почему?» и придумали множество абстракций и идеальных типов, чтобы на основе сходств и различий выделять то общее, что объединяет разнообразное события и образует процессы. И тем не менее, как на пороге нового тысячелетия, так и с его приходом объяснения историками прошлого не удовлетворяют читателей. Более того, за экономическими схемами истории, за действиями глобальных исторических общностей, производительных сил и производственных отношений теряется потеря общего смысла истории. Не случайно исторические сочинения перестали пользоваться спросом среди читателей: видимо, основанные на макроподходе, они оставляют в стороне главное действующее лицо исторических процессов — человека. Придя к такому заключению, многие историки требуют возвращения историческим трудам их антропологического содержания.

«Антропологический поворот» в историографии дает возможность историкам уже на новом уровне применять описания в своей работе. Из чего складывалась жизнь человека средневековья? Как жили в монастырях? Как наказывали преступников? Что составляло рацион человека во время Столетней войны? Эти и множество других вопросов занимают сегодня историков в той же степени, что и аспекты изучения «экономических отношений», существенно расширяя область познания истории за счет привлечения этнографических, литературных, антропологических, физиологических, психологических, экологических свидетельств.

Создание общества массового потребления, процессы демократизации в целом ведут к перестановке акцентов и в предметной области истории. Объектами изучения социально-ориентированной истории становятся не столько социальные структуры и процессы, сколько повседневный опыт людей, условия, в которых они жили.

Эта смена ориентиров в исторической науке происходит в результате острых дискуссий 1980-х гг. и носит название «*антропологического поворота*». В результате, с одной стороны, акцент в

¹ Stovon L. The Past and the Present. Boston, London, 1981. P. 74.

исторических исследованиях перемещается на изучение собственно «человека-в-истории», причем не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе. С другой стороны, для изучения неосознанных социокультурных представлений людей прошлого, включенных теперь в понятие «культура», историки стали широко использовать методы, заимствованные ими из культурной антропологии. Примером могут служить знаменитые «широкие/плотные описания» («thick descriptions»), представляющие собой трансформированный вариант полевой работы, «ключевые символы» и «центральные темы» — одни из главных методов изучения культурного контекста, являющиеся теми видимыми нам элементами, которые содержат основную информацию о центральных способах мышления, нормах, идеях, ценностях общества. Культурная/социальная антропология с ее фокусом на «человеке-в-культуре», «живании» исследователя в культурную среду изучаемых обществ, на установлении связей между институтами современного общества и укладом «примитивных» обществ, не соприкоснувшихся с письменной технологической цивилизацией¹, служила своего рода моделью для «новой» истории, провозгласившей своей главной задачей изучение опыта людей. Однако, в отличие от антрополога, историк не имел возможности прямого наблюдения, поэтому «он должен изучать этот опыт косвенно, через символические и ритуалистические действия, которые вместе с намерениями индивидуума формируют текст, делающий возможным доступ к иной культуре»². В связи с этим в историографии заметен поворот к исторической антропологии с ее семиотическим подходом к символическому в культуре.

Предметная область антропологии — примитивные общества, язык и искусство, традиции и обряды, повседневность, физическая природа человека и его окружение — безусловно, оказала огромное влияние на становление новых направлений в исторической науке, предоставив ей ценный и разнообразный материал своих практических исследований и теоретических разработок. Среди них особенно выделяется концепция культуры, которая «проглатывала» и делала своей составной частью не только экономические и социальные отношения, но и другие сферы культурной практики и производства. Представители школы «Анналов» добавили к этому свое

¹ Mead M. Anthropology and an Education for the Future // Teaching of Anthropology. American Anthropological Association Memoir 94, 1963. P. 595.

² Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // Geertz C. The Interpretations of Cultures. New York, 1973.

понимание смысла культуры, включая в него и те нормы, ценностные идеи, которые бытовали в ту или иную историческую эпоху, социальное поведение и его символичность.

Представление о символичности в человеческой культуре становится одним из фундаментальных в историографии. “Все цивилизации создавали и сохранялись только при использовании символов... Все человеческое поведение состоит или зависит от символов... Символ является космосом человечества”¹. В связи с этим особое внимание в историографии уделяется отныне исследованиям ритуалов, клише и словоформ, форм поведения, матрициальной сферы, “ментальностей” и др. Новыми идеологами “культурной истории” становятся представители деконструктивистского, антропологического направлений (П. Берк, К. Гиртц, Ю. Кристева, П. Бордьё, Э. Хобсбаум и др.).

Необходимо подчеркнуть отличие такой давно существовавшей сферы в историографии, как история культуры, от “культурной истории”. Оно состоит не только в подходе к самому определению понятия “культура”, о чем уже говорилось выше, но и в перемене акцентов в изучении культурного содержания. Высшие достижения человеческой культуры являлись достижениями верхних слоев общества. То же, как жили и как перерабатывали свою материальную реальность в культуру, создавая “вторую реальность”, огромное большинство человечества — т.н. “простые люди”, — оставалось за кадром. Тем не менее, для историка “и скромная кастрюля — такой же продукт культуры, как и соната Бетховена”². Именно поэтому сегодня историки заявляют о необходимости изучать народную культуру (popular culture). Использование здесь английского термина вызвано реальной необходимостью подчеркнуть, что акцент в данном случае делается одновременно на понимании культуры как “низовой”, “народной”, “популярной”. Это, безусловно, не означает, что культурные историки не исследуют проявления культуры “верхов”. Так, история повседневности изучает и жизненную реальность людей из высших эшелонов власти, аристократии и routine крестьян и ремесленников. И все-таки приоритеты многих культурных историков сегодня лежат в сфере исследования “народной культуры”.

Подобное “широкое” определение культуры подразумевает немалое количество, да и не простое “количество”, а сложное взаимодей-

¹ White L.A. The Symbol: The Origin and Basis of Human Behavior // Readings in Anthropology, ed. by J.D. Jennings, E.A. Hoebel. New York, 1972. P. 315.

² Kornblum W. Sociology in a changing world. Holt, 1991. P. 95.

ствие разнообразных аспектов человеческого существования, связанных с поведением людей и технологиями, искусством и религией, бытовыми принадлежностями и манерой говорить, идеями и нормами общества. И в соответствии с установками, которых придерживается тот или иной писатель прошлого, обыгрывается его внимание к тем или иным аспектам культуры, или исторического процесса.

До недавних пор белорусские историки занимались в основном исследованиями “традиционных” предметных областей исторического процесса. Если в мировой историографии утвердились исследования, связанные с изучением таких проблем, как питание, телесность, половые отношения, рутинная работа, привычки, досуг и способы его проведения, с различных уровней производства и потребления, символы, индивидуального опыта людей, то в Беларуси такая работа находится лишь в самом начале. Она связана, главным образом, с попытками историков, пока еще интуитивными, воспользоваться данными этнографии или литературы (в этой связи следует отметить работы М. Пилипенко, А. Мицкевич, Т. Кухаренок, Т. Довнар, В. Ковтун, А. Львова, Т. Новогородского). В то же время они еще далеки от анализа взаимосвязи микроуровневых структур (например, семьи, института брака, воспитания, системы питания) с большими силами в истории, такими как изменение в экономике, политических системах и не ставят целью проследить эволюцию той же символики семейной обрядности, повседневной жизни, родов и т.п. Часто происходит непроизвольная подмена понятий, связанная с пока еще не устоявшимися в белорусской историографии статусами истории повседневности и “народной культуры”. Оперирова этими терминами, белорусские историки зачастую не выходят за рамки истории материальной культуры или этнографии. Так, в белорусской историографии питание рассматривается лишь как этнический элемент, в то время как исследователи историко-антропологической ориентации показывают, что “питание — фактор не только материальный, но и ментальный, поскольку зависит как от климатических условий, уровня развития производительных сил и направленности хозяйственной деятельности, так и от всей совокупности представлений и ценностей (картины мира), свойственной определенной культуре, от культурных “кодов”, которые в свою очередь указывают на значимые ценности в бессознательных установках общества”¹.

¹ Montanari M. Der Hunger und Überfluss: Kulturgeschichte der Ernährung in Europa. München, 1993. Цит. по: Арнаутова Ю.Е. Рецензия // Одиссей. Человек в истории. М, 1999. С. 357.

Интересы и исторический опыт “маленького человека”, который был оставлен без внимания как политической историей XIX в., так и социальной историей XX в., условия его повседневной жизни и то, как эти условия испытывались, стали приоритетными объектами изучения для ведущих историков современности. П. Берк, К. Гинзбург, Н. Дэвис, К. Томас, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, К.-Г. Фабер, Й. Рюзен и многие другие авторитеты “новой истории” ориентируются написание культуры истории, где нарратив и индивидуум, микроподход играют центральную роль.

Разочарование в глобальных объяснительных схемах и универсальных концепциях в эпоху постмодерна коснулось всех сфер общественного сознания — политической, научной и, в том числе, исторической. Это разочарование породило интерес к новой стороне исторического процесса, которая вытеснялась ранее политической, экономической, социальной историей. Эта сторона истории связана с опытом определенных групп людей и народов, их стремлением к идентификации. В результате ранее “выключенные” из истории темы приобрели самостоятельность — женская история, устная история, история национальных меньшинств (например, американских индейцев), история афроамериканцев и др.

Кроме того, следует подчеркнуть, что эти новые направления в историографии были связаны со стремлением исследователей поставить человека и его опыт во главе исторической работы. Антропологизация исторических исследований и их переход на микроуровень нашли отражение и в расширении “территории истории” за счет включения в нее таких сфер, которые были связаны с деятельностью женщин. Доминировавшие до недавнего времени истории событийная, политическая, экономическая, избирательные в качестве своих исследовательских объектов “видимые”, “неподвижные” пласты истории, абсолютно игнорировали ту часть жизни общества, которую принято называть “приватной”, и где традиционно доминировали женщины.

Такое исключение женщин из поля зрения исследователей было обусловлено исторически: на протяжении столетий женщины устранились из публичной жизни и властных сфер, что делало их практически “невидимыми” для историков. Поскольку история представлялась полем битв, политических, дипломатических, экономических перипетий, то частная, семейная сфера жизни казалась не заслуживающей внимания. С другой стороны, мы не можем сказать, что историография античности, средневековья или Нового времени не оставила ярких женских образов, однако, все они — и Жанна Д’Арк, и Екатерина Великая, и Евфросиния Полоцкая — вошли в нее как раз благодаря тому, что вели себя, выходя за

рамки “женских” моделей поведения. Более того, большинство мыслителей, от античности до Нового времени, считали, что положение женщины обусловлено ее биологической природой, и, употребляя понятие “человек”, имели в виду “мужчина”. Это представление становится настолько общепринятым, что даже в наши дни мы слышим его отголоски — слово, по словам М. Фуко, “проказа и прокаженные исчезли, но осталась сама структура”.

Современные исследователи связывают подчиненное положение женщины в обществе с гендерным разделением труда, начало которому было положено в период перехода от охоты и собирательства, предполагавших равные доли мужчины и женщины в хозяйстве, к земледелию и скотоводству, усиливших роль мужчины и закрепивших стереотипы “мужчины-добытчика” и “женщины-хранительницы очага”. Социальное неравенство, имущественные интересы и властные отношения нашли отражение в гендерной стратификации общества.

Андроцентристский (от греч. andros — “мужчина”) подход культивировался в истории со времен античности, где женщина не являлась субъектом гражданского права, поскольку считалась неспособной выйти за рамки своего природного предназначения, и соответственно, частно-семейной сферы существования. Так, “в античности женщины [и дети] жили совершенно удаленно [от мужчин]. Они редко показывались в общественных местах, оставались в своих комнатах, редко ели со своими мужьями ... они редко проводили вместе дни”¹. Классическая Греция дает нам пример свободного гражданина — мужчины и его жены, не обладавшей этим статусом и не выходявшей за рамки своего хозяйства и семьи. Неравенство между мужчинами и женщинами затрудняло их близость в духовном и интеллектуальном плане. Этим часто объясняют бисексуальность античного общества. Так, Плутарх констатирует: “любовь не имела ничего общего с женской половиной”².

Подчиненное положение и выключенность женщин из публичной сферы сохранялись и на протяжении Средневековья, и в Новое время, а низкий социальный статус объяснялся их “естественной дефективностью” (Фома Аквинский). Женщина, как пишет Ж. Дюби применительно к Франции XII в., имела две ипостаси: тело ее принадлежало мужу, а душа — Богу³. С наступлением

¹ Gurwith M. The Twilight of the Goddesses: Women and Representation in the French Revolutionary Era. New Brunswick, 1992. P. 125.

² Cantarella E. Bisexuality in the Ancient World. New Haven: Yale University Press, 1992. P. 70.

³ Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Cambridge, Oxford: Polity Press, 1994. P. 31.

Нового времени появляются иные ноты в понимании “женского вопроса”, хотя в целом либеральная теория этого периода “демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины”¹. Несмотря на то, что многие мыслители считали, что социальный прогресс и смена периодов совершаются пропорционально прогрессу женщин к свободе, а падение социального — пропорционально уменьшению свободы женщин” (Ш. Фурье, 1808), на практике даже после Французской революции женщины были исключены из политической, социальной и экономической сферы.

Хотя некоторые исследователи считают уже салоны XVII в. первой формой женского движения, о настоящем зарождении женского самосознания можно говорить только со второй половины XIX в. Именно тогда появляются первые феминистки — суфражистки (от англ. *suffrage* — право голоса) в США, Великобритании, а затем и в других странах. Широкое движение за избирательные права женщин и общая революционная ситуация дали свои плоды: в 1905 г. в Финляндии, а затем в 1918—1920-е гг. в Бельгии, Великобритании, Германии, Канаде, США женщины получили право голоса.

После бурного всплеска женского движения последовал период некоего зстоя, что было связано со многими факторами. В частности, успехи суфражизма, военные трудности, рост промышленности и качественный скачок в устройстве быта на некое время приостановили развитие феминистского движения. Однако уже в 1960-е гг. начинается новый период, часто называемый “женским возрождением”, связанный с ростом политического участия женщин, осмыслением социо-культурных ролей полов, включением женщин в орбиту философской мысли. Все это привлекло внимание к важности постановки проблем, связанных с репрезентацией женских сфер в истории и рождению нового направления в исследованиях — “женской истории”.

Говоря о женской истории, следует сделать терминологическое уточнение: английский вариант названия *women's history* предоставляет возможность двоякого перевода — как “женская история” и “история женщин”. И хотя, строго говоря, последний перевод грамматически более корректен, тем не менее, идеологически возможно употребление термина “женская история”. Такая оговорка не случайна, поскольку это направление в целом начиналось с признания того факта, что вся история, существовавшая до сих пор, является по сво-

1 Чикалова И.Р. Гендерная история: к вопросу о становлении // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х т. Т. 1. Мн.: РИВШ БГУ, 2000. С. 169.

ей сути “историей мужчин”, предполагавшей изучение “мужских сфер деятельности и “мужской взгляд” в интерпретациях, основанных на представлениях, ценностях и даже документах мужчин. Нельзя не отметить, что попытки пересмотреть историю с этой точки зрения осуществлялись и ранее, тем более, что и сами идеи феминизма возникли очень давно. Феминистическая мысль имеет долую историю, и мы отошлем читателя к специальной историографии².

На волне феминистского движения сформировалась убежденность в необходимости исследований, призванных “восстановить справедливость в отношении “забытых” предшествовавшей историографией женщин”³. В результате, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. широкое распространение получили исследования, авторы которых стремились, во-первых, восполнить этот пробел и написать “историю женщин”, и во-вторых, дать “женский взгляд” на исторический процесс. Эта установка на создание особой “женской истории” господствовала до середины 1970-х гг. и сочеталась со стремлением объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин различных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили в традиционный анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик³.

Следует отметить, что в этот период историки, стремясь найти и исследовать “женский вклад”, в большинстве случаев оказывались в плену маскулинного типа культуры, который предполагал счет ценностей с “мужской точки зрения”. “Когда тема женщин только появилась в исторической литературе, — пишет американский историк А. Кредитор, — слишком часто она сводилась к изучению женщин как компонента домашнего хозяйства и детопродводства, или к исследованию личностей женщин, проявивших себе чем-либо экстраординарным”⁴. Тем не менее, именно тогда феминистская теория приходит к анализу властных отношений как

1 См.: Skott J.W. Gender and the Politics of History. New York, 1988; A History of Women. Vol. 1-5. Cambridge, Mass., London, 1995; Davis N.Z. Society and Culture in Early Modern France. New York, 1975; Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история, 1997, № 6; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Теория и история феминизма. Харьков, 1996; Феминизм: Восток, Запад. М., 1993; Хольмберг К, Линдхольм М. Феминистская теория // Современная западная социология. СПб., 1992 и др.

2 Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. С. 39.

3 Там же.

основному источнику гендерного неравенства и изучению механизмов работы социальных институтов, проводящих это неравенство в жизнь.

К началу 1980-х гг. феминистская теория переходит на новый виток развития, а вместе с ней изменяется облик и женской истории. Огромное значение для ее теоретического и методологического обновления имело конструирование категории “гендер”, создавшей новые возможности для междисциплинарного, кросс-культурного, исторического анализа. Следует отметить особый вклад в теоретическое обоснование гендерного подхода к истории, сделанный феминистскими исследователями (Дж. Скотт, Н. Дэвис, Ш. Рубогэм, М. Лэйк). Именно в этот период новое поколение постмодернистски-ориентированных сторонников феминистской теории доказывает, что “пол” — это социально-культурная конструкция, и следовательно, в каждом конкретном обществе существуют собственные гендерные стереотипы и понимание о гендерных ролях. Понятие “гендера” как социокультурной конструкции пола становится центральным в исторической науке уже в 1980-е гг. и сегодня, наряду с категориями “класс”, “раса”, является ключевым в исторических исследованиях.

Так исследовательский опыт прошел трансформации от полной “невидимости” женщин в истории через признание их несправедливо “маргинального” положения и лозунга изучать женщин “в их собственных терминах” (т.е. с позиции женщин) к тому состоянию, когда достижения феминистской мысли вносят коррективы в традиционные теории и дисциплины. “Гендер, — пишет австралийский историк М. Лэйк, — подобно троянскому коню позволил нам влиться в погон традиционной истории, но не с намерением добавив свой исследования, а со стремлением переписать ее”¹.

Следует подчеркнуть, что категория “гендер” с самого начала носила междисциплинарный характер, связанный с теми разнообразными сферами и влияниями, которые накладывались на факт принадлежности человека к биологическому полу, — социально-политическими, культурными, экономическими, психологическими (статус в обществе, отношение к власти, карьера, заработная плата, культурные стереотипы поведения, характер труда, особенности психики и т.п.). С момента введения в научный оборот

⁴ Kraditor A.S. *Up From the Pedestal/Women and Womanhood in America*. Lexington, Mass., Toronto, London: D.C. Heath and Company, 1973. P. 5.

¹ Современная мировая историческая наука: Инф.-аналит. обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков, Монреаль, 1995). Мн., 1996.

“гендер” был призван исключить “биологический и психический детерминизм, который постулировал неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал”. “Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения задаются не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводит гендерное сознание на уровне индивидуума поддерживает сложившуюся систему социальных отношений во всех сферах”¹. Такой факт взаимообусловленности гендерного статуса, властных зависимостей, отношений собственности, различных проявлений в культурной сфере предполагает междисциплинарный характер использования категории “гендер”.

Гендерная история, которая начинает свое развитие в нашей стране, уже давно и прочно утвердилась в западной историографии. Так, “женские исследования” (*Women’s Studies*) получили настолько широкое признание во всем мире, что уже вошли в состав специальностей, по которым можно защищать диссертации и получать докторскую степень (Ph.D.). По данной специальности преподаются более 200 различных курсов. Свыше 100 различных феминистских изданий, посвященных культурно-исторической тематике, включают такие популярные журналы, как *Frontiers: A Journal of Women Studies*, *Signs: Journal of Women in Culture & Society*, *Women’s Studies Quarterly*, *Gender and History*, *Journal of Women’s History*, *Women’s History Review* и др.

Под влиянием свойственной постмодерну ситуации междисциплинарности исследователи “женской истории” и приверженцы гендерного подхода (понимающегося как рассмотрение любых исторических процессов и событий с точки зрения гендерной stratификации) принимали самое непосредственное участие в становлении многих новых направлений современной историографии: устной истории, истории повседневности, микроистории. Представление о гендере как о социокультурной конструкции пола и всех отношениях, статусов и ролей, которые накладываются на человека в обществе в зависимости от того, является ли он мужчиной или женщиной, включается в общий культурный дискурс современности.

Индивидуализация тем исторического исследования, антропологическая заинтересованность в истории привели к пересмотру многих категорий исторического исследования. Так, принятые в “традиционной” историографии “народные массы”, “народ”, “про-

¹ Современная мировая историческая наука: Инф.-аналит. обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков, Монреаль, 1995). Мн., 1996.

изводительные силы” и другие абстрактные “бестелесные” категории не являются определяющими в исследовательском арсенале. “В то время, — пишет М. Хоувелл, — как сегодня многие историки все еще занятыписанием биографий, истории маневров и хроник дипломатии, тщательной, до болезненности, датировкой манускриптов, они уже больше не контролируют дисциплину... То, что в группу историков, признающих повседневную жизнь, экономические процессы, социальные структуры как неотъемлемую составляющую истории, входят наиболее видные историки двух последних десятилетий Лоуренс Стоун, Эммануил Ле Рой Ладори, Филипп Ариес, Кристофер Хилл, — говорит о триумфе категорий *класс, раса, этничность, гендер*”¹.

Современные гендерные исследования осуществляются преимущественно в направлении сочетания “традиционных” для историков проблем социально-экономического плана (с учетом нового содержания, вкладываемого в понятие “социальное”), антрополого-семиотического подхода и ключевых аспектов гендерных взаимодействий, преподносимых тем самым не только новые выводы, но и открывая новые поля. Так, особой популярностью пользуются исследования, посвященные процессам взаимодействия гендерных различий и экономических преобразований, социальной политике, культурной символике и стереотипам, матрициальному поведению и др.

Особое место в исследованиях занимают проблемы, связанные с модернизацией общества. Актуальными остаются вопросы, поставленные в классической работе Э. Кларк “Трудовая жизнь женщин в XVII в.” (1919) о том, что развитие капитализма на раннем этапе имело отрицательные последствия для женщин. Многие исследователи отмечают, что в экономике, основанной на принципах конкуренции и наемного труда, дискриминация женщин была более заметной, чем в традиционном крестьянском хозяйстве. В то же время именно переход к капитализму дал женщинам возможности для самоосознания, стирая границы “традиционного” гендерного разделения труда.

Еще в 1930-е гг. М. Бирд предприняла попытку проследить достижения женщин, их социальную роль и вклад в жизнь общины (“Америка глазами женщин”, 1934; “Рождение американской цивилизации”, в соавторстве с Ч. Бирдом, 1927 и др.) Во второй половине XX в. внимание к проблемам роли женщин в производстве возросло, обогатившись исследованиями экономики со времен колоний до наших дней, законодательства, показателей заработной платы, условий труда и т.д.

¹ Современная мировая историческая наука: Инф.-аналит. обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков, Монреаль, 1995)

Популярными темами исследований становятся семейная жизнь, институт брака, мораль, — т.е. те сферы общественной жизни, которые традиционно относили к “приватным”, “женским” (Г. Лернер, Б. Велтер, Ж. Дюби). При этом, если в 1970-е гг. приоритетными были социально-экономические аспекты этой проблематики, то в 1980—1990-е гг. четко обозначился акцент на культурной символике.

Эта “семиотизация”, характерная для многих историографических направлений, подразумевает “расшифровку” исторических источников с точки зрения наличия в них гендерной символики. Такой подход позволяет изучать архитектурные памятники, материалы инквизиции, лубочные картинки, приходские книги, переписку, мемуары и многие другие виды источников, ранее практически не попадавшие в исследовательское поле историков.

Так, один из пионеров гендерных исследований Н. Дэвис, говоря о тонкой грани между поэзией и историей, подчеркивает роль воображения историка, который призван услышать “голоса из прошлого”¹. Ее собственное, ставшее уже классикой, исследование фокусируется на гендерных отношениях, рисует красочную картину народной культуры во Франции начала Нового времени². Разнообразные виды источников использует и Ж. Дюби, анализируя институт брака в средневековой Франции. Литературные произведения, частная переписка женщин и духовников, архитектурные памятники, скульптуры, художественные изображения — все несет на себе отпечаток культурной символики, являясь той самой “второй реальностью”, которую создают люди³. Семиотическая направленность современной гендерной истории расширяется за счет изучения специалистами культуры потребления, языка, моды, быта, досуга и т.д.⁴

Говоря о новых направлениях в современной историографии, нельзя не отметить их тесное переплетение как на уровне исследовательских объектов, так и на уровне технологий. Гендерная история, микроистория, история повседневности, устная история (несмотря на разногласия между их последователями) имеют под собой родственные основания, связанные с вниманием к индивиду

¹ См.: Davis N.Z. The Return of Martin Guerre. Cambridge, Mass., 1983.

² См.: Davis N.Z. Society and Culture in Early Modern France. New York, 1975.

³ См.: Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Cambridge, Oxford: Polity Press, 1994; The Knight, the Lady, and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France. Chicago, 1993.

⁴ См.: The Sex of Things: Gender and Consumption in Historical Perspective. Berkeley, L.A., London: University of California Press, 1996.

в культурном контексте или в локальном сообществе и с акцентацией на изучении “опыта”.

С самого начала своего развития гендерная/женская история шла рука об руку с таким направлением, как устная история, которое также занимает прочное место в исследованиях западных историков с 1960-х гг. Интервью с женщинами представляли важнейший источник для изучения тех, кто был, по выражению Ш. Руботэм, “спрятан от истории”¹, бросая вызов историческим интерпретациям, основанным на документах и образах мужчин.

Признание уникальности человеческого опыта и необходимости интервьюирования свидетелей и непосредственных участников событий и процессов прошлого с целью исторической реконструкции дало первоначальный толчок бурному развитию исследований в рамках устной истории. В то время как интервью с членами социальных и политических элит служили лишь дополнениями к существующим документальным источникам, те, кто стоял у истоков устной истории (П. Томпсон, Р. Самуил, К. Гиртц, Р. Грили и др.), преследовали иную цель: «заключить внутрь исторического источника, созданного в результате интервьюирования, опыт и перспективу тех групп людей, которые обычно игнорировались историками»².

Именно “опыт” был краеугольным камнем в исследованиях феминистски настроенных историков — последователей устной истории. Необходимость изучения исторической памяти женщин, того как женщины объясняют, рационализируют, извлекают смысл из прошлого, стала центральной задачей их исследований. Именно поэтому уже на первом этапе своего существования устная история не только представила для гендерной методологию и инструментарий, но и имела схожие с ней теоретические основания.

Первый проект по устной истории был организован американским исследователем А. Невинсом в Колумбийском университете в Нью-Йорке в 1948 г. Его интересы лежали в заши и сохранении интервью с представителями элиты белых мужчин. В отличие от него английские исследователи (например, Г. Э. Эванс) в 1950—1960-е гг. направляли свои усилия на запись опыта так называемых “простых” людей — представителей рабочего класса. В целом исследования историков этого периода отвечали лозунгу создания “истории снизу”, распространявшемуся в мировой историографии.

В 1960—1970-е гг. устная история получает сильный импульс к развитию со стороны истории афроамериканцев (А. Хайли). Следует

¹ См.: Rowbotham Sh. Hidden from History. London: Pluto, 1973.

² The Oral History Reader. Ed.by R.Perks and A.Thompson. London, New York: Routledge, 1998, p.x.

отметить большой интерес, проявляемый исследователями маргинальных культур к такому новому виду источников, как интервью. Отсутствие собственной написанной истории, давние традиции устного исторического сознания укрепили популярность устной истории в таких регионах, как Южная Африка, США, Италия и многих других.

К концу 1970-х гг. устная история уже имела устойчивый статус в академическом мире во многих странах. Несмотря на эти успехи, методы и стратегия устной истории высветили серьезные проблемы, связанные как с критикой со стороны историков, основывавших свои исследования на традиционных документах, так и со спорами внутри самой области. Основная часть критических выступлений сводилась к обсуждению возможности памяти, репрезентативности индивидуальных свидетельств, методов интервьюирования. Этим и другим вопросам была посвящена Первая международная конференция по устной истории в Эссексе (Англия) в 1979 г. Тогда же появляются посвященные ей первые антологии и журналы (Oral History Review, International Journal of Oral History).

Устная история бросила вызов традиционной истории и в другом смысле: от исследователей требовалось теперь знание таких техник интервьюирования, которые пересекали рамки различных дисциплин — социологии, антропологии, психологии и лингвистики. Устная история зависела в большей степени от отношений между историком и его источником. Рассказчик не только “вспоминал” прошлое, но и интерпретировал его. Более того, некоторые историки видели свою цель не столько в реконструкции прошлого и создании нарратива, сколько в оказании помощи индивидуумам или социальным группам в процессе идентификации. В этом случае сам процесс интервьюирования представлял “терапевтическое” средство, “поиск себя” и своего места в истории.

Бросая вызов ортодоксальной историографии в смысле использования исторических источников, методов и исследовательских задач, устная история породила множество споров. Пожар людей, самыми значительными среди них были и остаются споры вокруг достоверности памяти и природы интервьюирования, а также о соотношении памяти и истории, прошлого и настоящего.

Это, в свою очередь, рождает нерешенные проблемы, связанные с возможной субъективностью исследователя и трудностями интерпретации. Кроме того, поскольку устные историки имеют дело с процессами памяти, то разработка и постановка вопросов, интервьюирование и интерпретация должны основываться на готовности и умении слушать, внимании к интервьюируемому и точности в процессе коммуникации. С этой целью исследователи используют специально подготовленные опросники, знание психологии, различные техники интервьюирования, необходимые для того, чтобы правильно

но обращаться с такими явлениями человеческой памяти, как конструктивные ошибки, рефабрикация под влиянием общественных стереотипов, бессознательное подавление и забывание.

Важнейшими звеньями в процессе создания устной истории являются интервьюирование и интерпретация. Чаще всего современные исследователи готовятся к интервью, составляя специальные опросники, ориентированные на исследовательские задачи. Поскольку во время интервью рассказчик вынужден вспоминать события прошлого, устные истории исполняют специальные методы, стимулирующие мнемонические процессы (визуальные техники — карты, планы местности, фотографии, диаграммы и т.д.).¹

Записанные материалы историк должен расшифровать — и здесь вновь возникает проблема интерпретации. Хотя уже само интервьюирование может обнаружить противоречия между идеологией, мифологией и реальностью, интерпретация также таит опасность ложных заключений. «Мы подвергаемся опасности не только неправильного понимания интервью, но и неверного понимания того, что и почему было сказано»². В связи с этим многие устные историки, как и представители микроистории, также пришли к выводу о необходимости постановки исследуемой темы в широкий социальный контекст.

Многие исследователи сегодня пытаются соотносить теоретические изыскания о нарративе и памяти с политическими установками для создания истории «маргинальных групп», что порождает большое количество литературы, пересекающей дисциплинарные границы. Так, в тесной связи с устной историей находятся исследования в области лингвистики и коммуникации (П. Томпсон, Р. Грили, М. Фримэн), изучающие отношения между идентичностью, памятью, личным нарративом³. По своим целям и методам близки к устной истории представители т.н. нарративной психологии (В.М. Раньян, Т.Р. Сарбин), ориентированной на психолого-биографические исследования, «социологии истории

¹ См.: Yow V. Recording Oral History: A Practical Guide for Social Scientists. London: Sage, 1994.

² Grele R. Movement without the aim: Methodological and theoretical problems in oral history // The Oral History Reader. Ed. by R.Perks and A.Thompson. London, New York: Routledge, 1998. P. 48.

³ См.: Envelops of Sound: The Art of Oral History. Ed. by R.Grele. Chicago: Precedent, 1985; The Myths We Live By. Ed. by Samuel R., Thompson P. London: Routledge, 1990; Tonkin E. Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History. Cambridge: Cambridge University Press, 1992 и др.

жизни» (М. Чемберлейн, П. Томпсон, Д. Берто), изучающей общество с точки зрения индивидуального опыта, и антропологии (С. Каллауэй, Р. Самуил), раскрывающей связи частной и общественной сфер¹.

Несмотря на некоторую настороженность, сохраняющуюся в рядах «традиционных» историков по отношению к устной истории, является общепризнанным фактом, что это направление сделало значительный вклад в решение таких проблем, как общественная конструкция памяти, этические дилеммы историка, а также вопросов, вынесенных в повестку дня постструктуралистскими и постмодернистскими подходами к языку и репрезентации. Своей сверхзадачей последователи устной истории определяют создание такого видения истории, которое позволяет видеть историю как более или менее непосредственный опыт, а не абстрактный процесс. «Устная история — это история, построенная вокруг людей... Она делает героев не только из вождей, но и из неизвестного большинства... Она помогает наименее защищенным, особенно пожилым, людям обрести уверенность и достоинство. Она способствует пониманию между социальными классами и поколениями... Устная история дает средства радикальной трансформации социального смысла истории»².

Современная историография во всем мире остро ставит вопрос о необходимости сочетания макроструктурного и микроантропологического уровней исторического исследования, проводить анализ индивидуальных социальных позиций, «взятых в переплетающихся контекстах формальных (домохозяйства, профессиональные корпорации, религиозные общины, институты местного самоуправления) и неформальных социальных групп (семья, соседства, имущественные страты)». Неотъемлемой частью такого анализа должна быть и динамика индивидуальных жизненных циклов, где «биологические циклы жизни индивидов связываются с системой стратификации и социальными процессами в микроструктурах и обществе в целом»³. Таким образом, устная история

¹ См.: Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences. Ed. by D.Bertaux. London: Sage, 1981; Samuel R. Theaters of Memory: Past and Present in Contemporary Culture. New York, 1994; Haley A. Roots. London: Hutchinson, 1977.

² Thompson P. The Voice of the Past: Oral History // The Oral History Reader. Ed. by R.Perks and A.Thompson. London, New York: Routledge, 1998. P. 28.

³ Решина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. С. 38.

должна являться своего рода связующим звеном между индивидуальным опытом и материальным и социальным контекстом.

История не является “прошлым” сама по себе. Она есть продукт осмысления сегодняшним историческим сознанием людей исторического опыта прошлого. История повседневности, устная и гендерная истории призваны помочь понять пути превращения индивидуальной памяти в коллективную, трансформации “прошлого” в историю.

И.И. Юкина

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ЖЕНЩИН

Дебаты по поводу женской и гендерной истории и ее институционализации в российской историографии и в российском высшем историческом образовании — вялотекущий процесс последних лет в узком профессиональном сообществе историков, преимущественно женщин. Хотя в последнее время наблюдается рост рядов диспутантов за счет исследователей-мужчин.

В российской историографии среди популярных гипотез относительно развития истории женщин бытует та, что история женщин, не называясь и не определяясь подобным образом, существует в России на протяжении почти двухсот лет. Обращение современной российской историографии к этому направлению на уровне концептуального обобщения началось в те же годы, что и за рубежом, в последнюю четверть XX в., совпадая по своим исследовательским задачам¹.

Прежде чем обратиться к истории российской истории женщин, следует уточнить используемые термины. В большинстве своем российские исследователи разделяют ту точку зрения, что предмет истории женщин/женской истории (употребляются как синонимы) составляет “женщина”, в то время как предмет гендерной истории составляет “диалог полов”². Наряду с этим мнением существует и другое понимание истории женщин, окрашенное идеологически и методологически, — как феминистская интерпретация истории, которая зашла в “феминистический тупик как в пла-

¹ Пушкарева Н.Л. История, итоги и перспективы институционализации women's & gender studies в российской исторической науке // Гендерная история: рго et сопта. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000. С. 21.

² См., напр., Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 81, 82.

не методологии, так и в плане определяющих познавательных концепций”¹. Гендерная история в этой схеме рассматривается как выход из методологического тупика.

Заметим, что русский язык позволяет различать термины “женская история” и “история женщин” по смыслу, заложенным в англоязычном понятии “women's history”. “История женщин” — название субдисциплины в исторической науке, которая изначально началась с признания факта, что вся предыдущая историография по сути являлась историей мужчин. Термин “женская история” отражает идею, что вся мировая историография, кроме того, презентрует еще “мужской взгляд”, основываясь на представлениях мужчин и видении ими исторического процесса. Тем самым история женщин в смысле “женской истории” дистанцировалась от традиционной историографии — “мужской истории”, в которой женщина/женское звучит как тема, но не как взгляд, и делала попытку презентировать этот “женский взгляд”. Это была не просто феминистская рефлексия образа конца 1960-х гг., хотя и она, безусловно, присутствовала. Подобная позиция в отношении истории как “мужской” имела практический результат — критическое отношение к источникам и предполагала при создании “женской истории” интенсивную работу по поиску новых источников и перепрочтение старых, уже находящихся в научном обороте.

Поскольку советские историки не были включены в дебаты конца 1960-х — начала 1970-х гг. о восстановлении исторической справедливости в отношении женщин, включении их в историю, о “мужских” и “женских” интерпретациях истории, эти тонкости остались вне поля зрения современных российских историков, и употребление этих терминов как синонимов — реальная практика становления российской истории женщин.

При двойном прочтении термина “women's history” становится видимым процесс “академизации феминизма”, развивавшийся в конце 1960 — начале 1970-х гг. в Западной Европе и США в рамках второй волны феминистского движения, спровоцировавшего рождение истории женщин. История женщин в евро-американской историографии — это прямой заказ движения, воплощенного в себе парфос 1960-х гг. по изучению институтов господства, восстановлению социальной справедливости и т.д. Познавательные задачи зарубежных историков строились на основе феминистской рефлексии, т.е. на том, что отсутствовало в российской академической науке.

Но знак равенства между терминами “история женщин” и “историческая феминология”, как обозначающих название истори-

¹ Муравьева М.Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: рго et сопта. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000. С. 5.

ческой субдисциплины, не представляется оправданным. Понятие “феминология” не отражает существа дисциплины, т.к. в нем не заложена маркировка, в каком собственно качестве — социальном или биологическом — исследуется женщина. Название дисциплины определяет объект исследования, но не его предмет. Не случайно феминологи переименовали себя в социальных феминологов, подчеркивая социальный аспект в своих исследованиях женщин, а кафедры феминологии — в кафедры социальной феминологии. Соответственно и обозначение историков, работающих в рамках женской и гендерной истории, как “исторических феминологов” также расплывчато и не точно. Специалист по женской истории или историк, работающий в рамках женской/гендерной истории, — не более тяжеловесно, но более корректно.

В чем едины все участники дискуссии, так это в оценке российской женской истории либо как запаздывающей в своем развитии в силу объективных причин¹, либо даже “безнадежно отставшей” и находящейся сегодня, наряду с другими гендерными исследованиями, на уровне западной феминистской рефлексии конца 70-х гг.² Поиск ответа на вопрос, что есть женская история и гендерная история в отечестве родном, неизбежно ведет к подобным терминологическим уточнениям и поиску начала истории женщин в российской историографии.

Автор исходит из понимания истории женщин как исторической субдисциплины и одновременно новой исследовательской стратегии, объектом которой является женщина, а предмет составляют социально-культурные аспекты ее жизнедеятельности.

Безусловно, “женская” тема присутствовала в российской историографии в работах о быте и жизненном укладе русского народа, в описаниях исключительных ролей женщин в масштабных событиях российской истории³. Но собственно исследования по “женскому вопросу”, когда объектом исследования в философии,

¹ См., напр., Пушкарева Н.Л. История, итоги и перспективы институализации women's & gender studies в российской исторической науке // Гендерная история: про et contra. СПб., 2000. С. 21–30.

² Муравьева М.Г. Гендерная история в российском ВУЗе: нужна ли она? // Гендерная история: про et contra. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000. С. 5–6.

³ См., напр., Карамзин Н.М. Марфа Посадница или покорение Новгорода. СПб., 1802; Платонов И. Браки и многоженство в Древней Руси // Сын Отечества. 1831, № 15; Иловайский Д.И. Екатерина Романовна Дашкова // Отечественные записки. 1859. Т. 126; Костомаров Н.М. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887.

истории, праве стала женщина, когда предметы исследования составили социальные аспекты ее жизнедеятельности, появились в России в середине XIX в.

Тема “русской женщины в российском обществе” была поднята на страницах печати в 30–40 гг. XIX в., а в 1860–1870-х гг. переросла в общенациональную дискуссию по “женскому вопросу”. История стала той наукой, к которой в первую очередь обратились в поисках аргументов и сторонники, и противники эмансипационных процессов, что послужило толчком к ее развитию. В дискуссии приняли участие известные ученые, а также критики и публицисты, которые на страницах толстых журналов в силу отсутствия формальных рамок социальных и гуманитарных наук часто представляли исторические и социологические исследования под видом критических статей. Объектом научного интереса исследований второй половины XIX в. стала именно женщина, а не культурно-политическое поле вокруг нее, предметом — место женщины в историческом процессе, ее влияние на социальные, культурные, политические и экономические сферы жизнедеятельности. Работы Шульгина В.Я.¹, Забелина И.Е.², Мордовцева Д.Л.³, Михневича В.О.⁴, Шашкова С.С.⁵ и др. можно представить первым профессиональным обращением к теме с позиций определения роли женщин в историческом и культурном развитии общества. Конечно, эта была презентация “мужского” взгляда. В это же время впервые была обозначена исследовательская стратегия — увидеть через женщину историческую эпоху: “<...> почти каждая женщина, так или иначе выдвигавшаяся из ряда личностей, не замечаемых и не сохраняемых историей, является таким хорошо отполированным историческим рефлектором, в котором можно видеть если не всю современную

¹ Шульгин В.Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850.

² Забалин И.Е. Домашний быт русских царств в XVI–XVII вв. // Соч. в 2 тт. Т.2. М., 1872; Женщина по понятиям старинных книжников // Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872.

³ Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. В 3 тт. СПб., 1874.

⁴ Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды. Киев-Харьков. 1895.

⁵ Шашков С.С. Исторические судьбы женщины. Детоубийство и проституция. СПб., 1871; Очерк истории русской женщины. СПб., 1972; История русской женщины. СПб., 1979.

менную ей эпоху, то, по малой мере, самые характеристические ее стороны, потребности, стремления”¹.

Первыми темами исследований стали женские имена в истории, литературе, политике, особенности положения женщин в различных сферах общества в разные исторические периоды. Но принципиально новый этап в исследовании женщин наступил с вхождением в историческую науку женщин. Российское женское, позднее феминистское движение первой волны, выступило инициатором и социальным заказчиком исследований роли женщин в истории. Женщина перестала быть только объектом «поло-детерминированных» исследований, но стала и активным субъектом процесса создания «нового» знания в истории, представляющего “женский” взгляд в историографии. От первых любительских изысканий в истории, публицистических и популярных работ до трудов монографического характера, опирающихся на специальные исследования, — путь развития женской истории усилиями женщин.

Практически все исследовательницы так или иначе были связаны с женским движением и идентифицировали себя либо как его сторонниц, либо как участниц. Собственно, это были женщины одного круга, одной малой социальной группы, образованные и самостоятельно зарабатывавшие себе на жизнь; автор фундаментального исследования по женскому образованию Е.О. Лихачева², историк российского женского движения Е.Н. Щепкина³, одна из первых профессиональных историков-женщин А.Я. Ефименко, разрабатывавшая тему русской крестьянки⁴. Писали историю

¹ Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. В 3-х тт. СПб., 1874. Т. 2. С. IX.

² Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086—1856). СПб., 1899; Материалы для истории женского образования в России (1856—1880). СПб., 1901; Материалы для истории женского образования в России. В 3-х кн. Кн. 1 (1086—1796). СПб., 1890. Кн. 2 (1796—1828) СПб., 1893. Кн. 3 (1828—1856). СПб., 1895.

³ Щепкина Е.Н. Женское население Петербурга // Образование. 1897. № 5; Женское движение в России в 1905 г. в отзвухах современных деятелей. СПб., 1906; Женская личность в старой русской журналистике // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 6; Женщины в русских университетах // Вестник Европы. 1912. № 9; Деятельность окончивших Высшие женские курсы // Вестник Европы. 1913. № 8; Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб., 1914; Женское движение в годы Французской революции. Пб., 1921.

⁴ Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2; Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1.

женщин и активистки, и лидеры движения, осмысляя феномен движения и причины его породившие. Врач и председательница Русского Взаимно-благотворительного общества А.Н. Шабанова писала историю женского врачебного образования и женского движения¹. Доктор права, активная участница движения женщин А.М. Евреинова составила историю женских прав². Без преувеличения можно сказать, что “женская история”, в смысле исторических исследований женщин о женщинах, зародилась в конце XIX в. и развивалась как когнитивная практика движения, им востребованная и поддержанная.

Стоит ли говорить, что мода на “женский вопрос” спровоцировала и мужской профессиональный интерес к женской теме в истории³. Фактор женского движения повлиял на развитие “истории женщин” как направления по исследованию женского элемента в истории в традиционной историографии.

Одной из исторических тем, актуализированных на рубеже веков женским движением, стала тема причин и истоков гендерного неравенства, подчинения и дискриминации женщин. Огромное количество работ в поиске начал неравенства начиналось с обзора предшествующих веков. Неравенство женщин выступало предметом исследований и категорией анализа. Демонстрировались попытки переосмыслить традиционное разделение половых ролей, осмысление возможных изменений ролей полов в обществе. «Пол» выступил ключевым инструментом социально-исторической де-терминации.

Другой актуальной темой была признана проблема женского труда. Развитие этой темы начиная с работ М. Вернадской

¹ Шабанова А.Н. Женские врачебные курсы // Вестник Европы, 1886. № 1; Из первых лет женского медицинского образования в России // К свету. Научно-лит. сб. СПб., 1904; Очерк женского движения в России. СПб., 1912.

² Евреинова А.М. Краткий очерк прав женщин в семье // Первый женский календарь на 1905 г. СПб., 1905.

³ См., напр., Глинский Б.Б. Расширение образовательных прав женщин // Очерки русского прогресса. СПб., 1900; Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу. М., 1905; Кечерджи-Шаповалов М.В. К свободе: Этуд по женскому вопросу. СПб., 1905; Амфитеатров А.В. Женщина в общественных движениях России. СПб., 1907; Котляревский Н.А. Очерк из истории общественных настроений 60-х гг.: Женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2.

1850-х гг.¹ и до лекций А. Коллонтай 1920-х гг.² задали направленные анализы позиций женщин в сфере труда как предпосылки женского освобождения.

“Открытие” женщин в культуре, искусстве, политике прошлого, внимание к достижениям современниц онтологически были связаны с задачей изменения положения женщины в сторону равного статуса. При этом признание особой женской сущности (т.е. эссенциалистское основание), звучащее в исследованиях по женской истории, вызывало проблемы в постановке вопроса о равенстве полов и давало толчок к различным интерпретациям проблемы равенства. Это неизбежно сказало на развитии идеологий феминизма и оформлении его различных направлений.

Трудно говорить о степени влияния этих исследований на научный дискурс того времени, вряд ли он был значимым, но совершенно очевидно, что на политический дискурс оказал влияние. На «женскую» тему стали ориентироваться партии, начали читаться лекционные курсы. Например, лекции А.В. Амфитеатрова в Русской Школе Социальных наук в Париже³.

В советской историографии женские темы рассматривались как неактуальные и, соответственно, непрестижные. Эпистемологическим основанием их выступала марксистская теория. Базовое понятие «класса» в советской трактовке марксизма никак не коррелировало с гендерной составляющей социальных процессов и социальных институтов. Исследование женщин в советской историографии институализировалось как одно из перспективных, недиссертабельных направлений. Но, тем не менее, всегда находились энтузиасты, которые исследовали статусы и права женщин, изучали формы политического участия женщин. Эти работы сегод-

1 Вернадская М.Н. Женский труд / Экономический указатель. 1858, Вып. 8 (60); Аристократический труд. Еще раз о женском труде; Свобода выбора труда // Собр. соч. покойной М.Н. Вернадской, уроченной Шигаревой. СПб., 1862.

2 Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909; Труд женщины в эволюции хозяйства: лекции, читанные в Университете им. Я.М. Свердлова. М.; Пг., 1923.

3 Амфитеатров А.В. Заря русской женщины: Вступит. слово в Русской Школе Социальных Наук в Париже // Всемирный вестник. 1907, № 1.

ня вкупе с исследованиями XIX и начала XX вв. составляют российскую историю женщин.

Исторические изыскания в отношении женщин в советской историографии были сильно идеологизированы. Базовой выступала тема достижений советской демократии в решении “женского вопроса”¹ и руководство партии этим процессом². Основной пафос исторических трудов состоял в описании и прославлении участия женщин в революционных, военных событиях, трудовые подвиги женщин³. Что бросается в глаза при обращении к библиографии советского периода по сравнению с библиографией конца XIX — начала XX в., так это маркированная в названиях работ несамостоятельность женщин. Названия типа “Деятельность большевиков по вовлечению женщин-работниц...”, “Деятельность <...> по развитию пролетарского женского движения...”, “Использование женского труда в народном хозяйстве”⁴ были широко распространены и формировали научный дискурс в отношении женщины и всего, что с ней связано, как вторичный. И дело здесь даже не в

1 Бильбай В.Л. Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948; Решение женского вопроса в СССР. М., 1959; Белова В.С. Решение женского вопроса в СССР. М., 1975; Ткаченко В.М. Опыт решения женского вопроса в СССР. Минск, 1975; Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. М., 1978.

2 Сердитова С.Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903—1917). М., 1959; Шахмет А.В. Коммунистическая партия — организатор вовлечения женщин в социалистическое строительство. Л., 1977; Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981.

3 См., напр., Цедербаум С. (В.Ежов) Женщина в русском революционном движении: 1870—1905. Л., 1927; Женщины русской революции. М., 1968; Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969; Без них мы не победили бы. Воспоминания женщин-участниц Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства. М., 1977; Дубинина Н.И. Дальневосточницы в борьбе и труде: Исторический очерк. 1917—1941. Хабаровск, 1982.

4 Конкина Е.И. Деятельность большевиков по вовлечению женщин-работниц в массовое революционное движение 1910—1914 гг. Дисс...к.и.н. М., 1974.

5 Денисов А.Г. Деятельность большевистской партии по развитию пролетарского женского движения в России. Дисс...к.и.н. М., 1977.

6 Михайлок В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970.

“мужском шовинизме”, против чего выступали женщины-историки в зарубежной науке, а в ограниченности марксистской методологии, не определяющей большую социальную группу “женщины” как социально значимую. Эти исторические труды задавали новую систему координат в формировании идеала российской женщины советского образца.

Но, наряду с крайне идеологизированными работами, появились и другие исследования, в которых женщины рассматривались и описывались как полноценная, самостоятельная и самостоятельная социальная сила, как субъект социальных изменений. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в конце 1970—1980-х гг. Осмысление места женщины в истории вернуло к осознанию значимости их роли и последствий самостоятельного женского выбора, самостоятельной деятельности для социальных изменений в разные исторические эпохи¹. Тем самым догмы о бесправии женщин в дореволюционную эпоху на протяжении всей их многовековой истории косвенно были подвергнуты сомнению, и достижения советских лет представляли не такими уж масштабными.

Исследовательская задача, поставленная историками, так же, как и в западной историографии, фокусировалась на проблеме “открытия” женщин в истории, переосмысления их ролей, влияния на развитие общества. Таким образом, процесс, развивавшийся в советской историографии, хотя и с некоторым опозданием и с иной подоплекой, совпал с тенденциями на Западе. Если в Западной Европе и США толчком к развитию истории женщин в конце 1960-х — начале 1970-х гг. послужил всплеск второй волны феминизма, то в российской историографии в 1970—1980-е гг. процесс стимулировался освоением новой сферы исторического знания, неизвестных и неиспользованных исторических источников, был ответом на вызов зарубежных исследователей, плодотворно и эффективно работавших на российском материале. Вспомним, что в 1978 г. уже вышла книга Р. Стайтса² о российском женском движении, а следом — книги Линды Эдмондсон³,

1 См. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50—60-е годы XIX века. Л., 1984; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

2 Stites, Richard. The Women's Liberation Movement in Russia. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1978.

3 Edmondson, Linda H. Feminism in Russia, 1900-1917. Stanford, Calif. Stanford Univ. Press, 1984.

Барбары Энгл¹, также работавших на русском материале. Не умалая высокого профессионализма и колоссальных трудозатрат этих исследователей, хочу заметить: успешность их научных карьер в какой-то степени была предопределена фактом обращения к абсолютно неизвестным страницам российской истории, что сделало их безусловными первооткрывателями в изучении российских женщин и женского движения XIX — начала XX вв.

Современная история женщин России в отличие от женских исследований на рубеже XIX и XX вв. не имеет такого вдохновляющего ресурса своего развития, как востребованность женским движением. Встречающиеся в академической литературе утверждения, что женские и гендерные исследования² жестко зависят от “женского движения, особенно активно заявляющего себя в политической и идеологической областях”³ не соответствуют действительности. Причины обращения исследователей различных отраслей знания к женским и гендерным исследованиям другие. В противном случае эти исследования вообще бы не развивались, т.к. состояние современного российского женского движения таково, что оно еще не в состоянии сформировать собственный исследовательский заказ. Более того, результаты российских женских и гендерных исследований не осмыслиются современным женским движением и не встраиваются в его практики.

Обращение российских историков к феминистской исследовательской парадигме еще не произошло. Напротив, зачастую под лозунгом возвращения женщин в историю мы получаем необремененные какой-либо методологической рефлексией исследования, некритично продуцирующие традиционные поло-ролевые стереотипы⁴. Хотя в историографии российской истории женщин действительно был момент соответствия и следования познавательным феминистским моделям. Но это было давно.

Можем ли мы говорить о появлении гендерной истории в российской исторической науке? Возможно ли ее развитие без широкого развития конкретных исследований в истории женщин?

1 Engel, B. Alpern. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge, 1986; Engel, B.A. & Rosenthal C.N. (Eds). Five Sisters. Women against the Tsar. Boston, 1987.

2 У автора — “феминистские исследования”.

3 Солонин Ю.Н. Очерки по истории женской проблемы в XVIII веке. I. Феминология в аспекте методологической оценки // Страницы российской истории. М., 2001 С. 41.

4 На эту тему: Шнырова О.В. Проблемы восприятия гендерных исследований в академической среде (Иваново) // Пол. Гендер. Культура. М., 2000. С. 228—238.

Представляется, что нет. Продвижение к гендерной истории без развития женской истории практически невозможно. Описанный во многих статьях бум, который пережила в 1970–1980-х гг. евро-американская историческая наука в связи с поиском новых источников архивного, мемуарного характера, введением в научный оборот неизвестных фактов по истории женщин разных эпох, стран, социальных статусов, имел своим результатом сотни статей и книг конкретно-исторического и теоретического плана. Развивающиеся наряду с этим процессом методологические поиски и обретения социальной истории позволили зарубежной историографии накопить ту критическую массу фактологического материала и теоретического потенциала, который позволил ей перейти на новый уровень осмысления взаимодействия полов в истории — к гендерной истории. Ничего подобного пока еще не наблюдается в российском историческом знании. Хотя процесс обновления проблематики и методологического арсенала все же идет.

Путь к российской гендерной истории пролегал по полю междисциплинарного взаимодействия. Сегодня в России историко-женщины пишут литературоведы, философы, социологи. Российские историки идут по тяжелому пути добытия «сырья» для своих исследований, собственной теоретической подготовки или переподготовки и самостоятельной методологической работы по «применимости» западных теоретических моделей к российскому историческому контексту.

Помимо проблемы малочисленности рядов исследователей, работающих в области женской истории, и, соответственно, незначительного количества статей, публикаций и монографий по указанной теме, существует еще ряд барьеров на пути к гендерной истории. Так, определенное непонимание ощущается со стороны даже той части научного сообщества, которая в принципе признает правомерность и специфику гендерных исследований, но страшится при этом феминистского теоретизирования, утверждает, что «феминистические исследования» «способны создать устойчивые отрицательные тенденции в развитии научных исследований»¹. В целом же женская и гендерная история воспринимается в российских академических кругах как феминистская интервенция в академический процесс исторического познания. Для российских историков актуальна и такая проблема, как критическое «перечитывание» исторических трудов на женскую тему советского времени, очищение их от идеологической шелухи прошедших времен.

Позволят ли указанные барьеры выйти российской женской и гендерной истории на достойный уровень, какие обстоятельства помогут стимулировать их качественное развитие — вопросы, на которые пока нет ответа.

¹ Солонин Ю.Н. Очерки по истории женской проблемы в XVIII веке. I. Феминология в аспекте методологической оценки // Страницы российской истории. М., 2001. С. 41.

Н.А. Чухим

ПРИСУТВИЕ В ИСТОРИИ: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Общим местом темы «женщина и история» является тезис об исключительности женщин из исторической науки, женщине как «молчаливому большинству», тени истории. Если понимать последнюю не просто как естественную позицию исследователя, критически воспроизводящего прошлое, а его конструктивное воссоздание (необходимым компонентом которого является исследовательская интерпретация), то она предстает как некая познавательная модель, основывающаяся на вполне определенных предположках. Такое понимание позволяет перейти от констатации простого факта выключенности женщин из истории к поиску того предположительного уровня, который задает исследовательские рамки.

Следует заметить, что выключенность женщин из истории не является простой и абсолютной. Во-первых, женское существование неявно предполагается как необходимая предпосылка самой истории, т.е. человеческого общества, без которого она бы просто не существовала. В этом смысле женское бытие берется как естественная предпосылка исторического бытия. Во-вторых, женщины включаются в Историческую Реальность в той мере, в какой их присутствие не противоречит общей конструкции этой реальности, что возможно только при определенной перспективе видения, определенной, как мы покажем дальше, перцептивной схеме восприятия.

Минувшее десятилетие в Украине характеризовалось процессом напряженного поиска своей национальной идентичности, важнейшее место в котором заняла история. Воссоздание истории украинской нации, широко представленное в многочисленных изданиях, потребовало от украинских историков работы по критическому переосмыслению многих традиционных схем, втягивание в орбиту исторического знания новых объектов, ранее не подлежавших описанию. Вместе с тем воссоздание истории наглядно продемонстрировало универсальный механизм выключенности женщин из исторического процесса, игнорирование их как субъектов нации.

Для украинской истории тема женщины не является новой. Ее разрабатывал ряд исследователей XIX в., специальные исследования статуса женщин в Украине осуществлял Михайло Грушевский в своей многотомной истории Украины-Руси [2], а также Орест Левицкий [1]. В последнее время стали появляться отдельные работы, посвященные женщинам, в частности, «Женщины в истории Украины» Олеся Козули [3].

Можно выделить два основных направления, в рамках которых изучается положение женщин. Во-первых, это история выдающихся женщин, которые оставили свой след в истории. Правда, этот след недостаточно заметный для того, чтобы войти в школь-

ные учебники, а поэтому прослеживается только в специальных исследованиях. Такая точка зрения полностью совпадает с методами традиционной истории, которая, начиная с Греции и Рима, является историей политики, дипломатии, экономики и официальной культуры, где женщины представлены как исключение. Женская история, представленная таким образом, — это история субгруппы в политической истории, поскольку последняя принципиально исключает историю женщин.

Во-вторых, это история женщины в той сфере, где её присутствие и возможно только выявить методами традиционного культурно-исторического анализа, сфера быта и семьи. Именно в этой сфере исследуют женщину Грушевский и Левицкий. Данная модель не только фиксирует факт исключения женщин из сферы официальной культуры, но анализирует главным образом брачные отношения, т. е. берет женщин в определенном ракурсе, в отношении к мужчинам. Именно под этим углом осмысливается и степень женской свободы. Так, у Левицкого читаем: «Вообще говоря, южнорусская женщина XVI в. пользовалась широкою свободою и независимостью, почти не уступая в полноте своих гражданских прав мужчине» [1, с. 193]. Грушевский пишет: «Кардинальная разница старорусского права против римского и старогерманского относительно положения женщин состояла в том, что оно не знает никаких правовых ограничений положения, а также её правомочности, только некоторые фактические» [2, с. 376]. Последнее утверждение примечательно тем, что факт гендерного неравенства признается как общераспространенный факт и любой выход за рамки этого неравенства рассматривается как значительное достижение. Подобную конструкцию воспроизводит и Козуля: «Они (т.е. женщины) не только были женами высокопоставленных мужчин из украинских княжеских родов, шляхты и старшины, но и сами были политиками, учеными, художниками. Мало того, на протяжении всей истории Украины немало из них в культурно-просветительской, политической и даже военной деятельности не только не уступали мужчинам, но и превосходили их» [3, с. 3].

Говоря о положении женщины в Украине XVI—XVIII вв., исследователи обычно отмечают, что оно было гораздо лучше, чем на Востоке, в России, где женщина, прежде всего высших слоев, пользовалась ограниченной свободой, и на Западе, где, начиная с эпохи Возрождения, социальный статус женщины резко ухудшается. Действительно, Литовский Статут, хотя и несколько ограничил имущественные права женщин по сравнению с Русской Правдой, все же гарантировал им ту меру независимости, которую дает контроль над собственностью. Несмотря на формальный институт опекуна (до брака ее опекали родители, в браке — муж, во вдовстве — назначенные опекуны), женщина все же имела личную неотторжимую собственность (материальную), пользовалась широкими имуществен-

ными и гражданскими правами. Судебные акты того времени показывают, что закон рассматривал женщину как полноправного субъекта права. Женщины часто выступали в суде, защищая свои права, нередко демонстрируя при этом знание законов.

Была ли сфера общественной деятельности женщин релевантна имущественно-правовой? Действительно, эта эпоха дала целый ряд имен, которые оставили след в истории, связанных, прежде всего с религиозно-просветительским движением. Елена Горностаева из семьи князей Чарторийских была фундатором Пересошницкого монастыря, составила для него устав, основала при нем госпиталь, а также школу для детей. Раина Ярмолинска основала Загаецкий монастырь, Ганна Гойска — Почаевскую Лавру. София Чарторыйска открыла в своем поместье Рахманове типографию и сама занималась переводом Библии с греческого. Монахиня Флоровского монастыря Парасковия Кучинская подарила свои земли киевскому братству под Старокиевской горой для открытия братской школы. Основательницей Киево-Могилянской академии, первого и длительного времени единственного высшего учебного заведения в Восточной Европе, была Галышка Гулевичивна. Но участие женщин Украины в осуществлении подобных национальных проектов, несомненно, было ограниченным и слезжилось общими рамками патриархальной системы. Нельзя разделить оптимизм исследователей, относительно участия женщин в политической жизни общества. Даже в тех немногих случаях, когда женщина допускалась к обсуждению или принятию политических решений, она действовала не от своего собственного имени, а репрезентировала своего мужа.

До возникновения светской культуры и науки главными центрами образования были, как известно, монастыри. Однако круг культурной и интеллектуальной деятельности в женских монастырях был гораздо более ограниченным, чем в мужских. Имелись единичные случаи переписывания книг женщинами (Евфросиния Полоцкая), такая деятельность, как летописание, составление проповедей, тем более богословских трактатов, практически не известны.

Ограничения существовали и в художественной сфере. Фактически единственным видом женского творчества было декоративное искусство, которое, как известно, в иерархии эстетических ценностей занимает более низкое, по сравнению с живописью, место. В отличие от мужских, при женских монастырях не было иконописных школ: женщинам было запрещено рисовать иконы. Единственно дозволённым видом художественной деятельности при монастырях была вышивка. Своими вышивками славилась мать Ивана Мазепы, игуменья Вознесенского (уничтоженного Петром I) а затем Фроловского монастырей Мария Магдалена. Однако до сегодняшнего дня нет ни альбомов, ни выставок, ни каталогов этой художественной деятельности женщин.

Общество XVI–XVII вв., давая женщинам значительную степень правовой свободы, вместе с тем резко ограничивало возможность ее реализации. Школы, которые в этот период покрывали всю Украину, основывались мужчинами и для мужчин, что нашло выражение в самом названии школ как “братских”. Парадоксальность роли знатных женщин того времени в развитии культурно-образовательных центров заключалась в том, что они не имели возможности ни создавать собственные (т.е. женские) учебные заведения, которых не было до второй половины XIX в., ни выступать фундагорам мужчин. Не будучи официальными основателями образовательных заведений, они являлись реальными учителями, отдавая необходимые для их основания деньги и земли.

Эти женские инициативы, предполагающие не только определенную степень экономической и правовой свободы, но и, очевидно, довольно высокий уровень образования, предстают как специфический культурно-исторический феномен. Феномен, реальность которого исследователями украинской культуры замечена не была. Так, в фундаментальном исследовании Дмитрия Антоновича, вышедшем в 1942 г. в Праге, ни в разделе “Образование”, ни в разделе “Книгопечатание”, ни в других главах нет ни одного женского имени. Ситуация не изменилась и в 90-е гг. Книга Мирослава Поповича “Очерки истории культуры Украины”, включающая “не только литературу, философию и разнообразное искусство, но и способ жизни, систему ценностей, традиций и верований”, при всей попытке современного прочтения фактически опирается на традиционные имена, репрезентирующие исключительно мужскую культуру.

Что лежит в основе этой системы видения, исключаящей женщин из исторической реальности? Женское бытие, как отмечалось в начале статьи, является некой предпосылкой реальности. Более того, нельзя сказать, что женщины полностью исключены из той сцены, действующими лицами которой являются мужчины. Женщины могут выступать в союзе с мужчинами, направляя свою деятельность на осуществление их проектов, которые, как мы видим, без этого женского участия вряд ли состоялись бы. Но в силу специфики концептуальной схемы, лежащей в основе культурно-исторических исследований, приведенных выше, это участие становится невидимым, оно нивелируется, уничтожается.

Идея, что познание, в том числе и историческое, используя метафору Ричарда Рорти, не является “зеркалом”, а представляет некий конструкт, в основе которого лежат определенные смысловые данности, в философии не нова. Фактически для всех новых направлений философии XX в. — феноменологии, герменевтики, психоанализа, аналитической философии — характерным является интерес к “жизненному миру”, сфере повседневной жизни человека, его донаучного мышления, которое, в отличие от науки, является областью непосредственного. Феноменология, в частности, исходит из того, что в

основе теоретических конструкций лежит некий слой дорефлективно-го опыта, который, передаваясь с традицией и усваиваясь в процессе социализации, принимается на веру как само собой разумеющееся. Это знание с самого начала имеет интерсубъективный, т.е. общезначимый, характер. Это некая изначально данная система отсчета или система фоновых предпосылок, посредством которой воспринимаются и подтверждаются события и явления действительности.

Герменевтика также исходит из того, что понимание предшествует теоретическому осмыслению действительности. Теоретическая деятельность произвольна от понимания, беспредпосылочного знания вообще не существует. Задолго до того, как мы понимаем себя рефлексивно, мы осознаем себя определенным образом в семье и в обществе. Поэтому предварительное понимание, или предрассудок, — это нечто, предшествующее всякому рассуждению, некая дорефлективная направленность, установка сознания.

В отличие от феноменолого-герменевтической традиции, проясняющей горизонт *существующих* в науке понятий, нас в данном случае интересует механизм *исключения* из науки определенных фактов. Несомненно, этот механизм является более универсальным и характеризует перцептивную схему восприятия не только науки, но и познания вообще. Речь идет об исключении таких фактов, которые не могут быть вписаны в реальность, поскольку своим присутствием они разрушают ее. Примером такой перцепции может быть случай абсолютного игнорирования определенных фактов общностью людей, в течение последнего столетия в силу природного катаклизма изолированно проживавших в Азии. Над местом обитания этой общности пролетала трасса международных авиалиний, и постоянно пролетали самолеты. Между тем, как оказалось, этот факт абсолютно не был замечен людьми данной общности. Самолеты, по многу раз в день пролетавшие в небе, не были *увидены*. Поскольку данный факт не мог быть вписан в их структуру восприятия мира, он полностью игнорировался.

С точки зрения Мерлин Фрай, высказанной в работе “Видеть и быть увиденной: политики реальности” [4], женское бытие как раз и есть тот факт, который не может быть вписан в реальность, сформированную мужским опытом, фаллократическую, по ее выражению, реальность. Для конструкции последней, согласно ее позиции, вообще характерен такой способ веры и поведения, когда предпосылкой небытия объектов является их уничтожение в сознании. Это способ видения, который вместо рационального отнесения своих взглядов с открывающейся реальностью, начинает с неких твердо установленных взглядов, мифических представлений и воспринимает все в проекте изменения мира для того, чтобы привести его в соответствие со своими взглядами.

Примером такого поведения Фрай рассматривает практику экспансии США на Североамериканском континенте. Белые мужчины, осваива-

вая его и сталкиваясь с богатым растительным и животным миром среднеконтинентальной прерии, называли ее *пустыней*. Они относились к ней как к пустыне, воображали ее как пустыню, и через столетие она действительно стала пустыней. Реально ли переселенцы верили, что виденное ими является пустыней? Существуют свидетельства, которые доказывают, что они действительно называли то, что видели. В этом случае уничтожение факта влетает за собой деструкцию конкретного объекта и не требует признания его существования. Напротив, это прямая манифестация веры, что такой объект или факт не существует. “Если верно, пишет она, — что такой способ взаимосвязи веры и действия характерен для фаллокатегорической культуры, то можно конструировать или реконструировать верования, которые являются концептуальными для данной культурной концептуальной или научной системы” [4, р. 86].

Если для Лакана “женщина не существует” потому, что ее опыт никак не артикулирован и не выражен в символических формах культуры, то для Фрай небытие женщин обусловлено общей перцептивной схемой восприятия, которая допускает существование только одного рода людей, т.е. мужчин, и в силу которого понятие “женщина-человек” тяготеет к логической невозможности, подобно “круглому квадрату”. Эта схема восприятия не обязательно исключает факт физического присутствия женщин. Она только исключает женщин как носителей восприятия и наделяет их характеристиками пассивных, существующих только в мужском восприятии, существ. Именно мужчина предстает здесь автором наименований, интеллектуальных и перцептивных порождений.

Будучи задним фоном, женщины не предстанут здесь в значении, которые задают смысловые рамки реальности. Напротив, являясь необходимой предпосылкой этой реальности, поддерживая ее, служа ее интересам, т.е. будучи ее частью, они обречены оставаться для нее невидимыми.

Если исходить из предложенной схемы, то женщины вообще не могут быть введены в существующую Реальность, ибо само их присутствие исключается. Или, касаясь факта культурной деятельности украинских женщин XVI—XVII вв, невозможно вписать ее в традиционную историческую схему, т.е. просто дополнить ее. События заднего плана, т.е. женская история, для того, чтобы стать Реальностью, должна разрушить перцептивную схему восприятия, переключив *внимание* и осуществив деконструкцию.

Їїї-їєє є єєєєєєєєє

1. Левицький О. Сім'я і побут українців в XVI ст. // На переломі. Історія України в прозових творах та документах. К., 1994.
2. Грушевський Михайло. Історія України — Руси. К., 1993. Т. III.
3. Козуля Олесь. Жінки в історії України. К., 1993.
4. Frye Marilyn. To See and Be Seen: The Politics of Reality. // Women, Knowledge, and Reality: Exploration in Feminist Philosophy. Boston: Unwin Hyman, 1989.

РАЗДЕЛ II

ЖЕНЩИНА И ОБЩЕСТВО В ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

О. М. Ленцевич

ЖЕНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В АНТИЧНОМ ХРИСТИАНСТВЕ: МОНАШЕСТВО И МУЧЕНИЧЕСТВО

В связи с расширением роли религии в жизни социума возрос интерес к различным вопросам духовной жизни не только современности, но и древних цивилизаций, в т.ч. к истории христианской религии и церкви, насчитывающей уже более двух тысяч лет. Исследователи, имеющие в своем распоряжении богатейший круг источников, освещают в своих работах различные аспекты истории христианства. На этапе становления христианской идеологии и церкви женщины сыграли весьма заметную роль. Однако трудов, исследующих роль женщины в одной из самых распространенных в мире религиозных систем до обидного мало.

Первоначальное христианство во многом повлияло на изменение роли женщины в обществе. Пожалуй, впервые столь значительный интерес к женской части мира, в котором главенствовала мужская доминанта. Именно христианский взгляд в средневековом обществе стал общепринятым и был возведен в ранг государственной политики. Последствия позиции первых христиан в отношении женщины ощущаются и сейчас.

Одной из интереснейших, но малоисследованных проблем является генезис женского христианского монашества. Вопрос пока женщинами новых форм служения в стремлении к личному спасению представляется важным учитывая тот факт, что к концу III — началу IV вв. иночество стало, видимо, единственной массовой формой общественного служения для женщин-христианок, представленных в более раннее время в низших степенях клира (вдовы, девы, диакониссы). Вопрос происхождения, основных характеристик, сущности раннехристианского женского монашества всегда освещался только в рамках проблемы монашества мужского. И хотя действительно такой контекст обоснован, все же тема женского монашества требует определенной систематизации. Необходимо также выявить особенности женского иночества эпохи становления христианской церкви.

Монашество не было чисто христианским явлением: первые монастыри появились в середине I тыс. до н.э. в Индии как общины бродячих буддийских отшельников. В той или иной форме идеи обособления имели место и в других религиях Востока, в греческой философии александрийской эпохи, где т.н. "аскетические упражнения" дали толчок развитию самобытной христианской аскезы. Элементы аскетизма демонстрировали и еврейские секты

(ессы, терапевты). Поэтому ряд исследователей видит истоки христианского монашества в нехристианском влиянии на молодое христианство [1]. Но все же наиболее полное воплощение эта идея нашла в христианстве. Немецкий историк Л. Х. Офф усматривает истоки христианского монашества в личности Иисуса Христа, в его словах и образе жизни [2, с. 36-40].

Некоторые исследователи находят истоки монашества в апостольскую эпоху [3; 4]. Но там, вероятнее всего, мы встречаемся с определенной изоляцией от мира с его греховностью, которая особенно демонстрировалась в эпоху Поздней Римской империи. Хотя А. М. Ловягин указывает на упоминание в книге Деяний (9, с. 36-41) и первом послании к Тимофею (5, с. 3-16) «вдовиц», посвящающих себя молитвам и христианской благотворительности, можно предположить, что это был особый класс женщин, живших общей жизнью в обособлении от мира [4]. Все же мнение это довольно спорно: вдовы отнюдь не вели обособленный образ жизни. Они во II—III вв. занимали одну из официальных должностей женской части христианских общин. Все, что их роднит с позднейшими монахинями, — это отказ от супружества после смерти первого мужа и целомудренный, праведный образ жизни.

Гораздо более подходящей на роль предшественницы христианского монашества является должность "девы", которую Египетский церковный ордер упоминает уже в конце III в. Появление этой должности не было случайным в раннехристианской общине. Церковь этого периода уже перестала быть небольшой тайной общиной. Она привлекала к себе все более широкие социальные слои, строила свою организацию, изменила многие требования к образу жизни своих последователей. Но в условиях появления огромного количества течений, проповедовавших возвращение к идеалам первоначального христианства, официальная церковь должна была создать такой идеал, который в рамках ортодоксальной доктрины демонстрировал бы мирянам чистую, богобоязненную жизнь и стал бы для многих примером для подражания.

Корни монашества нельзя искать в учениях многочисленных еретических сект (манихеев, маркионитов, энкратитов и др.), которые порвали с официальной церковью. Еретики оспаривали права официального клира, тогда как монашество признавало прерогативы ортодоксальной церкви, а церковь превозносила верных ей вдов, дев, исповедников и отшельников.

Таким образом, должности дев и в некоторой степени вдов, как вид служения церкви, заложили базу основного принципа жизни монахов — отказа от плотских желаний. Постепенно внутриобщинная аскеза перерастает во внеобщинную, пустынно-

ческую. Это выражается в появлении на Востоке уже в III в. т.н. анахоретов, мужчин и женщин, которые оставляли мирскую жизнь и селились в пустынях. Это место также было выбрано ими не случайно. Л. Х. Офм отмечает: "Пустыня — это царство демонов. Место самых тяжелых испытаний и одиночества, где человек чувствует себя беспомощным и обреченным на крайнюю опасность и абсолютную отверженность. Кто выдерживает испытание пустыней, для того она становится местом встречи с Богом" [2, с. 48]. Вероятно, свою роль сыграло и подражание Иисусу Христу, проводившему 40 дней в одиночестве в пустыне.

Первой исторически достоверной личностью среди отцов-пустынников считается Антоний (251—356 гг.). Свою сестру он отдает на попечение девам, и вскоре она становится начальницей и учительницей. В ее общезнании девы руководствуются наставлениями Антония. Сам же аскет 20 лет провел уединенно в пустыне, а образ его жизни, как утверждает автор «Жития Антония» Афанасий Александрийский, повлиял на формирование "иноческих обителей" (Athan. Vita Antonii).

На самом деле вряд ли Антоний был первым и единственным. Но в источниках не встречается более ранних примеров. Хотя А. И. Еланская предполагает, что первым отшельником являлся Павел Фивейский (234—347 гг.) [5, с. 12], который во время гонения Деция ушел в Аравийские горы, где и прожил в одиночестве. Похоронил его Антоний, впервые посетивший Павла в 270 г.

Отшельники и отшельницы уходили от мира, запирали себя в пещерах и гробницах, оставались в пустынях (еще ученица Павла Фекла долгое время жила в пустыне на горе близ города Селевкия). Однако факты женского анахоретства единичны и не дают права утверждать, что для женщин первая стадия формирования монашества играла существенную роль.

Одна из первых христианских женских общин была основана в Низибийской пустыне (Месопотамия) диакониссой Платонидой. Жилищами для дев здесь были пещеры. Эта община к 300 г. насчитывала уже 50 человек и отличалась очень строгим уставом: пищу девы принимали один раз в день, в пятницу не занимались никаким трудом, а с утра до вечера молились, пели и читали Святое Писание [6, с. 130]. После смерти основательницы (308 г.) во время "великого гонения" это поселение было уничтожено.

Однако многие исследователи считают основательницей пустынножителства для жен и дев преподобную Синклитихию. После смерти богатых родителей она продала свое имущество и поселилась в гробнице родственников вместе со слепой сестрой. Носила одежду философов: черную хламиду и головное покрыва-

ло, которое опускалось на лицо при виде мужчин. Вскоре вокруг нее стали собираться женщины, которых она объединила в общину, основанную у города Александрия в Египте. Ее поучения, отрывки из которых записывались дошли, до наших дней [5, с. 39-81]. В них — размышления девы о нестяжании, болезни, страхе согрешить, о нерадении монахов, сердечном смирении, человеческих помыслах. Мысли, глубокие и очень верные, демонстрируют глубокий ум Преподобной. Изучение этих отрывков важно прежде всего тем, что в данном случае мы впервые сталкиваемся с образом женской раннехристианской письменности, т.к. маловероятно, что "слова" отшельницы записал мужчина. В поучениях прослеживается одна интересная закономерность: свое общезнание Синклитихия называла киноией. А если учесть, что основание собственно киноийного монашества относится лишь к 20-м гг. IV в., (свое общезнание отшельница основала на рубеже III—V вв.), то александрийская подвижница в некотором роде предвосхитила Пахомия. Но первенство может заключаться только в употреблении термина, которому был позднее придан общеупотребительный смысл. В подтверждение данной гипотезы польский историк-религиовед Я. В. Ковальский утверждает, что египетский аскетизм казался прежде всего мужчинам, а восточная монашеская литература была решительно андифеминистской [7, с. 371-372].

Еще в середине IV в. было очень мало женщин, которые проводили бы свою жизнь в специальных общинах. Большинство из них давали обет девства (разрешенный с 17 лет) и продолжали жизнь в доме родителей. Об этом говорит нам "Послание о девстве" Афанасия Александрийского, которое он посвятил вопросам образа жизни таких дев. Им предписываются смирение, воздержание, послушание, пост, молитвы, пение псалмов, дела милосердия. Они должны также носить специальный наряд: черную верхнюю одежду и головной убор без бахромы, полностью покрывающий все участки тела. Свой обет и образ жизни девы не должны были афишировать, чтобы избежать греха тщеславия [8]. Подобные рекомендации дает Иероним в письме к Евстохию. Он советует ноннам — посвященным девственницам — не посещать дома вельмож, не знакомиться со светскими женщинами, слушать родителей, общаться только с постыющимися и молящимися женщинами, бодрствовать ночью, питаться умеренно, много читать, не быть гордыми и тщеславными, не общаться с монахами-ремоботами, которые живут в городах и замках и не признают над собой никакого начальства (Epist. 21).

Официальное оформление христианского киноийного монашества приходится на начало IV в. Местом его рождения счита-

ется Египет. Но сирийский писатель Афраат (23 его поучения написаны в промежутке между 336/337 и 345 гг.) описывает еще одно довольно своеобразное явление аскетической жизни персидских христиан сирийского происхождения — как женщин, так и мужчин: «вместо детей они получают имя, лучшее сыновей и дочерей, и вместо воллей дочерей Евы они поют песни Жениха. И тогда как брачный пир дочерей Евы продолжается семь дней, ваш жених не удалится вовек» [9, с. 424]. Афраат называет их «дочерьми завета». Наряду с «сынами завета» они выступают как самостоятельно развившийся клирико-монашеский институт. В документе, изданном антиохийским патриархом Игнацием Ефремом II Рамани в Риме в 1899 г. — *Acta Sanctorum Confessorum Guriae et Shamoniae eharata syriaca lingua a Teophilo Edesseno anno Christi 297* эта должность (*bhth Qувтв*) выделяется параллельно с монахи-нями [9, с. 418], что дает право утверждать об их неидентичности.

Союзы сынов и дочерей завета в Сирии находились под управлением епископа. Они носили специальные траурные одежды. Правила эдесского епископа Роббулы указывают, что они не жили в монастырях, а, скорее всего, в домах своих родителей или же отдельно со своими родственниками по духу (№ 54); они не давали обета бедности, и в случае необходимости о них должны были заботиться священники и диаконы (№ 44); с другой же стороны, им запрещалось жить с мирянами (№ 37) [9, с. 426-430].

Анализ сирийских источников позволил Анатолию сделать вывод, что сыны и дочери завета «дают нам соединительное звено аскетизма первых трех веков, всегда жившего в церкви, с отшельничеством и собственнo-монашеской жизнью» [9, с. 407]. Эта гипотеза, довольно весомая, естественно, имеет право на существование. Но нельзя забывать, что это явление описывалось только применительно к сирийской церкви начала IV в. и не имеет адекватных аналогов в других восточных провинциях и на Западе. Очевидно, в Сирии монашество развивалось автономно, и, по утверждению Г. В. Флоровского, не имело египетских корней [10]. В то же время образ жизни дев эпохи Афанасия Великого дает некоторую возможность провести параллели с сирийскими отшельницами.

Последним этапом формирования античного христианского монашества стали кинувитии. Первая была организована на берегу Нила в Тавенне в районе 320—325 гг. Пахомием [11]. Через несколько лет там же, на противоположном берегу реки, в месте Мень для его сестры Исидоры была основана женская обитель. К середине IV в. она насчитывала около 400 сестер (Pallad. Laus. 34). Вообще Пахомием были организованы 7 мужских и 3 женских общины. На первых порах они занимались в основном хозяйствен-

ной деятельностью. Женщины Тавенны ткали лен и шерсть. В своем распорядке дня они руководствовались правилами, которые Пахомий разработал для мужских обителей. Одно из них касалось непосредственно женщин: «Никто не должен ходить в женский монастырь, чтобы посетить там кого-нибудь, исключая определенных на сие старцев и назначенных на служение монахиням» (Rachon. Reg. 49). Как видно, мужчины, скорее всего, в женском монастыре выполняли некоторые работы, с которыми женщинам было трудно справиться. Встречи с мужчинами инокиням запрещались. Их могли навестить только родственники. Беседы с ними проходили в присутствии настоятельницы. А священник и диакон посещали женский монастырь только по воскресеньям на время службы.

Публия (ум. в 363 г.), диаконисса антиохийской церкви, собралла вдов и дев и вместе с ними проводила подвижническую жизнь [6, с. 175-180]. Мать Василия Великого Эммиллия (ум. в 368 г.) и сестра Григория Нисского Макрина (ум. 379) жили в монастыре и занимались, по всей вероятности, воспитанием девочек. Они построили обитель в пустынной местности [6, с. 207-226].

Известной фигурой в истории женского монашества стала римская вдова Павла. Во время своего паломничества в Вифлеем, куда она отправилась с дочерью Евстохией около 385 г., она строит мужской, а затем и женский монастырь (объединив три ранее созданные женские общины), где проводит 20 лет (Hieron. Epist. 88). В открытии женского монастыря Павле помогала другая богатая римлянка, Мелания Старшая [14, с. 54]. Образ жизни в этой обители описывает Иероним, который был настоятелем мужского монастыря. Строгая дисциплина, затворничество и бедность, рукоделье, забота о ближних и общее богослужение — основные принципы этих общин.

Иерусалим стал центром монашества уже под влиянием Запада во второй половине IV в. Вообще монашество на Западе — более позднее явление. И все исследователи сходятся во мнении, что образцами западных обителей стали монастыри Востока. Но Л. Х. Офм выделяет в римской церкви IV в. специфические женские до-монашеские формы аскезы. Это римские аристократки, члены «аскетических дамских кружков», духовным руководителем которых был Иероним в римский период его жизни (382-384 гг.) [2, с. 62]. Элитарный характер монашества в Италии подчеркивает и Я. В. Ковальский [7, с. 384]. В это же время известна и первая женщина на Западе, давшая обет монашества. Ею была римлянка Марцелла, которая под влиянием проповеди Афанасия Александрийского основала женскую общину, посвятила себя помощи бедным и погибла от ран, нанесенных ей воинами Алариха во вре-

мя взятия и падения Рима. В 386 г. Павла пишет Марцелле, своей подруге, письмо из Вифлеема, где к этому времени она уже основала женскую общину. Вероятно, “Общество женщин” было создано Марцеллой около 380 г. В него вошли состоятельные римлянки, давшие клятву: «подавать в себе естественные желания и побуждения, отказываться от жизненных благ и удовольствий посредством принятия временных или постоянных обетов целомудрия, бедности и послушания» [14, с. 53].

К концу IV в. женское монашество как на Востоке, так и на Западе приобрело массовый характер. Палладий упоминает, что в районе города Оксиринха живет около 20 тыс. инокинь; в г. Антиное — 12 женских обителей (Laus. 120). В Тагасте (Северная Африка) создает мужскую общину Августин, а его старшая сестра, вдова, возглавляет женскую группу, правила жизни в которой основывались на принципах воздержания и отречения от мира. В начале IV в. Карфагенский собор дал конкретные указания, которые можно рассматривать как основу для позднейших монастырских правил (Concilium Karthaginum Primum. Cap. III) [12]. Существовали и специальные правила для женских монастырей, названные в историографии “правилом святого Августина” (датируется около 420 г.). Это были адаптированные для женщин Гиппонского монастыря предписания, которые Августин первоначально написал для мужских монастырей [13].

В основе организации любого монастыря лежит устав. Известны уставы Пахомия, Иеронима, Августина. Но наиболее подробно правила женских обителей даны учредителем общежительного монашества в Каппадокии Василием Великим. Он предписывает: “В одежде — благоприличие, в обращении с мужчинами — осторожность, в снах — умеренность, в приобретении необходимого — не излешества” (Epist. 166). Требования его касаются и внешней жизни: он считает нежелательным для женщин покидать обитель и общаться с мирянами, тем более — с мужчинами. Если все же в таком свидании возникает необходимость, проводить его рекомендуется в присутствии одной или двух сестер и максимально сократить его срок. Даже со священниками во время исповеди рядом с молодой девой должна была находиться старца. Складывается впечатление, что уединение более строго устанавливалось для монахинь, чем для мужчин-аскетов. На дев, нарушивших главный обет, Василий Великий накладывает довольно строгое наказание: они на 4 года лишались причащения, первый год их даже не пускали в церковь и только на третий год разрешалось покаяться. Естественно, при этом падшая дева должна была проводить одинокую, богобоязненную и праведную жизнь (Epist. 191; Reg. 22). Аскети-

ческие писания Василия Кесарийского стали основой монашеской жизни на христианском Востоке [15].

Внешне монахини практически ничем не отличались от мужчин-иноков. Они должны были стричься и носить колдовий (поколенную рубаху без рукавов), кожаный пояс, кукуль (шапочку). Обувь у многих из них не было; но это скорее — добрая воля отдельных дев. Жития святых упоминают Феодору Александрийскую (ум. в 415 г.), настоятельницу общины инокинь-сандальниц, названных так по виду обуви [6, с. 23-26]. Это выделение их из общего числа монахинь можно оценить двояко: либо сандалии — это самая простая обувь, и многие монахини носили лучшую, либо даже такая обувь для монахинь была редкостью. Рекомендации относительно одежды дает посвященным девицам Иероним: «Небрежная чистота, и при грубой одежде самая опрятность без заботливости о ней» (Epist. 23).

Единственное, что отличало от мужчин женщин в монастырях, — они не носили милоти (кожаная одежда, которая набрасывалась поверх хитона). Монахини не должны были носить украшения и дорогие нарядные одежды. А 45 канон III Константинопольского вселенского собора (680-691 гг.) запретил использовать украшения даже перед постритом [16]. И еще одна специфическая деталь внешнего вида, характерная, по всей вероятности, для всех иноков: они очень редко умывались. Вот как отмечает это Палладий в рассказе о деве Сальвии: “вот теперь мне уже 60 лет, а я, кроме очечностей пальцев, и то только когда готовилась к причащению, не умывала ни лица, ни ног, ни другой какой части тела” (Laus. 124). Вероятно, это преувеличение. Но оно было призвано демонстрировать отречение от любых радостей и комфорта для тела.

Основная масса монахинь жила в кельях по 1-2 человека. Они вели общинный образ жизни. Но все же и среди них встречаются так называемые затворницы — женщины, которые долгое время не выходили из закрытых помещений. Недалеко от Палладия близ рода Антиноя жила дева, которая 60 лет не выходила из своей кельи; 25 лет не покидала своего жилища другая римская дева, утверждая, что она умерла для мира (Pallad. Laus. 122; 71).

Неоднократно встречалась еще одна, довольно интересная форма женского подвижничества: некоторые жены и девы тайно в мужской одежде становились обитателями мужских монастырей. Так, 38 лет под именем Измарда живет в Александрийском монастыре Евфросинья; там же, как Дорофей, исцеляет людей Аполлинария. В Вифинии изгоняет злых духов монах Марин (Мария), но по обвинению в прелюбодеянии и совращении девы ее изгоняют; эту же судьбу повторяет преподобная Феодора, вынужденная 7 лет воспитывать чу-

жого ребенка [17. Ч. 1, с. 497-510, 236-257; Ч. 5, с. 191-202; Ч. 6, с. 247-254]. Чем объяснить готовность женщин к такому сложному подвигу? Конечно, у каждой из них — свои побудительные мотивы (одна накладывает на себя испытания за супружескую измену, другая не желает выходить замуж и скрывается от родных). Но многочисленные примеры таких женщин должны были, по всей вероятности, продемонстрировать борьбу слабого пола с плотью, что, по мнению отцов церкви, для них было самым серьезным испытанием. И все же ношение женщинами мужской одежды осуждалось (Hieron. Epist. 21), а 13 канон Гангрского собора (середина IV в.) вообще запретил удаление женщин в мужские монастыри [18].

Таким образом, раннехристианское женское монашество стало неотъемлемой частью христианского монашества античной эпохи вообще. Взгляды различных ученых и историков дают нам общую картину происхождения монашества и как идеи, и как института. Отсюда истоки женского монашества можно видеть в должностях вдов и дев еще в апостольскую эпоху. Идеи отказа от плотских желаний прослеживаются в таком специфическом христианском явлении, как духовный брак (синисактизм). Непосредственными предшественницами монахинь на Востоке (Сирия) являются “дочери завета” и девы эпохи Афанасия. Одновременно с мужским по-является женское анахоретство и “аскетические женские кружки” в Риме. Различные источники III—IV вв. дают многочисленные примеры аскетических подвигов женщин и описывают первые женские киновитийные обители. Тайная жизнь некоторых жен и дев в мужских монастырях свидетельствует о поиске ими новых, более достойных форм служения и своего личного спасения. Становление женского монашества, таким образом, демонстрируется нам на всех ранних этапах развития христианского монашества.

Укрепление власти епископата в церкви, борьба церкви с рядом еретических сект, а затем и развитие клерикального служения. По сути, для женщин остался один путь — монашество с его уходом от реального мира. Однако в тот период, когда христианство было гонимой религией, у женщин-христианок был еще один путь обрести особое положение в церкви — обретение ореола мучениц или исповедниц. Мученики и исповедники были настоящими христианскими героями. Их стойкость в вере, решимость пожертвовать всем, в том числе и жизнью, ради веры сыграли огромную роль в чрезвычайно трудные для христианства периоды гонений. Примеры их стойкости вдохновляли многих слабых духом, они создавали героический ореол христианской религии, служили образцом непоколебимости в вере и праведности многим поколениям христиан.

Неслучайно культ мучеников начал формироваться еще во времена первого общеперского тонения на христиан при императоре Деции. Современник этого тонения карфагенский епископ Киприан требовал фиксировать дни смерти мучеников, чтобы затем ежегодно отмечать их память (Epist. XII. 2).

Разумеется, далеко не все смогли пойти по пути мученичества и исповедничества. Но среди этих людей, объявленных святыми, было и немало женщин. Своими подвигами за веру женщины-христианки показали, что они отнюдь не являются слабыми существами по своей женской природе. Феномен христианского мученичества ярко продемонстрировал христианское равенство мужчины и женщины. Причем, в экстремальных условиях.

Вместе с мужчинами идет на костер христианка из Пергама Агафоника, отказавшись принести жертву языческим богам (Pass. S. S. Petr. et Agath. 6). С ребенком арестовывают и бросают в тюрьму Перпетую (203 г.) [19-22], но она не поддается на угрозы отца, достаточно влиятельного в Карфагене человека, и отказывается принести жертву даже после того, как у нее отнимают маленького сына. Из тюрьмы Перпетуя писала о первом дне своего заключения: «Тогда это было мне испытанием, я была испугана, потому что я никогда не была раньше в такой темноте... Чрезмерная жара от множества людей, грубое обращение солдат, и, наконец, забота о моем ребенке — все это делало меня несчастной» (Pass. S. Petr. et Felicit. 8. 3). Английский исследователь эпохи становления христианства У. Френд наряду с Passio Sancti Perpetuae упоминает дневники Перпетуи [23]. С Перпетуей в тюрьме находилась Фелицита. Она рождает накануне своей смерти. Описание смерти также было призвано будить в читателях ужас: двух женщин бросают на цирковую арену для боя с бешеной телкой (Pass. S. Petr. et Felicit. 8. 15-20). Казнь над египтянкой Потамимэной и ее матерью «состояла в том, что различные члены ее тела, начиная с ног до головы, медленно мало-помалу обливаемые были кипящей смолою» (Euseb. H. E. VI. 5). А она в это время своим поведением и словами смогла убедить в истинности христианства своего караульного — солдата Василида (Pass. Potaim. 9).

Случалось даже, что после страшных мучений женщины оставались живыми: «Жития Святых» приводят примеры перво-мученицы Феклы, фригийки Ариадны, преподобномученицы Евдокии из Сирии [17, ч. 1, с. 466-478, 343-344; ч. 7, с. 5-38]. Пытки и издевательства должны были продемонстрировать силу духа христиан, которых поддерживает Господь. Вряд ли реально была возможность выжить после таких издевательств, однако они свидетельствовали, что истинно верующие не будут оставлены.

Еще одним подвигом святых мучениц было обращение ими в истинную веру их мучителей. Благодаря Ермонию, одной из дочерей апостола Филлиппа, становятся христианинами ее палачи [17, ч. 1, с. 113-115]; великомученица Евфимия обращает в христианство двух своих стражников [17, ч. 1, с. 308-317], Иустина — “колдуна” Киприана, который преследовал святую девственницу [17, ч. 2, с. 37-52], а девятилетняя Василисса из Никоидии привлекла к новой вере правителя [17, ч. 1, с. 73-75].

Мученицами становились и отступницы, проявившие стойкость перед испытаниями: Вивлино «временные страдания привели ... к мысли о вечной геене, и она начала защищать христиан» (Euseb. H.E. V.1). Каллисте помогла вернуться на путь истинной веры и принять мученический венец святая дева Доротея [17, ч. 6, с. 106].

Звания святой могла быть удостоена и женщина-блудница: так, 13-летняя римлянка Агния, отказавшаяся от брака, была отправлена в публичный дом, где обратила в христианство 160 человек [17, ч. 5, с. 245].

Для женщин церковь вообще делала акцент на особую важность борьбы с плотскими страстями. Поэтому мученицами становились не только женщины, отказавшиеся принести жертвы богам Римской империи, но и те, кто вел борьбу за свое целомудрие: так, Фомаида из Александрии, отказалась сожительства со своим свекром, за что и была им убита [17, ч. 8, с. 196].

Интересно, что именно в “женских” актах и пассажах христианских мучеников (которые с уверенностью можно признать подлинными) содержится немало трогательных, казалось бы чисто бытовых, житейских деталей, которые не присущи описаниям подвигов за веру мужчин-христиан. Неизвестные нам авторы пассаионов словно акцентируют внимание на таких характеристиках женской психологии, как любовь к детям, мужу, родителям. Эти чрезвычайно важные для женщины связи мученице-христианке предстоит переосмыслить в экстремальных условиях, сделать необыкновенно тяжелый выбор между любовью к родным и близким и верой в Христа. Потрясающе выглядят душераздирающие сцены уговоров отцом мученицы Перпетуи с маленьким сыном на руках, крики в ее адрес из толпы на форуме: «Принеси жертву, пожалей дитя» (Pass. S. Petr. et Felicit. 3.5-6). Не менее впечатляюще выглядит ответ Агафонки на призывы проконсула пожалеть своих детей и принести жертвы: о детях позаботится Бог (Pass. S. Carpi, Pamph. et Agarh. 6). Женщины-мученицы отрезались от родных ради веры, но при этом сохраняли свою любовь к ним, показывая множество ее трогательных примеров.

В пассаионе Агашы, Ирины и Хионии, относящемся к гонению Диоклетиана, Ирина отрывается от своих родителей, желая спасти их от обвинения в соучастии в хранении священных книг [5]. Кстаги, в этом пассаионе встречается и вовсе редкая бытовая деталь: на недоуменный вопрос префекта Дульцития к исповеднице Евтихий, как та могла забременеть, если ее муж умер 7 месяцев тому назад, та ответила, что беременна “от человека, которого Бог дал мне” [3]. Очевидно, авторы пассаионов стремились подчеркнуть, что женщинам-мученицам приходилось гораздо сложнее порывать свои связи в земном мире при совершении тяжелейшего последнего выбора между духом и плотью. Материалы пассаионов опровергают мнение ряда исследователей, что для мучеников было присуще отрицание брака [24].

Именно женщины были в тяжелое время гонений рядом с пострадавшими за веру. Они посещали в тюрьмах исповедников, они же и погребали мучеников (дочь Траяна Дросиада, которая крестила сама себя и бросилась в печь с другими христианами; римлянка Анастасия служила мученикам во время Неронового гонения) [17, ч. 7, с. 429-432; ч. 8, с. 231].

Примеры таких женщин должны были стать образцом для подражания всем христианам. Недаром отцы церкви ставили подвиг мучеников на первое место в служении Богу. Времена гонений прошли, но в культе святых мучеников христианские женщины-героини заняли важное место.

Первоначальное христианство, таким образом, предоставило женщине не только духовное равенство, но и возможность активного служения в общинах. Очевидна и бесспорна роль женщин в распространении нового учения, однако она менялась с течением времени. Появление женских должностей в церкви было важным аспектом христианской концепции в целом; это на практике доказывало тезис всеобщего равенства. Однако с укреплением церковной организации позиция клира в женском вопросе претерпела значительные изменения, связанные с развитием церковной структуры, укреплением монархического епископата, борьбой с ересями. В то же время роль и положение дев, на наш взгляд, остались практически неизменной; изменилось лишь рекомендуемое место их проживания. Это обусловлено, по всей видимости, основной функцией, которую девы несли в церкви, — служить образцом для подражания в христианской среде. Одной из форм служения являлось мученичество, которое представлялось христианами как прямой путь к личному спасению; при общем равенстве в мотивации мученичества мужчинами и женщинами, женщинам было тяжелее порывать связи с земным миром. Монашество стало последней в

античном христианстве и дошедшей до наших дней формой официального клирикального служения женщин в церкви.

Ἐπίθι-ἱεῖεῖ εἰςῶδαῶδαῶδα

1. Heussi K. *Der Ursprung des Monchtums*. Tubingen, 1936. S. 280-304.
2. Офм Л. Х. История христианского монашества. СПб., 1993.
3. Гарнак А. Монашество, его идеалы и его история. СПб., 1908. С. 9.
4. Ловягин А. М. Монашество // Христианство. М., 1995. Т. 2. С. 148.
5. Еланская А. И. Колтты и их литература // Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. Петербург, 1993.
6. Филарет. Жития святых подвижниц восточной церкви. М., 1994.
7. Kowalski J.W. *Monastycyzm wczesnochrzescijanski* // *Katolicyzm starozytny, jako forma gozwoju pierwotnego chrzescijanstwa*. Warszawa, 1969. S. 371-372.
8. Афанасий Александрийский. О девстве / Цит. по: Казанский П. С. Основание женских иноческих обителей в Египте // Прибавления к творениям святых отцов. XII. М., 1853. С. 606-615.
9. Анатолий. О начале и происхождении сирийского монашества // Труды Киевской Духовной Академии. 1910. Т. 1.
10. Флоровский Г. В. Восточные отцы V—VIII вв. М., 1992. С. 143.
11. Jonson P.A. *History of Christianity*. London, 1976. P. 140.
12. *Patrologiae: Cursus completus seu bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica omnium ss. patrum, doctorum, scriptorumque ecclesiasticorum. Series latina prior*. Paris, 1862. Т. LXXXIV. S. 181.
13. Alexandre M. *Early Christian Women* // *A History of Women In the West: In 6 v. London, 1997. V. 1. P. 412*.
14. Трагер Д. Великие женщины. М., 1999.
15. Shepherd M.H. *Christianity and crush of Rome* // *A Short History of Christianity*. Chicago, London, 1967. P. 44-45.
16. Деяния вселенских соборов. Казань, 1871. Т. 6. С. 607.
17. Жития святых. По руководству Четырех-Миней святителя Димитрия Ростовского. [М., 1991]. Кн. 1-12. Репринт. воспроизв. изд. М., 1902-1911.
18. Правила Святых поместных соборов с толкованиями. М., 1880. С. 120.
19. Carrington Ph. *The Early Christian Church*. Cambridge, 1957. Vol. II. P. 425.
20. Frennd W.H.C. *The Donatist Church*. Oxford, 1952. P. 118.
21. Simon M. *La civilisation de l'antiquité et le christianisme*. Paris, 1972. P. 221.
22. В. М. Святая мученица Перпетуя и святой Сатир // Духовная беседа. 1860. Т. 9. № 5. С. 131.
23. Frennd W.H.C. *Archaeology and History in the Study of Early Christianity*. London, 1988. P. 534.
24. Riposati B. *La struttura degli Inni alle tre vergini martiri del "Penistephanon" di Prudenzio* // *Paradoxos politeia. Studi patristici in onore di Giuseppe Lazzati*. Milano, 1979. P. 30.

М.А. Буланакова

МЕНТАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗ ЗНАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ ЦЕРКОВНОГО БРАКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

Наиболее широкое влияние в феодальной среде церковный брак стал играть с середины XII в. Утверждение христианской идеологии в сфере брачных отношений базировалось, с одной стороны, на признании того, что институт брака существует для подчинения женщины мужчине, а мужчина наделен законными правами на обладание женщиной, и с другой стороны — на представлении о том, что брак является необходимым условием социального порядка. Брак, как элемент существующей феодальной системы, был призван способствовать ее консолидации, укреплению порядка взаимных обязательств, призван обеспечивать длительное существование социальных структур. По замечанию Ж. Дюби, брак содействовал стабильности власти и собственности [1].

Отношение знати к браку в этот период определялось практическими целями продолжения рода, укрепления материальных позиций, повышения престижа и безопасности линияжа. Брак рассматривался как средство политической стратегии родового объединения в системе феодальных связей. С точки зрения духовенства, брак как социальный институт способствовал регламентации отношений между полами в соответствии с принципами христианской морали, укреплявшей традицию подавления сексуальности, глубокого размежевания чувства сексуальной удовлетворенности в браке и чувства любви между супругами.

Высокие требования и ожидания в сфере брачной политики со стороны феодальной знати, жесткие моральные стереотипы, нарастающие церковной пропагандой, а также связанное с этим противостояние идеальной модели брачного союза и реальных жизненных условий, в которых существовала супружеская пара, способствовали подъему психологической напряженности в рамках церковного брака [2]. Дисбаланс в отношениях между полами официальной идеология пыталась разрешить путем закрепления за женщиной и мужчиной определенных социальных ролей, а также путем формирования ценностных стереотипов в воспитании полами друг друга.

Понимание роли женщины было неоднозначным: с одной стороны, в контексте общекультурных ценностей, она являлась носителем отрицательных качеств, представляя негативный полюс ценностной иерархии христианского мира, сочетая в себе источник

бедствий для мужчины и прибежище дьявольских сил, с другой стороны женщина, находясь в зависимости от мужчины, являлась его помощницей, выполняла функцию матери или же сохраняла себя для служения Богу, оставаясь девственницей.

Антифеминистская направленность религиозной пропаганды XII-XIII вв. способствовала формированию и закреплению бытовавшей в средневековом обществе женоненавистнической традиции. Наиболее яркие и устойчивые негативные стереотипы в восприятии женщины были обязаны своим происхождением периоду борьбы за утверждение церковного брака. Современница Столетней войны, одна из первых сторонниц женского равноправия Кристина Пизанская неоднократно обращается к примерам XII-XIII вв., разъясняя наиболее типичные заблуждения по поводу женской природы, выявляя истоки антифеминизма как в прошлом, так и в современности. Ее «Книга о граде женском» является результатом переосмысления традиционного толкования соотношения полов и роли женщины в социальной среде. Рассуждая о сотворении женщины, писательница критикует антифеминистскую по сути церковную идеологию предыдущих столетий. Кристина придает своей позиции онтологическое звучание, обращаясь к проблеме творения, она постулирует: образ Бога запечатлен не в теле, а в душе человека, и «Бог сотворил совершенно одинаковые, равно благие и благородные души для мужского и женского тела» [3]. Участница Судов Любви и куртуазных прений, Кристина Пизанская опровергает религиозные основы женоненавистнической практики, кристаллизованные ранее в сводах канонического права, подобных широко известным Декреталиям северойталянского юриста Грациана.

Негативный образ женщины, сотканный из низменных желаний, уродливых черт характера, противоречивости и порочности женской натуры, был создан средневековым в соответствии с традицией жесткой субординации между мужчиной и женщиной. В Своде Грациана женщина трактовалась как существо низшее и зависимое от мужчины. Поскольку она не была создана по образу Бога, то, следовательно, не была способна действовать самостоятельно, не обладала властным авторитетом и правоспособностью как мужчина. Сотворенный по образу и подобию Бога, он изначально обладал гарантиями более высокого статуса и превосходства над женским началом. Женщина же, напротив, оставалась незащищенной, ее положение в обществе определялось исключительно посредством ограничений и запретов. Социальная активность женщины ограничивалась властью мужчины, которому она была обязана служить по установлениям канонического права. Женщи-

на «не может учить, выступать свидетелем в суде и гарантом в сделках, она не имеет права заседать в суде...» [4]

Преломление канонических стереотипов сквозь призму жизненных реалий привело к складыванию нарицательного женского образа, сдобренного характерными для времени эпитетами «буря в доме», «ненасытное животное», «препятствие к исполнению обязанностей» [5]. Моральные и бытовые характеристики женщин, представленные в нарративной традиции XII-XIII вв.: городской повести, сборниках коротких рассказов, предназначенных для включения в проповедь и др., построены на перечислении женских пороков, их осуждении и осмеянии. Лживая женушка из новеллино Мазуччо о «волшебных штанах», необузданно упрямая молодая жена из фавлю о «стриженом» луге, распутная монашенка из сборника проповедей Жака де Витри и многие другие образы вполне адекватно отражают общекультурные представления о женщине средневековья.

Чрезмерность черной краски в характеристиках женщин наводит на размышление об истоках столь явной и неприкрытой агрессии. Кристина Пизанская видит причины нападков на женщин, с одной стороны, в добрых намерениях служителей церкви, поступающих так, чтобы отвратить заблудших мужчин от падших женщин, с другой, — в недостатках и изъянах самих мужчин, которые путем агрессии в адрес женщин пытаются скрыть собственные комплексы [6]. Критика в адрес мужчин-женоненавистников со стороны куртуазной сочинительницы позволяет выделить основные условия, способствовавшие рождению антифеминистского мифа средневековья, воспринятого последующими эпохами. Во-первых, в рамках ментальных представлений мужской мир средневековья выстраивал женский образ в соответствии со шкалой мужских достоинств, что сразу приводило к несостоятельности женщины. И, во-вторых, женщина, включенная в систему социальных связей на правах подчинения мужчине, была скована в своей социальной активности условиями сеньориально-феодалной системы. Роль женщины в наиболее значительных сферах жизни общества была минимальна, что делало ее более доступной для морализирующей критики как со стороны церкви, так и со стороны мирян.

Образ средневековой женщины, деформированный в сторону негативного полюса, образ некоего морального монстра, поддерживался и развивался в сознании современников на протяжении XII-XIII вв. параллельно с эпизодически возрастающим престижем женщины в феодалной среде. Истоки повышения статуса женщины французский историк Р. Фоссье связывает с укреплением сеньориальной системы. Феодалная революция XI в. способ-

ствовала улучшению экономических условий жизни общества, укреплению таких социальных и хозяйственных ячеек, как «дом», «деревня», «приход», «община», что привело к закреплению за женщиной ряда ключевых хозяйственных и культурных функций: «ведение дома», непосредственное распоряджение питанием семьи и обеспечение ее одеждой, воспитание малых детей, культ умерших предков, сохранение родовых реликвий, поддержание в семье необходимого морально-психологического континума. Вызывающая демонстрация мужского превосходства в этих условиях, по мнению Р. Фоссье, скрывала в реальности «матриархат» [7].

Параллельно с расширением хозяйственно-экономических функций, повышением статуса женщины в домохозяйственной сфере, за ней закрепляются престижные общекультурные функции, которые признавались достойными уважения и почитания. Прежде всего это положительные ролевые функции матери или страдающей девственницы. Социализация и сакрализация основных ролевых функций женщины происходит, в основном, благодаря становлению церковного брака. Таинство брака и культ Девы Марии становятся своеобразной охранной грамотой как для замужней женщины, так и для девственницы Христовой Невесты. При этом отрицательный женский образ выступает лишь как средство регулирования, регламентации и подавления проявлений женской социокультурной автономии. Критические оценки женщины воспринимаются как ответная реакция на повышение ее социального статуса, возможность принизить значимость домохозяйственной сферы, в которой женщина получила наиболее высокие права и, прежде всего, возможность хозяйственно-административного управления и воспитания детей. В контексте социальной структуры антифеминистская пропаганда сдерживала проникновение женщины в привилегированно мужские сферы социальной активности, в такие как политика, религия, юрисдикция [8]. По версии одного средневекового фарса, подобная ситуация была бы также нелепа, как если бы мужчина рожал, а женщина воевала.

В условиях социокультурной дискриминации более широкие социальные перспективы имела женщина знатного происхождения, что обеспечивалось господствующим положением землевладельческой и военной аристократии. На примерах жизнеописаний знатных женщин Алиеноры Аквитанской (1122-1204), св. Иды (1040-1113), Адельи Шартрской (1061-1137), Марии Венгаторнской (ум.1222) можно обнаружить те социальные реалии, в которых проявлялись наиболее заметные изменения в статусе женщины. Эти героини исторических хроник, житийной литературы, провансальской поэзии трубадуров разрушают официальные

представления о допустимой социальной активности женщины в феодальном обществе.

Ж. Дюби в статье «Матрона и незамужняя женщина» выделяет наиболее типичные черты статуса знатной дамы: происхождение, нравственность, красота, равный брак. Ведущее место среди этих качеств занимает «титул рода» [9]. Власть и богатство, основные атрибуты дворянства, гарантировали женщине этого круга почетительное отношение со стороны общества и возможность активно влиять на окружающих. Однако не каждая знатная женщина могла подобно Алиеноре Аквитанской участвовать в крестовом походе, управлять королевством на правах регента и опекуна, возглавлять восстание против собственного мужа, устраивать браки детей. Полнота привилегий женщины зависела от той ступеньки феодальной иерархии, которую занимал ее муж, отец или сын. Авторитет мужчины, авторитет рода являлись той благоприятной средой, в которой формировалась социокультурная автономия женщины. В этом ракурсе становятся более понятными действия графини Адельи по отношению к собственному мужу Стефану Шартрскому [10]. Дочь Вильгельма Завоевателя Адель не признала действия супруга достойными чести их семьи, обвинила его в трусости и требовала до конца исполнить религиозный долг крестоносца, так как Стефан, будучи участником первого крестового похода, покинул военный лагерь. После чего реальная угроза для семьи Стефана Шартрского стало отлучение папы Урбана II и осуждение со стороны общества. Защищая престиж семьи, Адель настойчиво убеждала мужа вернуться в Святую Землю. По словам Ордерика Виталия: «Она говорила ему: "Вспомни о рвении, которым ты был извещен в молодости, и возьми оружие славного рыцарства ради спасения многих, так, чтобы во всем мире возликовали христиане..." [11]. «Спасение многих» обернулось бы спасением семьи, спасением престижа наследников, спасением авторитета самой Адельи. И только гибель Стефана в одной из последующих крестовых экспедиций полностью оправдала его род в глазах современников.

Конфликт одной из самых блестящих супружеских пар в Западной Европе XII в. ярко иллюстрирует возможность влияния знатной женщины в вопросах морали, долга, родовой чести. Адель, защищая авторитет семьи, собственный статус, вступает в противоречие с мужем и, более того, оказывает решающее влияние на его окончательный выбор. Графиня Шартрская придерживается общепринятых взглядов на долг крестоносца, защищает принципы официальной идеологии.

С. И. Лучицкая, на основе анализа материалов исторических хроник, приводит широкий спектр данных о деятельности графини

после смерти мужа. Поступки графини подтверждают широту ее влияния в феодальной Европе XII в.: она вступает в конфликт с епископом Ивом Шартреским и выигрывает судебную тяжбу, пытаясь урегулировать конфликт английской короны и Ансельма Кентерберийского, ведет переписку с признанными авторитетами католического мира. Она разрушает общепринятые представления о способностях женщины, активно вмешивается в сферы политического, социально-экономического управления. Негипичный с точки зрения общекультурных установок средневековья образ графини Шартрской во многом становится стандартным с признанием ее зависимости от авторитета отца и мужа, поскольку социальные перспективы знатной женщины оставались в сфере влияния глав феодальных родов.

Поведение знатной женщины в обществе прогнозировалось в соответствии с теми положительными функциями, которые приписывались ей в рамках церковной идеологии. Стандартный набор качеств высоконравственной знатной женщины распространялся с целью унификации социального поведения и утверждения контроля церковных институтов над его различными формами. Жизнеописание св. Иды, которое анализирует Ж. Дюби в своей статье «Матрона и незамужняя женщина», построено на системном развитии положительного облика знатной женщины. Общие контуры биографии Иды соответствуют ожидаемому и одобряемому типу социальной активности представительниц высших кругов общества. Положительный образ выстраивается вокруг идеи сублиминации, подчинения женщины главе рода. Так, Ида уступает решению родителей, соглашаясь на брак. В семье она предана мужу, находится с ним в согласии и следует его воле. После смерти мужа Ида переходит под авторитет и защиту старшего сына и лишь с «его разрешения, по его совету и при его помощи покровительствует монашескому движению, способствует развитию церковного строительства» [12]. В жизнеописании этой святой неоднократно утверждается идея зависимости женщины в рамках семейно-родовых связей, что соответствует общекультурным стереотипам феодального общества в воспитании женщины.

Не менее значимой характеристикой женского образа является представление о целомудрии замужней женщины и ее детородной функции. Наличие мужского потомства возвышает женщину, очищает ее природу. Заслуги сыновей Иды Готфрида Бульонского и Балдуина во многом способствовали закреплению репутации святой за женщиной, которая не была ни ревностным аскетом, ни фанатичным сторонником бедности, которая являлась действительно счастливой женой и матерью. Функция деторождения и

воспитания потомства составляла престиж женщины, являлась гарантацией ее высокого статуса не только в семье, но и в обществе, а также была реальной возможностью возвышения женщины в системе социальных связей. Одновременно с этим, Плодовитость, освященная Богом и востребованная феодальными родами, служила оправданием женской сексуальности. Критика и разоблачения дьявольской сущности женского тела составляла сердцевину антифеминистской пропаганды средневековья. В связи с этим, в ходе утверждения церковной модели брака проводились попытки размежевания представлений о женской сексуальности как источнике зла и женском теле как источнике деторождения.

В Своде канонического права при характеристике брака и сексуальных отношений на один уровень по значимости Грациан помещает понятия: Верность, Плодовитость, Таинство. Это три столпа или три основания хорошего брака. Брак, построенный на этих принципах, достоин прощения в День Страшного Суда. В Своде Грациана устанавливаются основные принципы сексуальной жизни: воздержание и бесстрастность. «В супружеском сексе одобряется воздержанность и вызывает отвращение супружеская измена, противостоит совокупление или же избыток страсти...» [13]. Такое представление о браке закономерно привело к противоречиям и двойственности в семейном положении женщины. Ее подчиненность мужу земному, плотскому рассматривалась лишь как элемент ее подчинения мужу небесному, духовному. Бог представлялся как собственник души и тела женщины, а муж являлся арендатором ее тела, как указал Ж. Дюби, феодальным арендатором. Бог был единственным объектом духовной привязанности женщины в браке. При этом чувство любви женщины признавалось лишь в качестве сублимированного переживания в сфере духовного, спиритуального. Для плотского же брака было допустимо лишь чувство почтительной привязанности и удовольствия, но не любви.

Условность и избыток данной теории, компромиссный характер церковного брака нередко приводили к крайнему толкованию супружеских обязанностей, что вызывало негативную реакцию со стороны общества в форме осуждения или осмеяния. Порничались как безмерная страстность, чувственность в браке, так и отказ от супружеских обязанностей.

Примером экстремального, крайнего понимания супружеского долга может служить история супружеских отношений графа Балдуина VI Фландрского [14]. Противоречивость и странность поведения знатной супружеской пары состояли не в том, что молодожены, вступив в брак, сохраняли целомудрие. Супруга графа

Мария после брачной церемонии закрылась в монастыре, отказавшись от выполнения супружеских обязанностей, а Балдуин, признавая выбор жены, сохранял ей супружескую верность, но в большей степени в том, что они предпочли аскетический образ жизни возможности чувственного удовлетворения, признанного церковным браком. Балдуин, будущий император Латинской империи, получил репутацию странного и нелепого. Его поведение было негигиенично и неприемлемо для средневековой цивилизации мужчин, культивировавшей чувство превосходства и агрессии по отношению к женщине.

Достоинным внимания и поощрения был путь кургуазной игры. Кургуазия выступала действенным регулятором внебрачных отношений и компенсировала противоречивость чувственного и духовного в рамках церковного брака. Более того, кургуазные отношения, признанные в феодальной среде, включали отдельные ценности церковного брака. В трактате «О любви» Андрея Капеллана, широко известном сочинении второй половины XII в., подобные вкрапления проявляются более чем наглядно. Сама логика составления трактата от восхваления любви к Прекрасной Даме до осуждения пороков женщин служит доказательством представленной о ролевой взаимодополняемости кургуазии и супружеских отношений. В «Правилах Любви», по замечанию В.А. Блонина, отражены предписания, которые «в какой-то мере характерны и для брачных норм» [15].

Несомненно, что при сопоставлении ценностей супружеских и кургуазных отношений в официальной идеологии средневекового общества преимущество отдается церковному браку, поскольку кургуазия является лишь продолжением или восполнением брачных отношений. Андрей Капеллан представляет в трактате, написанном кургуазным языком, ценности церковного брака. Автор систематичного изложения правил кургуазии дает более высокую социальную оценку брачным отношениям [16]. Брак является критерием принадлежности к определенному социальному кругу, это союз равных и достойных друг друга партнеров (Правило 11), одновременно, брак это модель, образец для характеристики взаимоотношения полов, своеобразный критерий в понимании характера и значимости кургуазных отношений. Первое правило любви допускает сосуществование супружеских отношений и любви вне брака, при этом брак не является причиной отказа от кургуазной любви.

«Правила» определяют характер кургуазных отношений, демонстрируя отрицательные стороны любовной связи в сопоставлении с брачными отношениями. Любовь непостоянное, изменчивое

чувство, которое легко исчезает (Правила 4, 13, 17, 19). Напротив, представления о браке связаны с идеей о его нерасторжимости. Чувство любви губительно для любовника, единственным источником его помыслов и деяний является предмет страсти, что приводит на путь ревности, зависимости, невосторженности, бессмысленного отказа от комфорта (Правила 2, 15, 16, 20-28). В то время как брачные отношения, регулируемые не страстью, а принципом воздержания и строгого ограничения чувственного и духовного, приводят к богоугодному образу жизни, даруют гармонию и стабильность существования. Кургуазии действительно сложно конкурировать с брачными канонами, но она выступает как регулятор отношения полов вне брака. Стержнем кургуазных отношений является любовная игра, отсутствующая в браке. Позитивный аспект «Правил Любви», представленных Андреем Капелланом, выражается в построении основных принципов кургуазных отношений, которые, возникнув в форме игры, предполагали взаимодействие двух миров, мужского и женского, взаимодействие по установленным правилам. В кургуазной игре Дама наделялась правами сензора, за ней признавалась свобода выбора отношений с миром мужчин, включая дружбу и эротические связи.

Однако в общекультурном контексте женщина по отношению к мужчине оставалась в подчиненном и приниженном положении. Кургуазные правила допускали включение женщины в мужскую игру в качестве посредника между феодальным сензором, как правило супругом Дамы, и его вассалом, как правило молодым рыцарем. Кургуазия, по мнению Ж. Дюби, являлась своеобразной школой вассалитета, в которой женщина выступала наставником для молодого рыцаря в освоении азов вассальной верности [17]. Подобная расстановка сил позволяла женщине оказывать влияние на мужской мир (хотя бы в кургуазной сфере) посредством наиболее престижных в феодальном обществе вассально-ленных отношений. Не случайно Мария Вентадорнская в ходе кургуазных прений с известным трубадуром, каноником Ги д'Юсселем отстаивала идею феодальной зависимости рыцаря от своей Дамы [18].

Идеалы вассальной верности, утверждавшиеся в поэтической традиции трубадуров, тесно переплетались с эротическими идеалами времени. Плотские устремления любовников в кургуазной игре покрывались завесой тайны, выносились на периферию отношений мужчины и женщины. Наградой за службу признавалась благосклонность Дамы, невинные знаки внимания. Но стимулом для развития кургуазных отношений оставалась возможная, а часто и обязательная любовная связь [19]. Манипулирование эротическими символами наряду с ментальными стереотипами вассаль-

но-ленных отношений придавали куртуазии особую значимость в феодальной среде. Любовная игра рассматривалась как средство социальной идентификации. Утонченная любовь или любовь как искусство, как особая наука была атрибутом представителя высших сословий.

Куртуазия предполагала совершенно новый культурный тип отношений между полами. В системе этих отношений женщина получила возможность выйти из своего приниженного состояния [20]. Однако в контексте развития феодальных отношений статус женщины не претерпел каких-либо значительных изменений. Общекультурные негативные оценки женщины в матриархальной среде были заимствованы церковным браком и тиражировались пропагандой. Положительный женский образ, закрепившийся благодаря сакрализации брачных отношений и повышению хозяйственно-экономического статуса женщины, был необходимой идеальной конструкцией для моделирования поведения женщины. Соответственно положительные и отрицательные стереотипы в восприятии женщины способствовали как формированию, так и регламентации ее социальной активности в рамках церковного брака и феодальной системы отношений в целом.

Ерлор-теее е еедордодор

1. Duby G. What do we Know about Love in Twelfth-Century France? // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994. P. 34.
2. Бессмертный Ю.Л. К изучению матриархального поведения во Франции XII-XIII вв. // Одиссей: Человек в истории. М., 1989.
3. Кристина Пизанская. Книга о «Граде женском» // Пятнадцать радостей брака. М., 1991. С. 228.
4. Цит. по: Bonnie S. Anderson, Judith P. Zinsser. A History of their Own. Vol. 1. Penguin Books, 1988. P. 191-192, 280.
5. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 257.
6. Кристина Пизанская. Книга о «Граде женском» // Пятнадцать радостей брака. М., 1991. С. 221.
7. Цит. по: Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1994. С. 100-101.
8. Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историко-рафического процесса // Средние века. Вып. 57. 1994. С. 134.
9. Duby G. The Matron and the Mismarried Women // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994. P. 39.

10. См.: Лучицкая С.И. Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII в. // Частная жизнь. Человек в кругу семьи. М., 1996.
11. Цит. по: Лучицкая С.И. Указ. соч. С. 146.
12. Duby G. The Matron and the Mismarried Women. P. 41.
13. Цит. по: Bonnie S. Anderson, Judith P. Zinsser. Op. cit. P. 137-138.
14. Duby G. What do we Know about Love in Twelfth-Century France? P. 27-32.
15. Блонин В.А. Любовные связи и их литературное преломление во Франции XII века // Частная жизнь. Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 163.
16. Андрей Капеллан. О любви // Жизнеописание трубадуров. М., 1993. С. 383-401.
17. Duby G. On Courtly Love // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994. P. 62.
18. Жизнеописание трубадуров. М., 1993. С. 119-120.
19. Подробно о теории куртуазных отношений в поэтической традиции трубадуров Прованса: Фридман Р.А. «Кодекс» «законы» куртуазного служения Даме в любовной лирике трубадуров // Уч.зап. Рязанского гос. пед. ин-та. Т. 34. Вып. 2. М., 1966; Шишмарев В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Шишмарев В.Ф. Избранные статьи: Французская литература. М., 1965. С. 191-270.
20. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей: Человек в истории. М., 1990. С. 96.

Е.Н. Сурта

ПОВИТУХИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГЕРМАНИИ: МАРГИНАЛЫ ИЛИ ПОГРАНИЧНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА?

Родовспоможение в течение столетий было областью преимущественно женской деятельности. До периода Нового времени практически невозможно было представить, чтобы мужчины-врачи оказывали помощь при родах. Тем не менее, уже в период средневековья институты патриархального общества путем регламентации начали оказывать влияние на сферу акушерства. Рождение рассматривалось в рамках религиозной картины мира позднего средневековья как одно из судьбоносных, экзистенциальных событий, в котором особенно тесно переплеталось божественное и человеческое. Оно было не только чисто медицинским процессом, который нуждался в умелой ремесленной поддержке, но рассматривался как божественно детерминированное событие, как акт творения, и поэтому было овеяно ореолом страха и табу.

В этой сфере между божественным и мирским началом человеческого существования стояла повитуха. Используя различные

травы, заклинания, молитвы и ритуальные действия, акушерки могли проводить легкие роды и принимать здорового ребенка или же, наоборот, они могли его проклясть и посвятить демонам или дьяволу. В те времена была широко распространена вера, что повитухи практикуют защитное и охранный колдовство [24, s. 39], призванное оберегать мать и ребенка от демонического влияния, от глаза и другого вреда ребенку. Именно эту цель преследовали такие ритуальные действия как, например, развязывание лент у пеленника, чулок и обуви, равно как и отпирание замков во всем доме [15, sp. 412]. Церковные каталоги исповедей подтверждают, что эти магические ритуалы, уходящие корнями в поздние средневековые времена, еще достаточно часто применялись в поздние средневековые. Так, вопросы исповеди каноника-августинца, датированной 1401 г., содержали указания на то, что повитухи благословляют себя освященными травами и псалмами, кладут в детскую кроватку ножи, мечи или щенков и рисуют над порогом круги и неизвестные знаки [13, s. 39]. Об амулетных средствах, использовавшихся при уходе за новорожденным, сообщает перечень суеверий цистерцианца Рудольфа (XIII в.): «в первую ванну новорожденного, приговление которой рассматривалось как профессиональное таинство акушерки, клалось яйцо, а ребенок осеялся соломинкой» [13, s. 30]. Как считалось, час и день рождения ребенка определяли его будущее. В обязанности повитухи входило с помощью астрологических толкований предсказать судьбу родившегося [11, sp. 1594, 13, s. 32]. В этом контексте акушерки порой обвинялись в присвоении божественных способностей [13, s. 38], что вступало в противоречие с церковным учением о божественном провидении. Магическое сознание и связанное с ним поведение рассматривалось как тяжелый грех. Труднообъяснимые события воспринимались как действия сверхъестественных сил.

Знания, магически-охранительные действия, прерывание беременности, равно как и осознанно проведенное мертворождение, должно было способствовать стигматизации акушерок, т.е. процессу их статусной деградации. Многочисленные моменты традиционного родовспоможения рассматривались как не совместимые с церковным учением и как вторжение в божественный порядок, а существовавшие теологические теории подчеркивали нечистоту родов и роженец. «Женщины начинают с грязью и вонью и рожают в слезах и болях» [16, s. 13f.]. В этом высказывании отражается архаическое «табуированное представление о нечистоте роженец» [11, sp. 1595], которая, как считалось, могла передаться женщине, занимавшейся родовспоможением. В результате как роженецы, так и акушерки, по крайней мере в плоскости коллективного бессозна-

тельного, могли вызывать отвращение [11, sp. 1595]. Подобная комбинация архаических табуированных представлений и реально практикуемой деятельности стала причиной конкретных угроз, которым были подвержены повитухи в позднее средневековье. Стремление городских и церковных властей к укреплению социальных норм, а также конкуренция университетски образованных врачей побуждали регламентировать письменно оформленными уставами деятельность акушерок и направляли рвение к преследованиям охотников на ведьм преимущественно на женщин, занимавшихся родовспоможением без санкции властей.

В исследованиях по истории родовспоможения и акушерства указывается на якобы низкое общественное положение этой медицинский профессии, «непрестижной» наряду с банщиками и цирюльниками [12, s. 89]. Однако в отличие от последних, которые в Германии в период позднего средневековья и частично в раннее Новое время причислялись к т. н. «нечистым, постыдным» профессиям и в рамках соответствующей социальной среды были подвержены маргинализации, акушерки никогда не были ни «бесправными», ни «бесчестны». Они принадлежали скорее к т. н. «пограничным социальным группам», или «группам риска», чем к собственно маргинальным слоям общества. Об этом свидетельствует тот факт, что в период позднего средневековья, особенно в XV в., повитухи образовывали общественно интегрированное, контролируемое властями специфическое профессиональное сословие, хотя и с доходами ниже среднего и зачастую низким общественным положением [12, s. 89].

Церковные статуты требовали от повитух «моральной образованности и надежности» [12, s. 89]. До того как в XIII в. в результате внедрения христианской этики в повседневную жизнь населения появились первые ограничения со стороны церкви, женщины, занимавшиеся акушерством, практиковали самостоятельно и свободно. Под воздействием церкви при родовспоможении господствующей идеей стала забота о спасении души новорожденного ребенка. В средневековье акту крещения придавалось особое сакраментальное значение. Душа человека, который не был подвержен этому таинству, не могла попасть в рай, если речь шла даже о душе безвинного младенца [4, s. 60]. Для того, чтобы уберечь ребенка от преддверия ада, церковь путем синодальных статутов давала право и обязывала акушерок проводить в экстремальном случае срочное крещение, если поблизости не было священника. Так, синодальные статуты города Трира от 1271 г., провинциальные статуты архиепископства Майнцского от 1233 г. и епископства Регенсбургского от 1377 г. устанавливали, что священники должны давать миря-

нам-акушеркам уроки крещения [10, s. 16]. Однако при этом последние несли ответственность за возможное преждевременное крещение здоровых детей [10, s. 17f.]. Находясь, таким образом, в плоскости церковно-ответственной деятельности, женщины, занимавшиеся родовспоможением, должны были выполнять и другие обязанности. На ежегодном, как правило, проводившихся церковных судах преимущественно акушерки выбирались свидетельницами церковного суда. Такой суд занимался проступками против церковных и божественных заповедей, а именно: супружескими изменами, абортгами, убийствами, воровством, проституцией и близкородственными браками. В результате своей профессиональной деятельности акушерки были лучше, чем кто-либо иной, осведомлены о частной жизни прихожан и поэтому особенно подходили как свидетельницы церковного суда. Клятва одной из т.н. «мудрых женщин» из окрестностей Аахена содержала уже четкие профессиональные предписания и способ поведения, соответствующие церковным и городским уставам [10, s. 21]. «Мудрая женщина» имела право принимать внебрачных детей только после установления личности отца и была обязана показывать их священнику; крестить слабых младенцев, а также не могла ни советовать беременным женщинам запрещенные средства для аборта, ни таковые применять [10, s. 21]. Контроль за абортгами находился прежде всего в компетенции церкви и служил якобы спасению души новорожденного ребенка, а также обеспечивал выполнение христианских норм. Опираясь на заповедь любви к ближнему и на запрет умерщвления согласно библейским заветам, церковь сурово карала за абортги. Большинство средневековых теологов, начиная с Августина Блаженного, делали различие между еще не достигшим 40 дней бездушным зародышем и одушевленным плодом, изгнание которого расценивалось как убийство. Таким же образом церковь рассматривала использование противозачаточных средств как один из главных грехов. Применение контрацептивов считалось признаком распутной, необузданной страсти и противоречило ограничительной сексуальной морали церкви [2, s. 3-26]. Католическая церковь, сделав повитух по сути «помогающими лицами инквизиции», пыталась контролировать внебрачные половые связи, нежелательную контрацепцию и отступление от «правильной» веры [9, s. 16]. При невыполнении этих обязанностей женщины, занимавшиеся родовспоможением, грозил штраф, при повторном проступке ее садили на хлеб и воду и отстраняли от службы [22, s. 35f.]. Как считают, свидетельницы церковного суда подорвали оказывавшееся повитухам доверие, необходимое для безопасности собственного положения [13, s. 38].

Уже с XIII в. городские власти стремились поставить под надзор сферу родовспоможения. Так, в письме городского совета Эсслингена от 1253 г. сообщалось, что в госпитале Св. Катарины под медицинским обслуживанием находились беременные женщины. А документ 1280 г. свидетельствует, что в обязанности госпиталя Св. Духа в Фулендорфе входил шестинедельный уход за роженицами [20, s. 132f.]. В 1339 г. в госпитале города Нюрнберга было устроено первое родильное отделение [7, s. 41f.]. С конца XIV в. городские власти принимали акушерок на городскую службу. Последние обязывались за вознаграждение из городской казны помогать небогатым роженицам. Предположительно, самое раннее свидетельство об акушерке, находившейся на городской службе, происходит из Кобленца и относится к 1376 г. [1, s. 149]. В городском финансовом отчете Нюрнберга за 1381 г. мы находим договор поступления акушерки на городскую службу [19, s. 46]. Другой подобный договор, датированный XIV в., известен в Базеле, а в XV в. такие договоры зафиксированы в Эсслингене, Ульме и Франкфурте [17, s. 117-119; 14, s. 14]. Повитухи, согласно этим договорам, обязывались равным образом обслуживать бедных и богатых женщин и получали за это, помимо фиксированного вознаграждения, часто еще и дополнительные льготы. Таким образом, они находились на городской службе и осуществляли свою деятельность профессионально по должности. Постепенно этот официальный статус закреплялся, и женщины, занимавшиеся родовспоможением, должны были приносить служебную клятву. Самая ранняя из известных клятв – это клятва кормилицы из Кобленца, датированная началом XIV в. [10, s. 31]. Она содержала, так же как и клятва повитухи из старшей книги клятв города Колмар (XV в.), обязательство «оказывать помощь и бедным и богатым женщинам» [23, s. 212; 3, s. 118]. В позднее средневековье в городах Германии, кроме «официально действующих» акушерок, были и те, кто не находился на городской службе и деятельность которых никак не контролировалась. Однако тенденция была такова, что число женщин, занимавшихся родовспоможением, принесших клятву и находившихся на городской службе, постоянно увеличивалось, а их обязанности регламентировались все более подробно [14, s. 14].

В позднее средневековье в Германии постановления городских советов профессионализировали сословие повитух, при этом медицина как таковая, т.е. лечебное дело, изымалось из сферы их компетенции и представлялось мужчинам. В этом процессе дифференциации четко проявляется субтильная маргинализация сведущих в медицине женщин, даже если об откровенном процессе стигматизации можно говорить только условно. Другими словами,

типичную маргинальную группу женщины, занимавшиеся родовспоможением, определено не составляли. Однако в поздние средневековые, как свидетельствуют источники, очевидна стратегия дискриминации и дисквалификации этой социальной группы. В этот период города Германии с помощью регламентации медицинского лечения пытались поставить под свой контроль свободно практиковавшую медицину [22, s. 160].

С середины XV в. в рамках уставов для акушеров, которые являлись по своей сути профессиональным распорядком, эти женщины были практически полностью подчинены городскому контролю. Исполнять свое ремесло могли только те, кто выполнял предписания уставов. Старейший устав повитух, дошедший до нас, происходит из Регенсбурга и датируется 1452 г. [3, s. 6] Подобные предписания издавались в XV в. в Вюрцбурге (1480 г.), Ульме (1491 г.), Нюрнберге, Хайльбронне и Колмаре без точно установленной даты [3, s. 7]. Родовспоможение становилось, таким образом, профессией, организованной наподобие цехов.

Чаще всего уставы акушеров составлялись городскими врачами и представлялись на рассмотрение городскому совету [3, s. 106, 132]. Имея немало общего, они существенно отличались от церковных предписаний в этой области. В то время как последние обращались почти исключительно к утешению рожениц через молитвы и указания по срочному крещению, городские уставы давали точные определения в области родовспоможения. Они более походили на цеховые уставы, т.к. включали положения об образовании, контроле за деятельностью повитух и ограничении конкуренции.

Важнейшее требование, предъявлявшееся акушеркам светскими и церковными властями, предписывало оказание помощи как богатым, так и бедным женщинам, а также готовность к исполнению службы круглосуточно [21, s. 490]. Женщины, занимавшиеся родовспоможением, не должны были питать зависти друг к другу, а наоборот помогать и замещать друг друга [3, s. 107]. Одновременно они должны были осуществлять контроль за своими коллегами и общаться городскому совету о всякой женщине, не принесшей клятву и тайно практиковавшей в сфере родовспоможения [3, s. 124f]. Необходимой предпосылкой для кандидатуры в акушерки была хорошая репутация, нравственное поведение и христианские убеждения [3, s. 122, 183]. Во многих уставах обращалось внимание на приятную внешность и тонкие руки [3, s. 122, 183]. Предпочтение отдавалось одиночкам и опытным женщинам более старшего возраста. Длительность обучения составляла от 2 до 5 лет, в это время кандидатка в повитухи находилась на службе у опытной акушерки. Занятия проводились путем устных наставлений. Итоговый экзамен прини-

мали городские власти и, нередко, местное духовенство. Священник проверял христианские убеждения и знание молитвы срочного крещения, а опытные акушерки или городской врач удостоверяли уровень практических умений [3, s. 106]. После сданного экзамена присылалась клятва на уставе, имя повитухи заносилось в специальный городской список, и она приступала к выполнению своих обязанностей [3, s. 40]. Такой порядок стал формироваться во второй половине XV в. и привел к включению акушеров в упорядоченную городскую структуру. Однако сфера их деятельности не ограничивалась только родовспоможением. В их компетенции также находилось лечение женщин и детей, т.к. церковь запретила мужчинам исследование женщин [12, s. 89]. Акушерки самостоятельно изготавливали лекарства, которые использовали при лечении болезней, осуществляли небольшие оперативные вмешательства [4, s. 223]. Благодаря своим медицинским знаниям, они составляли серьезную конкуренцию врачам-мужчинам. Поэтому составлявшиеся городскими властями при участии мужчин-врачей уставы повитух ограничивали их поле деятельности, запрещали самостоятельное изготовление лекарств [3, s. 120]. Акушерки, которые в течение столетий самостоятельно обеспечивали родовспоможение и другие области общей медицины, все более оттеснялись и в конце концов дисквалифицировались в помощниц врача. С организацией в конце XVII в. общественных родильных заведений, во главе которых стояли мужчины, этот процесс, начавшийся в позднее средневековье, был завершен [5, s. 85, 147]. Свое превосходство городские врачи закрепляли в самих уставах акушеров, положения которых все более нацеливались на вытеснение женщин, сведущих в лечении, из медицинской сферы. В конкурентной борьбе между средствами народной медицины, использовавшимися повитухами, и теоретически обоснованными методами врачей-мужчин первые должны были уступить. В итоге единственная сфера, в которой женщины были избавлены от обычного опекуна мужчин, была подчинена господствовавшим патриархальным интересам.

Что касается сельской местности, то там не было регламентаций деятельности акушеров, сравнимых с городскими уставами. Сохранилось мало документов по сельскому родовспоможению. В деревне не было госпиталей и попечения бедных, образованные врачи появлялись там редко. Сама церковь в качестве лекарства предлагала сельскому населению, как метко заметил Михеллей, только освященную воду и молитвы [18, s. 83f]. В деревне медицина приобрела форму самопомощи с использованием знаний, передававшихся из поколения в поколение. Славу обладательниц особых медицинских способностей имели в дохристианской традиции т.н.

«мудрые женщины», которые являлись одновременно врачами, повитухами и предсказательницами. Это были, как правило, женщины, родившие много детей. Их способности основывались на смешении собственного и передававшегося из поколения в поколение чужого опыта практической медицины и магии. Социальный статус такой повитухи был, например, в Баварии так невысок, что даже представительницы «низких» профессий, например, живодеры, цирюльницы, палачи, смотрели на нее свысока [6, s. 113]. Незначительное вознаграждение вводило этих женщин в искушение через гадания и другую оккультную деятельность улучшить свое финансовое положение, что влекло обвинение их в колдовстве.

Причины, которые привели к регламентации родовспоможения в период позднего средневековья и раннего Нового времени, равно как и к убийству многих акушеров в процессе гонений на ведьм, могут быть сведены к 6 главным тезисам:

Во-первых, женщина, занимавшаяся родовспоможением, находилась в центре одного из магических ритуалов, который с незапамятных времен был связан с самобытными символами и традициями, религиозно возвышенными в христианских культах. Однако в позднее средневековье эти ритуалы превратились лишь в популярные элементы повседневной культуры, и легко могли ложно истолковываться церковью как суеверия, демонические заклания и богохульство. Согласно установленным церковью в XIV-XV вв. норм народное родовое бычаи и ритуалы определены в глазах клира как богоотступническое поведение. Заклания рассматривались как колдовство с целью вредительства, идопоклонство и союз с дьяволом. А применение симпатических средств интерпретировалось как дьявольский акт.

Во-вторых, женщины, сведущие в родовспоможении, в большей мере, чем любая другая группа общества, обладали знаниями в сексуальной области, особенно в сфере контрацепции и прерывания беременности. Поэтому они больше других подозревались в злоупотреблении своими знаниями, в содействии нарушению или нарушению религиозных и социальных норм. Упрек во влиянии на демографические процессы в средневековье еще не поднимался.

В-третьих, в иудейско-христианской теологии, как и во многих архаических религиях, роженицы считались нечистыми. И, таким образом, ежедневное общение повитух с «нечистыми» женщинами ipso facto способствовало их стигматизации. Эта ситуация соответствовала интерактивной связи между палачом и преступником, который, будучи социально отверженным и обреченным на смерть, передавал свою «нечистоту» и табуированный статус палачу.

В четвертых, легитимизированные в законах и предписаниях клятва и устав акушеров типичны для позднесредневековой социальной регламентации. Это привело к социально-профессиональному разделению женщин, занимавшихся родовспоможением. Повитухи, включенные в сословно-профессиональную структуру, приспосабливались к статусу городских акушеров, подчиненных городским властям. Те же женщины, для которых по причине недостатка рабочих мест или по личным мотивам такого рода репрессивное приспособление было невозможно, не вписывались в цехово-корпоративный порядок города и вынуждены были бежать в деревню, что сопровождалось потерей стандарта знаний, доходов и социального статуса.

В пятых, женщины, занимавшиеся родовспоможением, подвергались давлению патриархального общества и конкурирующей мужской олигархии. Мужчины закрыли доступ женщинам в университеты, обеспечив лишь себе монополию на медицинские знания. Они прочно занимали все должности городских врачей и стремились экзаменовать и контролировать деятельность повитух, а затем и самим руководить гинекологическими учреждениями. Женщины, занимавшиеся родовспоможением, обвиняли в дилетантизме и недостаточных медицинских знаниях, что выглядело цинично, учитывая невозможность для них получения адекватного с мужчинами образования.

В-шестых, общие женофобные стереотипы и специфические профессиональные особенности акушеров делали их жертвами инквизиционной борьбы с ведьмами. Колдовство, первоначально рассматривавшееся церковью как языческое суеверие, затем, в период схоластики, стало трактоваться теологией как реально возможное. Всеобщий страх перед сатаной способствовал демонизации повитух, обвинению их в плотской связи с сатаной и колдовстве. В первую очередь беззащитными жертвами гонений становились женщины, самостоятельно практиковавшие как в сфере родовспоможения, так и занимавшиеся астрологией. Именно они прежде всего представляли собой находившуюся в зоне риска маргинальную группу.

Ёйф-іёёё ёёёёёёёёёё

1. Baas K. Zur Geschichte der mittelalterlichen Heilkunst im Bodenseegebiet // AKG 4, 1906.
2. Biller P.P.A. Birth Control in the West in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Past and Present, 1982.
3. Burckgard G. (Hg). Die deutschen Hebammenordnungen von ihren ersten Anfängen bis auf die Neuzeit. T.I (Studien zur Geschichte des Hebammensens 1\1). Leipzig, 1912.

4. Diepgen P. Frau und Frauenheilkunde in der Kultur des Mittelalters. Stuttgart, 1963.
5. Fashender H. Geschichte der Geburtshuelfe. Jena, 1906.
6. Forbes Th. R. The midwife and the wch. London – New Haven, 1966.
7. Freund H. W. Die Entwicklung der deutschen Geburtshuelfe aus der Hebammenkunst // Klimisches Jahrbuch III, 1891.
8. Frohn L. Das Sendgericht zu Aachen bis zur Mitte des 17. Jahrhunderts. Phil.Diss. Muenster, Aachen, 1913.
9. Gubalke W. Die Hebammen im Wandel der Zeiten. Ein Beitrag zur Geschichte des Hebammenwesens. Hannover, 1964.
10. Haberling E. Der Hebammenstand in Deutschland von seinen Anfängen bis zum Dreissigjaerigen Krieg (Beitraege zur Geschichte des Hebammenstandes 1). Berlin, 1940.
11. Jungwirth. NN. Art. Hebamme // HDA III, Sp. 1587-1603.
12. Juette R. Bader, Barbier und Hebammen. Heilkundig als Randgruppen // Randgruppen des spaetmittelalterlicher Gesellschaft. Warendorf, Fahlbusch Verlag, 1994.
13. Klapper. Aberglaubenverzeichnis 1916: Josef Klapper. Aberglaubenverzeichnis des Traktats ueber die Verwaltung des Priesteramts|| Ders., Deutscher Aberglaube in Schlesien in aeltester Zeit|| Mitteilungen der schles. Ges. F. Volkskunde 17, 1916. S. 28-38.
14. Krieg G.L. Deutsches Buergerthum im Mittelalter. 2 Bde, Frankfurt. 1868/1871.
15. Kummer B. Art. Geburt // HDA III. Sp. 406-419.
16. Lotario di Segni (Papst Innozenz III): Lotharii Cardinalis (Innozenz III). De Miseria Humanae Conditionis. Hg. Michele Maccarrone. Rom, 1955.
17. Maurer G.L. von. Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland. Bd. 3. Erlangen, 1870. ND Aalen, 1962.
18. Michelet J. Die Hexe (La Sorciere, Paris 1961, aus dem Franz. V. Traugott Koenig). Muenchen, 1974.
19. Peters H. Der Arzt und die Heilkunst in der deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1900.
20. Schlieben E. Mutterschaft und Gesellschaft. Beitrage zur Geschichte des Mutter- und Saeglingsschutzes. Jsterwiecka. H. 1927.
21. Stadtrechte, Oberrheinische: Oberrheinische Stadtrechte. Hg. V. Badischen Hist. Kommission II/2: Ueberlingen, Heidelberg, 1913.
22. Steinhilber W. Das gesundheitswesen im alten Heilbronn 1281-1871 (Veroeff. Des Archivs der Stadt Heilbronn 4). Heilbronn, 1956.
23. Urkunden und Akten zur Geschichte der Verfassung und Verwaltung der Stadt Koblenz bis zum Jahre 1500, bearb. V. Max Baer (Publikationen der Ges. F. Rhein. Geschichtskunde 17). Bonn, 1898.
24. Ziegeler W. Moeglichkeiten der Kritik am Hexen und Zauberwesen im ausgehenden Mittelalter (Kollektive Einstellungen und sozialer Wandel im Mittelalter 2). Koeln/Wien, 1973.

М.А. Буланикова

БРАК И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. ЖЕНЩИНЫ В СТЮАРТОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В период раннего нового времени английское общество пережило значительные перемены в организации повседневной жизни, прежде всего, это было связано с общекультурным поворотом к ценностям приватной жизни. Эти перемены диктовали особый интерес, как к отдельной персоне, так и к институтам, организуящим частное пространство человека.

В центре внимания данной статьи представления стюартовского общества о браке, и толкование англичанами времени правления Стюартов (XVII в.) статуса женщины в системе семейно-брачных отношений.

Официальная точка зрения по вопросам семьи и брака широко пропагандировалась англиканской церковью. Особое влияние на современников стюартовской эпохи оказал англиканский сборник Проповедей и наставлений, который впервые был издан в 1562 г. для чтения в церковных приходах. При Стюартах Сборник наставлений был переиздан для чтения в семьях¹.

Проповеди и наставления, связанные с представлениями о браке², закрепляли типичные патриархальные воззрения на природу matrimониальных отношений. Брак понимался как установленное Богом состояние, при котором мужчина и женщина живут совместно, во взаимопонимании, рождая потомство и тем самым, избегая блуда. Брак трактовался как институт, освященный церковью, созданный с целью защитить человека от греха и дьявольских искушений.

Обязанности супругов в браке строго регламентировались. Муж был призван быть главой и покровителем семьи, а в своих поступках по отношению к супруге должен был руководствоваться умеренностью и терпением, а не тиранией, поскольку женщина “есть слабое создание, не наделенное силой и постоянством ума”³. Понятие хорошая жена прочно связывалось с идеей подчинения своему супругу. Поскольку порядок семейной иерархии был

1 Certain sermons or homilies. Appointed to be read in Churches in the time of Queen Elisabeth of Famous memory undreprinted for the use of Private Families. London, 1687.

2 A Sermon against whoredom and uncleanness / Certain sermons or homilies... P.119-137. An Homily of State Matrimony / Certain sermons or homilies... P. 530-545.

3 An Homily of State Matrimony / Certain sermons or homilies ... P. 530, 533.

призван воссоздавать идею верховенства Христа над церковью, то женская покорность воспринималась обществом и самой женщиной как ее естественный долг, на основании которого строился счастливый брак. Покорность мужу воспринималась как особый порядок жизни, божественный дар, поскольку сила и авторитет мужа опраждали женщину от опасностей. Подчиняясь мужу, женщина подчинялась божественной воле. Однако муж не имел права злоупотреблять своей властью, принижать или бить свою жену, поскольку это влекло за собой величайший позор¹.

Томас Тейлор, известный протестантский проповедник, рассуждая о поведении мужа в браке, отмечал, что мужчина должен с достоинством принимать факт подчинения женщины и отвечать любовью на любовь. Любовь мужа, по мнению автора Комментариев на Послания Св. апостола Павла к Титу, заключается в том, что он заботится о наставлении своей жены на истинный путь и стремится управлять ее разумом, защищает ее от опасностей, обеспечивает, поддерживая потребности ее тела и духа, всячески облагораживая свою жену².

Значение брака и магримональных отношений в повседневной жизни людей закреплялось церковным таинством брака. Супружеские отношения освящались церковью, что означало их неразрывность. Теория сакральности брака, сложившаяся в средневековье, отражавшая неизменность мистического союза Христа и Церкви (мужа и жены), скрепляла брак и придавала ему в глазах общества черты постоянства и долговечности. В соответствии с этой теорией муж и жена представляют одно тело, об этом свидетельствует происхождение Евы из ребра Адама, единство супругов перед законом Бога и человека, их совместное проживание по обоюдному согласию, ведение единого хозяйства, рождение детей. Мужа и жену объединяет супружеская любовь, которая обретается главой семьи³.

При составлении брачного контракта была принята процедура подтверждения законности брачных намерений, когда будущий супруг заявлял в письменной форме о своем вступлении в брак. Подтверждением истинности намерений служили обращения к имени Бога и обязательству закрепить брачный союз церковной церемонией. В подобном подтверждении Джон Тренд, джентри из

¹ An Homily of State Matrimony / Certain sermons or homilies ... P. 538-540.

² Taylor, Th., A Commentarie upon the Epistle of Saint Paul written to Titus. Preached in Cambridge by Thomas Taylor. Cambridge, 1619. P. 380-381.

³ Taylor, Th., A Commentarie upon the Epistle of Saint Paul written to Titus. Preached in Cambridge by Thomas Taylor. Cambridge, 1619. P. 377-380.

графства Эксон писал 14 апреля 1698 г.: "и этим заявлением обязуюсь перед Богом и с его ведома быть законным мужем мисс Елизабет Оливер, дочери мистера Фрэнсиса Оливера, джентри из Ланкестона графства Корнуэлл и, что я готов и желаю быть связанным с ней священным браком (Holy Matrimony), в соответствии с Ордонансом о церковной церемонии..."¹.

Признавая сакральный характер брака, современники стоартовской эпохи выделяли и материальные выгоды, и социальную целесообразность обеспечения прочности брачных отношений. Придерживаясь подобной точки зрения, анонимный автор "Пощрения брака" указывал на то, что брак — это институт не только спасающий и очищающий христиан от плотского греха, но и несущий материальную выгоду, как для каждой отдельной персоны, так и для государства.

Выгоды брака имеют ощутимые последствия, и, прежде всего, этот институт гарантирует рост численности населения, способствует укреплению государства. Брак благоприятствует сохранению потомства, росту богатств, предотвращает болезни, защищает нравы, способствует подъему производства².

Признавая представления об эмоциональных отношениях супругов, многие современники стоартовской эпохи полагали, что любовь и излишняя эмоциональная привязанность в браке приводят к необдуманным поступкам и разрушают основу брака — христианскую добродетель.

Жизненность брака определялась прагматическими целями, которые предполагал брачный договор. Богатое приданое один из излюбленных сюжетов стоартовских авторов морализаторских трактатов. Советы сыновьям и друзьям избилуют замечаниями о достоинствах женитьбы на богатой невесте. Расчет в браке для мужчины необходим. Если же материальная выгода отсутствует, то брак будет несчастьем, поскольку бедность отвратительно воздействует на самых добродетельных жен³.

Добродетель и красота — общепризнанные оценки при выборе супруги. Однако любовь и уважение к будущей матери своих детей следует укреплять сведениями о ее богатствах и владениях. "Нет наиболее законных оснований для выбора жены, чем увеличение

¹ D. & C. Exeter MSS. 4226/ 1/3.

² Marriage Promoted in a Discourse of its Ancient and Modern Practice, both under Heaven and Christian Common-Wealth. London, 1690. P. 30-31.

³ Osborn, F., Advice to a Son, or Directions for your better Conduct through the various and most important Ecounters of this life. Oxford, 1656. P. 65, 67.

или укрепление собственных владений"¹. Брак позволяет упрочить материальные позиции семьи мужа, поскольку он "является главой женщины и все, чем она владеет, принадлежит ему"². Уолтер Рэли советует сыну позаботиться о выборе как красивой, так и богатой невесты. Поскольку привлекательность, которую наследует дети, возможно, станет их единственным богатством, в случае если родители более ничто им не оставят. Не менее важны богатства и приданое жены, поскольку красивая, но бедная жена, несомненно, приведет к упадку богатств и владений³.

Нормативные представления о выборе жены широко освещались литературной традицией второго эшелона. В дешевой печати выходили сборники, включавшие разнообразные фривольные тексты, анекдоты, в том числе и матримонимальные истории. На вопрос о том, какую женщину следует выбирать в жены, один из подобных сборников в качестве ответа предлагает мудрость древних: "Она должна быть богатой настолько, чтобы достойно угощать тебя; знатной настолько, чтобы представлять тебя с достоинством в мире; юной, чтобы служить тебе; целомудренной, чтобы доверять тебе и быть искренней по отношению к тебе"⁴.

В ходе брачных переговоров между семьями жениха и невесты обсуждались доли участия семей в создании нового хозяйства, специально отоваривалось приданое невесты и "вдовья часть" наследства. С точки зрения семьи мужа брак мог рассматриваться как статья дохода и своеобразный резерв для решения текущих финансовых проблем семьи. Семья же невесты была заинтересована в обеспечении материальных позиций дочери при жизни мужа и в случае ее вдовства.

По общему праву приданое становилось абсолютной собственностью мужа, и он сохранял за собой эту собственность, чтобы не случилось⁵. Размеры приданого были реальным ограничителем в брачной политике, по стандартам пэрства приданое в 5000 ф.ст. было более чем скромно, а приданое в 10.000 – 20.000 ф.ст. в начале XVII в. делало возможным брак с герцогом или наследником герцогского титула⁶. Соглашение о вдовьей доле как правило

1 Two Essays of Love and Marriage. Being a Letter written by a Gentleman to his Friend, to disswade him from Love...London, 1657. P. 13, 15.

2 Finch, H. Law, or Discourse thereof in 4 books. London, 1627. P. 42.

3 Raleigh, W. Maxims of State...London, 1656. P. 85.

4 Miscellanea Anglicana. Jena, 1713. P. 68.

5 Habakkuk, J. Marriage, Debt and the Estates System: English Landownership 1650-1950. Oxford, 1994. P. 172.

6 Ibid. P. 165.

составлялось до заключения брака. "Жена была застрахована на время ее брака доходом, который она могла получать после смерти мужа, во время брачных переговоров устанавливался общий размер дохода... Вдовья доля не могла быть сокращена без согласия жены или капитализирована и была защищена от любых посягательств со стороны супруга"¹.

В случае добросердечных отношений между супругами и при условии, если муж находил свою жену добродетельной, он мог выделить в ее распоряжение часть своих владений на срок жизни.

Вопрос брака для молодой женщины решался односторонне, она практически не имела возможности осуществить самостоятельный выбор, поскольку право следовать своим желаниям в полной мере было доступно лишь мужчинам. Однако в большинстве случаев право брачного выбора оставалось не за женихом и невестой, а их родителями или опекунами². Все, на что девушка оставалась надеяться и молиться – "это мудрый муж, который не позволит опустить тяжести своего авторитета и сумеет вознаградить женщину заботой и теплом в такой мере, что она никогда не будет стремиться к власти..."³.

Суждения об идеальной супруге частично позволяют рассмотреть представления о социальных функциях женщины, присущие стюартовской эпохе. Основная цель рассуждений о хорошей жене – укрепить патриархальные взгляды в толковании женского образа, предупредить возможные ошибки молодых людей при вступлении в брак.

В браке каждая замужняя женщина должна познать характер супруга и умело приспособиться к его особенностям. Женщина должна понимать желания мужа и предотвращать его дурные поступки. Маркиз Галифакс представляет для молодых женщин целую панораму мужских характеров, подчеркивая, что недостатки мужа не должны огорчать женщину, поскольку муж без изъянов в характере представляет собой особую опасность для спокойствия супруги, поскольку такой хозяин будет стремиться установить тотальный контроль в домашних делах, может подвергнуть сомнению добродетель самой хозяйки дома⁴.

1 Ibid. P. 81.

2 Stone, L. The Family, Sex, and Marriage in England 1500–1800. London, 1979. P. 127-136; Stone, L. The Crises of the aristocracy... Oxford, 1965. P. 594-599.

3 The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daughter... P. 60.

4 The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daughter... P. 40-41.

С точки зрения М. Эстел, женщина, имея благоразумие и руководствуясь осмотрительностью, способна предотвратить домашние неурядицы, а поскольку «плохой муж может лишить женщину спокойствия и достойной жизни, ей необходимо проявить всю свою добродетель, терпение и духовную стойкость»¹. Долг женщины в браке отказываться от собственной пользы и выгоды во многом.

Добродетельная жена — известный патриархальный образ, который нередко воспроизводится в морализаторских сочинениях раннего нового времени. Основной акцент в подобных текстах делается на то, что женщина должна воспринимать свое положение с благодарностью, за то покровительство, которое ей оказывает супруг. «Женское счастье состоит в том, чтобы слушать, восхищаться и восхвалять мужей, а не стремиться разделить их авторитет...»². Полностью полагая себя во власти мужа, женщина отказывается от всего, что ей было дорого, своих друзей, семьи, разделяет его интересы и следует его судьбе³.

Признанной сферой женского влияния было домашнее хозяйство. Женщина занималась организацией хозяйства, заботилась о поддержании порядка в доме, контролировала деятельность домашней прислуги. Повседневная жизнь посвящалась заботам о муже и детях.

По отношению к дому мужчина и женщина несли взаимную ответственность: «предназначение мужа заключается в том, чтобы обеспечить дом всем необходимым, жена обязана все это оберегать; обязанность мужа покидать дом в поисках пользы для хозяйства, жена обязана дожидаться мужа, оставаясь дома...; муж должен обеспечивать семью деньгами, жена разумно тратить их; исключительно мужчина должен вести дела и заключать сделки с чужими людьми, жена же не должна соваться в чужие дела...; обязанность мужа быть господином во всем, обязанность жены — подчиняться во всем...; говоря в целом, — роль мужа в том, чтобы обеспечить семью достойными средствами проживания, а предназначение жены — хорошо управлять домашним хозяйством»⁴.

Ограничение социальной активности женщин кругом домашних дел было обычным явлением для современников стюартовской эпохи. И если маркиз Галифакс, рассуждая об английских леди, полагал, что женщина не должна полностью подчинять свою

1 Astell, M., *Reflection upon Marriage*. L., 1706. 3d ed. P. 6.

2 Ibid. P. 55-56.

3 Ibid. P. 43.

4 Cited in: Amussen, D. S. *An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England*. N.Y., 1988. P. 43-44.

жизнь решению хозяйственных вопросов или воспитанию детей¹, то Уильям Гау, автор известного трактата «Хозяйственные обязанности», адресованного широкой протестантской аудитории, полагал, что процветание домашнего хозяйства является единственно значимой задачей женщины². Томас Тейлор называл хозяйственность и умение вести домашние дела в ряду качеств идеальной жены³. Женский опыт сознательно ограничивался рамками домашнего хозяйства, при этом границы дома становились границами социального пространства женщины.

Однако патриархальная традиция связывала социальную активность женщины не только с хозяйственной деятельностью, но и значительное внимание уделяла роли женщины в воспитании детей. Обязанности матери слагались из повседневной заботы о духовных и физических потребностях детей. Первейшей обязанностью матери Томас Тейлор считал кормление младенца грудью, отказ же от кормления — есть не только неестественная, но и безбожная практика. Вторая не менее важная задача матери — воспитание детей в послушании и набожности, прежде всего за счет личного примера и ежедневных наставлений о необходимости преданного служения Богу. Мать обязана сообразно возрасту ребенка и с наибольшей любовью управлять своим ребенком, обучить его молитвам и умению подчиняться власти старших⁴. Уильям Гау указывал на то, что женщины обязаны ежедневно читать для детей Библию и учить их тому же⁵. В вопросах воспитания и образования детей больший приоритет имели отцы, способные выступать как воспитатели и наставники духовного развития своих детей, обладающих широким патриархальным авторитетом.

Социальная мотивация женской субординированности в браке сводилась к доказательству природной женской слабости, и не только физической, но и интеллектуальной. Женщина, обладавшая лишь элементарными знаниями, позволявшими ей участвовать в хозяйственной жизни семьи, не имела возможностей реализовать себя иначе как в роли жены, хозяйки дома, матери. Единственным

1 *The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daughter...* P. 76.

2 Cited in: Amussen, D. S. *An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England*. N.Y., 1988. P. 41.

3 Taylor, Th., *A Commentarie upon the Epistle of Saint Paul written to Titus. Preached in Cambridge by Thomas Taylor*. Cambridge, 1619. P. 382.

4 Ibid. P. 382.

5 Cited in: Amussen, D. S. *An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England*. N.Y., 1988. P. 40.

способом демонстрации лучших качеств женской природы считалось признание со стороны женщины ее зависимого положения и служение в браке своему мужу. При этом для женщин было необходимо принимать подобное положение как свой христианский долг.

Культурный стереотип мужа — господина и покровителя, представителя превосходного пола, наделенного всеми достоинствами и превосходными качествами, подкреплялся религиозными и легитимными формулами патриархального господства мужчины. Указание в общем праве на то, что муж и жена представляют одну персону, имело не только юридические следствия. Эта формула локализовала социальное пространство женщины и ограничивала ее социальные функции.

Размышления современников стоартовской эпохи о состоянии и назначении брака неизбежно приводили к противоречию, связанному с объяснением статуса женщины в системе патриархальных отношений, когда подчиненное положение женщины объяснялось библейской традицией, физиологическими особенностями женского пола.

Брак трактовался как институт, позволяющий идеально устроить отношения мужчины и женщины, выделялся, как та единственная среда, в которой женщина сумеет изучить природу своего подчинения и принять патриархальную модель отношений.

О.В. Петровская

МЕНТАЛИТЕТ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Признавая общность славянского менталитета, следует отметить и наличие отличительных черт способа мышления и поведения разных славянских народов, формировавшихся в процессе исторического развития под воздействием дифференцированных составляющих. При всем разнообразии отношения и адаптации к окружающему миру болгар, сербов и черногорцев можно выделить общие характеристики их национальной культуры. На формирование менталитета южнославянской женщины второй половины XIX — начала XX вв. воздействовал ряд факторов: исторические и этнические традиции, материальные составляющие жизни и быта, длительный иноземный гнет, восприятие исламских элементов культуры, нравственные и религиозные нормы, элементы официального политического и юридического статуса.

Вторая половина XIX в. у южных славян сопровождалась существенными внешними переменами в повседневной жизни. Однако патриархальные семейные отношения, мораль оставались неизменно консервативными [4, с. 492-493]. При отсутствии сословных различий нравы и менталитет во всех слоях общества были достаточно унифицированы. Жизнь женщины на Балканах протекала в условиях общинного, жестко регламентированного обычаями патриархального быта. Патриархальная культура формировала представления о стереотипах, установках, эталонах, которые передавались из поколения в поколение. Следует отметить, что сама женщина играла формирующую и воспроизводящую установок, оседающих в ментальных конструкциях будущих поколений большую роль. Однако идеология патриархального общества носила маскулинистский характер и заключалась в поддержании потребностей и ценностей господствующей группы общества — мужчин. В этих условиях определяющими поведение и сознание южнославянской женщины были гендерные стереотипы, а не личностная идентичность.

Гендерные роли распределялись в рамках устоявшейся схемы, обеспечивающей стабильное существование общества: доминирование (мужчина) — подчинение (женщина). В жизненном, семейном, сексуальном сценарии женщина играла подчиненную роль. «Черногорец же не работник, а господин», — отмечал путешественник-славист [6, с.9]. Устойчивые отрицательные коннотации женского начала прослеживаются на всех уровнях культуры южных славян. Особая роль в обосновании и поддержании стереотипов взаимоотношений мужчин и женщин у южных славян принадлежит религиозному сознанию, которое также формировало мужчины.

Православие, которое в Юго-Восточной Европе изначально имело подчиненное положение по отношению к государству, а затем развивалось в непосредственной связи с исламом, терпимо восприняло народные традиции и мусульманские идеологические влияния. В самих христианских традициях женщина могла визуализировать свое существование только через фигуру мужчины. Исходным постулатом неполноценности женщины стала ее греховность. Ссылки на природу и языческие обычаи также обуславливали различия гендерных ролей в обществе. В результате в южнославянском обществе рубежа XIX—XX вв. сформировалось устойчивое негативное восприятие женщины. Рождение девочки воспринималось как горе, а мальчика как радость [6, с.10]. Плохой приметой было, если женщина перешла дорогу [2, с. 86] и т. д.

К образованию девочек проявлялось особенное равнодушие. В натуральном хозяйстве была высока значимость их труда, а в

обществе существовало убеждение в умственной неполноценности женщин. С женщиной не спорили, т.к. “по природе она лишена всякого понимания”, она не вмешивалась в мужские разговоры, не рассуждала о политике. Основным источником знаний для женщин были традиции и исторические песни. Замкнутость быта задруги, ее строгая иерархия, культ предков приводили к тому, что женское мышление и поведение опиралось на авторитет старших в роду, а не на собственный опыт.

Безусловно, роль исторического сознания в формировании качеств и содержательных характеристик менталитета того или иного общественного образования является одной из самых значимых. Следует учитывать и тот факт, что для исторического сознания, оседающего в ментальные конструкции, важна не последовательность и хронология, а значимость тех или иных исторических событий. Проблема состоит в том, что менталитет воспринимает и воспроизводит лишь те элементы, которые содержат нечто ценное и значимое для всего народа. Каким образом формируется ментальность народа? Здесь имеются два пути — традиционный и инновационный. Традиционный, когда ее содержание формируется естественно-историческим путем, и те элементы, которые определяют ментальность, передаются из поколения в поколение существующими институтами, связями и т.д. Такими способами передачи ментальных конструкций в допетровской Руси, например, были церкви и община.

Может ли институционализированное образование формировать менталитет? Оно воспроизводит преимущественно идеологически значимые конструкции, а в менталитет скорее и чаще попадают другие конструкции — мировоззренчески значимые, жизнесмысловые или ценностно-смысловые, ведь менталитет — это объективно и исторически складывающаяся духовная субстанция. Она передается структурами повседневности. Идеология, конечно, пытается воздействовать на менталитет и частично оказывает на него влияние, но эффект получается симбиотический, когда обнаруживается результат отнюдь не тот, который пытаются получить идеологи, а в наличии оказываются идеологические конструкции, измененные устойчивым основанием общественной психологии. Иначе говоря, идеология не воспринимается и не вживается неизменно, а лишь в модифицированном виде воспроизводятся какие-то ее элементы.

Признавая общность славянского менталитета, следует отметить и наличие отличительных черт, характеризующих способ мышления и поведения разных славянских групп и народов, которые формировались под воздействием дифференцированных составляющих в процессе исторического развития. Так, наиболее

отличалась Черногория. Сохранение элементов родоплеменных отношений, быта и культуры, замкнутость способствовали формированию у черногорцев специфического образа мыслей. Характерными явлениями были, с одной стороны, общинные, задружные отношения, с другой — вражда между племенами, стремление отгородиться. Как бы ни был мал участок земли, который имела одна семья, он всегда был отгорожен каменной стеной, но не мотивам сохранения имущества: кражи были редким явлением. В черногорском обществе сформировалось стремление скрыть от чужих глаз и общественного надзора быт, почувствовать себя защищенным от внешних врагов и неприятностей. В то же время при всем разнообразии отношения и адаптации к окружающему миру болгар, сербов и черногорцев общие тенденции исторической судьбы, однородность социальной структуры общества и идентичная культурно-православная основа развития этих народов позволяют исследовать общие характеристики их национального характера.

Несомненно, освобождение от турецкого ига, и как следствие, европейское культурное влияние, зарождение капиталистических отношений, поиски форм государственности, формирование наций сопровождалось переменами в повседневной жизни южных славян. Появились удобные предметы одежды, разнообразная мебель, изменения в интерьере, телефонизация городов [12, с. 170]. Однако инновации носили внешний характер. Духовная сфера быта, патриархальные семейные отношения, мораль оставались неизменно консервативными. Вплоть до Первой мировой войны общество Сербии, Болгарии и Черногории сохраняло крестьянский характер. Балканские города и столицы, за исключением Софии, имели полуаграрный вид. Белград, например, представлялся путешественникам “жалкой деревней”, а Цетинье не заслуживало даже этого названия [6, с. 14]. Хозяйства были преимущественно натуральными. При тенденции к распаду больших семей и повышению удельного веса нуклеарной семьи во второй половине XIX в. задруга продолжала определять общественные и семейные отношения, а выделение брачной пары для ведения самостоятельного хозяйства проходило лишь через несколько лет после заключения брака. При отсутствии сословных различий нравы и менталитет во всех слоях населения были постепенно унифицированы.

Историческое сознание стало одной из важных дискурсивных характеристик менталитета южнославянской женщины. Необходимость длительного и упорного сопротивления иноземной власти способствовала тому, что мужчины культивировали в качестве своих главных качеств силу, агрессивность, энергичность, амбициозность. Воинственность черногорцев, успешное многолетнее воо-

руженное сопротивление туркам повышали власть мужчин над женщинами, утверждая мужчину в качестве основного источника защиты женщины. Болгары, способные к трудной и сложной борьбе, лишенные военного тщеславия, проявляли большую терпимость к женщине и привязанность к семье. Основными достоинства женщины в представлении балканской женщины были мужественность и храбрость. Народные песни, ревностными исполнителями которых были именно женщины, воспевали в основном мужчин-богатырей. Одним из важнейших проявлений мужественности считалось грубое отношение к женщине, умение брать власть над ней. Поэтому жен не называли по имени, разговаривали только в повелительном наклонении, часто допускали физическое насилие. В Сербии даже король Милан показывал образец пренебрежительного отношения к женщине и семье.

Социальное одобрение маскулинных черт патриархатной идеологией оказывало давление на женщин. Среди черногорок, например, было немало женщин-героинь, которых почитали. Особую значимость имела такая типичная черта женщины, как хладнокровие. Черногорка могла спокойно отрезать себе палец, если его укусила змея. Поскольку жена не могла видеть проявлений слабости мужчины, она не ухаживала за мужем во время болезни (заботу проявляли его родственники) и практически не могла видеть его.

Гендерная поведенческая роль женщины, определенная мужчинами, сводилась к пассивности, культивировались покорность, “добродетельность” и нежестокость. Устойчивые формы принятого поведения лишали женщину возможности вспылить или проявить свои эмоции. Спокойствие, терпение и равнодушие — типичные черты габитуса южнославянской женщины. Известие о близкой смерти мужа черногорка встречала спокойно и равнодушно. Причитание было допустимо только на могиле. Под влиянием турецкой половой философии поведенческие установки утрировались, сложившиеся обычаи требовали, чтобы женщина вставала в присутствии мужчины, целовала мужа (и другим мужчинам) руку. В Черногории женщина при входе мужа в дом снимала с него обувь, мыла ему ноги (эти действия обособывались, что мужчине приходилось много ходить). Женщина не могла сидеть вместе за столом и ходить рядом с мужчиной, танцевать на праздниках и т. д.

Институционализированной моделью поведения являлось охрана женской добродетели. Посватавшегося, но не женившегося мужчину-черногорца могли убить! Оскорбление женщины, особенно девушки, могло повлечь как тяжёлые юридические последствия, так и действия отмщения со стороны родственников. Обычное право и первые кодексы южных славян были направле-

ны, в первую очередь, на охрану девственности и женской чести, фигурировавших в коллективном сознании в качестве главных составляющих концепта добродетели. Изнасилование каралось смертной казнью. В Сербии, например, прочные традиции были заложены еще Карагеоргием, повесившим за это на дверях дома единственного брата. Однако, следуя церковной системе ценностей, вину за все виды прелюбодеяния общество перекладывало на женщину и, подчеркивая ее греховность, методами публичного устрашения формировало ее феминную роль. Например, женатую женщину, вступившую в половую связь с посторонним мужчиной, обнаженную сажали задом наперед на осла и возили в таком виде по деревням [2, с. 138]. Отсутствие девственности при заключении брака часто прекращало свадьбу и сопровождалось целым ритуалом издевательства над девушкой. Следует подчеркнуть, что в этом отношении славянской нормы оказались более жесткими, чем мусульманские. Несмотря на то, что у турок кардинального значения как, например, у болгар [9, с. 67].

В обществе с общим низким уровнем образования (не более 9% в сельской местности в Сербии) к обучению девочек проявлялось особенное равнодушие, связанное как с экономическими причинами (в натуральном хозяйстве была высока значимость их труда), так и с убеждением в умственной неполноценности женщин. С женщиной в Сербии никогда не спорили, т.к. “по природе она лишена всякого понимания”. Женщины не вмешивались в мужские разговоры, не рассуждали о политике. В этом отношении болгарки не были исключением. В Сербии не смогла заняться политикой даже жена короля Милана — Наталья.

Основные ценностные ориентации южнославянской женщины, сформированные как моральным, так и физическим общественным репрессивным механизмом, — это семья и работа. Гостеприимство семейного мышления и всеобщая брачность — специфическая черта сербов, болгар, черногорцев. Брак в обществе южных православных славян конца XIX — начала XX вв. воспринимался неизбежным и обязательным состоянием жизни. Болгарская поговорка гласила: “Человек, который не родился, не умрет; который не женится, тот не человек”. В такой образной форме народный менталитет выделял брак в качестве одного из трех основных необходимых этапов человеческого состояния: рождение, брак, смерть. Для крестьянина вступление в брак было необходимым условием получения наследства, а сельская семья без хозяйки была невымыслима. Неблагоприятные экономические условия усиливали зависимость человека от расширенной семьи и стимулировали ранние

и повсеместные браки. Несмотря на принятие законов, определявших порог совершеннолетия, брачный возраст южных славянков продолжало определять обычное право, согласно которому основным критерием было половое созревание. В некоторых районах Болгарии в 60-е гг. XIX в. число вышедших замуж до 15 лет составляло 15,7% [9, с. 93]. В то же время коллективный интерес семьи требовал обеспечение выполнения работ прежде всего за счет собственных детей, поэтому дочерей не спешили выдавать замуж. В некоторых районах Болгарии было принято устраивать браки дочерей в 20-25 лет. Средний возраст женщины, заключивших первый брак, в Болгарии в первом десятилетии XX в. составил 20,9, а в Сербии — менее 19 лет [8, с. 114]. Существовал обычай, по которому сначала выдавали замуж старшую дочь, затем младшую. Свадьбы проходили в основном осенью и зимой, поскольку родители, прокормившие дочь в течение зимы, не хотели потерять рабочие руки весной. Частая женская смертность вела к повторным бракам, которые заключались в среднем через год или два после смерти жены. Если в городах существовала большая разница в возрасте супругов в пользу мужа, то в сельской местности, особенно в районах распространения задруги, обычным явлением было превышение возраста супруги [10, с. 74].

Таким образом, брак для женщины — институционализованная модель поведения. Браки заключались по расчету и имели прагматический, договорной характер. Выбор жены не был личным делом, а затрагивал интересы патриархальной семьи. На девушку смотрели как на товар. Сумма денег и количество продуктов, которые могла выторговать семья невесты, прежде всего зависела от работоспособности (физической силы и здоровья), репродуктивных возможностей (возраст и внешний облик), знатности рода. Обычай и традиции задруги, для которой была характерна замкнутость быта, строгая иерархия и подчиненность, определяли стереотип поведения и образ мысли южнославянских женщин в семье. Женское мышление опиралось на авторитет старших в роду, а не на собственный опыт.

Необходимость вместе с супругом вести крестьянское хозяйство была основной детерминантой взглядов на половую жизнь, поведения в отношении мужа. Эмоциональных связей, близких, доверительных отношений между мужем и женой не было. Мужчине имел право на полностью самостоятельную личную жизнь. Женщина не могла даже поинтересоваться, куда идет или откуда пришел муж. В отсутствии посторонних, особенно у болгар, мужчина мог быть менее суровым и спрашивать у жены совета. Но в условиях задруги такое проявление чувств было крайне заград-

нительным. До начала XX в., хотя и редко, встречались случаи снохачества — брачного сожительства снохи с тестем.

У женщин более сильными были эмоциональные связи с детьми, особенно с сыновьями, но не с дочерью [13, с. 17]. Это объяснялось тем, что только на сына можно было рассчитывать в старости. Он мог продолжить семейное дело. Однако тяжелые условия жизни, необходимость борьбы вели к тому, что к детям, в т. ч. и к девочкам, с младенчества не проявляли никакой ласки. В Черногории, например, на крики младенцев родителями не принято было реагировать, брать ребенка на руки и т.п. Любовь между братом и сестрой была более допустимой, чем между мужем и женой. Они могли показывать свои чувства открыто, не опасаясь общественного порицания. Так, например, в момент покушения в Топчидерском парке князь Михаил прогнул руку под руку со своей двоюродной сестрой Катериной Константинович.

В системе полового разделения труда патриархальное общество южных славян отвело женщине основную роль. Домашняя работа целиком ложилась на ее плечи. Присутствие в доме мужа не изменяло ситуации: в доме он мог только сидеть и курить трубку, пить кофе, т. е. “проводить время по-гурецки” [5, с. 177]. Невнимание и пренебрежение балканских мужчин ко всем видам деятельности, за исключением военной, делали жизнь их жен тяжелой в физическом отношении и более значимой в выживании общества. Девочки привлекались к хозяйственным работам с 7-8 лет. Коллективное сознание закрепило определенные ограничения в видах женского труда. У черногорцев, например, существовало проклятие: “дай бог, чтобы у вас пахла женщина”. Но все остальное виды полевых работ выполняли женщины. “Черногорец считает позором заниматься полевыми и другими хозяйственными работами или ремеслами (это по его мнению дело цыган)” [6, с. 9]. Основным видом деятельности черногорки была переноска грузов. Согласно социальным представлениям черногорцев единственный предмет, который мог носить мужчина, — это ружье. Поэтому черногорки с детства приучались быстро перемещаться по горным склонам с тяжелым грузом. По свидетельствам очевидца, “от усталости они испускали какой-то пронзительный, раздражающий сердце стон” [6, с. 9]. Русский консул в Белграде Ващенко отмечал, что “сербин в отношении к труду, занимается только хлебопашеством и выгоняет из слив водки, обыкновенно столько, сколько нужно ему для годового обихода... и то работают большей частью женщины” [7, с. 15]. Большая хозяйственность болгарина, в сравнении с сербами и черногорцами, не освобождала женщину от помощи мужу во всех делах, включая постройку домов. Следовательно, женщины у

5. Карлова М. Ф. Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. 1870. Кн 7.
6. Макушев В. Дневник путешествия из Дубровника в Черногорию // Русский вестник. 1866. Кн. 3.
7. Никифоров К. В. Сербия в середине XIX века. М., 1995.
8. Текше К. Особенности рождаемости в Центральной и Южной Европе до первой мировой войны // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
9. Тодорова М. Структура на населението, брачност, семейство и домакинство на Балканите // Исторически преглед. 1983, № 4.
10. Тодоров Н. Балканский град. XV–XIX век. Социально-экономическо и демографско развитие. София, 1972.
11. Segalen M. Love and Power in the Peasant Family. Rural France in the 19th Century. Chicago, 1983.
12. Зак С. С. Социально-политические таблицы всех стран мира. Одесса, 1910.
13. Коцева Т., Тодорова И. Българкага. Традиционни представи и променящи се реалности. Перник, 1994.

Т. В. Королева

ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение женского движения во Франции обнаруживает следующий парадокс. Впервые прозвучавшие в стране во время Великой французской революции идеи о равноправии полов уже к 30-м гг. XIX в. были разработаны в хорошо обоснованные теории о необходимости женской эмансипации, появились различные женские клубы, союзы, которые в своих декларациях и петициях требовали от правительства улучшения положения женщин. Таким образом, первый опыт борьбы женщин за свои права был приобретен намного раньше, чем в других странах. Вместе с тем все эти идеи и теории, в конечном счете, принесли больше пользы в других странах Европы — там они воплотились в жизнь. В то время как к началу XX в. женское движение достигло значительных успехов в Великобритании, США и в некоторых других странах, феминизм во Франции развивался как «опаздывавший во времени». Он принимал менее острые формы, а его достижения были более эфемерны. Одна из загадок истории состоит в том, что франуженки добились права голоса значительно позднее, чем в большинстве западных стран, — только в 1944 г., — а их движение за эмансипацию было менее активным.

Встает закономерный вопрос, почему, обладая традициями и готовыми для воплощения в жизнь идеями, феминизм во Франции развивался медленно, отжужживаясь от наиболее передового требования о необходимости полного гражданского и политического равноправия полов? Только в самом конце 1860-х гг. в стране появились первые феминистские общества, начавшие свою деятельность не во время и не в связи с революционными событиями.

Ответ следует искать в особенностях политического строя Франции в конце XIX — начале XX в. Узурпаторский режим Наполеона III, реакция, установившаяся во Франции после подавления революции 1848 г., постепенно подавили все гражданские свободы — слова, печати, собраний. Подчинение личности государством заняло место прежних либеральных принципов. Смягчение режима произошло только в 1868 г., когда были опубликованы законы об отмене предварительной цензуры для печати и о разрешении собраний под надзором полиции.

Выходом этих законов сразу же воспользовались сторонники женского равноправия, организовавшие различные женские общества, которые, в основном, требовали предоставления женщинам гражданских прав. Движение за изменение гражданского законодательства в пользу женщин первоначально возглавили деятельницы прежней волны феминизма Мария Дерезм и Андре Лео, которые 10 июля 1869 г. проанонсировали создание первого, после революции 1848 г., феминистского объединения — «Общества завоевания гражданских прав для женщин». Тем не менее, оно не получило большого развития, т.к. в условиях продолжавшейся реакции радикальные традиции раннего революционного феминизма не могли иметь успеха.

Этому обществу противостоял нотаариальный клерк Леон Рише (1824—1911), выпустивший в августе 1869 г. первый номер журнала «Женский голос», а в апреле 1870 г. вместе с М. Дерезм основавший «Общество за права женщин» (ОПЖ) с целью «добиваться равноправия полов пред законом и нравами». Л. Рише считал, что реально добиться для женщин каких-либо прав можно только сотрудничая с мужчинами-законодателями, которые бы лоббировали проекты в Палате депутатов, а также с известными писателями и общественными деятелями, которые могли бы способствовать изменению общественного мнения по вопросу о гражданских правах для женщин. Поэтому примерно половину членов лиги составляли мужчины — профессиональные политики и писатели, которые пропагандировали идеи общества на общественных митингах и собраниях, различных конференциях и в газетах. Было открыто два филиала Лиги — в Лионе и Нанте. В конце 1871 г. общество направило петицию в Национальную ассамблею, требуя пересмотра 30 статей

гражданского кодекса, введения развода и установления равных и абсолютных прав для обоих полов¹.

Идеи Л. Рише поддержал Виктор Гюго, который также выступал за равноправие полов перед законом. В 1876 г. он опубликовал в журнале «Женский голос» письмо, в котором написал, что «в гражданском и моральном плане женщина — раб. Ее воспитание поражает своим второстепенным характером. Реформы необходимы. Они пойдут на пользу цивилизации и общественному просвещению»². Благодаря дружбе В. Гюго и Л. Рише в феминистском движении появилась новая фигура — Губертине Оклер (1848 — после 1892), будущая руководительница милитантского суфражизма во Франции. Г. Оклер, восторженная поклонница творчества В. Гюго, знакомится в его доме с Л. Рише, принимает все его взгляды и вскоре становится секретарем-редактором в его газете, где сразу же выделяется как самостоятельная фигура. В частности, она публикует статью, в которой заявила, что отказывается платить Германской империи контрибуцию, предусмотренную Франкфуртским мирным договором, потому что не обладает правами гражданства.

Леон Рише основал в 1882 г. «Французскую лигу за права женщин» (ФЛПЖ), почетным президентом которой был избран В. Гюго. К марту 1884 г. она насчитывала 196 человек. Принципиальное расхождение Л. Рише с остальными феминистскими группами заключалось в том, что он считал, что французской женщине рано требовать права голоса, т.к. «из 9 млн. совершеннолетних женщин, едва ли только несколько тысяч были бы в состоянии подавать голоса, остальные исполнили бы наставления исповедальника; в современной Франции дарование женщинам политических прав создаст угрозу для демократии, т.к. основная масса женщин убежденные клерикалки и реакционерки, республика не продержится и 6 месяцев, если женщины будут толосовать»³. Поэтому главная задача — улучшить гражданские законы и, дав женщине хорошее образование, научить ее добру и справедливости, чтобы она, помимо выполнения природных функций, могла бы воспитывать образованных граждан, прививая им эти понятия.

¹ Mcmillan I. Housewife or Harlot: the Place of Women in French Society. 1870—1940. Brighton, 1981. P. 84.

² Cheliga M. Le mouvement féministe en France // Revue politique et parlementaire. Paris, 1897, Vol. 13 - 25. P. 278.

³ Рише Л. Свободная женщина: о женском вопросе и свободе женщин. М., 1879. С. 359.

Л. Рише не зря высказывал подобные опасения, т.к. католическая церковь, потеряв во время Великой французской революции влияние на мужчин, всерьез взялась за женщин. Жюль Мишле — известный французский историк и литератор — так описывал ситуацию, сложившуюся во французском обществе во второй половине XIX в.: «Наших дочерей воспитывают враги революции и будничности». На самом деле, число монастырских школ для девочек было очень велико. К концу XIX в. членов женских конгрегаций было в 5 раз больше, чем мужских. В провинции, особенно в деревнях, церкви посещали в основном одни женщины. Отец, как правило, отдавал сына в общественную школу, а мать определяла дочь в монастырскую, вследствие чего число мальчиков, посещавших монастырские школы составляло 440 тыс, а девочек в тех же школах было в несколько раз больше — 1 млн. 177 тыс.¹

Политические деятели — члены лиги, по предложению Рише, способствовали созданию в марте 1886 г. внепарламентской комиссии для пересмотра в пользу женщин статей гражданского кодекса. Они предложили на рассмотрение комиссии 3 проекта закона: о предоставлении женщинам права выступать свидетелем в публичных делах, о допущении их к участию в семейных советах и об упрощении закона о разводе. Парламент принял их к рассмотрению. Лига открыла региональные секции в Бордо и Нанте. К 1890 г. Лига стала по оценкам многих историков «одной из наиболее заметных фигур на сцене французского феминистского движения».

Единственной представительницей феминистского движения, выступавшей за предоставление всем женщинам политических прав, была Губертине Оклер, остальные разделяли опасения Рише. Оклер развернула активную агитацию в пользу всеобщего избирательного права при поддержке своего общества «Права женщин», созданного ею еще в 1876 г. В феврале 1880 г. она и еще 10 человек подали мэру Парижа протест против исключения женщин из избирательных списков и составили новый лист, куда внесли фамилии Губертине. Оклер опубликовала статью «Француз не значит французенка», где требовала права толоса для женщин на том основании, что они платят такие же налоги, как и мужчины. Она послала протест в префектуру страны и отказалась платить налоги. В феврале 1881 г. Оклер основала журнал «Гражданка», заложив в его название программу своего общества. Она стала активно привлекать к работе в газете женщин-волонтеров, чтобы активизировать женское движение и распространить свои идеи. Вокруг это-

¹ Письмо из Парижа «Возрождение католицизма во Франции» // Мир божий. 1901. № 7. С. 64.

го издания сформировалась группа сторонников всеобщего избирательного права, на основе которой получило развитие новое общество — «Политические права для женщин».

Общество «Права женщин» не получило широкой поддержки в обществе, число его членов колебалось от 10 до 15 человек. Чаще всего (если не было избирательных кампаний) его деятельность ограничивалась собраниями на квартире основательницы и обсуждениями различных вопросов: от прав женщин в древнем Риме до патицизма и политических прав для женщин.

В 1889 г. Франция отмечаала столетие Великой революции. В честь этого события в Париже были организованы многочисленные выставки, международные семинары, конференции. Этим поводом воспользовались и руководители женского движения для организации Международного конгресса по правам женщин. ФЛПЖ во главе с М. Дерезм и Л. Рише провели 25-29 июня 1889 г. «Конгресс за права женщин». Этот конгресс интересен тем, что благодаря ему на сцену вышло много новых феминистских групп и обществ. Фактически этот конгресс означал завершение начального этапа движения (1868—1889), когда на феминистской сцене действовал ограниченный круг обществ местного характера с небольшим числом сторонников, и значительную роль играли не столько сами организации, сколько их лидеры. Это — период организации и складывания основных тенденций, которые будут присущи движению вплоть до 1914 г. Намечалось противостояние между сторонниками гражданских реформ и суфражизма.

В начале 90-х гг. преобладающим направлением в феминистском движении стали попытки различных групп и отдельных личностей объединить идеи феминизма с социализмом, различными религиозными учениями и демократическими идеями. Первую попытку примирения разных концепций сделала Потони Пьер (1844—1898), радикальная феминистка, редактор газеты «*Droit des femmes*» («Права женщин»), первоначально выступавшая вместе с Г. Оклер. Потони Пьер вместе с М. Мартин создала в 1891 г. общество, которое занималось проблемами объединения женщин разных классов в единое сообщество по признаку пола. Организация, поставив задачу «без различия рас, классов, культуры бороться за равноправие полов и социальную эмансипацию», получило название «*La Solidarite*» («Солидарность»). Она пыталась избрать индивидуалистической проблематики феминизма, которая была чужда женщинам-работницам, и адаптировать марксистскую борьбу классов к интересам женщин. Идеи этого общества пользовались достаточно большой популярностью среди работниц. Однако вскоре «Солидарность» все больше внимания стала уделять

чисто феминистским проблемам — борьбе за избирательные и гражданские права, постепенно теряя симпатии и поддержку работниц.

Летом 1899 г. появилась новая организация, которая своим названием — «Группа феминисток-социалисток» (ГФС) — обозначила двойную принадлежность. Анализ статей, положений, программ показывает, что в группе доминировали два совершенно противоположных принципа, представленных двумя лидерами: Э. Рено и Л. Симоно. Э. Рено (1846—1932) была либеральной феминисткой, суфражисткой и выступала за то, чтобы женщины, участвовавшие в рабочем движении, одновременно руководствовались идеями индивидуальной эмансипации, добиваясь гражданских и политических прав. Она организовала и финансировала газету «Женщина-социалистка», в которой опубликовала несколько статей, где доказывала, что даже после победы в обществе социальной революции женщины не смогут обойтись без личной свободы. Л. Сомоно (1875—1950), наоборот, очень скептически относилась ко всем требованиям, не связанным с экономическим освобождением рабочего класса. По ее мнению, ГФС должна была стать одной из социалистических групп и добиваться прав для женщин-работниц (свободы труда, свободы распоряжения заработком для замужней женщины, равной зарплаты, сокращения рабочего времени и т.п.).¹

Объединение столь разных позиций оказалось невозможным. Л. Сомоно, занимавшая более сильную позицию в руководстве группы, стала проводить самостоятельный курс. Разрыв был предрешен. Тем более, что еще в 1893 г. Клара Цеткин, социалистка, организатор немецкого женского социалистического движения, на конгрессе в Цюрихе решительно провозгласила курс на отказ от буржуазных теорий эмансипации женщин. Во Франции местом такого противостояния стал Феминистский конгресс 1900 г., на котором произошло столкновение двух концепций. Феминистки обвиняли Л. Сомоно в тайном подстрекательстве движения против женщин. Она, в свою очередь, доказывала, что «буржуазный феминизм» показывает свое истинное лицо, отвергая борьбу классов, тем самым усиливая враждебность в свой адрес со стороны работниц. После этого конгресса феминистское и социалистическое движение разделились на два непримиримых блока, хотя многие социалистки продолжали по собственной инициации

¹ Picq F. Le femanisme bourgeois, une teorie elaboree par les femmes socialistes avant la guerre 1914. Paris, 1984. P. 391-406.

тиве вести диалог с феминистками, участвуя в некоторых их инициативах.

В конце 80-х гг. проявились тенденции к объединению различных феминистских обществ. В 1889 г. Мария Шеллига-Леви (1853—1927), польская писательница-эмигрантка, создала «Всеобщий союз женщин». В 1892 г. он объединился с «Солидарностью» во «Французскую федерацию женских обществ». Организация ставила перед собой цель: попытаться объединить все общества, так или иначе связанные с решением женских проблем, — феминистские, женские, рабочие, синдикаты, филантропические — и выработать общую тактику. Для воплощения в жизнь этих задач федерация организовала 13-15 мая 1892 г. Всеобщий конгресс женских обществ, который вошел в историю под названием «Феминистский» и дал название всему движению. Однако предполагаемого объединения не получилось, т.к. каждое общество настаивало на приоритетном решении своих задач. Положительным результатом этого проекта стало широкое освещение в прессе работы конгресса и всех проблем, связанных с женским вопросом. В периодической печати было опубликовано много положительных статей и отзывов, в которых представители разных слоев общества высказывались в пользу улучшения положения слабого пола. Феминистские идеи стали вызывать не только неприятие, но и симпатии у некоторой части населения.

Продолжало развиваться направление, боровшееся за реформу гражданского законодательства. Леон Рише по завершении работы конгресса отдал управление Лигой Марии Поньон (1844—1925), заявив, что «устал от долгой кампании за права женщин». М. Поньон активно взялась за управление, в целом продолжая проводить политику Л. Рише. Благодаря ей, Лига приобрела «тон и стиль». Были открыты региональные секции в Лионе и Руане. 1890-е гг. стали временем триумфа Лиги, т.к. вследствие деятельности М. Поньон ряд гражданских законов были изменены в интересах женщин. 6 февраля 1893 г. женщины получили полную дееспособность (*separastion du corps*). 20 июня 1893 г. была ограничена степень отцовской власти над детьми в пользу матери при вступлении детей в брак¹.

В начале 90-х гг. появилась целая группа феминистских обществ, выступавших за изменение статей гражданского кодекса. Наиболее известным из них было «Предвозвестник» (*Avant-Courrière*), основанное в 1893 г. Жанной Шмаль (1847—1915) и Сарой Моно. Его требования включали предостав-

¹ Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство. М., 1914. С. 216.

ление всем женщинам права выступать свидетельницами в публичных делах, а также возможность для замужних женщин распоряжаться своим заработком. Была составлена и подана соответствующая петиция в Парламент. Ее поддержали другие женские общества: «Равенство» (1888), «Синдикат женской прессы», «Amélioration» (Улучшение). Благодаря их пропаганде, 7 декабря 1897 г. женщины получили право выступать свидетелями в нотариальных и публичных делах, а в 1900 г. — право распоряжаться заработком, полученным от ведения собственного дела.

В конце 90-х гг. впервые появляются группы, стремившиеся объединить идеи феминизма и католицизма. Мария Могере (1844—1923) пыталась соединить идеи освобождения личности с католическими нормами семьи и брака. В феврале 1896 г. она основала газету «Христианский феминизм» и общество с тем же названием.

Таким образом, в период с 1889 по 1900 г. происходит развитие старых направлений — борьба за гражданские и избирательные права, право на образование и труд — путем организации большого числа феминистских обществ, которые с помощью мирного воздействия (в форме подачи петиций, привлечения на свою сторону депутатов, изменения через свои издания и акции общественного мнения) пытались добиться реформ в указанных сферах. Движение в этот период носило умеренный характер. В нем участвовали представительницы как средних, так и рабочих слоев общества, были сильны тенденции объединения интересов женщин разных классов и социальных групп в рамках единого движения. Появляются первые попытки к консолидации феминистских обществ с целью проведения более действенной политики.

Изменения в социальной и культурной жизни французского общества в конце XIX — начале XX в. способствовали появлению новых правил и рефлексий, изменению традиционных взглядов и установок. Постепенно, благодаря действиям феминистских обществ, а главное, обсуждению в прессе и литературным дискуссиям, феминистская доктрина выходит из узких рамок замкнутых, малочисленных обществ и начинает привлекать к себе внимание все более широкой публики, которая перестает считать, что феминизм — это выступление недовольных жизнью отдельных экстраординарных особ. Образованная часть общества на этом этапе стала воспринимать феминизм как серьезный вопрос, достойный рассмотрения и решения. Процесс этот шел постепенно, и его можно хорошо проследить по отношению периодической прессы к различным женским инициативам. В начале века только 4 газеты левой ориентации общим тиражом 150 тыс. экземпляров выступа-

ли в поддержку женских инициатив и требований. А наиболее крупные издания, такие как Фигаро, Время, считали, что «идея равноправия полов противоречит естественному закону, а феминизм провоцирует страх и враждебность в обществе». Но к 1914 г. уже 12 наиболее крупных ежедневных газет всех политических партий с общим тиражом 1 млн. 700 тыс. экземпляров поддерживали большинство феминистских идей (за исключением идеи всеобщего избирательного права, и лишь незначительное число мелких газет общим тиражом в 750 тыс. экземпляров выступали против¹. Это изменение общественного мнения большинства исследователей считают более важной победой феминизма, чем определенные законодательные реформы, поэтому период с 1901 по 1914 г. вошел в историю под названием «la belle époque» феминизма. В этот период в феминистском движении четко выделяется несколько основных направлений.

1. *Радикальное*. Представители этого направления поддерживали все требования центрального крыла феминистского движения, но приоритетным считали завоевание для женщин избирательного права, обосновывая это тем, что, участвуя в законодательной деятельности государства, женщины смогут решить все остальные вопросы, выдвигаемые женским движением. По методам достижения целей это направление можно разделить на две основные ветви.

1. 1. *Воинствующие суфражистки* считали, что все методы хороши для привлечения внимания общества к проблеме. Их идеал — английские суфражетки, нарушавшие общественный порядок в знак протеста против отказа правительства предоставить женщинам избирательные права. Возглавляла это направление вернувшаяся в 1900 г. после смерти мужа из Алжира Г. Оклер и ее общество «Избирательных прав для женщин» (ИПЖ). Ее методы борьбы поддерживали «Солидарность» и «Равенство». Правда, сами они лишь один раз решились применить на практике методы борьбы английских милитанток на муниципальных выборах в Париже 3 мая 1908 г., разбрасывая из окон залов для голосования листовки, опрокидывая избирательные урны. Однако их акция вызвала резкое осуждение и неприятие со стороны остальных феминистских обществ, и больше они ее не повторяли². Это направление не получило во Франции большого распространения. Немногочисленность числа членов подобных обществ, имевших постоянную

¹ Steven C. Women's Suffrage and Social Politics in the French Third Republic. Princeton, 1991 P. 152.

² Les suffragistes française // Montreynaud F. Le XX siècle des femmes. Paris, 1989. P. 70.

тенденцию к сокращению, говорит о непопулярности во Франции указанных методов борьбы. Так, число членов ИПЖ сократилось со 100 человек в 1901 г. до 25 к 1914 г.; та же картина наблюдалась и в «Солидарности». Современники объясняли это тем, что «шокирующие выступления милитанток в Англии вызвали недоумение и смех во французском обществе, а во Франции смех все убивает»¹.

1. 2. *Умеренные суфражистки* — направление, представленное «Национальной лигой права голоса для женщин», «Обществом улучшения положения женщин», которые придерживались более традиционных и законных методов борьбы, включавших подачу петиций, привлечение на свою сторону депутатов, участие в избирательных кампаниях путем выдвижения женских кандидатур и т.п. И это направление не получило широкого развития, т.к. большой популярностью в обществе пользовались взгляды Л. Рише и Э. Легуве, которые считали современных им женщин не готовыми для получения всеобщих избирательных прав из-за сильного влияния на них католической церкви. С этим представлением связана еще одна особенность развития французского феминизма. Ни одна политическая партия той эпохи, за исключением социалистической, не принимала женщин в свои ряды и не поддерживала идеи всеобщего избирательного права. Причина состояла в том, что боялись перераспределения голосов, если женщинам будет позволено голосовать. Наиболее яркими противниками предоставления женщинам избирательных прав были радикалы, которые заявляли, что женщины во Франции представляют собой слишком консервативный и религиозный элемент. А поскольку радикалы имели в течение долгого времени большинство мест в парламенте, являлись правящей политической партией и вели активную борьбу против clerикальной реакции, идея всеобщего избирательного права в рассматриваемый период не имела никаких шансов стать реальностью.

2. *Умеренное или центристское направление*. В нем выделялись две ведущие организации. Одна из них — «Национальный Совет французских женщин» (НСФЖ), в 1901 г. объединивший в своих рядах различные феминистские, филантропические и протестантские женские общества (число его членов с 1901 до 1914 г. выросло с 21 тыс. до 100 тыс. человек). Вторая — «Союз борьбы за женское избирательное право», созданный в 1909 г. г-жой Брауншвиг и объединивший 12 тыс. женщин. Они выдвигали сходные требования и хотели добиться: а) Полного уравнивания полов с точки зрения закона и исправления тех статей гражданского кодекса, кото-

¹ Роденбах А. Французские женщины и война. М., 19... С. 5.

рые в этом плане ущемляли женщин, а именно: полное равенства супругов в браке, уравнивания прав матери с отцовскими, изменения закона о разводе, разыскании отца; б) участия женщин в общественной жизни наравне с мужчинами, допущения их к занятию государственных должностей; в) принятие в обществе одной и той же морали для обоих полов, «все то, что прощается одним, не может быть позором и криминальным поступком для других»; г) абсолютного права для женщин на развитие ее интеллекта, создания одинаковых программ обучения для мальчиков и девочек; д) свободного доступа женщин во все профессии и осуществления карьеры; е) воплощения в жизнь без различий пола экономической формулировки: «За равный труд — равное вознаграждение»; ж) допущения женщин к участию в муниципальных выборах¹.

Сильные позиции в этом направлении занимала протестантская группа возглавлявшаяся С. Моно. Протестантский характер проявлялся в том, что на первый план выдвигалось культивирование женской личности, чтобы «женщина могла спокойно обходиться без сильной руки мужчины». Сторонники этих взглядов совершенно отрицали власть мужа и отца, и подчинение супруги в браке. Кроме того, они считали обязанностью каждой доброй христианки помочь ближним, поэтому под их влиянием большое развитие в феминистском движении получила филантропия. Поскольку специальные протестантских требований они не выдвигали, а действовали в русле общего феминистского движения, «улучшая его своими идеями», то в отдельный протестантский феминизм они не выделились. Их группы были практически во всех обществах, а С. Моно даже была председателем самого крупного феминистского объединения — «Национального Совета французских женщин».

На протяжении всего периода наблюдается тенденция к объединению мелких групп под эгидой более крупных, лидеры которых пытались сплотить разрозненные, антагонистические обществу и создать общий союз с едиными целями и задачами. Они использовали только методы борьбы, предусмотренные законом. Главное отличие этого направления состояло в том, что оно поддерживало идею о несвоевременности предоставления женщинам всеобщего избирательного права. Постепенно, по мере развития республиканской демократии и уменьшения влияния католической церкви, правительство само придет к тому, что всем женщинам надо дать право голоса, а пока надо добиться права голоса для участия в муниципальных выборах и учить женщин пользоваться

¹ Fabre A. Le féminisme. Nîmes, 1903. P. 10-11.

этим правом и побуждать их голосовать за свои интересы, а не за интересы мужа или исповедника.

3. *Католическое направление*, которое можно отнести к феминистскому на том основании, что самый радикальный его представитель — общество «Христианский феминизм», возглавлявшееся С. Могере, выступало за серьезную реформу брачного права и требовало для женщины права на распоряжение своим заработком, обязательного введения режима раздельности имущества в браке, одинаковые моральные требования для обоих полов, одинаковое наказание за нарушение супружеской верности. Но в то же время они требовали сохранения власти отца в полном объеме, иначе будет сложно удержать мир в семье. Кроме того, Могере выступала с поддержкой некоторых суфражистских инициатив, пока не получила запрещение от церкви. Прочие католические организации были весьма консервативными, целиком проводили политику церкви, практически никаких специальных требований для улучшения положения женщин не выдвигали, поэтому к феминистским их можно отнести очень условно.

4. *Социалистическое направление* в феминизме было развито слабо, только отдельные женщины-социалистки участвовали в деятельности феминистских обществ и даже занимали там руководящие должности. Это объясняется тем отношением, которое сложилось в социалистической партии к феминизму и к женщинам, участвующим в буржуазном женском движении. Оно определялось тем, что марксисты только свою концепцию классово-борьбы считали единственно верной и имеющей право на существование. Остальные теории женского равноправия они относили к «буржуазным» на том основании, что те признавали существование ступеней и предполагали добиться эмансипации женщин традиционным путем парламентских реформ. Проводя знак равенства между понятиями «феминизм» и «буржуазный», марксисты вели борьбу с феминизмом как с одним из проявлений буржуазной системы, запретив социалистам участвовать в феминистских акциях и организациях. Это означало разделение женского движение на две силы, практически не взаимодействовавшие друг с другом, с разными целями, задачами и методами их достижения. В 1913 г. была предпринята еще одна попытка по созданию объединенного общества феминисток-социалисток, но через год в нем опять сильные позиции заняли марксистки, и оно перестало участвовать в феминистских инициативах.

Главной отличительной особенностью третьего периода развития во Франции феминистского движения (1901—1914) стало появление общенациональных организаций, которые проводили широкомасштабные пропагандистские кампании за равноправие по-

лов. Однако движение продолжало носить умеренный характер, социальная база участников сузилась только до представительниц среднего класса, поскольку попытки объединения с движением работниц не имели успеха. Хотя движение добились воплощения в жизнь многих своих идей по реформированию гражданского законодательства, изменению системы образования и трудоустройства женщин, оно не стало влиятельным фактором в политической жизни Франции, поскольку не участвовало в деятельности ни одной политической партии.

Таким образом, главным источником слабости французского феминизма были его внутренние разногласия. Феминистское движение состояло из различных антагонистических групп и направлений, которые не смогли выработать общую тактику и методы борьбы из-за несходства целей и задач. Консервативность основной массы женщин и их приверженность католической традиции привели к тому, что движение за политические права не получило во Франции такого развития, как в других европейских странах. В основном, все феминистские организации осуществляли свою деятельность в Париже или в центрах крупных промышленных департаментов. Именно в них произошли все те трансформации в общественном мнении, о которых мы говорили выше. Остальные области страны по-прежнему придерживались традиционных патриархальных взглядов на женщину и ее роль в обществе и семье. Это объясняется тем, что феминистское движение во Франции не имело возможности развиваться постепенно, охватывая пропагандой все большее количество народа и открывая региональные представительства, а вплоть до 1870-х гг. возникло только во время революционных подъемов (революции 1789, 1830, 1848, Парижская Коммуна), а затем сходило на нет. Поэтому общество воспринимало феминизм как движение, постоянно возникающее во время революций, опасное для прочности семьи и традиционных устоев, а сам феминизм во Франции долгое время оставался умеренным во всех своих требованиях и инициативах.

Н.В. Новикова **СУФРАЖИСТКИ И СУФРАЖЕТКИ: ИДЕОЛОГИЯ** **И ПОЛИТИКА БРИТАНСКОГО ФЕМИНИСТСКОГО** **ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Политическое требование избирательного права не сразу стало преобладающим в организованном женском движении Англии.

Последнее оформилось в середине XIX в. как выражение протеста женщин против своего подчиненного положения. В этот период, как и в предшествующие столетия, в социально-экономической и политической сферах доминировали мужчины. Хотя образ жизни представительниц отдельных социальных слоёв существенно различался, в целом британские женщины являлись юридически неполноценными гражданами страны. Так, права англичанок на наследство и владение имуществом были серьёзно ограничены. Процедура расторжения брака также представляла множество преимуществ мужчинам, в результате чего за двести лет парламент удвоил количество только четырёх жительниц Великобритании, требовавших развода¹. Участие женщин в прогрессивных общественных движениях первой половины XIX в., таких как чартизм, борьба за отмену хлебных законов и ограничение продажи спиртных напитков, в определённой мере способствовали росту самосознания женщин как автономной социальной группы. В итоге уже в 40-50-е гг. появились первые общественные объединения, выступавшие в защиту интересов женщин, что свидетельствовало о становлении *независимого женского движения*.

Феминистское движение в XIX в. составляли преимущественно представительницы средних слоёв, которые имели возможность и оцучасти необходимости посвятить своё время общественно-политической деятельности. Их внимание было сосредоточено на проблемах, с которыми приходилось сталкиваться одиноким женщинам, и на различных аспектах положения англичанок в браке². Намного более многочисленная группа женщин из рабочего класса оставалась относительно пассивной. Вынужденные нести двойное бремя — семейные заботы и тяжёлый труд на производстве, — работницы находились в стороне от общественной деятельности. Кроме того, улучшение своего положения они видели не в обретении гражданских и политических прав, а в возможности оставить работу и посвятить силы ведению домашнего хозяйства. Знатные и состоятельные женщины, чья жизнь в гораздо меньшей степени была затронута социально-экономическими изменениями XIX в., предпочитали оставаться под покровительством родственников-мужчин. В итоге многочисленные женские общественно-политические объединения говорили формально от лица представитель-

¹ Deckard B.S. The Women's Movement: Political, Socioeconomic, and Psychological Issues. New York, 1979. P. 223.

² Они не подвергали критике институт брака в принципе и считали «счастливое замужество» лучшей жизненной перспективой для женщины.

тельниц средних слоёв, хотя объективно выражали интересы британских женщин в целом.

Первые феминистские общества выступали с требованиями различных социальных реформ: о допуске женщин к высшему и профессиональному образованию, о гарантиях частной собственности англичанок, о расширении их юридических прав, о пресечении насилия в семье, о защите материнства. Большим авторитетом среди сторонников женского равноправия пользовалась группа феминисток, возглавлявшихся Б. Бодিশон и Б. Паркес и вошедших в историю как «дамы из Лэнгхэм Плэйс». В 1858 г. ими был основан популярный журнал «Инглиш Вуманс Джорнел», на страницах которого обсуждались самые насущные проблемы женщин и предлагались пути их решения. Требование избирательного права для британских женщин было сформулировано ещё в 30-е гг. XIX в. в ходе обсуждения первой парламентской реформы, а в 40-50-е гг. в Шэффилде и Манчестере, центрах радикальной оппозиции, появились общественные объединения, выступавшие за предоставление женщинам равных с мужчинами политических прав. Это и были первые суфражистские организации. Следует подчеркнуть, что общественная кампания в поддержку права голоса для женщин в XIX в. рассматривалась её участниками как неотъемлемая часть движения за повышение гражданского статуса и улучшение условий жизни англичанок. Постепенно среди активисток феминистского движения укреплялось мнение, что оптимальным средством для решения многочисленных проблем женщин может быть только наделение последних равными с мужчинами политическими правами. Поэтому требование избирательного права вскоре стало центральным в деятельности многочисленных феминистских групп.

1867 г. стал этапным в истории борьбы за избирательные права британских женщин. Провал знаменитой поправки Дж. С. Милля о предоставлении гражданам страны права голоса во время обсуждения второй парламентской реформы вызвал к жизни массовое суфражистское движение. В том же году по инициативе Л. Беккер в Манчестере было основано Национальное общество за женское избирательное право, объединившее суфражистские группы из Лондона, Эдинбурга, Бристоля, Бирмингема и других городов для организации общенациональной кампании с требованием новой реформы. Активистки этого первого постоянного суфражистского объединения развернули бурную пропагандистскую деятельность, стали издавать свой еженедельник, редактором которого на протяжении 20 лет была сама Л. Беккер, и в довольно короткий срок приобрели известность и авторитет. Уже в

следующем году общество насчитывало 5 тыс. членов, а ещё через год во многом благодаря его работе парламент принял закон, представлявший незамужним состоятельным женщинам право голоса на местных выборах¹.

В начале XX в. движение за предоставление права голоса женщинам в Великобритании становилось все более массовым. Историк феминизма О. Бэнкс даже называет конец 1890-х — начало 1900-х гг. временем выхода из тупика и вступления движения в новую фазу. По ее мнению, это произошло в результате «расширения поддержки требования женского избирательного права среди самих женщин, а также возрастающего влияния рабочего движения в британской политике»². В определённой степени это объясняется социально-политическими условиями, в которых оказалось британское общество в конце XIX в. Эпоха абсолютного промышленного первенства и относительной социальной гармонии ушла в прошлое. Индустриализация и демократические реформы середины века, в конечном счете, расширили социальную базу британской политики и требовали пересмотра норм отношений между различными общественными группами. Либеральная экономическая политика, викторианские стереотипы и ценности постепенно входили в противоречие с новыми внешними и внутренними условиями. Признаки общественно-политического кризиса становились все более заметными уже в последней четверти XIX в.

Социально-экономические преобразования эпохи промышленной революции существенно отразились на положении женщин из разных слоёв общества. Так, стремительно развивавшаяся индустриализация создала необыкновенно благоприятную экономическую конъюнктуру, потребовала широкого привлечения рабочей силы в различные отрасли хозяйства и, таким образом, вовлекла женщин в разрастающийся рынок труда. Наиболее доступной и хорошо оплачиваемой работой для женщин являлось домашнее услужение (к 1870-м гг. в этом секторе было занято 1,5 млн. англичанок), а также работа в текстильной промышленности и изготовление одежды (по 700 тыс.).³ В последней трети столетия британские женщины начали осваивать новые профессии: становились продавцами, машинистками, учителями в начальной школе, медсестрами. Общая занятость в этой сфере выросла со 184 тыс. в

¹ Strachey R. "The Cause". A Short History of the Women's Movement in Great Britain. London, 1928. P. 131.

² Banks O. Faces of Feminism. Oxford, 1981. P. 121.

³ Pugh M. State and Society. British political and social history, 1870—1992. London, 1992. P. 60.

1871 до 562 тыс. в 1901 г.¹ Хотя подобная работа не обеспечивала высокий доход, она свидетельствовала о некотором расширении сферы занятости и улучшения экономического положения британских женщин.

Значительные изменения демографической ситуации в этот период оказались весьма неблагоприятными для англичанок. Вследствие высокой мужской смертности, а также активной эмиграции мужчин брачного возраста женщины оставались в большинстве, и замужество для женщин эпохи королевы Виктории стало новилосе серьезной проблемой, в особенности для представительниц средних слоев. Например, к 1870 г. из каждой 1000 женщин в возрасте от 20 до 25 лет 652 оставались незамужними, а к 1901 г. эта цифра возросла до 726. Кроме того, существенно повысился и средний возраст вступления в брак до 25-30 лет². В итоге женщины оказывались перед необходимостью поиска средств к независимому существованию, а многие вынуждены были самостоятельно растить детей. Отсутствие прочных гарантий стабильности положения этой части населения делало её позиции наиболее уязвимыми в социально-экономическом отношении, что и могло служить стимулом к политической активности.

В то же время в конце XIX в. возникли и конкретные условия, способствовавшие вовлечению женщин в политику. В частности, активистка суфражистских кампаний Р. Стрэчи в своей классической «Краткой истории женского движения в Великобритании» указывает на значение закона о коррупции, вышедшего в 1883 г. Прежде агитация и вся вспомогательная работа во время избирательной кампании проводилась специально нанятыми агентами. Новый закон запрещал эту практику, и работа на избирательных участках должна была выполняться добровольцами бесплатно. Образовавшуюся нишу заполнили женщины — сначала родственницы кандидатов, а затем и сторонницы политических партий. Появление этого закона послужило толчком к образованию «Лиги подснежника» в 1883 г., Женской либеральной федерации в 1887 г., а позже Женской либерал-юнионистской ассоциации. Эти политические союзы, созданные в поддержку консервативной и либеральной партий соответственно, хотя и не имели реального влияния на партийные решения, значили много в деле вовлечения женщин в политику. Они стали своеобразной школой общественной деятельности, формировавшей навыки организации различных

¹ Ibidem.

² Pugh M. State and Society. British political and social history, 1870—1992. London, 1992. P. 61.

ных союзов, создания их фондов, ведения счетов. Кроме того, участие в такой работе позволяло женщинам приобретать опыт и совершенствовать технику публичных выступлений. Р. Стрэчи писала: «Из двадцати упорно работавших в слепой преданности взглядам “своих” мужчин, возможно, одна начинала думать за себя, и, рано или поздно, она не только становилась сторонницей идеи о женском избирательном праве, но и её пропагандистом. В целом эти женщины оставались более или менее верны тем партиям, которые пробудили их, ибо только много лет спустя начался настоящий исход суфражистов из их рядов. Но в этой новой сфере, к которой их привлекли, они доказали свою полезность и, таким образом, опровергли древнее убеждение, что политика — исключительно «мужское занятие»¹.

В начале нового века наметилось изменение в социальном составе движения, в которое постепенно вливались женщины-рабботницы. Как справедливо заметила О. Бэнкс, рабочее движение к этому времени стало авторитетной политической силой, и его развитие неизбежно должно было поставить вопрос о месте женщин в нём. Требование дальнейшей демократизации избирательного права стало одним из важнейших в политике тред-юнионистов и в программе формирующейся лейбористской партии. Важно отметить, что, в отличие от Южной и Средней Англии, Шотландии и Ирландии, текстильщицы Севера являлись членами смешанных профсоюзов, получали заработную плату, близкую по размерам к мужской, и, как члены тред-юнионов, были обязаны вносить средства в различные политические фонды. В этой среде вопрос о распространении избирательного права на женщин воспринимался как естественное продолжение политики тред-юнионов и лейбористской партии. Враждебное отношение большинства профсоюзов к идее наделения женщин правом голоса и отказ лейбористов включить это требование в официальную программу привели к активизации независимого движения работниц в начале века и их вхождению в суфражистские организации. В результате участие текстильщиц Севера в суфражистских кампаниях наложило существенный отпечаток на масштаб, характер и ход женского движения в стране.

О популярности идеи женского политического равноправия говорит стремительный рост числа суфражистских общественных организаций в начале XX в., среди которых были Мужская лига в поддержку женского избирательного права и Мужской политический союз, Церковная лига и Лига женщин-католиков, Лига актеров

¹ Strachey R. Op. cit. P. 280.

и Суфражистская студия и многие другие. Процесс лихорадочного образования новых групп в защиту права голоса для женщин охватил буквально все части страны и все слои общества и был прерван только начавшейся мировой войной. Кроме того, в 1903 г. это требование официально поддержала Женская кооперативная гильдия — авторитетная организация, объединявшая домохозяйек из рабочего класса, а к 1912 г. Лондонская либеральная федерация, Женская либеральная федерация (в рамках которой был даже создан союз «Вперед к всеобщему избирательному праву»). Женская либеральная федерация Уэльса, Независимая лейбористская партия и Фабианское общество, множество других общественных и политических организаций присоединились к петиционным кампаниям суфражисток¹. Последние нашли эффективные способы воздействия на общественное мнение и правящие круги. Непосредственным результатом их деятельности явилось неоднократное обсуждение проекта закона о предоставлении избирательных прав женщинам в парламенте страны.

Самыми популярными и влиятельными суфражистскими объединениями Великобритании в предвоенный период оставались Национальный союз обществ женского избирательного права и Женский социально-политический союз. Эти организации руководствовались сходными идеями, провозглашали единую цель, а расходились главным образом в вопросах тактики. В этой связи в британском суфражистском движении традиционно выделяют два крыла — умеренное и радикальное, особенности которых проявились в деятельности этих двух организаций.

Национальный союз обществ женского избирательного права (далее — Национальный союз) сформировался в 1897 г., объединив разрозненные суфражистские группы по всей стране. После смерти Л. Беккер в 1889 году лидером умеренного, или конституционного, направления в женском движении стала Миллисент Фосетт (1847—1929), супруга видного члена парламента, горячего сторонника идей экономического либерализма. Многие современники смогли оценить выдающиеся организаторские и дипломатические способности знаменитой суфражистки, а один из последних биографов М. Фосетт называет её политическим лидером такого же уровня, как Ллойд Джордж и Ленин². По её инициативе многочисленные суфражистские общества были объединены для организа-

¹ Fawcett M. G. Women's Suffrage. A Short History Of A Great Movement. London, 1912. P. 88.

² Rubinstein D. A Different World for Women. The Life of Millicent Garrett Fawcett. Columbus, 1991. P. 231.

ции общенациональной кампании с требованием права голоса для англичанок. С момента образования Национального союза и до 1919 г. она являлась его президентом и ведущим идеологом. М. Фосетт рассматривала наделение женщин избирательными правами не столько как средство для уравнивания в правах мужчин и женщин, сколько как способ улучшить положение последних: «Мы не желаем быть плохим подобием мужчин, мы не отвергаем и не умаляем различий между мужчиной и женщиной. Стремление женщин иметь представительство в парламенте является следствием существования таких различий. Женщины могут принести на службу государству нечто отличное от того, что способны дать мужчины»¹.

Члены Национального союза избрали методы политической борьбы, отражавшие тип мышления, систему ценностей единомышленниц. Им было свойственно убеждение в верховенстве закона и прогрессивном развитии общества, стремление к социальному порядку и рационализм. В деятельности своей организации суфражистки пытались реализовать исповедуемый ими социальный идеал: Национальный союз строился на принципах демократии и конституционализма, свободы слова, равного представительства. Выразив политическое кредо объединения кратким лозунгом «Вера. Настойчивость. Терпение», суфражистки проводили идею о предоставлении политических прав женщинам на многочисленных митингах, посредством просветительских и петиционных кампаний, на страницах своего еженедельника «Коммон Коз».

На протяжении всего периода до 1914 г. стратегия и тактика Национального союза, ставшего крупнейшим и самым авторитетным в британском суфражистском движении, последовательно развивалась и усложнялась. С момента образования эта организация выступала как внепартийная и апеллировала ко всем «друзьям суфражисток» — политикам, публично поддерживавшим идею о предоставлении права голоса женщинам. Соответственно, Национальный союз обеспечивал их поддержку во время избирательных кампаний. По существу, такая установка являлась пролиберальной, т.к. среди «друзей» преобладали виги, многие из которых были влиятельными членами парламента, и надежда на успешный законопроект, представленный отдельным членом парламента (Private Member's Bill), долгое время составляла основу политики Национального союза.

Поворотным пунктом в стратегии Национального союза стал 1912 г., когда т.н. «примирительный билль» (Conciliation Bill), уме-

¹ The Common Cause, April 12, 1910. P. 386.

ренный законопроект, выдвинутый в 1910 г. сторонниками суфражисток в парламенте и предлагавший частичное наделение британских женщин правом голоса, не получил обещанной поддержки в нижней палате парламента. Успех этого законопроекта почти не оставлял сомнения у лидеров женского движения, однако провал «примирительного билля» не вызвал замешательства в рядах суфражисток. Президент Национального союза, чтобы охарактеризовать настроение этого времени, цитирует знаменитые слова маршала Фоша: «Мой центр прорван, мой правый фланг отступает. Ситуация великолепная. Я атакую»¹.

Для Национального союза обществ женского избирательного права это решение — не отступать — означало необходимость существования пересмотра политического поведения и перестановки акцентов в пропаганде. После обсуждения и голосования по вопросу об изменении программы в мае 1912 г. организация, руководимая М. Фосетт, провозгласила в качестве своих основных задач, во-первых, сократить срок действия кабинета в его настоящем составе и, во-вторых, усилить позиции в палате общин той партии, которая имеет в своей программе требование женского избирательного права². Другими словами, суфражистки отказывались от прежней тактики давления на влиятельных членов парламента, признав необходимость опоры на парламентарскую фракцию, и практически отдали свой голос на выборах недавно образованной Независимой лейбористской партии.

Очевидно, что этот поворот в политике явился следствием изменившейся ситуации в парламенте, когда отдельные члены палаты общин перестали играть решающую роль в процессе обсуждения и принятия законопроектов³. С другой стороны, определенное значение для эволюции политической стратегии Национального союза имело постепенное изменение социальной основы организации. Если в конце XIX в. Национальный союз составляли преимущественно представительницы средних слоёв — сторонницы либеральной партии, то в начале следующего столетия ряды суфражистов в значительной степени пополнились за счет политически активных женщин-работниц. Последние оказались перед выбором между преданностью интересам своего класса и необходимостью отстаивать свои права как женщин. Либеральная партия, провоз-

¹ Fawcett M. G. *The Women's Victory and After: Personal Reminiscences, 1911—1918*. London, 1920. P. 30.

² National Union of Women's Suffrage Societies, *Leaflets to 1914*, Fawcett Library.

³ Лой С. Государственный строй Англии. М., 1910. С. 155-160.

гласив широкую программу реформ, испытывала серьезные разногласия по вопросу о женском избирательном праве, а с 1908 г. ее возглавлял ярый противник этой идеи Герберт Асквит. В то же время лейбористы до 1912 г. не сформулировали четкой позиции по «женской проблеме», а многие члены партии не скрывали своего враждебного отношения к возможности равного женского представительства. Эта ситуация породила разногласия и даже конфликты среди суфражисток, которые, таким образом, необходимо рассматривать в контексте парламентской и партийной борьбы того времени¹.

Вопрос, вызывавший наибольшие споры в Национальном союзе, заключался в том, на каком требовании необходимо остановиться в суфражистской пропаганде. Так, участницы первых выступлений с середины XIX в. выдвигали лозунг о предоставлении права голоса женщинам на равных условиях с мужчинами², тогда как рабочее движение в ходе борьбы за демократизацию политической системы страны выступало с требованием всеобщего избирательного права для лиц, достигших совершеннолетия (что не обязательно исключало ограничения по признаку пола). Суфражистки, представительницы разных поколений, происходившие из различных социальных слоёв, привносили в движение стереотипы и установки своей среды. В результате в рамках крупнейшей британской суфражистской организации постепенно сформировалось течение, сторонники которого выступали за всеобщее избирательное право для британских граждан — и мужчин, и женщин. Поэтому за ними закрепилось название, предложенное руководителем Женской кооперативной гильдии М. Ллевелин Дэвис, — «демократические суфражистки», в отличие от либеральных феминисток, придерживавшихся традиционных, «буржуазных» представлений о целях и характере женского движения. Эта новая группа после 1909 г. постепенно стала выдвигаться на влиятельные позиции в

¹ Holton S. S. *Feminism and Democracy: Women's Suffrage and Reform Politics in Britain, 1900—1918*. Cambridge, 1986. P. 5.

² Подробнее о соотношении либерализма и феминизма и особенностях риторики викторианских феминистов см.: Caine B. *Feminism, Suffrage and the Nineteenth Century English Women's Movement 1862-7 // Women's Studies International Forum* 5. 1982. P. 537-550; idem. *English Feminism. 1780—1980*. Oxford, 1997; Rendall J. *Citizenship, Culture and Civilisation: The Languages of British Suffragists, 1866—1874 // Suffrage and Beyond. International Feminist Perspectives / Ed. by C. Daley and M. Nolan*. New York, 1994. P. 127-150.

руководстве Национального союза¹. А поскольку демократические суфражистки настаивали на необходимости союза с лейбористской партией, изменения в политической стратегии этой организации вполне можно считать их заслугой.

В то же время к оценке глубины противоречий внутри Национального союза обществ женского избирательного права следует подходить с известной осторожностью. Суфражистки строили процесс принятия решений исключительно на демократических принципах, что позволяло на время смягчать разногласия. Они находили особенно ценным и привлекательным в деятельности своего союза именно способность учитывать разнообразие мнений и приводить их к общему решению при поддержании порядка и посредством правил процедуры, которые «превратились в настоящее искусство»². Любопытно, что участница движения Р. Стрэчи в своих мемуарах, упоминая о противоречиях, существовавших в Национальном союзе, привлекает внимание читателя к тому факту, что объединение, вопреки разногласиям, сохраняло организационное единство: «Острые и порой накаленные противоречия, конечно, были, но не было беспорядка, раскола на фракции, враждебности. Те, чье мнение победило, были слишком заняты, чтобы торжествовать. Те, кто проиграл, готовились к новым попыткам в следующем году. И все это время работа шла, и энтузиазм множился»³.

В предвоенные годы руководству Национального союза удавалось сбалансировать интересы различных социальных групп внутри движения. В частности, решение об изменении политической стратегии организации, принятое в 1912 г., носило явно компромиссный характер. Листовки и пропагандистские буклеты того времени разъясняют публичке мотивы поворота в суфражистской кампании и его значение. Характер утверждений в этих документах свидетельствует о силе и авторитете либерального руководства, и заявление о поддержке лейбористской партии выглядит как небольшая уступка растущей и крепнущей группе демократических суфражисток. Во-первых, согласно листовкам, Национальный союз рассматривал новую тактику не как отказ от независимой внепартийной позиции, а как развитие прежней политики. И, во-вторых, настоятельно подчеркивалось, что Национальный союз не отождествлял себя с лейбористской партией и был готов ока-

зать поддержку во время избирательной кампании любой другой партии, включившей требование права голоса для женщин в свою программу¹. Достигнутый компромисс позволил Национальному союзу преодолеть кризис, вызванный провалом «примирительного билля», но в то же время события 1912 г. продемонстрировали, что внутри женского движения намечалась перестановка сил.

Между тем изменение направления в политике Национального союза открыло широкие возможности для развития пропагандистской кампании суфражисток. Наряду с традиционными методами — публичными лекциями, митингами и шествиями, представлениями петиций, ярмарками — появились новые формы работы с общественностью. Так, в 1913 г. стартовала специальная образовательная кампания, ориентированная, главным образом, на представителей рабочего класса, в рамках которой проводились публичные лекции и семинары и выпускалась большими тиражами пропагандистская литература. Общественная организация Друзья женского избирательного права предпринимала в этот период особые усилия для вовлечения рабочих в движение, и число «друзей» в 1913—1914 гг. значительно увеличилось, превысив в августе 1914 г. 46 тыс. человек². Кроме того, местные отделения Национального союза организовали в промышленных районах суфражистские клубы для мужчин и женщин и суфражистские комитеты, которые служили центрами агитации на местах, а суфражистские магазины и торговые лавки способствовали распространению информации. Пиком пропагандистской деятельности Национального союза обществ женского избирательного права стали организация и проведение политической акции в июне-июле 1913 г., получившей название «паломничество в Лондон». Члены общества со всех концов страны направлялись маршем в столицу и собрались в Гайд-парке на грандиозный митинг, насчитывавший около 70 тыс. человек. Это событие имело огромный общественный резонанс и по праву считалось лидерами движения самой удачной кампанией за все время существования суфражистского движения в стране³.

Для участия в избирательной кампании в новых условиях исполнительный комитет Национального союза создал в мае 1912 г. специальный фонд предвыборной борьбы (Election Fighting Fund) для поддержки кандидатов от лейбористской партии. Как утвер-

¹ National Union of Women's Suffrage Societies, Leaflets to 1914, Fawcett Library.

² National Union of Women's Suffrage Societies. Annual Report, 1913. P. 17-18.

³ Fawcett M.G. The Women's Victory and After... P. 54-58.

¹ Holton S.S. Women and the Vote // Women's History: Britain, 1850—1945. An Introduction / Ed. by J. Purvis. Bristol, 1995. P. 293.

² Strachey R. Op. cit. P. 324.

³ Ibidem.

ждает М. Фосетт в своих воспоминаниях, «две тысячи фунтов были собраны тотчас же, до какого-либо официального объявления. И за короткое время между основанием фонда и началом европейской войны он успешно пополнился за счет постоянных вкладов со стороны наших собственных членов, что позволяло нам вести работу живо и эффективно».¹ Важно отметить, что и организация, и работа фонда предвыборной борьбы могут служить еще одним доказательством существования компромисса между представительницами различных течений в Национальном союзе. На этот факт намекает в своей работе и Л. Хьюм, указывая, что «исполнительный комитет Национального союза намеренно несколько отделил фонд предвыборной борьбы от родительской организации», чтобы подчеркнуть, что Союз намеревался сохранить свой внепартийный статус и тем самым удовлетворить тех членов организации, кто не поддерживал идею создания фонда. «Фонд предвыборной борьбы находился под эгидой исполнительного комитета Национального союза, но его денежные средства были совершенно отделены, и он имел собственный административный аппарат и исполнительный комитет, который включал мужчин и женщин, не являвшихся членами Национального союза».²

Как уже отмечалось, Национальный союз был крупнейшим политическим объединением суфражисток в Великобритании. Ещё в январе 1909 г. он объединял 70 суфражистских групп по всей стране, в октябре 1911 г. — уже 305³, а в августе 1914 г. таких организаций в составе союза насчитывалось 602 с общей численностью 54 тыс. человек⁴. Однако «женский вопрос» приобрёл небывалую остроту в предвоенные годы благодаря деятельности другой суфражистской организации — Женского социально-политического союза, сплотившегося вокруг хорошо известной в Англии семьи Панкхерст.

Эммелин Панкхерст (1858—1928), вдова известного общественного деятеля и сторонника женской эмансипации, с юных лет находилась в центре общественно-политической жизни Манчестера, участвовала в благотворительной деятельности. И друзья, и враги считали её прекрасным оратором, при любых обстоятельствах она «держалась как истинная леди»⁵. После смерти мужа она

¹ Fawcett M.G. *The Women's Victory and After...* P. 34.

² Hume L.P. *The National Union of Women's Suffrage Societies, 1897—1914*. London — New York, 1982. P. 153.

³ Fawcett M.G. *Women's Suffrage...* P. 86.

⁴ *The Common Cause*, August 7, 1914. P. 370.

⁵ Deckard B.S. *Op. cit.* P. 225.

осталась активисткой манчестерского отделения лейбористской партии и продолжала настаивать на включении требования женского избирательного права в его программу. Вскоре она убедилась в необходимости создания новой независимой женской организации, т.к. лейбористы окончательно отказались поддерживать требования защитников прав женщин, а деятельность традиционных суфражистских комитетов казалась ей неэффективной. В октябре 1903 г. Э. Панкхерст при поддержке своих дочерей Кристабель и Сильвии объявила об образовании Женского социально-политического союза (далее — Женский союз).

Основные положения новой тактики были сформулированы членами группы в 1906 г., к моменту переезда её штаб-квартиры в Лондон. Единомышленницы почти сразу же заявили об отказе от казавшейся им неэффективной суфражистской стратегии и о полном отмежевании от традиционных суфражистских обществ. В частности, они с гордостью стали называть себя «суфражетками» после того, как это пренебрежительное выражение, подчёркивающее половую принадлежность участниц политических кампаний, появилось в одной из центральных газет. Девиз «Не слово, а дело!» отражал наступательную позицию этих женщин, которые были убеждены: только «эффектные» действия способны привлечь общественное внимание и заставить правящие круги ответить на их требования. Человеческий прогресс достигается путём социальных потрясений, через мятеж, через индивидуальное самопожертвование, считали они. Рационализму они противопоставляли силу чувств, а величайшим призыванием личности провозглашали стремление и способность человека изменить мир¹.

Женский союз, как и Национальный союз, выступал с требованием наделения женщин равными политическими правами, но, в отличие от последнего, отрицал принцип сотрудничества с правительством. Его участницы не допускали и мысли о возможности компромисса с властями до тех пор, пока это требование не будет удовлетворено. Основной тактикой союза объявлялась политика сознательного нарушения закона, призванная, во-первых, привлечь внимание общественности к себе, во-вторых, оказать давление на правительство и, в-третьих, показать, что существующий порядок не действует, и тем самым дискредитировать его. «Наш враг — это правительство, а не члены парламента и не мужчины, — заявляла

¹ Holton S. 'In Sorrowful Wrath': Suffrage Militancy and the Romantic Feminism of Emmeline Pankhurst // *British Feminism in the Twentieth Century* / Ed. by H. Smith. Amherst, 1990. P. 11.

Э. Панкхерст и поясняла, — только правительство способно дать нам право голоса”¹.

Таким образом, демонстративное нарушение закона стало главной формой протеста, основным способом политической борьбы членов Женского союза, которые поэтому и называли себя воительницами — “милитантками”, в отличие от “законопослушных”, умеренных суфражисток. Атака на правительство осуществлялась в самых разных формах: демонстрации, прерывание ораторов на политических собраниях, попытки вручения петиций премьер-министру лично, что чаще всего заканчивалось стычками с полицией. Поскольку правительство не выражало готовности удовлетворить требования участниц женского движения, милитантки переходили к более радикальным формам протеста. Э. Панкхерст заявляла в 1910 г.: «Существует нечто, о чём правительства заботятся несравненно больше, нежели о человеческой жизни, и это нечто есть охрана прав собственности; именно на этом фронте мы будем сражаться с врагом»².

Взамен массовых шествий и уличных схваток с полицией объявлялась “атака на собственность”. Покушение на собственность в больших масштабах даже не предполагалось. Начиналась акция с чисто символических действий, например, метания заёрнутых в бумагу или привязанных камней в окна правительственных учреждений. Инициатива, исходившая от рядовых членов союза, только с течением времени получила одобрение лидеров. Вооружившись молотками, женщины разбивали окна офисов и витрины роскошных магазинов. С 1912 г., когда был отклонен очередной билль о реформе, наступила более радикальная фаза атаки на собственность. Милитантки портили площадки для гольфа, обрезали телеграфные провода, устраивали поджоги и взрывы на железнодорожных станциях и даже в храмах.

Представления о политике Женского социально-политического союза могут быть дополнены анализом поведения его членов в тюрьме, их отношения к заключению. Первоначально арестованных «нарушительниц общественного спокойствия» надолго не задерживали, но все возрастающая активность милитанток привела к ужесточению репрессий, и к 1913 г. в тюрьмах оказалось около 1000 женщин, пострадавших за свои убеждения³. Власти столкнулись с серьезными трудностями, когда заключенные стали практиковать голодовки, которые вошли в арсенал средств давления на

1 Pankhurst E. My Own Story. London, 1914. P. 234.

2 Цит. по: Феминизм: проза, мемуары, письма / под ред. М. Шнейр. М., 1992. С. 395-396.

3 Strachey R. Op. cit. P. 315.

общественное мнение и правительство. Такими забастовками женщины доводили себя до крайнего истощения. Тюремная администрация пыталась нейтрализовать их усилия, применяя принудительное питание. Эта насильственная процедура была болезненной и довольно опасной, поскольку жертвы отчаянно сопротивлялись. Массовый характер подобных акций повлек принятие в 1913 г. т.н. закона «о кошках и мышках», контролирующего обращение с узницами-милитантками. Согласно ему, ослабевших женщин освобождали из тюрьмы, а после того, как они восстанавливали свои силы, заключали под стражу снова. Однако, как справедливо заметила активистка Национального союза Р. Стрэчи, «министр внутренних дел впал в заблуждение, предполагая, что фанатики могут быть подавлены силой»¹.

Несмотря на призывы к «женской революции» и воинствующую стратегию, Женский социально-политический союз никогда не представлял серьёзной опасности для жизни окружающих или общества в целом. Руководители организации придерживались строгого правила не использовать физическое насилие против своих оппонентов. Лидер милитанток говорила в этой связи: «Женский социально-политический союз никогда не ставил и не будет ставить перед собой какие-либо задачи, безрассудно подвигая опасности человеческую жизнь. Мы предоставляем это врагу. Пусть этим занимаются мужчины на войне, но не женщины»².

Этот принцип распространялся и на членов союза, которых руководители не принуждали рисковать своей жизнью, но они были волены пожертвовать ею ради общего дела. Воинственность, как утверждали милитантки, растущий экстремизм были навязаны им властями. Первая акция, предпринятая женщинами, «вовсе не была воинственной, скорее, воинственными были ответные меры со стороны тех, кто ей противился»³. Более того, воинственность рассматривалась ими прежде всего как аргумент, апеллирующий к нравственным понятиям, а не как способ доказать свое равенство с мужчинами. «Символическое насилие» и «скорбный гнев» суфражеток противопоставлялись грубой силе государства. Взывая к благородству и мужественности своих оппонентов, сторонницы Женского союза стремились подчеркнуть свою женственность: они старались следовать моде и вести себя как “истинные леди” даже в самых экстремальных ситуациях.

1 Strachey R. Op. cit. P. 331.

2 Цит. по: Феминизм... С. 395.

3 Там же. С. 401.

О характере руководства и механизме принятия решений в Женском союзе даёт отчётливое представление следующее свидетельство Э. Панкхерст: «Дух движения был удивительным, радостным и серьёзным одновременно. Всё личное, казалось, отступало, как только женщины присоединялись к нам. Верность, эта величайшая из добродетелей, была основой движения. Во-первых, верность делу, во-вторых, тем, кто находился во главе, и, наконец, верность друг другу»¹.

Сначала умеренные суфражистки, а затем и критики движения милитанток обращали внимание на авторитарный стиль руководства Женского социально-политического союза. Его лидеры, Эммелин и Кристабель Панкхерст, настаивали на абсолютной преданности своих единомышленниц и беспрекословном следовании указаниям вождей. Патерналистский характер взаимоотношений членов организации подтверждает свойственная лидерам манера высказываться от лица всех участников союза, а на митинге в 1912 г. из уст Э. Панкхерст прозвучала знаменательная фраза: «Я призываю участников собрания к востанию! Будьте воинственными каждая по-своему. Я беру ответственность за все, что вы делаете»². В то же время, вопреки авторитаризму руководителей, обычно именно рядовые члены организации предлагали новые направления милитантской тактики, которые позднее получали одобрение Панкхерст. Способность к независимой инициативе являлась даже необходимым требованием к последователям Женского союза. Это очевидное противоречие неизбежно приводило к расколам.

Нараставшие личные разногласия между Э. Панкхерст и Ш. Деспард привели в конечном счёте к уходу последней из Женского союза в 1907 г. и созданию ею Лиги женской свободы. Эта новая организация практически полностью унаследовала программные и тактические установки Женского союза и предлагала новые варианты «боевых» методов. Например, в 1911 г. именно по инициативе Лиги сотни англичанок отказались принять участие в переписи населения, аргументируя своё решение тем соображением, что если они не имеют права голоса, то, следовательно, не являются гражданами этой страны. В 1912 г. последовал еще один, более серьёзный раскол Женского союза: супруги Петик-Доуренс и их единомышленники отделились от основной организации и сосредоточились на издании газеты «Воутс фо уимен», поскольку не считали целесообразным продолжение активной воинствующей деятельности. За несколько недель до начала мировой войны они объявили о создании группы Объединённых суфражистки, открытой как для

¹ Цит. по: Mackenzie M. Shoulder to Shoulder: A Documentary. New York, 1975. P. 55.

² Цит. по: Феминизм... С. 396.

женщин, так и для мужчин. Это общество оказалось многочисленным и довольно аморфным, но официальный орган объединения, «Воутс фо уимен», оставался самым читаемым еженедельником среди суфражистских изданий. Наконец, накануне войны из рядов Женского союза была исключена Сильвия Панкхерст, которая поддерживала прочную связь с деятелями рабочего движения. В 1914 г. она организовала Федерацию суфражеток Ист-Энда, объединившую представительниц рабочего класса. Представители всех этих вновь образованных групп, в отличие от руководства Женского союза, разделяли убеждение в необходимости введения *всеобщего* избирательного права, что сближало их политические позиции с демократическими суфражистками.

Для Женского союза эти расколы означали «потерю благоразумия и погружение в величайшее сумасбродство воинственности»¹. Эммелин и Кристабель Панкхерст демонстрировали всё большую непримиримость как к либеральной, так и лейбористской политике, что постепенно приводило к сужению социальной базы движения. Несмотря на физическую слабость, изменение — результат голодовок, Э. Панкхерст настаивала на продолжении взятия только мировая война.

Важным является вопрос о соотношении умеренного и радикального направлений в суфражистском движении в предвоенный период. Несомненно, активность милитанток оживила традиционные кампани суфражисток, привлекла внимание широкой общественности к «женскому вопросу». В то же время далеко не все поощряли «неженственные» поступки членов группы Панкхерст. Более того, их экстремизм дал повод для утверждений противников женского равноправия о том, что женщины неуравновешенны, чрезмерно эмоциональны и на этом основании не подходят для политической деятельности. Женский союз не стал массовой организацией, но благодаря его яркой деятельности росло число участников суфражистского движения, которые формально входили в состав Национального союза.

Руководители этих самых известных суфражистских организаций довоенной Великобритании всегда подчёркивали свою непричастность к политике «соперников» и приписывали успех суфражистского движения деятельности возглавляемых ими объединений. Собственно традиция противопоставления двух ветвей движения своим возникновением во многом обязана работам М. Фосетт и членов семьи Панкхерст, в которых желание полно и объективно описать события входило в противоречие с политическими и стратегическими интересами движения. В действительности разделение

¹ Strachey R. Op. cit. P. 326.

движения на милитанток и умеренных суфражисток не было таким абсолютным, как это представлено в мемуарах и исторических исследованиях. В значительной степени две ветви движения действовали во взаимосвязи, каждая из них поддерживала и укрепляла позиции другой вопреки столкновениям, случавшимся во время отдельных избирательных кампаний. «Не удивительно, — заметила С. Холтон, — что при таких обстоятельствах частым случаем было двойное членство, и на местном уровне Национальный союз и Женский союз работали в тесном сотрудничестве», тогда как национальное руководство в определенном смысле было менее гибким¹.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на некоторые отличия в мировоззрении сторонниц двух указанных направлений и особенности избранной ими политической стратегии, они придерживались сходных *идеологических принципов*, которые современная феминистская теория определяет как либеральный феминизм. Одним из его ключевых элементов является признание «специфически либеральной интерпретации патриархального разделения между публичной и частной жизнью»². Другими словами, либеральные феминисты призывали общество допустить право женщин на активное участие в политике наравне с мужчинами, не осознавая при этом, что таким образом они воспроизводят и закрепляют в своей политической стратегии раскол между публичной (мужской) и частной (женской) сферами.

В данном случае важно разграничить представление о либеральном феминизме как о определенной системе политических взглядов и как этапе в истории феминизма. В XIX в. британский феминизм вырос и развивался на базе идеологии либерализма, ключевыми признаками которой являются понятия об индивидуальной свободе и равенстве прав человека³. Идея о том, что общество должно обеспечить своим членам свободу реализовать свои возможности, стала центральным этическим принципом в западной либеральной традиции, а представления о гражданстве — носителе неотъемлемых прав и о политике, осуществляемой посредством представительного правления, составили фундамент либеральной политической мысли⁴. Феминизм, требуя признания

¹ Holton S.S. *Women and the Vote...* P. 290.

² Eisenstein Z.R. *The Radical Future of Liberal Feminism*. Boston, 1993. P. 6.

³ Термин «либеральный» используется здесь в широком смысле как комплекс идей, определявших социально-политическую культуру западного общества, и не связан с идеологией и политикой либеральной партии Великобритании.

⁴ Dietz M.G. *Context Is All: Feminism and Theories of Citizenship // Daedalus*. Vol. 116. № 4 (Fall 1987). P. 2-6.

независимости женщины и уважения ее прав, по сути являлся продолжением либеральной идеи и реформистской политики. Не случайно британские историки предлагают рассматривать появление суфражистского движения и борьбу за право голоса для женщин как часть борьбы за электоральную реформу, которая развернулась в XIX в.¹ Являясь господствующей политической идеологией, либерализм оказывал решающее влияние на содержание и характер довоенного женского движения. В частности, риторика феминисток в этот период напрямую зависела от либеральных идей и выросла из конкретного политического дискурса (как совокушности определенных ценностей, убеждений и социальных практик).

Либеральный феминизм на протяжении XIX в. претерпел известную эволюцию². В предвоенные годы аргументация, основанная на утверждении, что мужчины и женщины от природы равноправны и равноспособны, и, следовательно, должны иметь равный политический статус, теряла свой авторитет, уступая место идее о важности различий между мужчинами и женщинами. Как считали суфражистки, именно потому, что женщины имеют отличные от мужчин интересы и способности, они должны иметь независимое представительство в политике. Л. Хьюм обращает внимание на то, что такие изменения в идеологии феминисток имели парадоксальный эффект. Отрицая идею естественного равенства и делая акцент на уникальности «женских добродетелей», суфражистки способствовали развитию общественных дискуссий по «женскому вопросу»³. Автор видит причину идейного поворота лишь в изменении объектов пропаганды, в стремлении суфражисток вовлечь в движение более широкие социальные слои, в особенности рабочий класс⁴. Однако думается, это далеко не единственное объяснение феномена. Этот вопрос необходимо рассматривать в более

¹ См. например: Garner L. *Stepping Stones to Women's Liberty: Feminist Ideas in the Women's Suffrage Movement, 1900—1918*. London, 1984. P. 5; Rendall J. *Op. cit.* P. 129.

² Наиболее полно этот вопрос раскрыт в работах Б. Кейн. Так, автор анализирует идейное содержание викторианского феминизма в XIX в. как исключительно «буржуазного движения, извлекшего множество идей из либеральных экономических и политических учений, что было так важно для средних слоев, и широко использовавшего также особый буржуазный идеал женственности» (Caine B. *English Feminism...* P. 89. См. также: *idem*. *Victorian Feminists*. Oxford, 1992.)

³ Hume L.P. *Op. cit.* P. 195.

⁴ *Ibid.* P. 194.

широком контексте развития общественной мысли на рубеже веков. В частности, определённого внимания требует выявление значения понятий «гражданство» и «гражданская ответственность» в политической жизни предвоенной Великобритании.

Идеология и риторика британских феминисток — представители всех направлений в суфражистском движении, строились вокруг таких центральных понятий, как идея женственности, представления о материнстве и его социальной роли и, наконец, концепция гражданства. Накануне и в период войны эти понятия, традиционно использовавшиеся для обоснования суфражистской политики, получили несколько иную интерпретацию и значение.

Понятие женственности в феминистской трактовке не всегда совпадало с общепринятым и социально поощряемым идеалом феминности и стереотипами поведения. В прошлом веке аргументация суфражисток строилась вокруг модели женственности, сочетавшей в себе викторианские представления о врожденной высокой нравственности женщины, ее скромности и заботливости, а также ее интеллекте и личной независимости. Как более законопослушные и добросовестные, чем мужчины, более чувствительные и благородные от природы, женщины, по мнению феминисток, созданы для более активной общественной деятельности. Высоко оценивая их способность участвовать в политике и «специфически женские» моральные качества, британские суфражистки противопоставили свою философию идеям английских феминистов старшего поколения, считавших разум и интеллект, способность рационально мыслить — качества, традиционно описываемые как «мужские», — высшими человеческими достоинствами, к которым должны стремиться женщины¹.

Развернувшаяся в конце века горячая дискуссия о т.н. «новой женщине» отразила существенные изменения в общественном положении англичанок, которым стали доступны новые виды профессиональной деятельности и лучшее образование. Распространение различных активных видов спорта (велосипед, теннис) и женской гимнастики, существенные изменения в женской моде (например, отказ от корсетов) имели кумулятивный эффект и вели к большей социальной мобильности и свободе женщин. Популяризация психоанализа и сексологии, заинтересованное осуждение особенностей женской сексуальности подрывали центральное для викторианского идеала женственности представление о врожденных высоких моральных достоинствах женщин². Изменившийся имидж женщины не мог не отразиться на феминистской интерпрета-

ции понятия женственности, в котором акцент теперь ставился на способности женщины принимать самостоятельные решения и нести ответственность за свою судьбу. Новый импульс получили обсуждения среди феминистов проблем взаимоотношения полов и критика института брака. В то же время суфражистки в ходе своих кампаний продолжали подчеркивать существенные различия в характере и социальном поведении мужчин и женщин и настаивали на необходимости представления возможности последним продемонстрировать в политике и в целом на службе обществу свои особые, лучшие качества.

Феминистская интерпретация концепции гражданства на протяжении XIX в. претерпела более существенную эволюцию. В центре общественных кампаний за электоральную реформу середины прошлого века стоял вопрос о том, «кто соответствует званию гражданина». Право голоса, или политическое гражданство, должно принадлежать независимой личности, т.е. разумному человеку, зарабатывающему на жизнь своим трудом или владельцу собственности, способному платить налоги. Соответственно, в первые годы женская суфражистская кампания основывалась на лозунге «нет налогообложения без представительства», следуя, таким образом, индивидуалистской традиции либерализма. Однако вскоре феминисты сместили акценты в пропаганде, осознав, что аргумент «собственного индивидуализма» лишь сужает круг граждан, могущих претендовать на полноценные политические права¹. В поисках новых доводов в пользу женщин суфражистки предложили особую интерпретацию гражданства, значительно отличающуюся от аргументации представителей других социальных движений, в частности, рабочего движения. По их мнению, политическая власть должна рассматриваться не только как комплекс прав, но и как способ защиты интересов граждан и потенциальная возможность для индивидуального совершенствования. Далее, феминистки ставили под сомнение общепринятый тезис, согласно которому истинным политическим авторитетом является физическая сила. Напротив, разум, моральная ответственность и религиозная вера должны лежать в основе политического авторитета, поэтому условиями для представления права голоса должны быть способность человека к независимому мышлению и его чувство ответственности². Таким образом, понятие гражданской *ответственности* стало ключевым в идеологии суфражисток.

¹ Rendall J. Op. cit. P. 134.

² Rendall J. Op. cit. P. 134-135.

В идеологии и риторике суфражисток проблема гражданства выступает не только как вопрос о правах и обязанностях. Гражданство означало также принадлежность к определенной нации, части цивилизованного мира, в противовес тем обществам, где господствовали дикость, жестокость и деспотизм. Сознание участия в прогрессивном движении цивилизации, упор на важность и естественность социо-культурной эволюции, убеждение в исключительности исторического опыта Британии, европо- и этноцентризм составляли значительную часть идеологического багажа суфражисток.

Самым весомым аргументом в полемике феминистов с противниками женского равноправия были рассуждения о социальной функции института материнства и роли женщин в семье. В годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, суфражистки несколько изменили фокус в дискуссии о материнстве, оставив на втором плане тезис о роли женщин как жен и матерей — создательниц и хранительниц домашнего очага, духовных и религиозных ценностей. Материнские обязанности женщин воспринимались теперь как их ответственность перед Отечеством в рождении и воспитании достойных граждан. Несомненно, этот поворот в определенной степени стал отражением возрастающей заинтересованности общества и государства в сохранении стабильного уровня рождаемости и “здоровья нации”, что, согласно распространённому мнению, сказывалось на состоянии и эффективности Британской империи в обстановке обостряющейся иностранной конкуренции¹.

Как показывают приведённые примеры, в предвоенные годы получила новый импульс и дальнейшее развитие не только политическая стратегия суфражистских обществ. Определённую эволюцию претерпевали идейные установки и, соответственно, риторика феминисток. Несмотря на упомянутые противоречия в рядах Национального союза и организационные расколы в Женском союзе, суфражистское движение успешно развивалось и обрело всё больший политический вес.

В этой связи убедительными, на наш взгляд, являются сведения о росте числа членов женских суфражистских объединений и размеров денежных фондов, которыми располагали эти организации. Самые чёткие данные содержатся в документах Национального союза, лидеры которого придавали серьёзное значение процедурным вопросам, статистике и отчетности, что, по их представлениям, составляло неотъемлемую часть политической культуры в демократическом обществе. В приведённой ниже таблице, составленной на основании ежегодных отчетов Национального союза за

1909—1913 гг., отражена динамика численности и размеров денежных фондов организации (в отчетах учтены лишь средства, поступившие в распоряжение лондонской штабквартиры Союза).

Таблица 1

Динамика численности и размер денежных фондов Национального союза

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Число членов	13 000	21 000	30 000	42 000	53 000
Годовой доход (в ф.ст)	4 000	5 000	6 000	11 000	20 000

Подсчитано по: National Union of Women's Suffrage Societies. *Annual Reports, 1909—1913*, Fawcett Library.

Эти цифры говорят о стабильном численном росте организации. Обращает на себя внимание, что с 1911 г. удваивались ежегодные доходы Национального союза, которые составлялись не столько за счет членских взносов, сколько за счет пожертвований от частных лиц и организаций.

Менее ясна картина развития Женского социально-политического союза. В частности, нет точных сведений о численности этого политического объединения. Его ежегодные отчеты стали появляться с марта 1907 г., т.е. более чем через три года с момента основания организации. Но и в этих документах информация о количестве членов Женского союза не отражена. О его росте можно судить лишь по косвенным данным, содержащимся в финансовых отчетах, например, о числе наемных работников союза и сумме, затраченной на их жалованье. Более важными являются сведения о сумме вступительных взносов новых членов организации. Если принять во внимание, что этот взнос составлял 1 шиллинг с целого века, то простой подсчет позволяет судить о динамике роста Женского союза. Надо заметить, что финансовые записи и годовые отчеты составлялись не совсем аккуратно. Для исследователя это означает кропотливую работу по сбору и сопоставлению неполных и отрывочных сведений, содержащихся в тех немногих документах, которые оставил за собой Женский союз. Таблица, приведен-

¹ Garner L. *Stepping Stones to Women's Liberty...* P. 9.

ная ниже, составлена на основании годовых отчетов Женского социально-политического союза за 1906—1914 гг.

Таблица 2

Динамика развития Женского союза

	1906—Февр. 1907гг.	Янв. — авт. 1907 г.	Март 1908—Февр. 1909 гг.	Март 1909—Февр. 1910 гг.	Март 1910—Февр. 1911 гг.	Март 1911—Февр. 1912 гг.	Март 1912—Февр. 1913 гг.	Март 1913—Февр. 1914 гг.
Число новых членов	—	82	—	4459	4340	3600	2380	923
Вступит. взносы (ф.ст./шилл.)	—	4 / 2	—	222/19	217/0	180/0	119/0	46/3*
Годовой доход (ф.ст.)	2 959	3 042	21 213	33 027	34 506	33 980	35 710	46 876
Сумма, затраг на выплату жалованья (ф.ст.)	—	680	2 800	5 000	6 100	7175	—	—
Число наемных служащих	9	—	75	98	110	—	—	—

Подсчитано по: Women's Social and Political Union [after October 1907, National Women's Social and Political Union], *First to Eighth Annual Report(s), 1907—1914*, Fawcett Library.

* Приведены данные только за первые восемь месяцев финансового года (февраль-октябрь 1913 г.)

Как видно из таблицы, перед началом войны заметно снизилось число новых членов Женского социально-политического союза. Одновременно менее четкими становятся сведения о количестве наняемых работников и функционировании организации вообще. Официальные отчеты становятся все более похожими на пропагандистские брошюры с описаниями ярких событий и гражданских подвигов членов Женского союза. Падение числа воюбранных движения скорее говорит о сложной ситуации внутри организации, чем о снижении интереса общественности к идее наделения женщин избирательным правом. Показатели роста годового дохода этой политической группы на протяжении всего периода с 1906 по 1914 г. остаются стабильными и даже существенно превышают бюджет Национального союза. На этот факт обращает внимание и глава организации умеренных суфражисток, строго противопоставившая воинственных методов Женского социально-политического союза, М. Фосетт¹. Неудивительно, что эти данные — доказательство успеха кампаний милитанток — не пропущены ни в одном годовом отчете.

Приведенные выше сведения не оставляют сомнений в том, что движение ширилось, становилось все более мощным в годы предшествующие началу войны в Европе. Стоит заметить, что женские общества располагали действительно солидными средствами для организации своих кампаний. Суммы, указанные в финансовых отчетах, расходовались главным образом на содержание аппарата и издание печатных органов, другими словами, на поддержание функционирования организаций. Помимо этого создавались специальные фонды для устройства шестий, митингов, демонстраций и участия в выборных кампаниях. Такие фонды, собираемые по подписке, многократно превышали суммы, расходо- емые на содержание женских партий. К примеру, в 1910 г. только Национальный союз имел в своем распоряжении дополнительно 20 тыс. ф. ст., а Женский союз — 100 тыс.²

Свидетельством успеха предвоенных кампаний суфражисток может служить и то, что их деятельность способствовала принятию новых законов в интересах женщин: о контроле над собственностью в браке, о родительских правах, о возможности получить высшее образование. С 1908 г. в парламенте не прекращались слушания по проекту избирательного закона, включавшего положения о правах женщин. Решение проблемы несколько затягивалось из-за отсутствия твердой поддержки суфражистов в парламенте и

1 Fawcett M.G. Women's Suffrage... P. 86.

2 Ibidem.

правительстве. Перед Первой мировой войной многие тори по-прежнему решали вопрос о наделении правом голоса одиноких состоятельных женщин. Одновременно либералы опасались, что такая мера усилит позиции консерваторов среди избирателей, и активно ей противодействовали. Лейбористы же выступали прежде всего с требованием демократизации избирательного права для мужчин и только в последнюю очередь рассматривали интересы женщин. Тем не менее, накануне войны политики признавали неизбежность наделения женщин полными политическими правами, и уже обсуждали условия будущего закона.

Итак, в годы, предшествовавшие началу первой мировой войны, женское движение росло и ширилось, умножалось число суфражистских организаций и приверженцев идеи о необходимости наделения женщин правом голоса в национальном масштабе, движение располагало ясной программой действий и демонстрировало волю к победе. Поэтому утверждения о том, что движение перешло в кризис накануне войны или что оно зашло в тупик¹, выглядят не вполне обоснованными. Между тем суфражистское движение не было единым. Более того, события 1912–1914 гг. показывают, что в нем намечалась серьезная перегруппировка сил, вызванная значительным расширением его социальной базы. Существовавшие противоречия способствовали эволюции политики суфражистских организаций и свидетельствовали о наличии в женском движении значительного потенциала для дальнейшего развития. Начавшаяся в 1914 г. война, изменив политическую ситуацию и поставив всё британское общество в чрезвычайные условия, неизбежно должна была проявить это внутреннее напряжение.

А.М. Ермаков

ЖЕНСКАЯ «ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ» В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ (1933–1939 ГОДЫ)

Германский фашизм (национал-социализм) как идеология, как политическая система и социальная практика по сей день вызывает интерес историков, политологов и философов. Вокруг этих проблем идут ожесточенные споры исследователей. Особое внимание ученых привлекает социальная политика гитлеровской Германии, которая является ключом к объяснению долгое время отри-

цавшейся привлекательности национал-социализма. «Имперская трудовая повинность» (РАД) для девушек была важной составной частью женской политики гитлеровского режима. В ней наиболее полно выразилось внедрение идеологических догм в практику, затрудненное в других случаях различными сдерживающими факторами прагматического характера. Именно в трудовых лагерях должен был происходить отказ от якобы навязанного немецкому народу «омужичивания» женщины и ее возвращение к «данным природой» обязанностям.

Принуждение всякого рода, в том числе принуждение к производительному труду, является существенной характеристикой всех тоталитарных режимов XX столетия. Крайними формами такого принуждения могут считаться архипелаг ГУЛАГ в Советском Союзе и концентрационные лагеря в гитлеровской Германии. Но наряду с ними в «третьем рейхе» существовали и другие, более мягкие формы, предназначенные для лояльных граждан и сочетавшие использование рабочей силы с другими задачами, причем эти другие задачи подчас выходили на первый план. В этой связи анализ истории «имперской трудовой повинности» также представляется весьма важным.

Нацистская историография возводила теоретические истоки женской «трудовой повинности» к периоду Великой Французской революции [1]. В действительности дискуссия о служебной обязанности женщин началась в Германии в 90-е гг. XIX в. и была вызвана изменившимся положением женщины в обществе. Участники дебатов — педагоги, деятели благотворительных и церковных организаций, либерально-буржуазного женского движения — выдвинули множество проектов организации женской трудовой повинности. Национал-социалисты заимствовали из теоретического багажа своих предшественников многие существенные элементы и воплотили их в жизнь в женской РАД: трудовая повинность для девушек должна быть не добровольной, а обязательной; девушки должны заниматься преимущественно работой по дому, сельскохозяйственным трудом, уходом за детьми и больными; трудовая повинность препятствует работе женщин в промышленности; труд девушек используется в интересах обороны; трудовые лагеря создаются не ради самих женщин, а для блага государства. Следовательно, идея трудовой повинности, как и многие другие идеи, воплощенные в жизнь в «коричневой империи», восходила к рубежу веков и была одним из вариантов реакции на глубокие изменения в политике, экономике, обществе.

5 июня 1931 г. правительство Г. Брюнинга в целях борьбы с безработицей создало организацию «Добровольная трудовая повинность» (ФАД). Однако женские трудовые лагеря оказались го-

¹ Pugh M. Women's Suffrage in Britain, 1867–1928. London, 1980. P. 22–29; Morgan D. Suffragists and Liberals. The Politics of Woman Suffrage in England. Oxford, 1975. P. 120–133.

раздо менее популярными, чем мужские. Девушкам предлагали такие непривлекательные виды работ, как стирка, уход за одеждой и поварская служба в мужских лагерях, возделывание земли для огородных участков, помощь поселенцам, работа в мастерских «зимней помощи». Кроме того, молодых женщин отпугивали тяжелые бытовые условия. Поэтому число участниц ФАД было крайне незначительным. Так, из 5 633 мероприятий, на которые были ассигнованы средства летом 1932 г., только 247 (4,4%) были предназначены для женщин [2]. Сначала девушки отбывали трудовую повинность в течение 20 недель, а с июля 1932 г. — 40 недель. Женские трудовые лагеря располагались в черте города или вблизи городов и все были «открытыми», то есть обитательницы находились в лагерях только во время рабочего дня. В качестве организаторов и руководителей женских трудовых лагерей — представительниц службы — выступали различные общественные организации, большей частью антиреспубликанские и антидемократические.

Национал-социалисты встретили появление женских трудовых лагерей враждебно. До прихода к власти они мало думали о том, какое место должна будет занимать женщина при новом режиме. Немецкие исследователи отмечают отсутствие у НСДАП какой-либо четко очерченной, непротиворечивой женской идеологии. «Здесь национал-социализм был более сумбурным, более провинциальным и более мешанским, чем в какой-либо другой области», — пишет американский исследователь Д. Шенбаум [3]. «Уполномоченный фюрера НСДАП по трудовой повинности» полковник К. Гирль в мае 1932 г. высказался за «временный отказ» от организации нацистских женских трудовых лагерей, поскольку «трудовая повинность» должна была служить «не только подготовке к будущим семейным обязанностям, но и воспитанию чувства ответственности в отношении немецкого народа» [4].

После установления гитлеровской диктатуры интерес руководства НСДАП к женской «Трудовой повинности» оставался незначительным. Только к концу октября 1933 г. все трудовые лагеря были унифицированы, причем вследствие возникшей организационной неразберихи число обитательниц лагерей сократилось с 10 111 в августе 1933 г. до 7 347 в январе 1934 г. [5] Наконец, 1 января 1934 г. была учреждена «Немецкая женская трудовая повинность» (ДФАД). Она была организационно отделена от мужской «Трудовой повинности» и в вопросах финансирования подчинена Государственной службе посредничества (ГСП). Территории тринадцати «земельных учреждений» ДФАД совпадали с округами тринадцати земельных бирж труда. Руководство ДФАД было поручено Г. Шольд-Клинк, обязанной взлетом своей карьеры

протекции «заместителя фюрера» Р. Гесса. «Имперский трудовой фюрер» (с мая 1933 г.) Гирль мог влиять только на мировоззренческое обучение обитательниц лагерей.

Основой деятельности ДФАД стал компромисс между деятелями гитлеровской партии и государства, заинтересованными в первую очередь в идеологической обработке молодежи, с одной стороны, и хозяйственными руководителями, ответственными за рациональное использование женской рабочей силы, с другой. Этот компромисс выразился в «Директивах», подписанных Шольд-Клинк и президентом ГСП Ф. Сирупом 27 января 1934 г. [6] Согласно этому документу, женская «Трудовая повинность» должна была служить воспитанию «будущей домохозяйки и матери» и способствовать «перенесению» женского профессионального труда «в семью и на клочок земли». Одновременно ДФАД предназначалась для достижения целей, «поставленных имперским правительством в демографической и экономической политике», было решено в первую очередь принимать в трудовые лагеря девушек, потерявших свой рабочий места.

Лагерь «Трудовой повинности» должны были представлять возможности для обучения домашнему и сельскому хозяйству, садоводству, уходу за домашними животными. Каждый лагерь специализировался в одной из этих областей, уделяя ей преимущественное внимание. Допускалось существование трех типов лагерей. Лагерь домашнего хозяйства и вспомогательной социальной работы учреждались вблизи города и охватывали в среднем 50 участниц. Их главной задачей было обучение городских девушек всем областям домашнего хозяйства путем работы в благотворительных организациях. Сельские трудовые лагеря охватывали примерно 30 участниц и имели целью обучение сельскохозяйственному труду путем работы в специальных «образцовых» крестьянских хозяйствах и на собственных земельных участках. Эти лагеря должны были существовать главным образом за счет самообеспечения продуктами питания. Лагерь для помощи поселениям имели по 10-20 обитательниц и предназначались для оказания помощи новым крестьянским дворам.

В ДФАД могли вступать девушки 17-25 лет «арийского происхождения», которые потеряли рабочие места или в течение двух лет после окончания школы не нашли работу. Работавшие девушки принимались в ДФАД, только если предприятие докажет, что может обойтись без них в течение срока службы или нанять на их место другую рабочую силу. Окончательное решение об участии в «Трудовой повинности» той или иной претендентки принимал президент земельной биржи труда. Продолжительность службы составляла 26 недель, но могла быть сокращена и до 13 недель. Пребывание в ДФАД

городских девушек распалось на 2 периода по 13 недель. В течение первого периода их подготавливали к ведению домашнего хозяйства, затем переводили в другой лагерь и обучали сельскохозяйственному труду. Рабочее время составляло по меньшей мере 6 часов ежедневно, заменять производительный труд теоретическим обучением или воспитательными мероприятиями запрещалось.

Таким образом, «Директивы» представляли собой временный компромисс между воззрениями «идеологов» и «прагматиков» в руководстве нацистской Германии на задачи женской «трудоовой повинности». В то время как первые видели в этой организации прежде всего воспитательное, идеологическое учреждение, вторые стремились превратить ДФАД в инструмент регулирования социальных и экономических процессов.

В середине 1934 г. большинство участниц поступало в трудовые лагеря из промышленных областей Германии: Саксонии, Рейнской области, Вестфалии. Только небольшой процент составляли уроженки аграрных областей — Восточной Пруссии и Померании. Хотя германская исследовательница 30-х гг. Р. Хервиг указывала как на главную причину вступления на «идеализм» и «желание» исполнять добровольную службу для отечества", даже она не могла скрыть настоящих побудительных мотивов: безработицы и стремления «получить прибежище на несколько недель» [7]. Девушек размещали в пустующих селениях, школах и фабриках. В качестве представителей труда выступали, как правило, бургомистры и «окожные крестьянские фюреры». Немногочисленные «лагеря домашнего хозяйства и вспомогательной социальной работы» располагались в черте городов или на городских окраинах. Преобладали «поселенческие» трудовые лагеря, которые дислоцировались в основном в восточных землях: Восточной Пруссии, Бранденбурге, Нормарке, Померании и Силезии. Наконец, лагеря третьего типа — сельскохозяйственные — возникли главным образом в Центральной Германии.

Женская «Трудовая повинность» значительно уступала по численности мужской организации. В 1935 г. ДФАД насчитывала лишь около 12 тыс. участниц, в то время как в мужских лагерях работало свыше 200 тыс. юношей [8]. Причинами медленного роста были непопулярная деятельность в сельском хозяйстве и несогласие крестьян со строительством трудовых лагерей вблизи своих деревень. Но, несмотря на требования руководителей многих министерств и ведомств, ДФАД не была распущена. Стронником воспитания преданного нацистскому режиму подрастающего поколения в трудовых лагерях был не только «имперский трудовой фюрер» Гирль, но и министр народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс, а также министр науки, воспитания и народного образования Б. Руст. Он

объявил шестимесячную трудовую повинность обязательным условием для поступления в вузы, рассчитывая тем самым сократить для женщин шансы на получение высшего образования.

26 июня 1935 г. Гитлер подписал предложенный Гирлем «Заказ о РАД», который провозглашал трудовую повинность обязательной для «всех молодых немцев обоих полов», хотя ее распространение на девушек откладывалось «до дальнейших распоряжений» [9]. Опираясь на новое законодательство, «имперский трудовой фюрер» стал активно вмешиваться в дела ДФАД. Несмотря на возражения Шольц-Клинк, 1 апреля 1936 г. «Немецкая женская трудовая повинность» была распущена, а на ее месте создана «Имперская трудовая повинность для женской молодежи», подчиненная непосредственно Гирлю. «Земельные учреждения» ДФАД были преобразованы в 13 округов женской РАД. Единственное ограничение полномочий «имперского трудового фюрера» состояло в том, что для назначения руководителей округов и групп лагерей было необходимо согласие Гесса [10].

Развитие женской РАД в 1936-1939 гг. характеризовалось унификацией и милитаризацией. К началу второй мировой войны «Трудовая повинность» располагала иерархически построенным корпусом руководителей, для которых было введено восемь служебных званий по типу воинских и создана сеть специальных школ по всей стране. В 1937 г. должность руководителей в женской РАД была официально признана особой женской профессией. Обязательности трудовых лагерей получили униформу, обязательным атрибутом которой была нарукавная повязка со свастикой. Девушек стали именовать «работницами» — «Arbeitsmädchen» наполняя уставшее слово «die Maid» (дева, девушка) идеологическим содержанием. Каждая буква обозначала одну из добродетелей, присущих немецкой женщине: der Mut — мужество, die Aufopferung — самопожертвование, der Idealismus — идеализм, die Demut — смирение [11].

Принципом функционирования административной пирамиды стал принцип фюрерства, подразумевавший исключительное право начальника принимать решения во всех областях жизни вверенного ему коллектива, используя подчиненных, ответственных за конкретные области работы, только как консультантов. В 1938 г. командный состав женской РАД состоял более чем из 3 тыс. руководителей и только 761 из них могла принимать самостоятельные решения.

Низшей административной единицей по-прежнему оставался трудовой лагерь. Если в 1934-1935 гг. численность девушек в трудовых лагерях колебалась от 10 до 120 чел., то теперь лагерь приобрел единые очертания: на 44 «работницы» приходилось 10 руководителей разного назначения. Самым малым подразделением

женской РАД стало «товарищество», в которое входили 11 «работниц» и «старшая в товариществе». Как правило, «старшая в товариществе» была претенденткой на занятие штатной должности руководительницы в женской РАД. Следующую ступеньку в иерархическую лестницу занимали 4 помощницы начальницы лагеря: «внеплановая» помощница не имела постоянной четко очерченной области задач; «помощница по лагерю» несла ответственность за физическое воспитание, проведение учебных занятий, наблюдала за рабочими местами в деревне; «хозяйственная помощница» осуществляла руководство работами на кухне, в прачечной, в доме и в саду; «администратор» занималась служебной перепиской и другими административными делами. Но только начальница лагеря несла ответственность за физическое здоровье обитательниц лагеря, за их «духовную и мировоззренческую ориентацию». До присоединения женской «Трудовой повинности» к РАД число трудовых лагерей было незначительным. С 1 апреля 1936 по 1 апреля 1939 г. оно возросло с 400 до 807 [12].

10-15 трудовых лагерей составляли группу, их общее число в апреле 1939 г. достигло 70. Руководительница группы имела в своем распоряжении пять сотрудников, курировавших различные области работы в трудовых лагерях. 2-3 группы объединялись в округ, руководительница которого командовала целым штабом, состоявшим из отдела службы и организации, отдела кадров, отдела воспитания и обучения, отдела здравоохранения, отдела прессы и пропаганды. Руководительницы округов подчинялись непосредственно «имперскому трудовому фюреру». К началу войны количество округов возросло с 13 до 23 [13]. Административную пирамиду венчала «заместитель имперского трудового фюрера по РАД для женской молодежи» В. Декер и сам Гирль, который отчитывался непосредственно перед Гитлером.

После присоединения ДФАД к организации мужской «Трудовой повинности» Гирль направил усилия на скорейшее введение обязательной службы в РАД для девушек. Гитлер был готов дать санкцию на постепенное увеличение количества «работниц». В течение 1936-1938 гг. он подписал три указа, каждый из которых декретировал численный рост женской РАД. Летом 1936 г. в трудовых лагерях находилось около 20 тыс. девушек, в 1938 г. — в среднем около 30 тыс., к началу второй мировой войны в женской РАД служили 36 219 чел. Но в целом в довоенные годы «Трудовая повинность» охватывала только 4% девушек каждого года рождения.

Численный рост РАД происходил на фоне возрастающего спроса всех отраслей экономики на женскую рабочую силу. Сокращение безработицы обостряло конкуренцию между общественными и

частными работодателями, с одной стороны, и женской РАД — с другой. Так как трудовые лагеря не смогли обеспечить необходимой рабочей силой домашнее и сельское хозяйство, по требованию Г. Геринга 15 февраля 1938 г. был введен «год обязанности» для незамужних женщин моложе 25 лет. Его задача — предоставить дополнительную рабочую силу перетруженным крестьянским женам и многодетным семьям — была той же самой, что и задача женской РАД. Это было тяжелым ударом по планам «имперского трудового фюрера». В сентябре 1938 г. Гирль перешел в наступление и в речи на съезде НСДАП заявил, что «год обязанности» «не принес крестьянским женам и многодетным матерям той помощи, на которую они рассчитывали». По его словам, родители девушек были обеспокоены тем, что их дочери stanовились служанками у крестьян или домработницами в определенных семьях, так как это не гарантировало от опасности физического и морального ущерба. Предложить такую защиту могла, разумеется, только женская «Трудовая повинность» [14].

20 марта 1939 г. «имперский трудовой фюрер» направил в руководящий штаб «генерального уполномоченного по экономике» и в Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) «Проект закона об осуществлении обязательной РАД для женской молодежи в случае мобилизации». По мнению Гирля, «год обязанности» представлял собой только чрезвычайное мероприятие и не охватывал всех девушек. Чтобы противодействовать «отсутствию присмотра и дисциплинированности, которые так легко наступают во время войны», необходимо было собрать немецких девушек в трудовых лагерях. Против проекта высказались «генеральный уполномоченный по экономике» В. Функ и шеф ОКВ В. Кейтель: реализация плана Гирля лишила бы военные предприятия необходимой рабочей силы и усугубила бы путаницу компетенций различных органов. План «имперского трудового фюрера» был похоронен в ходе бесконечных дебатов.

Неудача «имперского трудового фюрера» объясняется тем, что одним из принципов работы государственного механизма «третьего рейха» была «организованная анархия» — параллелизм функций различных организаций и учреждений. Кроме женской РАД, в нацистской Германии существовали и другие организации, занимавшиеся воспитанием девушек и рекрутированием рабочей силы и имевшие не менее амбициозных и властолюбивых «фюреров», чем Гирль. В ряде случаев их деятельность была или казалась Гитлеру гораздо более эффективной, чем работа трудовых лагерей. Таким образом, хотя женская «Трудовая повинность» ни по своим теоретическим истокам, ни по практическому воплощению не была продуктом национал-социализма, она «в кратчайшее время выдвинулась в

центр антифеминистской политики под знаком свастики» [15]. В период от прихода Гитлера к власти до начала второй мировой войны женская РАД прошла три этапа развития. Первый — с января по декабрь 1933 г. — характеризовался пуганцией как в концептуальном, так и в организационном плане. Второй этап — с января 1934 по апрель 1936 г. — был периодом временного компромисса между прагматическими и идеологическими воззрениями на цели женской «Трудовой повинности» и этапом застоя в ее развитии. Третий этап — с апреля 1936 по сентябрь 1939 г. — был временем быстрого количественного роста женской РАД, ее унификации и милитаризации. К началу второй мировой войны РАД была организационно подготовлена к введению всеобщей обязательной трудовой повинности для девушек, пройдя путь от инструмента борьбы с безработицей до орудия индоктринации молодых женщин и реализации реакционных, утопичных планов восстановления доиндустриальных общественных отношений. Война привела к ужесточению государственного контроля за использованием трудовых резервов. Это открывало перед организацией Гирля новые перспективы.

Ё̀їїї-їїїї є їїїїїїїїїї

1. Marawske-Birker L. Der weibliche Arbeitsdienst. Leipzig, 1942. S. 24.
2. Sachsse Chr., Tennstedt F. Der Wohlfahrtsstaat im Nationalsozialismus. Stuttgart, Berlin, Koeln, 1992. S. 78.
3. Schoenbaum D. Die braune Revolution. Koeln, Berlin, 1968. S. 226.
4. Hiel K. Ausgewählte Schriften und Reden. Band 2. München, 1941. S. 21.
5. Winkler D. Frauenarbeit im «Dritten Reich». Hamburg, 1977. S. 53.
6. Scholtz-Klink G. Aufbau des Deutschen Frauenarbeitsdienstes. Leipzig, 1934. S. 13-19.
7. Herwig R. Gemeinschaft und Frauenarbeitsdienst. Diss. Jena, 1935. S. 20.
8. Ruehle G. Das Dritte Reich. Das dritte Jahr - 1935. Berlin, 1936. S. 201.
9. Reichsgesetzblatt. 1935. S. 769.
10. Ibid. 1936. S. 633.
11. Lueck M. Die Frau im Maennerstaat. Frankfurt am Main, Bern, Las Vegas, 1979. S. 98.
12. Hiel K. Arbeitsdienst. Berlin, 1939. S. 19.
13. Decker W. Der Deutsche Arbeitsdienst. Berlin, 1941. S. 48.
14. Heil K. Ausgewählte Schriften und Reden. S. 404-405.
15. Bajohr S. Weiblicher Arbeitsdienst im «Dritten Reich». Ein Konflikt zwischen Ideologie und Oekonomie. // Vierteljahreshefte fuer Zeitgeschichte. 1980. Heft 3. S. 331.

О.И. Чеснокова

ЖЕНСКИЙ ОПЫТ ГУЛАГА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ 1930—1950-Х ГОДОВ

«Не пять лет, а пять недель довольно, чтоб уничтожить и женщину и человека».

А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

Советская история на всех этапах своего развития содержит уникальные свидетельства решения «женского вопроса». Уже первые декреты Советской власти предоставили женщине всю полноту формально-юридических прав и свобод. Но одновременно был наложен запрет на деятельность независимых женских организаций. В первые годы советской власти идеологией «женского вопроса» стал «революционный либерализм», развитый в трудах И. Арманд и А. Коллонтай. Они намечали совершить ещё одну революцию — революцию быта. В обществе 20-х гг. XX в. шла оживленная дискуссия о новых свободных отношениях между полами, об уничтожении буржуазной семьи, о новом назначении женщины. В работе «Революция быта» А. Коллонтай писала, что «отделение кухни от брака — великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства» [1, с. 106]. Но к концу 20-х гг. время т.н. «полового коммунизма» закончилось. Для тоталитарной эпохи более присущими были идеи крепкой семьи и реального уравнивания обязанностей мужчин и женщин. С принятием стalinской Конституции 1936 г. торжественно объявили, что «женский вопрос решён», т.к. выполнена задача достижения полного равенства мужчин и женщин. Оно было «обеспечено» также и в местах лишения свободы, ставших неотъемлемым атрибутом сталинского времени. Значительную часть осужденных по политическим мотивам составляли женщины. В вину им обычно ставили саботаж, троцкизм, шпионаж. С середины 30-х гг. стало преступлением быть родственником «врага народа». Женам и сестрам обвиненных грозил от 2 до 5 лет тюрьмы за то, что муж или брат попали в их число. Жена могла быть сослана на 5 лет только потому, что не знала о деятельности мужа. Детей осужденных женщин отправляли в приюты. Французский историк Ф. Навейль, описывая ту эпоху, отмечает, что «доносы, поощряемые властями, разрушали семьи, и в то же время на всех стенах висели плакаты со счастливыми лицами людей» [2, с. 245]. Женский опыт выживания в ГУЛАГе — это до сих пор малоисследованная тема, хотя об этом времени написано достаточно исторических и публицистических трудов, воспоминаний мужчин и женщин того времени. Наиболее

известны работы А. И. Солженицына, В. Шаламова, Д. Витковско-го, Е. Гинзбург, О. Адамовой-Слиозберг. Во второй половине XX в. на Западе вышло много воспоминаний самих женщин, бывших заключённых, особенно по 58 статье. Взгляды другого лагеря представлены в мемуарах чекистов М. Я. Судрабс-Лациса, Н. В. Крыленко, А. Я. Вышинского, И. А. Авербаха, документах НКВД.

Женский опыт ГУЛАГа нуждается в осмыслении не только с историко-политической точки зрения, но и с философской. Одно из таких возможных толкований дано И. Сандомирской в статье «Духь буквы». По её мнению, «история Советского государства — это история физического устранения мужского и болевой дрессуры женского населения» [3, с. 12]. Она отмечает, что женщина согласилась содействовать построению репрессивной мужской модели общества, поэтому основой идеологии советского общества стала «лагерная женская модель социального поведения». Она включала в себя идеалы лагерной социалистической утопии, одухотворение каторжного труда, готовность пожертвовать всем ради выживания, отношение к воле начальства как к стихийной силе. Тоталитарная власть последовательно уничтожала различие между полами, поэтому женская идеология одновременно стала и мужской. С мнением И. Сандомирской соглашается известная славянская феминистка, христианский культуролог Т. Горичева. Она определяет советский строй как «псевдоматриархальную антиутопию», где правит «беспольный гомункулус». Не менее критичны и радикальны оценки этого периода истории в работах исследователей-мужчин. А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» большую главу посвятил теме «Женщина в лагере», в которой описывает женские лагерный труд, быт и любовь. По статистике 20-х гг. в заключении сидела одна женщина на 6-7 мужчин. В 30—40-е гг. это соотношение почти сравнялось. Солженицын задаёт вопрос — кому в лагере было легче, мужчине или женщине? С точки зрения автора, нельзя ответить на него однозначно. С одной стороны, женщины внешне выглядели лучше, не были так истощены и бледны, как мужчины. «Равная для всех тюремная пайка и тюремные испытания оказываются для женщин в среднем легче. Они не сдаются так быстро от голода» [4, с. 209]. По этой причине в лагере может возникнуть «половая ненависть», когда доходяга-мужчина смотрит на женщину, не опустившуюся до помойки и зло ей завидует. Да, ей «легче» сохранить саму жизнь, т.к. она насыщается меньшей «пайкой» и у неё есть путь избежать голода и остаться в живых. Автор язвительно критикует эту иступленно-голодную позицию мужчины, для которого весь мир заслонен крылами голода. Конечно, пишет он, есть всякие женщины, но женщины 58 (поли-

тической) статьи в большинстве своем не такие. Но и они стоят перед жестким выбором. «Если ты приехала в лагерь физически сохранённой и сделала умный шаг в первые же дни — ты надолго устроена в санчасть, в кухню, в бухгалтерию, в швейную или прачечную, и годы потекут безбедно, вполне похожие на волю. А — нет? Что ж, смотри. Надевай штаны и бушлат. И бесформенным, толстым снаружи и хилым внутри существом бреди в лес. Ещё сама приползешь, ещё кланяться будешь» [4, с. 211]. Солженицын описывает неженский жестокий нрав женских лагунктов — вечный бой и вечный маг. В них женщины работали лесорубами, землекопами, грузчиками. В результате их тело истощалось, «и все, что в женщине было женского, ... переставало быть» [4, с. 216]. Но тяжёлый лагерный труд не был помехой лагерной любви. Советское законодательство как будто способствовало ей. Указ от 8.7.1944 г. сопровождался негласным Постановлением СНК и инструкцией НКЮ от 27.11.1944 г., где говорилось, что суд обязан по первому желанию вольного человека беспрекословно расторгать его брак с человеком, оказавшимся в заключении, и освободить от уплаты денежного сбора при выдаче свидетельства о разводе. Инструкции внутри ГУЛАГа осуждали любовную связь как диверсию против производственного плана. Они требовали немедленно разлучать уличенных в сожительстве и менее ценного из них отсылать этапом. Но, несмотря ни на что, любовь существовала.

Автор «Архипелага» с уважением и трепетом пишет о женской любви-жалости и любви-заботе. Он вспоминает слова немолодой женщины о своем любимом: «Мне не спать с ним надо, а в звериной нашей жизни, как в бараке целый день за пайки и за тряпки ругаемся, про себя думаешь: сегодня ему рубашку починить, да картошку сварим» [4, с. 219]. Эти женщины не искали страсти, а хотели утолить свою потребность в заботе. Общая миска, из которой они питались, была их «священным обручальным кольцом». Эта лагерная любовь была бесплотной, духовной, благословением Божиим, она резко выделялась в грязно-мрачном лагерном существовании. Е. Гинзбург, вспоминая свой страшный семнадцатилетний опыт тюрем, лагерей и сылок, также говорит о поруганной, осквернённой любви, которая иногда поселялась в бараках. Она пишет, что многие, особенно среди меньшевиков и эсеров, решали этот вопрос жестко. По их мнению, на Колыме не может быть любви, потому что она проявляется здесь в формах, оскорбительных для человеческого достоинства. Любовь в колымских лагерях — то-ропливые и опасные встречи, это страх быть пойманным и выставленным на публичный позор, это опасность попасть на «штрафную командировку» и поплатиться за это свидание жизнью.

Конечно, тюрьма и лагерь перерождают человека — и не всегда в лучшую сторону. Об этой негативной стороне писали Шаламов, Гинзбург, да и сам Солженицын. Он называл это — «заражением душевным лишаем», «растлением души мужчин и женщин», которые начинали проповедовать особую лагерную философию — «чем больше сделаешь людям гадости, тем больше тебя будут уважать». Это великая развилка лагерной, да и не только лагерной жизни. Направо пойдешь — жизнь потеряешь, налево — потеряешь совесть. Для Шаламова лагерь был не «восхождением», а растлением, потому что там долгие годы человек жил чужой волей и чужим умом. Солженицын, возражая ему, пишет, что, во-первых, то же самое можно сказать о многих вольных; во-вторых, «вынужденно-фаталистический характер, вырабатываемый в туземце Архипелага его незнанием судьбы и неспособностью влиять на неё, скорее облагораживает его, освобождает от суетных метаний» [4, с. 573]. Но всё же больше веришь Гинзбург, которая различала пребывание в тюрьме и в лагере. Она сидела два года в одиночной камере Ярославской тюрьмы и, уже будучи на Колыме, вспоминала это время как «душевное просветление» [5, с. 291]. Правда, она добавляет, что тюрьма возвышает, если не успевает разрушить основы личности. Лагерная же звериная борьба за существование создавала страшного человека — куклу-марионетку, без привязанностей, без душевной жизни и, главное, без памяти. Заключённые теряли не только профессию, партийность, гражданство, семью, но и пол. В книге «Крутой маршрут», в главе «Эльген — по якутски «мёртвый» писательница сначала с иронией, а потом со страхом пишет о потрясении от того, что в этой штрафной командировке нельзя отличить женщин от мужчин. Они бесполой, они — роботы, закутанные почти до глаз какими-то отрезьями, в ватных брюках, тряпичных чулках, в нахлобученных на глаза малахаях, с лицами в чёрных подпалинах мороза.

Но, несмотря на нечеловеческие испытания, в лагере сохранились чистыми тысячи душ. В этой связи Солженицын решает философскую проблему целей и средств в славянской культуре. По его мнению, людям постоянно вбивали в голову мысль, что важен результат. Это пришло к нам от Петра, от всех видов социализма и марксизма. Ради идеи, согласно которой мир надо изменить во что бы то ни стало, пришлось пожертвовать укладом жизни, целостностью семьи и здравостью народного духа. Но в конце концов оказывается важно не что сделано, а как; не что достигнуто, а какой ценой. Эта простая истина доходила до многих в экстремальных условиях ГУЛАГа. Солженицын описывает превращение закапультзаклоченного из агрессивного и озлобленного в терпеливое и

всепонимающее существо. «Ты слабым узнал себя — можешь понять чужую слабость. И поразиться силе другого. И пожелать перенять» [4, с. 566]. Слабость, смирение, терпение, всепонимающая мягкость — это основные черты женской славянской модели поведения. По мнению Сандомирской, эту модель приняли как женщины, так и мужчины, превратившись в послушных рабов. Но существует и оборотная сторона смирения — оно может быть проявлением силы духа, силы добра. По Солженицыну, правда всех религий мира в том, что они теснят зло в каждом человеке. Ложь всех революций в том, что они борются со злом, уничтожая лишь носителей зла, а само зло берут себе в наследство. Получается, что борьба со злом не устраняет расколотость мира. Линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, она проходит через каждое человеческое сердце. Лишь ненасилие может спасти мир, поэтому так важен для современности женский опыт выживания, вынесенный из ГУЛАГа.

Ёйой-йёёё ё ёёёёёёёёё

1. Коллонтай А. Революция быта // Искусство кино, 1991, № 6.
2. Frangoise Navailh. The Soviet Model. Naugard, 1996.
3. Сандомирская И. Дух буквы // Искусство кино, 1991, № 6.
4. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т. 2.
5. Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времён культа личности. Р., 1989. Т. 1.

И.Р. Чисалова

АМЕРИКАНКИ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА США В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Неверно давать оценку темам политических дискуссий в зарубежных государствах и практики, из них вытекающей, только на основе опыта собственной страны, и, тем более, пытаясь использовать «домашнюю» политику и практику в качестве точки отсчета. Опыт зарубежных государств демонстрирует весьма поучительный урок — зарубежные темы политических дискуссий и столкновений могут выглядеть странными и невероятными на фоне отечественных проблем. Но, тем не менее, желая спрогнозировать перемены, весьма перспективно исследовать именно те аспекты внутренней политической повестки соседних государств и обществ, которые из числа периферийных за короткий срок выдвинулись на ведущие позиции. Не исключено, что через некоторое время и мы расширим

или изменением тематику собственных политических дискуссий. В этом смысле опыт США является одним из показательных.

К середине 1960-х гг. США прошли пять стадий в развитии положения женщины, переход к каждой из которых по своим кардинальным изменениям и значимости можно считать революцией. Первой из них стала *суфражистская*. Затем, по словам американского историка Макса Лернера, произошли *«сексуальная революция»*, направленная против двойной морали и призванная предоставить женщине некоторые из привилегий, которыми пользовались в сфере сексуального самовыражения лишь мужчины». В результате третьей революции — *революции поведенческой* — женщины «сбросили свои громоздкие облачения и надели облегчающие платья, открытые пляжные костюмы и шорты, стали заниматься спортом, водить автомашины и пилотировать самолеты, в военное время служили в армиях и даже во флоте». *Кухонная революция* «механизировала домашний труд, обеспечила изобилие консервированных продуктов и полуфабрикатов и одним женщинам предоставила больше свободного времени, а других побудила работать в промышленности или в конторах». И, наконец, *революция на рабочих местах* «изменила характер рабочей силы, а также и роль женщины в экономике»¹. Если в 1920 г. в стране насчитывалось 8,25 млн. работающих женщин, или менее 20% от всех занятых в общественной сфере, то к концу 1990-х гг. они составили почти половину занятых, или 60 млн.², что составляет 46% от общего числа работающих граждан. Почти каждая женщина какое-то время в своей жизни работает по найму. Делая сравнимую по сложности работу, женщины по-прежнему зарабатывают только 73% от заработка мужчин. Каждый день работающие женщины должны совмещать свои профессиональные нагрузки с обязанностями, связанными с ведением домашнего хозяйства.

Расширение участия женщин в трудовой деятельности за пределами дома в сферах, где раньше доминировали мужчины, необходимо устранения дискриминации и обеспечения их прав вызвало усиление государственного вмешательства в решение этих вопросов. До 1960-х гг. соответствующими проблемами занимался

1 См.: Лернер Макс. Развитие цивилизации в Америке: Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. В 2-х т. М.: Радуга, 1992. Том 2. С. 80.

2 Census of Population (1995). Census of Population: General Population Characteristics. Washington, D.C.: U.S. Bureau of the Census, 1995; Текущий архив Департамента труда. Women's Bureau (WB). An Overview. 1920—1997. Washington, D.C.: Labor Department, 1997.

единственный отдел в федеральном правительстве — созданное в 1920 г. в составе департамента труда *Женское бюро*, в задачи которого входило информирование женщин о трудовых правах, выработка политики и законодательства, защищающего их, исследование и анализ информации о положении и занятости женщин, информирование о своих выгодах президента, Конгресса и обществу.

Несмотря на ограниченность возможностей в силу консультативного характера деятельности, *Женское бюро* сыграло свою роль. Оно поддержало требования женского движения и по инициативе Эстер Петерсон, занимавшей пост директора в 1961—1964 гг., поставило в центр внимания федерального правительства идею женской реформы. Наиболее восприимчивой к ней была Демократическая партия. Более того, она поддержала одно из принципиальных требований демократического и феминистского движения — ввести политику *позитивных действий*¹. В противовес республиканцам демократы на всех уровнях (местном, штатов, федеральном) начиная с 1970-х гг. стремились расширять экономические и образовательные возможности для женщин и меньшинств. Это находило выражение, в том числе в поддержке соответствующих законопроектов. И хотя программы *позитивных действий* не всегда реализовывались лучшим образом, их использование помогло в создании равных возможностей для женщин и меньшинств без ущемления прав других групп населения.

В бытность президента-демократа Джона Кеннеди (1961—1963 гг.) практическая реализация этих программ началась с принятием в 1961 г. распоряжения президента о найме женщин на гражданскую службу с дальнейшим продвижением «единственно на основе способностей и удовлетворять требованиям данного рабочего места, безотносительно к внешним различиям»². Президентское распоряжение № 10925 от 6 марта 1961 г. потребовало использовать *позитив-*

1 Позитивные действия (от англ. affirmative action: в прежних своих работах я предлагала их называть аффирмативными действиями) представляют собой комплекс специальных программ, расширяющих возможности для меньшинств и женщин в области образования, на рабочем месте, политике, бизнесе и других социальных сферах. В их основе лежат принципы предпочтения людей, традиционно дискриминируемых по причине расы, пола или каким-либо иным признакам.

2 Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1961; Shafritz Jay M. The Dorsey Dictionary of American Government and Politics. Chicago: The Dorsey Press, 1988. P. 204.

ные действия для внедрения недискриминационной политики в сфере занятости федеральными ведомствами¹. Кроме того, Кеннеди создал *Комиссию по статусу женщин* при Президенте во главе с почетным председателем Элеонор Рузвельт, при фактическом руководстве Эстер Петерсон. Комиссия поставила задачу критически осмыслить положение американской женщины в экономике, семье, законодательной системе. Ее заключительный доклад, обнародованный в 1963 г., детально продемонстрировал наличие дискриминации женщин в сфере занятости, что находило выражение в неравной оплате, продолжавшемся юридическом неравенстве, отсутствии социальных услуг, прежде всего, системы заботы о детях². Правда, Комиссия, следуя позиции Кеннеди, отвергла идею *Поправки о равных правах*, аргументируя это тем, что права женщин адекватно защищены 5-й и 14-й поправками к Конституции³, но рекомендовала осуществить ряд антидискриминационных мер. Одним из непосредственных результатов работы Комиссии стало принятие Конгрессом в 1963 г. *Закона о равенстве в оплате (Equal Pay Act)*, что сделало незаконным различные уровни оплаты для мужчин и женщин, violating одинаковую работу⁴. Автором этого закона, подписанного Кеннеди, была член Конгресса от демократов Эдит Грин. Таким образом, федеральное правительство впервые ограничило дискриминацию женщин со стороны работодателей. В ноябре 1963 г. Кеннеди создал *Гражданский консультативный совет по статусу женщин (Citizens' Advisory Council on the Status of Women)*, который должен был анализировать комплекс вопросов, относящихся к участию последних в различных сферах американской жизни, оценивать уровень прогресса, достигнутого в этой области, а также давать рекомендации по ускорению этого прогресса созданному *Междепартаментскому комитету по статусу женщин*⁵.

¹ Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1961; Shafritz Jay M. The Dorsey Dictionary of American Government and Politics. Chicago: The Dorsey Press. 1988. P. 204.

² См.: American Woman. Report of the President's Commission on the Status of Woman. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1963.

³ Конституция Соединенных Штатов Америки // Конституции буржуазных государств. М.: Юридическая литература, 1982.

⁴ См.: United States Code. Congressional and Administrative News. 87th Congress — 2nd Session. 1963. Vol. 1. Laws. Washington, D.C.: West Publishing Co. 1964.

⁵ Congressional Digest. Washington, D.C.: Congressional Digest Corporation. 1971. P. 8.

Преемник Кеннеди на посту президента демократ Линдон Джонсон (1963—1969 гг.) был более последовательным сторонником прав женщин. Он предпринял активные усилия для продвигания *Закона о гражданских правах (Civil Rights Act)*, одобренного Конгрессом в 1964 г. Этот документ, ставший точкой отсчета нового, антидискриминационного законодательства, запретил дискриминацию в трудоустройстве по признаку пола. Закон распространялся на всех работодателей, имевших 15 работников¹. *Закон о гражданских правах* предусмотрел также учреждение *Комиссии по равным правам в трудоустройстве*, наделенной функциями совещательного органа без значительных властных полномочий² [409]. Президентское распоряжение от 24 сентября 1965 г. запретило дискриминацию на базе пола в федеральных учреждениях и потребовало от всех правительственных работодателей иметь программы позитивных действий для создания равных возможностей в сфере занятости для меньшинств и женщин³. 13 октября 1967 г. Джонсон издал еще одно распоряжение, уточнявшее и расширявшее предыдущие⁴.

Президент-демократ Джими Картер (1977—1981 гг.) в 1978 г. создал специальный отдел под эгидой Министерства труда для контроля за соблюдением программ позитивных действий взамен множества имевшихся до этого ответственных лиц и агентств в различных правительственных департаментах, не всегда настойчивых в осуществлении политики⁵. Поскольку одним из главных направлений позитивных действий по-прежнему оставалось обеспечение прав женщин, Картер в том же году президентским

¹ См.: United States Code. Congressional and Administrative News. 88th Congress — 2nd Session. 1964. Vol. 1. Laws. Washington, D.C.: West Publishing Co. 1964.

² United States Code. Congressional and Administrative News. 87th Congress — 2nd Session. 1963. Vol.1. Laws. Washington, D.C.: West Publishing Co. 1964; A Historical Guide to the U.S. Government. New York, Oxford. 1998. P.210.

³ Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1965; Shafritz Jay M. The Dorsey Dictionary of American Government and Politics. Chicago: The Dorsey Press. 1988. P. 204—205.

⁴ См.: Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1967.

⁵ Equal Employment Opportunity Functions. Executive order 12086. October 5, 1978 // Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Vol.14. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1978. P. 1714.

распоряжением образовал *Национальный советательный комитет по делам женщин*¹, сопредседателем которого назначил известную феминистку Беллу Абзуг.

В годы администрации Картера впервые были инициированы программы борьбы с домашним насилием, помощи и реабилитации его жертв. В Департаменте здравоохранения и социальных служб создали Отдел домашнего насилия. Картер подписал *Акт о защите детей от сексуальной эксплуатации*. Тогда же были развернуты проекты по созданию убежищ для женщин — жертв насилия. Администрация коммунальных служб начала внедрение пилотной программы «Семейный кризисный центр» для оказания помощи страдающим от насилия женщинам с низкими доходами и детям. В 1978 г. федеральная комиссия по правам человека провела консультации по проблеме насилия в отношении женщин. Все федеральные программы координировались *Межведомственным комитетом по домашнему насилию*, возглавлявшимся министром здравоохранения и социальных служб².

Наилучшие перспективы для поддержки женщин создало избрание президентом США в 1993 г. Билла Клинтона, который создал ряд новых органов в своей администрации. В августе 1995 г. Клинтон утвердил *Межведомственный совет по женщинам при Президенте*. Его представителем появился в каждом федеральном правительственном учреждении, включая госдепартамент, министерства обороны, юстиции, внутренних дел, сельского хозяйства, торговли, труда, здравоохранения (в этом департаменте имеется специальный заместитель министра по здоровью женщин), жилищно-коммунального хозяйства, энергетики, образования, защиты окружающей среды, администрацию малого бизнеса. Первым председателем Совета стала Донна Шалейла (министр здравоохранения и социальных служб)³, которую в марте 1997 г. сменила назначенная Госсекретарем Мадлен Олбрайт, что усилило значение самого органа. Хиллари Клинтон, убежденная сторонница идеи продвижения прав женщин, стала почетным главой Совета.

¹ National Advisory Committee for Women. Executive Order 12050. April 1978. // Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Vol.14. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1978. P. 680.

² 1980 Democratic National Platform // Kurian George Thomas (ed.) The Encyclopedia of the Democratic Party. Vol. Four. New York. 1997. P. 745.

³ Текущий архив President's Interagency Council on Women. U.S. Follow-Up to the U.N. Fourth World Conference on Women. May 1996. Washington D.C.: United States Government Printing Office. 1996. P. 3.

Клинтон не ограничился формированием межведомственных структур по делам женщин. В 1995 г. в Белом доме был образован новый специализированный отдел — *Офис женских инициатив и достижений*. Его создание стало важным нововведением администрации Клинтона. В сферу деятельности отдела вошло несколько функций. Во-первых, он был призван продвигать и отстаивать женские проблемы; осуществлять роль связующего звена между Белым домом и женскими организациями с тем, чтобы доносить женские заботы и предложения до администрации и президента. Во-вторых, ему вменялось в обязанность развивать и поддерживать сетворк лидеров женского движения, обеспечивать их текущей информацией о деятельности администрации и, в свою очередь, получать от них заключения о проводимой Белым домом политике в отношении женщин. В-третьих, перед отделом стояла задача развивать активный нетворк женщин, занимающих ключевые позиции в самой администрации президента¹. В этой связи пример кардинального решения кадровых проблем показал сам Клинтон, назначив Джанет Рино на должность генерального атторнея — министра юстиции и Мадлен Олбрайт на важнейший пост Государственного секретаря. Обе они имеют репутацию сторонниц продвижения прав женщин. Олбрайт на протяжении ряда лет возглавляла программу «Женщины во внешней политике» в Джорджтаунском университете². Став Госсекретарем, она подняла женские вопросы на уровень американской международной повестки: «то, что стеклянный потолок пробит, очень важно, ... но важно убедить людей, что многие вопросы, которые обычно ... не рассматриваются в качестве проблем внешней политики, на самом деле таковыми являются»³. В годы ее работы на посту Госсекретаря (1997—2000) проводилась целенаправленная политика по увеличению числа женщин во внешнеполитическом ведомстве и, особенно, на ответственных должностях.

Первоначально Республиканская партия продвигала права женщин очень активно. Республиканец Ричард Никсон (1969—1974 гг.) расширил президентские распоряжения своих

¹ Текущий архив Офиса женских инициатив и достижений. Washington, D.C.: White House's Office of Women's Initiatives and Outreach. 1997.

² Madeleine Korbel Albright, Secretary of State. Biography // An Official U.S. Government Source for Information on the WWW//http://http://secretary.state.gov/www/albright/albright.html

³ Secretary of State Madeleine K. Albright. Interview on NBC-TV «Meet the Press, January 26, 1997. Released by the Office of the Spokesman, U.S. Department of State, January 27, 1997.

предшественников о программах позитивных действий. В 1969 г. он распоряжением № 11478 потребовал от федеральных служб утвердить *Федеральные программы позитивных действий в сфере занятости*, установив цели программ и сроки исполнения¹. Распоряжение гласило: «Политикой правительства Соединенных Штатов является обеспечение равных возможностей в федеральной службе занятости для всех лиц, запрещение дискриминации на базе расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения и обеспечение полной реализации равных возможностей в сфере занятости посредством продолжения программ позитивных действий во всех департаментах и агентствах»². *Женское бюро* Департамента труда США издало ряд рекомендаций и специальных инструкций для компаний с тем, чтобы они работали в соответствии с федеральными документами, регулируемыми программы позитивных действий³.

Никсон в октябре 1969 г. также учредил специальную *оперативную группу по женским правам и обязанностям* (*Task Force on Women's Rights & Responsibilities*) во главе с Вирджинией Аллан⁴. По прошествии нескольких месяцев она представила президенту отчет, в котором рекомендовалось назначать большее число женщин на ответственные посты во все структуры федерального правительства, созывать конференции Белого дома по правам женщин, создать в правительстве *Офис по женским правам и обязанностям*, разработать программы законодательных действий Конгресса. Назначенные Никсоном новые члены в *Гражданский совещательный совет по статусу женщин* в феврале 1970 г. направили ему резолюцию, поддерживающую *Поправку о равных правах* и рекомендующую президенту потребовать ее немедленного прохождения в Конгрессе⁵.

¹ См.: Federal Affirmative Employment Programs. Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1969.

² Federal Affirmative Employment Programs. Weekly Compilation of Presidential Documents. Annual Index. Washington, D.C.: United States Government Printing Office. 1969; Congressional Digest. Washington, D.C.: Congressional Digest Inc. 1971. Vol. 50, № 1. P. 8.

³ Women's Bureau (WB). An Overview. 1920–1997. — Washington, D.C.: U.S. Department of Labor, 1997; Congressional Digest. Washington, D.C.: Congressional Digest Corporation. 1971. Vol. 50, № 1. P. 8.

⁴ Congressional Digest. Washington, D.C.: Congressional Digest Corporation. 1971. Vol. 50, № 1. P. 8.

⁵ Ibid.

Но при президентах Рональде Рейгане (1981–1989 гг.) и Джордже Буше (1989–1993 гг.) произошел резкий поворот в гендерной политике. В годы их президентства шли постоянные дебаты по поводу изданного президентом Джонсоном в 1965 г. распоряжения о запрещении дискриминации на основе пола. Суть политики сводилась к тому, стоит ли его модифицировать или просто отменить. На практике федеральная программа *позитивных действий* стала игнорироваться и была отброшена. Этот вывод не опровергает тот факт, что после избрания Рейган впервые в истории одновременно привлек 4 женщин на ответственные государственные и правительственные посты. Сандра Дей О'Коннор стала членом Верховного Суда, Джин Кирпатрик — представителем США в Организации Объединенных Наций, Элизабет Доул — министром транспорта и Маргарет Хеклер — министром здравоохранения и социальных служб¹. Однако назначения на должности и тем более их сохранение находились в прямой зависимости от позиции кандидата по проблеме аборт. Так, обнаружившая приверженность принципу «за жизнь» Маргарет Хеклер под нажимом правых была заменена Отисом Боуэном² — откровенным противником абортов, лоббировавшим в Конгрессе отмену их финансирования, с одной стороны, и расширение финансовой помощи религиозным организациям, с другой³. К 1989 г. появившиеся три вакансии в Верховном Суде Рейган заполнил сторонниками принципа «за жизнь», к которым относилась и Сандра Дей О'Коннор. Буш, в свою очередь, назначил в Верховный Суд Клэренса Томаса, который хотя и оказался всего вторым в истории страны чернокожим членом Верховного Суда, но не слишком большим сторонником женских прав⁴. Более того, его имя приобрело

¹ United States Code. Congressional and Administrative News. 97th Congress. First Session. Vol. 1. St. Paul, Minn.: West Publishing Corporation. 1983. P. VI.

² United States Code. Congressional and Administrative News. 99th Congress. First Session. Vol. 1. St. Paul, Minn.: West Publishing Corporation. 1985. P. VII.

³ Kurian George Thomas (ed.) The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. One. New York. 1997. P. 201.

⁴ Congressional Roll Call 1991. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 102nd Congress, First Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1992. P. 47-B–48-B; Kurian George Thomas (ed.) The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. One. New York. 1997. P. 201.

одиозную известность из-за скандала, вызванного обвинениями со стороны профессора университета Оклахомы Аниты Хилл в сексуальных домогательствах в то время, когда она работала под началом Томаса в департаменте образования и Комиссии по равным возможностям в трудоустройстве. Последовавшие разбирательства по делу одновременно стало поводом для откровенной критики администрации Буша за ее бездеятельность в отношении продвижения прав женщин.

Разделение властей, предусматривавшее действие системы сдержек и противовесов, не только противостояло возвышению одной ветви власти над другой, но и усложняло процесс принятия принципиальных решений. Законотворческая работа Конгресса страны и конгрессов штатов могла ограничить устремления президента, особенно если Сенат и Палата представителей порознь или совместно контролировались противоположной партией. При прези-дентах-республиканцах Никсоне (1969–1974 г.), Форде (1974–1977 г.), Буше (1989–1993 г.) в Сенате и Палате представителей демократы располагали большинством мест. При республиканце Рейгане (1981–1989 г.) преимущество в Сенате принадлежало республиканцам, но в Палате представителей было больше демократов. Лишь демократ Картер (1977–1981 г.) опирался на демократическое большинство в обеих палатах. Наконец, при де-мократе Клинтоне, занявшем президентский пост в 1993 г., числен-ное превосходство в Сенате и Палате представителей имели республиканцы. Кроме того, относительная независимость штатов от центра, наличие 50 законодательных органов в штатах и такое же количество губернаторов делало политическую картину мозаичной и еще более сложной, что следует учитывать при рассмотре-нии хода и итогов внедрения тех или иных инициатив в интересах женщин.

Началом антидискриминационного законодательства в отно-шении женщин стал принятый в 1964 г. *Закон о гражданских пра-вах*. Его первоначальный проект не предусматривал включение в него женщин, но благодаря усилиям депутата Конгресса демокра-та от Мичигана Марты Гриффитс в проект была внесена соответ-ствующая поправка. Закрепление в законе юридического равен-ства прав создало базу для действий в защиту реального равноп-равия. Под воздействием женского движения и появления новых женщин-конгрессменов было принято много законодательных актов, запрещающих дискриминацию по признаку пола. Благода-ря профеминистски настроенным депутатам, пришедшим в Конгресс США в послевоенный период и активно продвигавшим

дружественное женщинам законодательство¹, был сделан прорыв в законодательной работе.

На протяжении 1970-х — начала 1980-х гг. контролировавшие демократами Палата представителей и Сенат приняли больше законодательных актов в защиту прав женщин, чем за несколько предшествующих десятилетий.

Наиболее драматичной была судьба *Поправки о равных правах* к Конституции США. Начиная с 1923 г., она вносилась на рассмотрение в каждом очередном Конгрессе. В 1960–1970-е гг. с требованием включения ее в Конституцию выступили *Националь-ная организация женщин* и множество других групп. 16 января 1969 г. Марта Гриффитс в Палате представителей и 28 февраля 1970 г. Юджин МакКарти в Сенате вновь предложили одобрить Поправку². В обоих случаях предложение пошло на рассмотрение соответствующих *Юридических комитетов*, в которых она прежде всегда застревала. Но сейчас в тактическом отношении ситуация изменилась в связи с двумя событиями, совпавшими по времени. В 1972 г. 32-летняя Элизабет Холцман одержала победу за место в Палате представителей, ранее принадлежавшее 88-летнему Эману-элю Селлеру, председателю влиятельного *Юридического комите-та*, годами торпедировавшего Поправку³. Гриффитс, в свою оче-редь, предложила внести Поправку на открытое обсуждение Пала-ты представителей. В итоге в 92-м Конгрессе Поправка получила одобрение в обеих Палатах. 12 октября 1971 г. совместную резолю-

¹ Это — демократы: Эдна Келли (Edna Kelly, 1948–1968), Эдит Грин (Edith Green, 1954–1974), Марта Гриффитс (Martha Griffiths, 1954–1974), Ширли Чিশолм (Shirley Chisholm, 1968–1982), Пэтси Минк (Patsy Mink, 1965–1977), Белла Абзуг (Bella Abzug, 1970–1976), Элизабет Холцман (Elizabeth Holtzman, 1972–1980), Барбара Джордан (Barbara Jordan, 1972–1978), Ивонн Берк (Yvonne Burke, 1972–1978), Коринн Боггс (Corinn Boggs, 1973–1991), Кардисс Коллинз (Cardiss Collins, 1973–1997), Джеральдин Ферраро (Geraldine Ferraro, 1974–1984), Патриция Шроудер (Patricia Schroeder 1972–1997), республиканки: Маргарет Смит (Margaret Smith, Палата представите-лей: 1940–1949, Сенат: 1949–1979), Франсис Болтон (Frances Bolton, 1940–1968), Флоренс Двайер (Florence Dwyer, 1956–1972) и другие.

² Equal Rights Action, 1969–1970 // Congressional Digest. Washington, D.C.: Congressional Digest Corporation. 1971. Vol. 50. № 1. P. 9.

³ Women in Congress, 1917–1990. Prepared Under the Direction of the Commission on the Bicentenary of the U.S. House of Representatives by the Office of the Historian, U.S. House of Representatives. — Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1991. P. 105.

цию № 208, содержащую требование Поправки о равных правах, утвердила Палата представителей. За нее проголосовали 354 конгрессмена, против всего 24¹. 22 марта 1972 г. эту же резолюцию одобрил Сенат США большинством в 84 голоса против 8². С этого момента Поправка, гласившая: «Равенство прав перед законом не может быть отнято или ущемлено Соединенными Штатами или любым штатом по причине пола»³, передавалась для ратификации в законодательные органы штатов.

С момента одобрения *Поправки* в 1972 г. Сенатом США для феминистских лидеров принципиальным становилось включение ее в партийные платформы и разворачивание борьбы за ее ратификацию необходимыми 38 штатами. В то время как сторонники *Поправки* пытались устраивать экономический бойкот штатов, отказавшихся ее ратифицировать, противники организовывались под лозунгом «STOP ERA». В стране ширилось движение противников поправки во главе с консервативной республиканской активисткой с большим стажем работы в партии Филлис Шлафли, которая в 1972 г. создала движение «STOP ERA». В течение года кампании подключился ряд правых организаций, не участвовавших прежде в многолетних дебатах, таких, как *Общество Джона Берча (John Birch Society)*, *Про-Америка Инкорпорейтед (Pro-America Incorporated)*, *Христианский крестовый поход (Christian Crusade)*, *Молодые американцы за свободу (Young American's for Freedom)*, а также религиозные организации правого толка. Сама же Шлафли стала главным идеологом консерваторов в вопросах, относившихся к роли женщин в американском обществе.

Срок ратификации истек в марте 1979 г., но в 1978 г. он был продлен еще на 3 года. Несмотря на поддержку со стороны президентов Никсона и Форда, *Поправке* противостояла сильная оппозиция консервативного республиканского большинства в законодательных органах многих штатов. С избранием на президентский пост ее противника Рональда Рейгана в 1980 г. и исключением требования *Поправки* из партийной платформы Республиканской партии ее судьба была предрешена: к 30 июня 1982 г. для вступления в силу ей не хватило ратификации тремя штатами.

¹ Equal Rights Amendment // Congressional Digest. 1977. Vol. 56. № 6-7. Washington, D.C.: Congressional Digest Co. 1977. P. 165.

² Equal Rights Amendment // Congressional Digest. 1977. Vol.56. № 6-7. Washington, D.C.: Congressional Digest Corporation. 1977. P. 165.

³ ERA at a Glance // Congressional Digest. 1977. Vol. 56. № 6-7. Washington, D.C.: Congressional Digest Corporation. 1977. P. 163.

Закон о подготовке медицинского персонала 1971 г. потребовал проведения недискриминационной политики в отношении пола от всех федерально поддерживаемых учебных заведений, дающих профессии в области здравоохранения¹. В том же году законодательно запретили при констатации дискриминация по признаку пола использование федеральных фондов для финансирования программ в области здравоохранения, включая школы медицины, остеопатии, стоматологии, ветеринарии, оптометрии, педиатрии, фармацевтики и медсестер².

Закон о высшем образовании 1972 г., распространил требования *Акта о равенстве в оплате* на работников образовательных учреждений и запретил дискриминацию по причине пола в любой образовательной программе, получающей федеральную финансовую поддержку³. Нормы этого документа затем распространили на все образовательные учреждения и в полном объеме применили до 1984 г., когда область его действия частично ограничил Верховный суд, который решил, что Закон должен распространяться не на все учебные заведения, а только на те, которые получают федеральную поддержку. С этого момента на рассмотрение Конгресса ежегодно представлялся соответствующий билль с тем, чтобы восстановить действие Закона в первоначальном виде, но безуспешно.

Закон о равных возможностях в трудоустройстве 1972 г. расширил юрисдикцию *Комиссии по равным возможностям в трудоустройстве (Equal Employment Opportunity Commission)* на частные организации и предприятия с числом занятых более 15 человек, на общественные и частные образовательные учебные заведения, на правительственные и политические подразделения на уровне штата и местного уровне⁴.

Закон о коммисии по гражданским правам 1972 г. включил в ее мандат проблему дискриминации по признаку пола. До этого она

¹ См.: Nurse Training Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 92nd Congress – 2nd Session. 1971. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1971.

² См.: Comprehensive Health Manpower Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 92nd Congress – 2nd Session. 1971. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1971.

³ См.: Higher Education Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 92nd Congress – 2nd Session. 1972. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1972.

⁴ Equal Employment Opportunity Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 92nd Congress – 2nd Session. 1972. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. P. 122.

имела право расследовать случаи дискриминации только по причине расы, цвета кожи, национальной или партийной принадлежности, убеждений¹.

Расширяли права женщин и другие законы. *Закон о трудоустройстве и подготовке* 1973 г. запретил дискриминацию по признаку пола, расы, вероисповедания, цвета кожи, национального происхождения, партийной принадлежности, убеждений со стороны работников и участников обучающих программ². *Федеральный закон о равенстве возможностей в сфере кредита* 1975 г. устранил дискриминационные ограничения на базе пола или семейного положения в получении потребительских кредитов³. *Закон о дискриминации в связи с беременностью* 1978 г. внес в *Закон о гражданских правах* поправку, запрещающую дискриминацию по причине беременности, рождения ребенка или из-за связанных с этим медицинских условий⁴. Закон 1974 г. гарантировал минимальную заработную плату надомникам; принятый в 1978 г. закон запретил дискриминацию в отношении беременных женщин при приеме на работу. Барбара Микалски в соавторстве с Коринн Боггс предложили *Закон о предотвращении домашнего насилия и соответствующим службам* 1979 г.⁵ Микалски, которая в своей пред-депутатской карьере ассоциировалась с образом партийного реформатора демократов, с избранием в 1976 г. в Конгресс стала все более открыто занимать феминистскую позицию, в 1980 г. также обеспечила принятие законопроекта, предоставлявшего прямые выплаты по медикейду⁶ медсестрам-акушеркам. Микалски стала многими

1 См.: Civil Rights Commission Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 92nd Congress – 2nd Session. 1972. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1972.

2 См.: Comprehensive Employment and Training Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 93rd Congress – 2nd Session. 1973. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1973.

3 См.: Federal Equal Credit Opportunity Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 93rd Congress – 2nd Session. 1975. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1975.

4 См.: Pregnancy Discrimination Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 95nd Congress – 2nd Session. 1978. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1978.

5 См.: Domestic Violence Prevention and Services Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 96th Congress – 2nd Session. 1979. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1979.

6 *Angli.*: Medicaid – набор медицинских услуг, предоставляемых государством бесплатно для определенных групп населения.

рассматриваться в качестве преэмницы в Конгрессе рупора феминистов Беллы Абзуг.

Следует отметить и ряд законов, принятых республиканским большинством Конгресса на протяжении 1980 – начала 1990-х гг. В 1984 г. Конгресс укрепил законодательство об аллиментгах на детей и пенсионных правах вдов и разведенных женщин. В 1990 г. Конгресс принял билль о выделении федеральных средств на пособия по уходу за детьми – первый подобный закон со времени окончания Второй мировой войны, а в 1993 г. Президент Билл Клинтон подписал ранее принятый Конгрессом билль о временной нетрудоспособности работников и членов их семей, в котором впервые работодатели должны были принимать во внимание, что у работников есть не только профессиональные, но и домашние обязанности.

Далеко не все законопроекты, отражавшие интересы женщин, находили одобрение в Конгрессе. Однако само внесение вопросов на обсуждение палат уже было прогрессом. Решение суфражистских задач и принятие на протяжении 1970 – начала 1980-х гг. основных актов, ограничивавших дискриминацию и расширявших права женщин, привело в 1980-е гг. к возникновению новой ситуации в стране. Ее характеризовал отход части женщин от идеи «боевого феминизма», своего рода «обратный ход» (backlash) общества в целом в восприятии женского вопроса. Активизировались консервативные силы и настроения в стране и внутри самого Конгресса. В новых условиях профеминистски настроенным депутатам пришлось столкнуться с организованным давлением консерваторов. Борьба в Конгрессе по вопросу репродуктивных свобод и вокруг решения *Roe против Beid* (*Roe v. Wade*) Верховного Суда, легализовавшего в 1973 г. аборты, была наиболее показательной.

Вопрос репродуктивных прав женщин для второй волны феминизма в США имеет такое же значение, как проблема политических прав для участниц первой волны второй половины XIX в. Возможность репродуктивного выбора является основополагающим правом женщин контролировать свою жизнь. Две стороны дебатов о праве на аборт определяются как «*pro-life*» (за жизнь) и «*pro-choice*» (за выбор). Приверженцы каждого из этих требований редко пользуются несущим на себе негативную нагрузку термином «аборт», заменяя его привлекательными слоганами, под которыми трудно не подписаться. Невозможно не выступать «за жизнь», но также проблематично выступать против свободного «выбора». Аборт, поставленный вне закона большинством штатов начиная с середины XIX в., стал легальным в 1973 г. благодаря решению Верховного Суда. Борьба за сохранение права на аборт стала следующим шагом в женском освобождении от лимитирующего положения жены и ма-

тери, ибо сразу же консервативные евангелические группы развернули наступление за отмену решения Верховного Суда.

Уже в 1976 г. обе палаты Конгресса одобрили поправку к закону об ассигнованиях на 1977 финансовый год, которая резко ограничивала использование правительственных средств для оплаты абортотворения через общественные службы здравоохранения, кроме случаев, когда жизнь матери находилась в опасности¹. В 1977 г. на слушаниях в Палате представителей республиканец от Иллинойса, лидер противников абортотворения Генри Хайд предложил полностью запретить абортотворения, но безуспешно². Однако с образованием республиканского большинства в Сенате, многие из депутатов которого были избраны в 1980 г. благодаря их антиабортной платформе, вопрос о прекращении финансирования абортотворения оказался предпринятым. С 1980 г. противники абортотворения, которых поддерживала и часть демократов, преобладали и в Палате представителей, поэтому им почти всегда удавалось проводить свои решения. В результате в 1981 г. Конгресс принял поправку Генри Хайда, которая запрещала финансирование абортотворения по медикейду в ситуациях, не несущих угрозы жизни матери³. Противники абортотворения попытались развить успех и в 1983 г. в Сенате предприняли попытку одобрить поправку к Конституции, отменяющую решение Верховного Суда 1973 г. Однако им не хватило 18 голосов до необходимых 2/3 для принятия решения⁴.

3 июля 1989 г. Верховный Суд, в котором после новых назначений Рейгана преобладали противники абортотворения, принял решение по делу *Webster против служб репродуктивного здоровья (Webster v. Reproductive Health Services)*, открывшее дорогу штатам для новых ограничений на проведение абортотворения. В свою очередь вердикт суда гальванизировал движение сторонников движения «за выбор», и фактически в одну ночь репродуктивная свобода стала ведущей политической темой года. Перемены не заставили себя ждать. В 1989 г.

¹ Congressional Roll Call 1976. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 94th Congress, Second Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1977. P. 7.

² Congressional Roll Call 1977. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 95th Congress, First Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1978. P. 13.

³ Congressional Roll Call 1981. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 97th Congress, First Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1982. P. 7.

⁴ Congressional Roll Call 1984. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 98th Congress, First Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1984. P. 6.

в Конгрессе впервые не прошла очередная поправка, на этот раз предложенная республиканцем из Калифорнии Робертом Дорна-ном, налагающая на округ Колумбия ограничения в использовании в 1990 финансовом году федеральных средств и налоговых поступлений на проведение абортотворения женщинами из бедных семей¹.

С приходом в 1993 г. на пост президента Билла Клинтона сторонники движения «за выбор» возлагали надежды на более легкое прохождение законодательства, обеспечивавшего репродуктивные права женщин. Они могли более не беспокоиться, что новый президент будет накладывать вето, как это делал Буш, на любое законодательство, расширяющее доступность абортотворения. Более того, с избранием в Конгресс дополнительно 24 женщины и 16 афро-американцев сторонники расширения репродуктивных прав рассчитывали на отмену поправки Хайда, с одной стороны, и распространение государственного финансирования абортотворения женщинам с низкими доходами. Барбара Микалски и четверо других демократов в Сенате выступили инициаторами отмены поправки Хайда, но безуспешно: в 1993 г. Конгресс проголосовал за государственное финансирование абортотворения только в случаях изнасилования, incestа или угрозы жизни матери². В связи с прокатившейся по стране волной насилия в отношении клиник и даже убийств врачей в 1994 г. был принят *Закон о свободном доступе в клиники*³, имевший целью предотвратить покушения на медицинских работников и женщин, пользовавшихся их услугами. Но и эти обстоятельства не помешали Верховному суду подтвердить право правительства и местных судов налагать значительные ограничения на выражение протестов активистами «за жизнь» у входов в клиники⁴.

Законодатели предприняли новое наступление на репродуктивные права в 1995 г. и впервые проголосовали за билль, провозгласивший абортотворение в поздних сроках беременности криминальным независимо от обстоятельств. Нарушившему закон врачу гро-

¹ Congressional Roll Call 1989. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 98th Congress, First Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1990. P. 14-B.

² Congressional Roll Call 1993. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 103rd Congress, First Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1994. P. 55-C.

³ См.: Freedom of Access to Clinic Entrances Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 103rd Congress — 2nd Session. 1994. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1994.

⁴ См.: Congressional Quarterly Almanac. 103rd Congress. 2nd Session. 1994. Vol. L. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Incorporation. 1994.

зило тюремное наказание до двух лет¹. Параллельно с дебатами в Конгрессе сторонники движения «за жизнь» развернули беспрецедентную кампанию давления по всей стране, требуя от конгрессменов поддержать законопроект. И хотя президент Клинтон наложил на него вето, христианские группы праздновали победу, так как значительная часть общества демонстративно разделяла их убеждения, не признающие право личности на репродуктивную свободу.

Демократы в лице администрации Клинтона, демократической фракции в Конгрессе стремились к сохранению и расширению программ позитивных действий, но в своей риторике под влиянием критики консервативного большинства Конгресса демократы должны были учитывать рост недовольства в стране программами продвижения меньшинств. Поэтому все чаще в выступлениях Президента и в официальной позиции партии подчеркивалось, что программы будут существовать при условии их соответствия «четырем стандартам справедливости»: «нет» квотам в теории или на практике; «нет» нелегальной дискриминации любого свойства, включая обратную дискриминацию; «нет» предпочтения людям, которые недостаточно квалифицированы; как только программа будет успешно выполнена, ее следует отменить². Тем не менее, в 1990-е гг. критика программ позитивных действий стала особенно ошутимой. В Конгрессе страны видные республиканские лидеры³ выступали за их полную отмену⁴. В 1995 г. Конгресс, в обеих палатах которого преобладали республиканцы, внес поправку в Закон о гражданских правах, в соответствии с которой от работодателей больше не требовалось сообщать «статистические квоты, отражающие состав рабочей силы». Это стало шагом к полному упразднению программ позитивных действий. В 1996 г. республиканцы провели через законодатель-

1 Congressional Roll Call 1995. A Chronology and Analysis of Votes in the House and Senate. 104th Congress, First Session. Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc. 1996. P. C-47.

2 Текущий архив Демократического Национального Комитета. Affirmative Action // Washington, D.C.: Democratic National Committee Services Corporation. 1997.

3 Например, Фил Грэм (Phil Gramm), Боб Доул (Bob Dole), Леймер Александер (Lamar Alexander), Пат Бачанан (Pat Buchanan).

4 Kurian George Thomas (ed.) The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. One. New York. 1997. P. 71.

ный орган Калифорнии «Предложение 209»¹, которое благодаря завуалированному названию «Запрещение дискриминации и предпочтений» внешне казалось антидискриминационным, однако фактически отменяло позитивные действия в области образования. Губернатор штата Пит Вильсон тотчас объявил об отмене государственных университетами штата программ позитивных действий. Вследствие принятия нового закона уже в 1997 г. число студентов афро-американского и испанского происхождения, поступивших в одну из наиболее престижных юридических школ в Беркли и Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе существенно уменьшилось. Новый закон, по существу, легализовал дискриминацию цветного населения и женщин не только в образовании, но и при приеме на работу и заключении контрактов.

Особую роль в продвижении, поддержке законодательства, проведении мониторинга правительственных программ, затрагивающих женщин, стали играть организации и сети, объединяющие женщин-законодательниц на федеральном и региональном уровне. С этой целью в 1977 г. в Конгрессе США был образован межпартийный Кокус женщин Конгресса (*The Congresswomen's Caucus*). С момента основания в ряды Кокуса допускались только женщины, но в 1981 г. он изменил название на *Кокус Конгресса по женским проблемам (Congressional Caucus for Women's Issues)* и стал принимать мужчин². Так, в списках членов Кокуса в 103-м Конгрессе на 1993 г. находилось 42 женщины и 109 мужчин³. В нем нашла воплощение активность сторонников продвижения женских прав и интересов в самом Конгрессе. С начала 1980-х по 1995 г. сопредседателями Кокуса Конгресса по женским проблемам были Патриция Шруауер и Олимпия Сноу⁴. Кокус также создал *Институт женских исследований и образования* для обеспечения исследовательской, образовательной и технической поддержки. Эта организация фокусировалась на вопросах экономического, гражданского

1 Текущий архив Демократического Национального Комитета. Proposition 209. October 1997// Washington, D.C.: Democratic National Committee Services Corporation. 1997.

2 Gertzog Irwin N. Congressional Women: Their Recruitment, Integration, and Behavior. Second Edition, Revised and Updated. — Westport-London: Praeger, 1995. P. 178.

3 См.: Update on Women and Family Issues in Congress. Vol. 13. № 1. February 5, 1993.

4 Текущий архив Women's Policy Inc. <http://www.womenconnect.com/WPI/publications.htm>

равенства, социальных проблемах, включая равенство в оплате труда и получении образования, гражданские права, отпуска по уходу за ребенком, помощь по уходу за нетрудоспособными в семье, проведение пенсионной реформы. Участники *Кокуса* добились решений, которые бы способствовали женской экономической стабильности. На своих еженедельных организационных встречах члены *Кокуса* обсуждали законодательство, план своих действий и определяли проблемы, решение которых имело наибольшее значение для женщин. Во время сессий Конгресса *Кокус* публиковал еженедельный информационный бюллетень «*Update on Women and Family Issues in Congress*» для знакомства с ходом обсуждения и принятия законодательства, затрагивающего интересы женщин, и анализа текущей законодательской работы, в которой участвовали члены организации.

С началом 1995 г. возможности для деятельности *Кокуса Конгресса по женским проблемам* уменьшились в связи с решением Палаты представителей упразднить организацию по законодательному обслуживанию. Хотя *Кокус* реорганизовался в неформальную группу под тем же названием, которую возглавили республиканки Нита Лоуи и Конни Морелла, он более не располагал ни бюджетом, ни офисом, ни оплачиваемыми сотрудниками. Издание информационного бюллетеня было приостановлено. Для компенсации возникших ограничений бывшие работники *Кокуса* при поддержке его участников создали новую межпартийную организацию *Women's Policy Inc.* для осуществления исследовательских и информационных услуг, которые ранее обеспечивал *Кокус*¹. Новая организация стала издавать еженедельный информационный листок «*The Source on Women's Issues in Congress*».

В 1990-е гг. участники *Кокуса* стали решающей силой в прохождении через Конгресс законодательства, гарантирующего сохранение здоровья, экономическую стабильность и физическую безопасность женщины в обществе. В 103-м Конгрессе они добились принятия *Закона о насилии в отношении женщин*². Закон предусматривал увеличение ассигнований на работу полиции по предотвращению домашнего насилия, развитие сети услуг для

1 Текущий архив Кокуса Конгресса по женским проблемам. Washington, D.C.: Congressional Caucus for Women's Issues. 1994 // <http://www.inform.umd.edu/EdRes/Topic/Women'sStudies/Update-vol12no7/caucus-members>

2 См.: Violence Against Women Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 103th Congress — 1st Session. 1993. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1993.

женщин, пострадавших от насилия, проведение тренингов для полиции, следователей и судей по работе с женщинами — жертвами насилия. Когда в 104-м Конгрессе финансирование программ в рамках нового закона оказалось под угрозой, члены *Кокуса*, в особенности Нита Лоуи и Конни Морелла смогли, вопреки нападкам многих членов Конгресса, добиться их сохранения на 1996 фискальный год. Им также удалось добиться государственного финансирования «горячей» телефонной линии для жертв домашнего насилия. Кроме того, члены *Кокуса* индивидуально предложили несколько биллей, направленных на борьбу с домашним насилием.

В 104-м Конгрессе участницы *Кокуса* содействовали принятию *Закона о равенстве в охране здоровья женщины* 1996 г.¹ Инициаторами закона были республиканки Патриция Шроудер, Олимпия Сноу и Луис Слотер. Он предусматривал увеличение ассигнований на исследование и услуги в большинстве сфер, связанных со здоровьем женщин. Участники Кокуса добились сохранения, начиная с 1995 г., во все последующие финансовые годы ассигнований на проведение исследований в области здоровья женщин, включая исследования онкологических заболеваний груди. *Кокус* в сотрудничестве с *Отделом общественного здравоохранения* провел серию брифингов на тему «*Здоровье женщины 2000*»².

В ряде штатов женщины-законодатели также образовали *кокусы*, представлявшие собой широкий спектр организаций — от формальных объединений с постоянным оплачиваемым штатом, члены которых во время сессий конгрессов работали вместе над законопроектами, до неформальных групп, участницы которых встречались всего несколько раз в году. Женские *кокусы* в законодательных органах штатах в 1989 г. действовали в 11 штатах, в 1994 г. — в 22, в 1998 г. — в 32³. Самым первым среди женских кокусов в законодательных органах штатов стал образованный в 1939 г. *Орден женщин-законодателей Коннектикута (Connecticut Order of*

1 См.: Women's Health Equity Act // United States Code. Congressional and Administrative News. 104th Congress — 1st Session. 1996. Vol. 1. Laws. Washington: West Publishing Corporation. 1996.

2 A Summary of Caucus Activities in the 104th Congress // Update on Women and Family Issues in Congress.

3 Текущий архив Центра Американская женщина и политика. Women's Legislative Organizations: Update 1989 // CAWP News & Notes. October 1993. Vol. 7. № 2. P. 14–16; Women's Caucuses in State Legislatures // CAWP News & Notes. Summer/Fall 1994. Vol. 9. № 3A. P. 24; Women's Caucuses in State Legislatures // CAWP News & Notes. Spring 1998. Vol. 11. № 3. P. 5.

Women Legislators). Его членами являлись все женщины-депутаты обеих палат, но среди участников были и мужчины. В рассматриваемый период участницы *кокуса* неформально встречались 5 раз в течение каждой законодательной сессии. В 1989 г. деятельность *кокуса* фокусировалась на проблемах беременности подростков, младенческой смертности, упряднении обязательного использования детекторов лжи для жертв изнасилования¹. На протяжении 1990-х гг. *кокус* также работал над привлечением большего числа женщин в законодательную Ассамблею штата.

Активностью отличался и ряд других женских *кокусов* в законодательных органах штатов: *Кокус женщин-законодателей Мэриленда*, *Кокус женщин-законодателей Массачусетса*, *Кокус женщин-законодателей Айовы*, *Законодательный женский кокус Северной Каролины*, *Законодательный женский кокус штата Нью-Йорк*, *Женский кокус Сената штата Гавайи*, *Женский законодательный кокус Калифорнии*, *Конференция женщин-законодателей Иллинойса*. К уже существовавшим *кокусам* в 1990-е гг. добавились или стали более активно работать женские группы в законодательных органах еще в 21 штате: Айове, Айдахо, Алабаме, Арканзасе, Вермонте, Вирджинии, Вашингтоне, Висконгине, Джорджии, Индиане, Колорадо, Мичигане, Миссури, Небраске, Нью-Мексико, Оклахоме, Орегоне, Северной Дакоте, Пенсильвании, Флориде, Южной Каролине. Общее направление их деятельности было примерно одинаковым. Например, главными вопросами во время сессии 1998 г. для *Женщин-законодателей Арканзаса* были преступность, домашнее насилие, онкологические заболевания груди, образование. Включавший в себя всех женщин-законодателей межпартийный *Женский законодательный кокус Джорджии* во время сессии 1998 г. концентрировался на проблемах усыновления, отношения родителей к приемным и биологическим детям, развития внешкольных программ для учащихся средних школ, покрытия расходов для больных диабетом, получения страховок². Основанный в 1993 г. межпартийный кокус в Ассамблее штата Индиана, именовавший себя *P.O.W.E.R. (Political Organization for Women's Education and Representation)*, на ежегодных встречах во время сессии 1998 г. обсуждал вопросы фи-

¹ Текущий архив Центра Американская женщина и политика. Connecticut Order of Women Legislators // CAWP News & Notes. October 1993. Vol. 7. № 2. P. 15.

² Текущий архив Центра Американская женщина и политика. Women Legislators of Arkansas // CAWP News & Notes. Spring 1998. Vol. 11. № 3. P. 6.

нансирования комиссии по делам женщин, проверки прошлого водителей школьных автобусов, квалификации приемных родителей, реконструкции груди и др.¹

К новым группам, появившимся в середине и второй половине 1990-х гг. в законодательных ассамблеях штатов, относились *Женщины Генеральной ассамблеи Пенсильвании* (1997), *Женский кокус палаты представителей Нью-Мексико* (1997), *Женщины-законодатели Оклахомы* (1997) и некоторые другие. Не имели своей организации, но встречались неформально по поводу социальных проблем и вопросов женщин законодательницы штатов Айдахо, Вашингтон, Висконгин, Мичиган, Небраска, Орегон, Северная Дакота и некоторых других². В 1998 г. не было женских объединений в законодательных органах штатов Арканзас, Аризона, Делавер, Западная Вирджиния, Канзас, Кентукки, Мейн, Миссури, Монтана, Невада, Нью-Гемпшир, Нью-Джерси, Огайо, Теннесси, Техас, Южная Дакота, Юта, Вайоминг³. Отсутствие объединений женщин в некоторых случаях может объясняться их малой представленностью в законодательных органах (Нью-Джерси — 15,8%, Западная Вирджиния — 14,9%, Теннесси — 13,6%, Юта — 15,4%, Южная Дакота — 17,1%, Вайоминг — 17,8%)⁴, а также субъективными факторами, а именно позицией депутатов-женщин, не желавших ассоциироваться с женскими группами.

Женщины-депутаты федерального Конгресса и законодательных органов штатов обменивались опытом и помогали друг другу посредством создания национальных неформальных сетей. К началу 1970-х гг. в США имелась единственная подобная сеть — *Национальный орден женщин-законодателей (National Order of Women Legislators, NOWL)*. Созданный в 1938 г., он являлся организацией для действующих и бывших женщин-законодателей штатов,

¹ Текущий архив Центра Американская женщина и политика. P.O.W.E.R. (Indiana) // CAWP News & Notes. Spring 1998. Vol. 11. № 3. P. 8.

² Текущий архив Центра Американская женщина и политика. Women's Legislative Organizations: Update 1989 // CAWP News & Notes. October 1993. Vol. 7. № 2. P. 14–16; Women's Caucuses in State Legislatures // CAWP News & Notes. Summer/Fall 1994. Vol. 9. № 3A. P. 24; Women's Caucuses in State Legislatures // CAWP News & Notes. Spring 1998. Vol. 11. № 3. P. 5.

³ Текущий архив Центра Американская женщина и политика. Women's Caucuses in State Legislatures // CAWP News & Notes. Spring 1998. Vol. 11. № 3. P. 5.

⁴ National Directory of Women Elected Officials 1997. Washington, D.C.: National Women's Political Caucus. 1997. P. 46.

функционировавшей на принципе индивидуального членства¹. Для создания финансовой базы NOWL учредил *Национальный фонд женщин-законодателей* (*National Foundation for Women Legislators Inc.*), состоявший как из членов *Национального ордена женщин-законодателей*, так и корпоративных и ассоциированных членов (мужчин и женщин).

Не занимая идеологической позиции, *Национальный орден женщин-законодателей* оказывал интеллектуальную помощь действующим сенаторам и конгрессменам-женщинам в процессе законодательных дебатов и перевыборов. В конечном счете, миссия этой организации состояла в обеспечении женщины ресурсами для эффективной законодательной работы, развития профессионального потенциала по мере достижения ими более высоких позиций на уровне штата или федерации².

К концу 1980-х гг., помимо *Национального ордена женщин-законодателей*, действовали *Национальная организация черных женщин-законодательниц* (*National Organization of Black Elected Legislative Women*, NOBEL/Women), *Женский сетворк национальной конференции законодателей штатов* (*Women's Network of the National Conference of State Legislatures*), к которым в конце 1990-х гг. добавилась еще одна организация: *Женщины в неформальных сетворках* (*Women in Informal Networking GroupS*, WINGS). Таким образом, число национальных сетворков женщин-законодателей достигло четырех.

Национальная организация черных женщин-законодательниц была организована в Филадельфии в конце 1985 г. для улучшения положения женщин афро-американского происхождения³. Она проводила обучение, стимулировала участие черных женщин в общественной политике, предлагала и продвигала законодательство, которое бы привело к улучшению их положения.

Крупнейшей организацией женщин-законодателей стал возникший в 1985 г. *Женский сетворк национальной конференции законодателей штатов*. Все женщины, избранные в местные

¹ Текущий архив Национального ордена женщин-законодателей. National Order of Women Legislators // The Information Packet. Washington, D.C.: National Order of Women Legislators. 1997.

² Текущий архив Национального ордена женщин-законодателей. National Order of Women Legislators // The Information Packet. Washington, D.C.: National Order of Women Legislators. 1997.

³ Текущий архив Центра Американская женщина и политика. The Women's Network. The Network's Resource Directory. 1996—1998. October 1997. Section IV-A. P. 6.

конгрессы, независимо от партийной принадлежности, автоматически становились его членами. Он явился единственным, связанным с национальной организацией — *Национальной конференцией законодателей штатов* (*National Conference of State Legislatures*). Постепенно *Женский сетворк* вырос в высокоуважаемую организацию женщин-законодателей всей страны. Его целью стала поддержка работы женщин в конгрессах штатов, развитие их партнерства и лидерства¹. *Женский сетворк* управлялся Советом из 12 директоров, выбиравшихся на межпартийной основе от регионов страны. Совет директоров собирался в Вашингтоне, по крайней мере, дважды в год. *Женский сетворк* являлся единственной национальной организацией для женщин-законодателей, не взимающей членские взносы. Консультативную и финансовую помощь *сетворку* оказывали представители корпораций, фондов и ассоциаций, объединенные в клуб *Друзей сетворка*. В 1997 г. президентом *Женского сетворка* была избрана сенатор-республиканка из Айовы Магги Тинсман, сменившая сенатора из Пенсильвании Аллисон Шварц².

В 1990-е гг. *Женский сетворк* спонсировал и проводил форумы и семинары для женщин-законодателей, региональные семинары по развитию лидерства; организовывал форумы женщин, впервые избранных в законодательные органы штатов, приемы для женщин-законодателей во время проведения собрания *Национальной конференции законодателей штатов*. Он имел партнерские связи с частным бизнесом, рядом национальных женских организаций и объединял своих членов в рамках неформального сообщества. Хотя сетворк не устанавливал приоритетов в общественной политике и не вырабатывал позиции по юридическим вопросам, он стимулировал женщин-законодателей включаться в работу комитетов и комиссий и выдвигаться на лидерские позиции как внутри *Национальной конференции законодателей штатов*, так и в своих штатах.

Таким образом, важной отличительной чертой общественной жизни США стало создание женских политических сетей, в развитии и поддержании которых важную роль с момента образования в 1971 г. играл нетождественный *Центр «Американская женщина и политика»* (SAWP). Он стал первой организацией в стране, занявшейся сбором информации о женщинах в правительстве и полити-

¹ Network News. Vol. 9. Issue 4. November 1997. P. 8.

² Текущий архив Центра Американская женщина и политика. The Women's Network. The Network's Resource Directory. 1996—1998. October 1997.

ке, а также проведением собственных научных исследований, осуществлением мониторинга статуса и перспектив женщин в политике. Его создатель и бессменный руководитель Рут Мэндел в начале 1995 г. была назначена директором влиятельного в США *Eagleton Institute of Politics*¹. В качестве информационного центра *SAWP* играл важную роль в развитии женского политического нетворка, публикуя для потенциальных кандидатов в своем информационном бюллетене *SAWP News & Notes* списки женщин-кандидатов, координаты женских донорских организаций и *комитетов политических действий*, оказывавших финансовую и иную поддержку женщинам при выдвижении на выборах.

Являясь ведущим в США ресурсным центром накопления, хранения и интерпретации информации, *SAWP* работал с женщинами-лидерами, журналистами, учеными, студентами, правительственными и неправительственными организациями, политическими партиями. Начиная с 1979 г. *Центр* организует регулярные, с периодичностью раз в два года, встречи женщин, избранных законодателями штатов. В 1990-е гг. к организации форумов присоединилась *Женский нетворк национальной конференции законодателей штатов*. Частью программ форумов являлась дискуссия с участием ученых-политологов, профессиональных лоббистов и законодателей об отрицательных и положительных сторонах института лоббирования и его взаимодействия с ветвями власти. Сами же женские организации превратились в важный институт лоббирования в стране, который был официально разрешен законом 1948 г.

Примером активной женской лоббирующей организации является созданная в 1991 г. *Национальная коалиция против рака груди (The National Breast Cancer Coalition)* во главе с Фран Виско. Рак груди стоит на первом месте среди причин смертности женщин 35-44 лет. В конце 1990-х гг. в США 2,6 миллиона женщин жили с этим диагнозом. Ежегодно он ставился более 178 000 женщинам, и более 43 000 ежегодно погибали от этого заболевания². Чтобы изменить отношение общества к болезни, организация выплеснула проблему на первые страницы газет. Перестав быть личной тайной, рак груди оказался одной из наиболее острых проблем национальной повестки. Представители организации стали добиваться

¹ Текущий архив Eagleton Institute of Politics. *SAWP* // New Brunswick: Eagleton Institute of Politics. 1995.

² Текущий архив Национальной коалиции против рака груди. The Second World Conference On Breast Cancer Advocacy – Influencing Change // The Information Package. Washington, D.C.: The National Breast Cancer Coalition 1998.

встреч в Конгрессе и Белом доме. В результате при активном содействии участников *Кокуса Конгресса по женским проблемам* правительственные расходы на финансирование исследований рака груди были увеличены на 86% – с 276 миллионов в 1993 до 513 миллионов долларов в 1997 финансовом году¹. Даже департамент обороны заложил на исследование болезни 17 млн. в 1995 и 100 млн. долларов в 1996 финансовом году². Более того, *Национальная коалиция* вынесла проблему заболевания в международную повестку, сумев организовать и провести в 1997 и 1999 гг. всемирные конференции в Брюсселе с целью определить статус исследований и лечения болезни в разных странах и мобилизовать профессионалов на лоббирование роста ассигнований на борьбу с ней в международном масштабе³. Успешная общественная деятельность *Национальной коалиции против рака груди*, множества других организаций и отдельных активисток, организовававших кампании по лоббированию женских интересов в средствах массовой информации, законодательных и исполнительных органах власти, демонстрирует, что на уровне общественных организаций лоббирование является эффективным и мощным инструментом либо для принятия важных законопроектов в интересах женщин, либо их отклонения.

Принятие антидискриминационных законов, внедрение программ *позитивных действий* в США, изменившиеся информационный фон и система образования стали решающими в переломе общественного сознания. Если в 1970 г. девушки составляли только 5% от числа студентов профессиональных школ юристов и дантистов, то к концу 90-х гг. их количество сравнялось с числом мужчин. Женщина получила юридические гарантии своей гражданской полноценности. Новая действительность оказала глобкое воздействие на повседневную жизнь женщины и ее ожидания. Молодым выпускницам университетов уже не противостоят столь грубые формы дискриминации, с которыми сталкивались их предшественницы. Благодаря прорыву в 1970-е гг. феминистские задачи заняли прочное место в политической повестке. Федераль-

¹ Текущий архив Office of Women's Initiative and Outreach. President Clinton and Vice President Gore: Supporting Women and Families. Washington D.C.: Office of Women's Initiative and Outreach. 1998.

² См.: A Summary of Caucus Activities in the 104th Congress // Update on Women and Family Issues in Congress.

³ Текущий архив Национальной коалиции против рака груди. The Second World Conference On Breast Cancer Advocacy – Influencing Change // The Information Package. Washington, D.C.: The National Breast Cancer Coalition. 1998.

ный закон устанавливает право женщины на равное к себе отношение в учебных заведениях и на работе, и женщины не замедлили воспользоваться этими возможностями. Сегодня почти три четверти замужних женщин с маленькими детьми работают в Америке. Из них 38% работают полный рабочий день и круглый год. Исследование, проведенное в 1995 г. организацией «Whifproo», называет этих женщин «новыми кормильцами», из которых 5% дают половину или более половины семейного дохода¹. В 1991 г. 54% всех степеней бакалавров и магистров и 38% докторских степеней получили женщины. В профессиональной сфере женщины составляют пятую часть всех адвокатов (в 1950 г. эта доля составляла 3,5%), свыше 40% всех преподавателей колледжей (23% в 1950 г.) и около 20% врачей (6% в 1950 г.)². Между тем, 70% американок работают и зарабатывают себе на жизнь в офисах, на предприятиях, в сфере обслуживания и в других профессиональных областях.

Н.А. Шведова, Е.В. Израелян

КАНАДКИ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В 1980—1990-е ГОДЫ

Канада — среди тех государств, которые официально признали равенство по признаку пола одним из принципов демократического правового государства: в 1970—1980-е гг. канадки получили юридическое и конституционное равноправие, закрепленное в Хартии о Правах и Свободах — первой части канадской Конституции (1982 г.). Они сумели добиться существенных сдвигов в политической сфере: создана структура правительственных учреждений, занимающихся проблемами женщин. Канада — одна из немногих стран, имеющих Министерство по положению женщин — специальное ведомство, отвечающее за улучшение положения женщин. Правительство Канады уделяет серьезное внимание реализации равноправия в своей внутриполитической деятельности. Им предприняты разносторонние и зачастую новаторские шаги в этом направлении: создан продуманный и эффективный механизм по делам женщин, проводятся широкие программы по борьбе с насилием.

¹ Фолтер-Барнс Сюзанн. Баланс между работой, семьей и требованиями закона // США: Общество и Ценности. Электронный журнал ЮСИА, том 2, № 2, июнь 1997 г.

² Харрисон Синтия. От домашнего очага к государственному управлению: роли женщины в американском обществе // США: Общество и Ценности. Электронный журнал ЮСИА, том 2, № 2, июнь 1997 г.

лием против женщин, принят Федеральный план обеспечения гендерного равенства к 2000 г.

Правительства Канады постоянно вводят женщин в состав Кабинета, где они занимают ключевые министерские кресла, а также в состав Верховного и Апелляционного судов страны. В 1993 г. премьер-министром Канады стала женщина — Ким Кэмпбелл. В 1999 г. впервые пост Председателя Верховного Суда заняла женщина.

Канада подписала и ратифицировала ряд международных документов, регулирующих положение женщин, включая Конвенцию ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979). Все это сыграло свою роль в том, что Канада стала признанным мировым сообществом лидером в сфере защиты прав женщин, выступившим с рядом полных и конструктивных инициатив в Комиссии ООН по положению женщин, Комиссии ООН по правам человека, на встречах стран Содружества и на других международных форумах.

Однако это не означает, что «женский вопрос» в Канаде окончательно и безусловно успешно решен, что канадские женщины не подвергнутся дискриминации и добились полного равноправия и паритета. В 1999 г. женщины занимали лишь 19,9% мест в Палате Общин и 29,5% в верхней палате парламента Канады. В Кабинете Министров Канады менее 25% женщин, а в законодательных органах провинций и территорий женщинам принадлежат 20,11% мест¹. Кроме того, при полной занятости женщина в среднем зарабатывает на 27,5% меньше, чем мужчина (это соотношение почти не изменилось за последние 5 лет). И, наконец, проблема насилия в отношении женщин все еще не теряет своей актуальности. Из этого следует, что и канадское общество, как и многие другие в мире, несмотря на впечатляющие позитивные сдвиги в статусе женщин во всех сферах жизни, функционирует таким образом, что допускается дискриминация по признаку пола. Канадские женщины не получают своей «справедливой доли» возможностей и благ, соразмерных с их вкладом в развитие государства.

Вместе с тем опыт Канады, которая уже добилась весомых результатов и успехов в поиске решений многих гендерных проблем и которая продолжает глубоко и заинтересованно работать над ними как внутри страны, так и на международной арене, может помочь осмыслить положение женщин, глубже понять общее и специфическое для каждой страны, стоящей перед необходимостью решения женского вопроса как части проблемы паритетной демократии.

¹ Women and Men in Canada: A Statistical Glance, 1999. (Status of Women Canada — Beijing + 5. Women in Power. Facts and Figures.

1. Некоторые факты о положении женщин в Канаде

Канадки составляют 52% населения, причем большинство из них работают. В 1968 г. лишь 37% женщин были заняты на рынке труда, в 1978 г. — 48%, в середине 90-х гг. — 56%, в конце 90-х гг. — 60% (среди мужчин — 74%). В 90-х гг. канадские женщины включались в рынок труда темпами, несопоставимыми с темпами в других промышленно развитых странах: 73% увеличения рабочей силы приходилось на них. В результате женщины составляют 45,7% работников наемного труда. В середине 90-х гг. более 70% наемных работников-женщин против 31% наемных работников-мужчин были задействованы в традиционных сферах женской занятости: здравоохранении, среднем образовании, торговле, услугах, секретарских и канцелярских работах. Почти 21% женщин и 13% мужчин от общего числа работающих в стране заняты на т.н. «профессиональных» должностях¹. Женщины составляют 69% всех частично занятых работников. Более 25% всех работающих по найму женщин заняты частично, по сравнению с 9% мужчин². Женщины сами выбирают неполную занятость из-за семейных обязанностей, но более трети частично занятых заявляют, что предпочли бы полный рабочий день, но не могут найти такой работы. В настоящее время для женщин и мужчин старше 25 лет уровень безработицы 5,6% (в 1993 г. он составлял у женщин 9,8%).

Средний годовой доход и средняя зарплата женщин продолжают расти, однако все еще наблюдается тенденция к более низкой оплате женского труда: за последнюю четверть века доход женщин (из всех источников), по сравнению с мужским, вырос незначительно — всего на 8%. В 1997 г. он составлял 61,8% от средних доходов мужчин, а в 1999 г. — 72,5%. При полной занятости среднегодовой доход канадки с дипломом университета (со степенью магистра или бакалавра) — 42660 канадских долларов и с дипломом о среднем образовании — 27500 долларов. Заработок канадки с университетской степенью, занятой полный рабочий день, составляет 74% от среднегодового дохода мужчины; канадка с дипломом о

1 Преобладание женской рабочей силы в этой категории происходит за счет большого числа женщин-преподавателей и медицинских сестер, трудовая квалификация которых относится к категории «профессиональных» должностей. В строительстве их ничтожное количество — лишь 0,3%, а мужчин — 11,3%; в промышленности — 5,9%, мужчин — 18,5%. Положение в этих сферах практически не изменилось с середины 80-х гг.

2 Харви Кран. Нестандартная работа на подьеме. Прогнозы по труду и доходам // Статистика Канады. Зима 1995. С. 35-42.

высшем образовании получает 71% от среднего заработка мужчины¹. Наличие детей является основным фактором различия уровней заработной платы женщин и мужчин. Другие факторы, например, возраст или образование, играют второстепенную роль. При этом почти нет разницы в зарплате незамужних женщин и женатых мужчин в возрасте до 25 лет. 51% матерей-одиночек — матери-миллионеры, среднегодовой доход которых составлял 22 609 долларов, а семей с двумя родителями — 55 705 долларов. (По официальным данным, в начале 90-х гг. уровень бедности для семьи из 4 человек в большом канадском городе составлял 24700 долларов.) Бедность в Канаде, по-прежнему, имеет «женское лицо».

В середине 90-х гг. более половины (56%) женщин с детьми в возрасте до 3-х лет работали по найму². К концу 90-х гг. 15% женщин и 9% мужчин в возрастной группе от 25 до 54 лет обеспечивали неоплачиваемый уход за детьми и пожилыми родственниками. Женщины выполняют 2/3, а мужчины 1/3 объема неоплачиваемой домашней и по уходу за детьми работы. 6 месяцев после рождения ребенка — для большинства женщин срок возвращения на работу. В 1998 г. 64% девушек в возрастной категории 22-24 года, имевшие на руках детей, оставили среднюю школу (по сравнению с 28% молодых мужчин)³. Мужчины, обретая семью и детей, не страдают от потери в заработках, поскольку их обычный ритм работы вне дома в целом не меняется.

Дипломы о среднем или высшем образовании в 1999 г. имели 89% женщин, из них 28% получили дипломы об окончании высшего учебного заведения и 14% — степени в университетах. Среди студентов 52% женщин-студенток колледжей, 55% — университетов, 51% — среди добивающихся степени магистра и 43% — среди аспирантов⁴. В период с 1981 по 1994 г. с 21% до 34% выросла доля женщин, изучавших традиционно «мужские науки». Некоторые области подготовки в высшей школе, включая такие, как юриспруденция, политическая наука и стоматология, стали гендерно-нейтральными⁵. Вместе с тем Канада остается позади промышленно

1 Харви Кран. Нестандартная работа на подьеме. Прогнозы по труду и доходам // Статистика Канады. Зима 1995. С. 2-3.

2 Статистика Канады. Женщины в Канаде: Статистический доклад. С. 26.

3 Там же.

4 Women and Education and Training. Status of Women. p.2. <http://www.swe-gc.ca/publish/beijing5/education-training-e.html>.

5 Там же. С. 2.

развитых и многих развивающихся стран по числу женщин в рядах студентов в сферах точных наук и инженерного дела.

Дискриминация по признаку пола — одна из самых распространенных причин подачи в середине 90-х гг. жалоб в адрес Канадской Комиссии по правам человека¹.

2. Женщины и бизнес

Экономическое положение канадок в значительной степени изменилось к лучшему благодаря государственной поддержке, выраженной в проводимом правительством курсе. Политика нацелена на создание стимулирующих условий для развития женского предпринимательства, поскольку большинство женщин занято в мелком бизнесе. Такие меры правительства, как благоприятное налогообложение, кредитная политика, вспомогательные программы, сыграли позитивную роль и продолжают оказывать положительное воздействие на становление женского бизнеса. В системе мер особую роль сыграла *Национальная политика* по предпринимательству, впервые одобренная федеральным правительством в 1988 г. и призванная улучшить климат для предпринимательства в стране. Чрезвычайно важным в ней было то, что развитие женского бизнеса признавалось приоритетным направлением. С тех пор и по настоящее время целый комплекс программ по поддержке женского среднего и мелкого предпринимательства был осуществлен и продолжает внедряться, способствуя вхождению женщин в сферы делового мира².

Результат не преминул сказаться: последние годы стали свидетелями стремительного роста числа женщин, открывающих свое дело. В середине 90-х гг. женщины составляли 32% работающих по самонайму и 22% — собственников компаний, зарегистрированных как корпорации³. За относительно короткий период, с 1981 по 1994 г., ряды предпринимательниц удвоились, что привело к созданию множества новых рабочих мест⁴. В 1997 г. канадки-предпринимательницы создали больше рабочих мест, чем 100 канадских крупнейших компаний⁵. На рубеже XXI в. канадки начали свое дело в 2 раза

¹ Комиссия по правам человека. Ежегодный доклад 1994. Оттава: Министр снабжения и служб, 1995. С. 88.

² Так, только число женщин, управляющих фермами, утроилось, среди них 23 тыс. женщин владеют собственностью фермы.

³ Статистика Канады. Ежегодные показатели трудовых ресурсов 1995. Оттава: Министр Промышленности, 1996. С. В-37. Таблица 13.

⁴ Канадская Федерация Независимого Бизнеса. Двойной стандарт: Проблемы финансирования, стоящие перед женщинами-владельцами бизнеса. Отчет: Канадская Федерация Независимого Бизнеса, 1995. С. 1.

⁵ Statistics Canada, 1999.

чаще, чем мужчины. (Тенденция — аналогична США). Женщинам принадлежит 1/3 мелкого и среднего бизнеса¹. (Для сравнения: в США женщины владеют 40% такой категорией бизнеса).

Меняются позиции женщин и на высших управленческих должностях в экономике. В период с 1994 по 1999 г. женское представительство на старших управленческих позициях увеличилось с 19,8% до 26,8%. Однако женщины во всех управленческих категориях представлены почти на том же уровне — 35,1%. На командных же позициях в канадских корпорациях женщины составляют 12% (690 из 5746). Прогресс здесь относительно медленный: ведь почти 25% канадских крупных корпораций вообще не имеют женщин в составе высшего управленческого аппарата, и всего 12 (или 2,1%) из 560 самых крупных корпораций возглавляются женщинами². (Для сравнения: в США 3% женщин на высших исполнительных позициях в 500 крупнейших компаниях). Как видно, ситуация вполне сопоставима и характеризуетесь аналогичной тенденцией — доступ женщин к рычагам экономической власти затруднен даже по сравнению с их участием в политике на уровне принятия решений.

Очевидно, что экономические рычаги находятся главным образом в руках одной гендерной группы, что, в свою очередь, означает отсутствие гендерной сбалансированности в распределении экономической власти, ответственности и доступе к ресурсам. Канадки, как и женщины многих других стран мира, сталкиваются с барьерами на пути развития собственного крупного бизнеса. Эти препятствия оказываются типичными, они интернациональны по своему характеру. Среди них следует выделить ключевые: ограниченный доступ к финансово-кредитным потокам; дискриминация по признаку пола, осложненная национальными, этническими, культурными и другими факторами; необходимость сочетания семейных, репродуктивных и родительских обязанностей; маскулинизирующая модель жизнедеятельности мира бизнеса; глобализация экономики, обостряющая международную конкуренцию; недостаточная представленность женщин на уровне принятия решений во всех сферах жизни, включая экономическую; недостаток осознания существующих специфических барьеров для женщин как социальной группы на пути в “большой” бизнес; наследие исторической дискриминации женщин, неравенство “де-факто”; живучесть гендерных стереотипов и предрассудков.

¹ Statistics Canada, 1999..

² Catalyst Census of Women Corporate Officers in Canada 1999.

Так, согласно исследованию, проведенному Канадской Федерацией Независимого Бизнеса, женщины-собственницы имеют гораздо больше шансов получить отказ в кредите от финансовых институтов по сравнению с мужчинами-владельцами даже при условии одинакового владения собственностью¹. В случае же предоставления финансирования при одних и тех же характеристиках женщины-предпринимательницы платят более высокие процентные ставки за кредит, чем их коллеги-мужчины.

Некоторые деловые женщины и мужчины считают, что не существует дискриминации по признаку пола в сфере кредитования, однако систематический анализ показывает, что она существует. Женщины, представительницы коренного населения, которые владеют собственным бизнесом, сталкиваются с еще большими сложностями на старте своего дела, их доступ к кредитным потокам значительно затруднен². На самом деле деятельность финансовых институтов регулируется федеральным правительством, что создает возможности для партнерства в решении проблем дискриминации по признаку пола в части доступа к кредитам.

Таким образом, положение женщины в канадской экономике противоречиво: наряду с несомненным улучшением экономического статуса, повышением образования и расширением доступа к престижным профессиям, заметным проникновением в ряды собственников, в целом женское население Канады беднее, чем мужское, и продолжает испытывать на себе дискриминацию на рабочем месте. Неслучайно в стране сложилась несколько парадоксальная ситуация: с одной стороны, Канаде, по признанию исследователей, проведенных под эгидой ООН, уже в середине 90-х гг. принадлежало первое место в мире по показателю «человеческого развития», а с другой, при введении критерия, характеризующего положение женщин, страна перемещается на второе место. Однако с учетом уровня женской зарплаты по отношению к мужской, то Канада оказывается на 47 месте из 55 стран мира, которые были исследованы. Иными словами, она оказалась позади всех индустриально развитых стран, включая своего самого крупного торгового партнера, ее опередили многие развивающиеся страны³. Вместе с тем государственные стратегии предпринимательства и

1 Собственность владений сравнивалась по таким характеристикам, как размер бизнеса, возраст, сфера деятельности, объем продаж и другим показателям.

2 Экономическое развитие для канадских женщин-представительниц коренных народов. (EDCAW). Доступ к финансовым институтам. Оттава: EDCAW, 1993.

3 ООН. Доклад о развитии человека. 1995. Оксфорд: Оксфорд Юниверсити Пресс, 1995. С. 36.

создания новых рабочих мест выигрывают от признания женских интересов и успеха развития женского предпринимательства.

3. Женщины и власть

Своеобразный «прорыв» женщин Канады в область политики, освоение всего ее пространства началось в период, объявленный ООН «Десятилетием женщины» (1976—1985). На всех уровнях власти — от местного до федерального — женщины активно включались в работу, добиваясь выборных должностей. Повышение их участия в политической жизни общества становится заметным, что свидетельствует об изменении статуса женского населения как социальной группы.

В этих условиях политические партии были вынуждены изменить всю систему своих отношений с женской частью общества, превращающейся в самостоятельную активную часть электората, от поведения и выбора которой в значительной, если не в решающей степени, зависят результаты любых выборов в стране. «Женское» голосование становится оценочным суждением, все более сознательно исходящим из собственных запросов и нужд. В предвыборные платформы кандидатов на высшие государственные посты включаются, по крайней мере формально, женские вопросы и требования. Примечательно, что с середины 80-х гг. партии различного толка — от праворадикальных до радикально-левых — уделяют внимание женским вопросам. Все они озабочены привлечением женщин в свои ряды, их продвижением по лестнице партийной иерархии, выдвижением на высокие государственные должности. Отвечая новым требованиям дня, 3 ведущие политические партии Канады учреждают в партийных структурах специальные подразделения по делам женщин. В результате в период с 1974 по 1988 г. доля женщин-кандидатов в высший законодательный орган выросла с 9,4% до 19,2%, т.е. более чем удвоилась, и удвоилось число женщин, избранных в 1988 г. в Палату общин высшего законодательного органа Канады¹. Причем женщины завоевали 12 новых мест в Палате.

1 По партийному признаку женщины-кандидаты распределялись следующим образом: от Прогрессивно-консервативной партии Канады в выборах участвовали 37, победили 21; от Либеральной — 53, выиграли — 13; от Новой демократической — 84, победили — 5 (в предыдущих выборах расклад был соответственно: 23 — 19, 47 — 5; 64 — 3). Самое большое число женщин-кандидатов выдвинула Новая демократическая партия, которая, однако, одержала незначительную победу. Прогрессивно-консервативная партия, по списку которой баллотировалось самое малое число женщин-кандидатов по сравнению с двумя другими, провела в парламент самое большое их число. Существует ряд причин, объясняющих это положение, важнейшие из которых связаны как с общей социально-экономической ситуацией, так и с конкретным влиянием и престижем партий.

В целом, однако, темпы роста числа женщин-кандидатов и избранных в парламент оставались недостаточными для преодоления неравенства в представительстве женского и мужского населения страны. В Канаде велись активные дискуссии по этому вопросу. Утверждалось, в частности, что одна из причин диспропорции власти кроется в отсутствии соответствующих партийных инструкций по увеличению числа женщин на высших политических постах. Многие высказывали опасения, что при заполнении женщинами политических должностей такими темпами, как это происходило, и при неизменном (295) числе мест в высшем законодательном органе, понадобится 9 федеральных избирательных кампаний, или полстолетия, прежде чем равное число мужчин и женщин будет избрано в Палату общин.

При наличии политической воли существует надежда на активизацию процесса увеличения числа избранных женщин. Примерение системы квот при проведении национальных съездов политических партий расценивается многими канадскими специалистами как мера, способная создать условия для равенства женщин и мужчин в политическом процессе.

В начале 90-х гг. на съезде Либеральной партии Канады Шейла Коре вступила в борьбу за место лидера партии. Съезд был создан по правилам новой процедуры, согласно которой устанавливалась система равных гендерных квот, т.е. равного количества мужчин и женщин в руководстве партии. Впервые в кампании за лидерство в партии федерального масштаба была применена женская/мужская система квот. По новым правилам каждая партийная структура избирает на съезд 12 делегатов, в число которых должны войти 4 мужчины, 4 женщины и 4 молодых человека до 30 лет. Причем молодые люди также должны быть представлены по 2 человека обоего пола. Однако все либералы — члены парламента и сенаторы (в большинстве мужчины) наделяются статусом делегата национального съезда. В результате общее число делегатов складывается не в пользу женского представительства.

Тодом ранее, в 1989 г., на съезде Новой демократической партии впервые лидером избирается женщина — Одри Мак-Лафлин. Характерно, что НДП не вводила системы квот. Более того, как правило, она набирает до 30% своих делегатов на съезд из рядов профсоюзов, среди членов которых преобладают мужчины. Тем не менее низовые партийные организации стремятся послать значительное число женщин на свои съезды, что связано с их растущим влиянием на местах. Правда, НДП резервирует половину из 20 мест в исполнительных органах партии для

женщин, используя практически систему квот для заполнения должностей внутри партии.

Правила выбора делегатов на национальные съезды Прогрессивно-консервативной партии предписывают, чтобы каждое партийное объединение на местах избирало 6 человек, включая по меньшей мере 1 мужчину и 1 женщину. Такая система технически не препятствует гендерному паритету на съездах, но она и не уско-ряет его появления.

Безусловно, был достигнут прогресс в завоевании женщинами высших законодательных постов на уровне федерального правительства, но он не изменил кардинально соотношения в целом. Иная картина на уровне регионов — провинций и территорий: в 80-е гг. все территории и провинции увеличили представительство женщин в законодательных органах регионов¹. Однако ни в одном регионе число женщин-парламентариев не приблизилось к 50%.

Заметное число женщин было назначено на государственные посты на уровне регионов. Участие женщин в местных органах власти, особенно в больших городах, значительно. Так, 9 из 12 крупных канадских городов имели больше 25% женщин в городских органах власти². По мнению канадских экспертов, женщины удачливее на местных выборах, поскольку избирательная кампания на местном уровне требует относительно небольших средств, которые женщинам под силу собрать. Кроме того, местные выборы не требуют чрезмерного пренебрежения семейными обязанностями, как в случае с федеральными и с провинциально-территориальными избирательными кампаниями, изобилующими поездками по стране, что нелегко дается многим женщинам.

Следует подчеркнуть, что на рубеже веков каждая крупная политическая партия Канады учредила программы, нацеленные на продвижение и поддержку женщин-кандидатов на федеральном уровне. Причем эти программы основаны на здравом смысле и отличаются реалистичным характером: меры или проекты, намеченные в них, предусматривают такой спектр жизненных обстоятельств, без преодоления которых, именно женщинам трудно присту-

¹ Их число колебалось от 25% (Юкон) до 3,8% (Ньюфаундленд). Такие провинции и территории, как Онтарио, Альберта, Новый Брунсвик и Остров Принца Эдварда, в 1989 г. более чем удвоили представительство женщин в законодательных органах по сравнению с 1986 г.: соответственно с 7,2 до 16,1%, с 7 до 15,6%, с 6,1 до 12%, с 6,2 до 21,8%.

² Город Эдмонтон стал в своем роде рекордсменом по представительству женщин: почти 54% женщин в городском совете и пост мэра принаследжал женщине — Ж. Ример.

пать к участию в любом избирательном марафоне. Такие программы включают мероприятия от кампаний по сбору средств для женщин-кандидатов, в т. ч. и гранты для детских учреждений, до помощи в организации функционирования домашнего хозяйства и компенсации потери зарплат. При этом, конечно, значительное внимание уделяется проблеме финансирования кампаний и механизмам достижения большего гендерного паритета в исполнительных, законодательных и других ветвях государственной власти.

В стране наблюдается отчетливая стабильная и поступающая тенденция к росту представительства женщин в высшем законодательном органе страны: доля женщин в Палате общин федерального парламента с 1980 по 1995 г. возросла более чем втрое. По этому показателю Канада занимала в середине 90-х гг. 9-е место среди промышленно развитых стран. После федеральных выборов 1997 г. представительство женщин в Палате общин Парламента Канады еще больше возросло (с 18% накануне выборов до 21,3%). Правда, в 2000 г. оно снизилось до 19,9% членов Палаты общин. Однако это не меняет главного направления вектора развития канадской паритетной демократии.

Таким образом, в современной Канаде неуклонно возрастает роль женщин в политической и государственной структурах власти. Однако достижение подлинного равенства продолжает оставаться актуальной задачей. Канадское женское движение является ключевым политическим и социальным фактором в ее решении.

4. Женское движение

Именно активное, инициативное и настойчивое женское движение, постоянно работающее над повышением своего профессионального и политического уровня, послужило главным фактором создания в Канаде национальной системы интеграции интересов женского населения, ставшей известной как государственный механизм по статусу женщин. По инициативе женского движения и под его неослабевающим давлением в Хартию прав и свобод в 1985 г. была включена статья о равных правах женщин и мужчин. Женским группам и организациям удалось добиться и того, что обсуждение женских проблем в общенациональных телевизионных дебатах, проходящих в ходе избирательных кампаний, стало традиционным для практически всех избирательных кампаний 80—90-х гг. Это позволяло привлекать внимание властей и общества к повседневным трудностям канадок, а также, сопоставив в дальнейшем реальные действия и предвыборные обещания того или иного политика, определить его истинное лицо. Помимо того, женское движение заставило правительство повернуться к проблеме насилия в семье и предпринять решительные шаги по его иско-

рению. Но особая заслуга женских организаций лежит в плоскости формирования самосознания канадок, в росте их самооценки, чувства собственного достоинства, основанного на признании права на собственный выбор роли в обществе, не ограничиваясь единственной извечной ролью «хранительницы домашнего очага», полностью подчиненной представителям «сильного пола».

В 80-е гг. в Канаде создаются специальные женские группы и организации, ставившие перед собой цель способствовать продвижению женщин на выборные должности, активизировать участие женщин в политической жизни страны. Появление таких специфических политических организаций в женском движении шло в русле общей тенденции специализации многочисленных женских общественных объединений, которые стали концентрировать свою деятельность на определенном круге вопросов. Политические партии также предпринимали шаги по вовлечению женщин в политическую деятельность, стремясь соответствовать новым реалиям дня и не потерять существующую поддержку среди женщин-избирательниц.

Как старые, так и новые женские организации проводят специальные семинары, конференции, симпозиумы по политическим проблемам, о роли женщин в политике. Ведется заметная работа по подготовке женщин-кандидатов, претендующих на участие в избирательных кампаниях различного уровня, издается и распространяется специальная литература. Хотя многие женские группы действуют разрозненно, однако заметна тенденция к росту понимания среди женского движения тесной взаимосвязи между социальными переменами и политической властью. Однако среди феминистских групп не существует едиобразного понимания того, что означает «политическая власть, сила». Что подразумевается под политической властью: количественное присутствие женщин в официальных органах власти или влияние на них? Ответ на этот вопрос определяет стратегию и тактику деятельности женских организаций. Как отмечает Сильви Пакерот, столкнувшись с властью, все женщины, феминистки или нет, обнаруживают, что они перед выбором трех возможных путей: стать частью существующей политической власти и найти возможную позицию внутри нее, бросить вызов существующей политической власти через участие в партиях или оставаться на обочине установившихся структур, чтобы оказывать давление и ниспровергать.

Многие канадские феминистки отвергают первую стратегию и отказываются принимать существующие политические институты, основанные, по их мнению, на исключении женщин из общественно-политической жизни и покоящиеся идеологически на мужских патриархальных ценностях.

Но существует среди феминистского движения и иная точка зрения: возможно и необходимо работать в рамках реальных политических структур и органов политической власти, поскольку они имеют колоссальное влияние на жизнь женщин. При этом необходимо верить, что эти институты благодаря широкому женскому участию могут быть изменены быстрее и эффективнее изнутри, чем извне. Ими признается также, что политическая власть не ограничивается лишь парламентом страны, законодательными органами провинций и территорий, муниципальными советами. Широкое толкование «политической власти» включает «влияние на принятие решения по вопросам общего интереса».

Такое видение означает отказ от традиционного подхода, при котором государство ставится в центр политической власти. Отсюда политическая роль женщин может быть гораздо значительнее, если учесть их активную позицию в различных формах общественной жизни — в общине, на местах. Женщины в центре практически всех добровольческих обществ. Женщин гораздо меньше, чем мужчин, на политическом Олимпе, в иерархических политических структурах, они — у основания пирамиды, на местах, и это характерная особенность существующей политической культуры, с трудом поддающейся изменениям.

Объясняя слабое представительство женщин в политическом процессе, канадские специалисты, как правило, указывают на 3 основные причины: во-первых, социально-экономические условия, не позволяющие средней канадской женщине заниматься «большой политикой»; во-вторых, неспособность политических партий определить в своих концепциях гендерные роли и женские семейные обязанности в соответствии с требованием сегодняшнего дня; в-третьих, низкую организационную культуру политических партий, не способствующую участию в них женщин; живучесть отталкивающих женщин предрассудков в высших эшелонах партийной мужской элиты.

Политические женские организации ставят своей целью преодолеть барьеры на пути интеграции женщин в политический процесс страны. В стране действуют различные женские неправительственные организации (НПО), среди которых можно выделить такие, как: Комитет национального действия по положению женщин¹, «Голос женщин Канады за мир»², «Канадские женщины за политическое представительство»³, Канадская Федерация женщин с университетским образованием⁴. Список женских политических организаций мог бы быть продолжен. Так, только в провинции Квебек действуют 3 влиятельнейшие женские общественные организации: Ассоциация женского образования и социальных действий (The

Association féminine d'éducation et d'action sociale, AFEAS). Федерация женщин Квебека (The Federation des femmes du Québec, FFQ) и Женские группы за доступ к политической и экономической власти (Femmes regroupées pour l'accès au pouvoir politique et économique, FRAPPE), которые проявляют серьезную заботу о реальном равенстве женщин. Они организуют широкие обсуждения проблемы «Женщины и политика» с привлечением ведущих политических партий, по их инициативе создаются политические клубы на местах, проводится заметная исследовательская работа.

В целом женские НПО ведут широкую лоббистскую работу в правительственных и парламентских кругах, а также образовательную деятельность для широкой общественности. Они проводят активные избирательные кампании, призывая женщин использовать свой голос для защиты своих интересов, оказывают поддержку на выборах тем кандидатам, которые включают в свою платформу женские вопросы. Так, в арсенале Комитета национального действия по положению женщин такие формы работы, как рассылка женщинам специального издания «Руководство НАС для избирателей», где разъясняется положение женщин Канады во всех сферах жизни, указываются самые болезненные проблемы и предлагаются пути их решения, дается позиция ведущих политических партий по интересующим проблемам и объясняется значение той или иной законодательной меры. «Руководство» содержит список вопросов (как подсказка-критерий), которые необходимо задать своим кандидатам, чтобы выявить позицию претендентов по важнейшим проблемам с точки зрения интересов женщин. Обозначенная позиция доводится до сведения широкой канадской общественности. С середины 90-х гг. Комитет начал проводить серию общенациональных кампаний за справедливость и равенство, против сокращения расходов на социальные нужды и свертывания социальных программ. Формы выражения протеста — самые различные. В их числе организация демонстраций против введения оплаты за право въезда в Канаду для беженцев и иммигрантов, распросмотрение информационных листовок, маек и значков с требованиями участия акций, проведение совместно с крупнейшим профсоюзным центром страны Канадским Рабочим Конгрессом

¹ Комитет национального действия по положению женщин (The National Action Committee on The Status of Women, NAC) — национальная общественная организация, история существования которой насчитывает почти 30 лет, основана в 1972 г. Она объединяет свыше 600 женских групп, организаций и объединений, являясь едва ли не самой крупной и влиятельной женской организацией Канады.

сом в мае — июне 1996 г. марша против нищеты под лозунгами “За хлеб и розы! За рабочие места и справедливость!” Порой акции неожиданны и даже экстравагантны, например, посылка в середине 90-х гг. их участницами старых туфель в знак несогласия с распределением бюджетных средств. Женские НПО стремятся поддерживать контакты друг с другом. Как правило, они выпускают свои информационные листки или бюллетени.

Таким образом, в Канаде, как и в других странах т.н. “устоявшейся демократии”, женские НПО действуют как эффективные общественные лоббистские группы, отстаивающие в правительстве интересы женского населения, что равно общественным интересам, поскольку речь идет о потребностях, ожиданиях и чаяниях большей половины населения страны. Под давлением активной женского движения правительством была учреждена специальная Королевская комиссия по делам женщин. Именно женские организации подвержают самому тщательному контролю деятельность правительств разных уровней по осуществлению одобренных программ, касающихся положения женщин. Они поддерживают постоянные связи и контакты с Кабинетом министров, комитетами парламента. Так, министр финансов в процессе подготовки федерального бюджета стремится ознакомиться с позицией женских, как и других, общественных организаций, прежде чем будут представлены правительственное решение и предлагаемый план действий.

Женское движение в Канаде представляет собой заметную политическую силу, заставляющую считаться с собой политических, партийных и государственных деятелей. В ходе последних избирательных кампаний женские организации добились согласия трех ведущих партий участвовать в общенациональных телевизионных дебатах, на которых им задавались вопросы о положении женщин и выяснялась позиция партий в отношении путей и средств решения женских проблем. Таким образом привлекается внимание всей страны к острым женским проблемам и обнаруждается предлагаемая лидером каждой партии политика в отношении женщин. Женские организации следят внимательно за такими дебатами, а затем сопоставляют реальные действия политиков с их предвыборными обещаниями, о чем информируют общественность, помогая определять истинное лицо той или иной партии и политического деятеля.

И наконец, неопценима заслуга женского движения, которое, конечно, разнолико и по социальному составу, и по идеологической направленности, в формировании самосознания женщин в рамках мировоззрения, разделяющего взгляд на женщину как на

субъект истории, что дает женщине право на собственный выбор роли в обществе. Если согласиться с тем, что главной функцией любого женского движения является работа по подъему самосознания женских масс в духе гендерного равенства и справедливости, то нельзя не заметить, что канадское женское движение развивается именно в этом направлении, и оно накопило бесценный опыт в этом отношении.

5. Национальный механизм улучшения положения женщин Канады

Широкомасштабная государственная политика на основе гендерного подхода, одобренная канадским федеральным правительством в 1995 г., зиждется на ранее проявившейся приверженности целям равенства мужчин и женщин. В 1976 г. было создано Министерство по положению женщин, задача которого содействовать интеграции интересов женщин в процесс универсального принятия решений правительством. В 1985 г. были введены части разделов 15 и 28 Канадской хартии прав и свобод, запрещающие дискриминацию по признаку пола¹. В 1995 г. Канада одобрила Платформу действий ООН и «План действий по гендеру и развитию содружества», оба документа призывают к проведению гендерного анализа.

Анализ на принципах гендерного подхода — это процесс оценки оказываемого на женщин и мужчин воздействия предлагаемых или существующих курсов политики, программ и законодательства. Первоначально считалось, что равенство может быть достигнуто посредством предоставления женщинам и мужчинам тех же самых (одинаковых) возможностей, на том основании, что это принесет одинаковые результаты. Однако было обнаружено, что одно и то же отношение необязательно приводит к равным результатам. Гендерное равенство, таким образом, есть *равная оценка обществом двух составляющих: схожести и различия ролей, которые они играют*.

¹ Часть 15 гарантирует женщинам и мужчинам равенство перед законом. Этот принцип применяется ко всему законодательству, и он является главенствующим для всех других законодательных актов. Равенство не означает одинаковое обращение со всеми группами для достижения истинного равенства; во многих случаях необходимо развивать отношения с различными индивидуумами и группами по-разному. Как намерение, так и результат политики должны обеспечить равенство женщин и мужчин. Политические курсы, которые появляются как “нейтральные”, могут привести к дискриминации в том случае, если в результате проведения их в жизнь закрепляется дисбаланс статуса женщин и мужчин в обществе.

Различное влияние политических курсов, программ и законодательства на женщин и мужчин часто может быть замаскировано или неясно, смутно выражено. При наличии гендерного подхода в анализе политического курса это воздействие, влияние, оказываемый эффект обнаруживаются, вскрываются, и прежде скрытые, «спрятанные» выводы появляются на свет.

Сегодня, понятие *“равенства”* признает, что различное отношение к женщинам и мужчинам необходимо для достижения равных (одинаковых) результатов, потому что существуют различные жизненные условия или для того, чтобы компенсировать дискриминацию в прошлом. Такое толкование равенства включено в Канадскую хартию прав и свобод. Иными словами, гендерное равенство предполагает, что женщины и мужчины имеют равные условия для реализации в полной мере прав человека и потенциал для того, чтобы вносить свой вклад в национальное, политическое, экономическое, социальное и культурное развитие и пользоваться его результатами. *Гендерная справедливость — это процесс справедливого отношения к женщинам и мужчинам.* Чтобы обеспечить справедливость, часто необходимы специальные меры для компенсации исторических и социальных упущений, невыгодного положения, которые мешают женщинам и мужчинам занимать равные позиции. Справедливость ведет к равенству, которое означает, что женщины и мужчины обладают одинаковым статусом и положением.

Таким образом, гендерный анализ — это инструмент для понимания социальных процессов и для поиска ответов на вопросы при наличии информированных и справедливых вариантов. *Гендерный анализ позволяет увидеть и сравнить: как и почему политические проблемы влияют на женщин и мужчин?* Гендерный анализ позволяет проводить и реализовывать политические курсы, в которых учитываются гендерное различие, характер отношений между женщинами и мужчинами, а также их специфические социальные реальности, жизненные ожидания и экономические обстоятельства. Гендерный анализ подвергает сомнению утверждение о том, что любой человек, независимо от пола, испытывает одинаковое воздействие политических курсов, программ и законодательства. Такое представление именуется как *“гендерно-нейтральная политика”*.

Анализ политических курсов, программ и законодательства неполон, если в нем не рассмотрено воздействие с точки зрения влияния планируемых или проводимых мероприятий в стране на оба пола — женщин и мужчин. Этот подход определил модель национального механизма «интеграции интересов женщин», призванного учитывать интересы женщин от первой до последней стадии выработки как общих, так и конкретных направлений госу-

дарственной политики. Было бы ошибкой сводить национальный механизм по регулированию положения женщин только к наличию структурных подразделений в аппарате исполнительной и законодательной власти. Национальный механизм имеет три основных измерения: правовое; организационное; содержательное.

К правовому измерению относится система законодательных актов, регламентирующая взаимоотношения государства и женского населения, определяет права и обязанности сторон. (По опыту Канады — это Канадская хартия прав и свобод, закон о справедливом найме и др.) Мы остановимся на двух других измерениях.

Организационное измерение. В чем суть интеграционной политики с точки зрения организационного измерения? Она заключается в том, что ответственность за разработку и проведение в жизнь государственных программ, законодательства во всех сферах деятельности государства, так или иначе оказывающих влияние на жизнь женщин (а это и развитие промышленности, и социальное обеспечение, и занятость, и здравоохранение и т.д.), лежит не только на министре, *ответственном за положение женщин, но и на всем Кабинете министров*, ведомствах и агентствах, исполнительный аппарат которых должен в своей работе руководствоваться принципами «интеграционной политики».

Другими словами, уже на начальной стадии разработки любого проекта или решения во властных структурах оно должно быть проанализировано, «просчитано» с точки зрения последствий — экономических, социальных, политических, психологических и *гендерных*; включая, разумеется, выявление возможных последствий для интересов и положения женщин в обществе. При этом каждое федеральное ведомство в обязательном порядке проводит анализ возможных воздействий на женское население предлагаемых ими инициатив и включение этой специфической «женской экспертизы во все относящиеся к делу документы кабинета».

Как отмечалось выше, Канадское федеральное правительство, одобрив в 1995 г. государственную политику, возложило на федеральные министерства и ведомства обязанность проводить гендерный анализ политических курсов, мер и законодательства. С этой целью Министерством по положению женщин разработано специальный документ *“Гендерный анализ: руководство по разработке стратегий”*, представляющий собой практическое пособие для оказания помощи в осуществлении широкомасштабного правительственного курса. Оно явилось частью модельного проекта, нацеленного на внедрение в течение 5-летнего срока данной формы анализа. В документе сказано, что он разработан с целью *“усиления обеспокоенности на всех уровнях правительства значимостью гендера как организующего*

принципа или подхода к осмыслению информации”¹ (иными словами, как к способу видения мира); помощи в разработке и оценке политических курсов и законодательства с точки зрения гендерного подхода: “справедливые результаты для женщин и мужчин, девочки и мальчиков должны быть предусмотрены”².

Министерства и ведомства могут при желании адаптировать предлагаемое «Руководство» для своих особых областей деятельности, т.е. здравоохранения, окружающей среды, финансового планирования и др. Этой концепцией и обусловлена структура подразделений по положению женщин в исполнительной ветви власти. Федеральная исполнительная структура, занимающаяся проблемой равенства женщин, включает: Женское бюро Министерства развития людских ресурсов, основанное в 1954 г.; Фермерское женское бюро Министерства сельского хозяйства и сельскохозяйственных продуктов, созданное в 1981 г.; Бюро женского здравоохранения Министерства здравоохранения; Отдел в Министерстве иностранных дел и внешней торговли; Отдел гендерного равенства в Агентстве международного развития. В середине 90-х гг. были созданы новые подразделения по вопросам гендерного равенства в Министерстве юстиции, в Министерстве по делам индейцев и народов Севера (Офис Старшего советника по женщинам — представительницам коренных народов и гендерного равенства), в Министерстве промышленности Канады (Женское бюро) и в Министерстве гражданства и иммиграции (подразделение по гендерному анализу).

Существует ряд органов по статусу женщин в рамках вертикали исполнительной власти страны: Министерство по положению женщин; Консультативный совет по положению женщин; Межведомственный комитет по интеграции интересов женщин; департаменты субъектов федерации (территорий и провинций) по делам женщин; местные структуры, привязанные к региональной специфике, но придерживающиеся общего принципиального подхода.

Министерство по положению женщин. Возглавляющий его министр — член кабинета министров, прямо подотчетен премьеру

1 “Gender-based Analysis: A Guide for Policy-making” / Status of Women Canada. Ottawa, Ontario, 1997.

2 В данной работе ссылки на женщин и мужчин предусматривают соответственно девочек и мальчиков. Исходные принципы авторов включают идеи о том, что женщины не представляют собой гомогенную (однородную) группу и что для них характерно многообразие, которое включает разнообразие — возрастное, этническое, способностей, сексуальной ориентации, социально-экономического статуса и др.

ер-министру. Важнейшими его сферами деятельности являются: экономический статус женщин; рынок труда; образование и подготовка; законодательство (проблемы Конституции, уголовное и семейное право, насилие против женщин); здравоохранение; социальное обеспечение. Характерно, что все министры, ответственные за положение женщин, имели одновременно портфели других министерств — либо министра юстиции, либо иммиграции, либо государственного секретаря, либо здравоохранения и социального обеспечения.

Министерство разделено на 4 управления (директората), каждому из которых определен свой круг полномочий:

Управление анализа политики и развития проводит экспертизу всех общенациональных программ на предмет соблюдения интересов женского населения, готовит предложения о программах, направленных на улучшение положения женщин.

Управление межправительственных и неправительственных отношений развивает отношения с научными центрами, с женщинами и иными неправительственными организациями, снабжает информацией другие подразделения федеральных ведомств.

Управление коммуникаций включает канцелярию, отдел писем, занимается рекламой, публикациями, подготовкой докладов и выступлений руководителей министерства.

Управление общих систем и служб ведает хозяйственными службами и кадрами.

В функции Министерства по положению женщин входит выработка рекомендаций для правительства Канады по политике в отношении женщин; представление высшему законодательному органу страны доклада о статусе женщин; координация работы территориальных и провинциальных департаментов по делам женщин; проведение на регулярной основе консультаций с женскими организациями; осуществление международных связей. Министерство предпринимает систематический мониторинг влияния на женщин существующей социальной, экономической, законодательной политики и различных программ, проводит ревизию новых и обновляемых программ, а также предлагаемых законодательных инициатив с точки зрения интересов женщин. Оно выдвигает предложения другим федеральным ведомствам об изменении определенных курсов, а также рекомендует программам, направленные на решение насущных для женщин проблем. В этих целях в 1999 г. в составе Министерства создано небольшое специальное подразделение — Отдел по гендерному анализу.

Вмешательство в формирование федеральной политики обычно проходит несколько стадий. *На уровне официальных лиц*

сотрудники Министерства по делам женщин представляют свои рекомендации по разработке определенного предложения с учетом интересов женского населения официальным лицам других федеральных министерств и ведомств. *На уровне заместителя главы ведомства* предыдущий анализ выявляет потребность в дальнейших консультациях с другими департаментами, а при необходимости осуществляются переписка или встречи координатора и заместителя министра соответствующего министерства. *На уровне министров* при необходимости имеют место переписка или встречи для уточнения данной инициативы. *На уровне Кабинета министров* министр по положению женщин ставит вопрос на заседаниях комитетов кабинета министров. В обязательном порядке министр кратко знакомит премьер-министра с сутью вопроса.

С учетом того, что в Канаде полномочия в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, занятости, прав человека, уголовного законодательства разделены между федеральными и провинциальными (территориальными) правительствами, координация и координация действий между различными уровнями правительства крайне необходима и важна в деле улучшения положения женщин в обществе. Все региональные правительства Канады на своем уровне создали механизм интеграции интересов женщин по федеральной модели. При этом автономия региональных правительств значительна. Встречи министров региональных правительств проводятся регулярно 3 раза в год совместно с федеральным министром.

Ключевым моментом в деятельности Министерства по положению женщин является развитие и поддержание постоянных контактов с женскими неправительственными организациями. Это входит в круг постоянных обязанностей министра, который(ая) регулярно проводит встречи с представителями различных женских и других общественных организаций страны. Поскольку представители НЖО встречаются с другими членами кабинета, министр, отвечающий за положение женщин, служит своеобразным координатором интересов таких общественных групп.

Министерство по положению женщин координирует свою деятельность с правительствами провинций и территорий и международными организациями при анализе и развитии политики, касающейся интересов женщин. Оно проводит консультации с академическими кругами и другими заинтересованными сторонами, для лучшего понимания проблемы способствует проведению научных исследований и экспертной оценки, информирует общественность о приоритетах правительственной политики и деятельности в отношении женщин. Министерство работает в тесном сотрудни-

честве с Консультативным советом по положению женщин, от которого получает рекомендации и предложения, поскольку Совет проводит большую работу по научному исследованию гендерных проблем, в частности, по положению женщин.

Таким образом, Министерство по положению женщин играет ведущую роль в стратегическом планировании и определении приоритетов государственной политики в отношении женщин.

Канадский консультативный совет по положению женщин — ККСПЖ (Canadian Advisory Council on the Status of Women SACSJ) — независимая организация, деятельностью которой финансируется федеральным правительством. ККСПЖ был учрежден в 1971 г. Во главе Совета президент и 2 вице-президента, которые представляют восточный и западные регионы Канады. Выбор членов диктуется необходимостью представительства в нем различных региональных, профессиональных, расово-этнических и культурных групп канадского общества. В середине 90-х гг. в него входило три десятка членов, назначаемых федеральным правительством на трехлетний срок (кроме президента, срок службы которого 5 лет). Только 3 из них работали полный рабочий день, остальные были заняты частично.

ККСПЖ — органическая часть национального механизма по положению женщин, деятельность которого нацелена на информирование канадской общественности и властных структур всех ветвей о состоянии проблем, связанных с женским населением страны. Кроме того, члены совета обеспечивают постоянную связь с женскими организациями провинций и территорий Канады, поддерживают проведение научно-исследовательских программ и разработок, формулируют рекомендации по широкому кругу вопросов, от решения которых зависит улучшение статуса женщины в обществе. Совет принимает участие в подготовке доклада парламенту страны о положении женского населения страны, который озвучивает в парламенте министр по положению женщин. Совет обладает правом самостоятельного, без согласия министра, обнародования результатов своих анализов и исследований.

Межведомственный комитет по интеграции интересов женщин (Interdepartmental Committee on Status of Women Integration Mechanism) стал рупором информации о правительственных программах и политике в отношении женщин. Он включает официальных представителей всех ключевых министерств, в рамках которых назначенные должностные лица отвечают за круг вопросов, связанных с интересами женщин. Он — «передатчик» информации о правительственных программах и политике в отношении женщин. Его функции: организация обсуждений направле-

ний, тенденций и возникающих новых проблем; распространение информации в пределах федеральной исполнительной власти; подготовка рекомендаций министру по делам женщин; поддержка сети экспертов по делам женщин. Межведомственный комитет закладывает регулярно — раз в 2 месяца, рассматривая самые острые проблемы, касающиеся положения женщин в связи с решениями, принимаемыми различными подразделениями федерального исполнительного аппарата. Комитет, по сути, проводит «женскую экспертизу» внутри федерального правительства до обнародования любого его решения.

Содержательное измерение. Содержательным измерением национального механизма интеграции интересов женщин являются национальные целевые программы по обеспечению равных прав и возможностей для женского населения страны, среди которых одно из важнейших мест занимает «Женская программа».

«Женская программа», созданная в 1973 г. и с 1995 г. ставшая частью деятельности Министерства по положению женщин, является первичным источником финансирования и технической помощи женским и другим НПО, добивающимся гендерного равенства и справедливости. Национальные, региональные и местные группы, борющиеся за равенство, получают средства из этой программы на осуществление широкого круга проектов, относящихся к обеспечению экономического равенства, социальной справедливости, доступа и участия женщин в разных сферах жизни. Она предоставляет финансовую, техническую, информационно-консультативную помощь женским и другим общественным организациям, развивающим деятельность, направленную на улучшение статуса женщин. Если ее бюджет в 1988 финансовом году составлял 12,4 млн. канадских долларов (только в начале 90-х г. Программа поддержала 600 проектов, 2/3 из которых получили около 15 тыс. канадских долларов каждый), то в период с 1995 по 2000 г. Программа обеспечила поддержку и финансирование более 1500 различных проектов и инициатив на общую сумму 43 млн. долларов¹.

Программа популярна среди женских организаций и групп, пользуется высоким статусом, она подлежит утверждению парламентом. Еще в конце 80-х — начале 90-х гг. постоянный парламентский комитет провел слушания по данной программе, которые

проходили по всей стране: 140 женских организаций были представлены на них и еще 256 женских объединений прислали свои письменные показания-свидетельства и предложения. В докладе по результатам слушаний отмечалось, что женщины Канады все еще не добились равенства, что на пути к нему, как и прежде, хотя и в меньшей степени, продолжают существовать серьезные препятствия и барьеры. К тому же возникают новые проблемы для женщин. Комитет рекомендовал женским организациям, участвующим в «Женской программе», настойчивее добиваться результатов в 3-х основных направлениях: «экономическом равенстве, социальной справедливости, участии и доступе».

Правительство вынуждено было возобновить «Женскую программу», поскольку в обществе явно ощущалась необходимость в ней. Вновь была поставлена задача помочь широкому кругу женских организаций и объединений в совместной работе с государственными структурами, ответственными за положение женщин, добиться существенного прогресса в достижении реального равенства женского населения.

«Женская программа» обеспечивает 2 типа финансовой помощи: для оперативной работы общественной женской организации и для развития проектов для женщин. Право на получение финансовых средств по данной программе предоставляется только тем общественным организациям, группам и объединениям, которые разделяют принципы и цели достижения равенства женщин, как они определены федеральными документами (Канадская хартия прав и свобод и др.), а также международными документами, подписанными канадским правительством.

Кроме того, организация должна разделять демократические принципы управления, а ее члены, подающие заявку от имени своего объединения на получение финансирования, должны пользоваться поддержкой остальных членов. Получатели государственной помощи по «Женской программе» обязаны предоставлять информацию о своей деятельности другим женским НПО, работающим в том же направлении, и не скрывать источники финансирования. И, наконец, к моменту подачи заявления на финансовую помощь организация-претендент должна иметь стаж работы не менее одного года.

Получатели финансовых средств на проекты должны представлять финансовый отчет о выполнении проекта, подтвержденный заключением местных властей. Если на данные средства были изгнаны в процессе осуществления проекта письменные, печатные

¹ Statement by the Honourable Hedy Fry Secretary of State (Multiculturalism) (Status of Women) / On the occasion of the United Nations General Assembly Special Session «Beijing Plus Five». June 6, 2000. <http://www.swc-cfc.gc.ca/beijing5/statement-e.html>.

или аудиовизуальные материалы, экземпляр их должен быть приложен к отчету. Частные лица, государственные органы или агентства, университеты и колледжи, организации коммерческого характера, группы, способствующие поддержке абортгов, не входят в список возможных получателей средств по «Женской программе». Программа также не финансирует капитальные затраты и расходы на поездки за границу. Большинство средств программы уходит на финансирование конкретных проектов для женщин.

Несомненно, Программа способствует развитию женской инициативы, а главное, под государственным контролем снимается социальная напряженность, возникающая в определенных сегментах канадского общества.

Выводы

Сегодня женское население Канады осваивает не только хозяйственно-экономические области, но и общественно-политические институты, многие десятилетия державшиеся на мужском авторитете. Для современной канадской женщины труд не только вынужденная необходимость, но и одна из главных ценностей, с которой она не желает расставаться. Если общество, уважая роль женщины в семье, признает ее право на реализацию своего потенциала по своему выбору, то оно обязано обеспечить женщине равные с мужчиной возможности для осуществления ее выбора. Отсюда необходима политика, исходящая из стремления облегчить бремя женских проблем путем совершенствования социального законодательства, изыскивающего возможности переложить часть семейных обязанностей на плечи мужчин, создания высокого уровня системы дошкольного и школьного воспитания — в этом суть требований, выдвигаемых канадским женским движением. Однако в обществе существуют определенные силы, явно обнаруживающие стремление урезать расходы на социальные нужды широким слоям, поддерживающие приоритетную роль «прочным семьям» с неработающими матерями в ущерб одиночкам и разведенным женщинам, предпринимающие попытки вернуть женщину к «домашнему очагу» на фоне демагогического возвеличивания роли женщины в семье.

В канадском женском движении крепнет осознание тесной взаимосвязи между социально-экономическим положением женщины и доступом ее к политической власти. Поэтому многие женские организации и объединения рассматривают работу по продвижению женщин на высшие государственные и политические посты уровня принятия решений как приоритетные сферы своей деятельности. И хотя женское движение не добилося победы по основным направлениям (до конца не ликвидирована

дискриминация женщин, нет эффективной охраны материнства и детства, остро стоят проблемы насилия и др.), однако очевидно и другое: все более широкое и активное участие канадских женщин во всех областях жизни общества заставляет правящие круги считаться с позицией женщин, их интересами и требованиями.

Именно активная деятельность женского движения послужила толчком для создания национального механизма по улучшению положения женщин в стране, сам факт существования которого является символом происшедших перемен как в статусе женского населения, так и в общественном сознании в отношении женщин. Национальный механизм — объективно необходимый инструмент защиты интересов женского населения, часть государственной машины, главная функция которой — учет настроений и чаяний женской половины общества при выработке государственной политики и последующем осуществлении ее на практике. Канада заслуженно снижала известность в мире как страна, занимающая лидирующие позиции в деле осуществления политики по пресечению насилия в отношении женщин. Она, в частности, хорошо известна своими федеральными и региональными законами, а также социальными программами местного уровня, направленными на борьбу с жестоким насилием в отношении женщин, которое происходит в их домах.

Вместе с тем опыт Канады демонстрирует, что одни только организационные решения не способны обеспечить массовую интеграцию женщин в социально-политический процесс общества. Если женщина несет двойное бремя заботы о хлебе насущном, быте и воспитании детей, то, конечно, ей не до большой политики. На пути к подлинному равноправию канадских женщин остаются еще всякого рода экономические барьеры, дополняемые социально-психологическими, для ликвидации которых необходимо формирование нового отношения к женщине как к равному члену общества. Только активная, наступательная позиция женщин способна привести к новому отношению к женскому населению в любом обществе. Этот процесс прогрессивной перестройки общественной психологии и сознания длителен и сложен.

Женское движение нуждается в большей сплоченности, порой оно разобщено, раздираемо противоречиями. Однако в целом оно хорошо организовано, отличается действенным характером, многообразием форм и методов практической деятельности, опирается на движение снизу, продолжая и развивая глубокие исторические традиции женского движения в государстве.

Политическое сознание канадских женщин, несомненно, поднялось на новую ступень: выросла их решимость бороться за улучшение своего положения в обществе, полагаясь на собственные силы и не отвергая союзников по борьбе за укрепление общедемократических начал в обществе. Очевидно, что перспективы этой борьбы будут зависеть от множества слагаемых, среди которых сплоченность, организованность и ясная стратегия женского движения — важнейшие факторы успеха.

В.В. Фрольцов **ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ** **ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ** **В 1980—1990-Е ГОДЫ**

Проблема гендерного равенства усилила в 1980—1990-е гг. раскол в немецком обществе и политической элите ФРГ относительно места и роли женщин в процессе принятия решений как в сфере внутренней, так и внешней политики Германии.

Наиболее последовательными сторонниками более активного вовлечения женщин в политическую сферу выступили левые политические силы ФРГ (социал-демократы и зеленые), к которым после 1990 г. также примкнули восточногерманские левые социаллисты — члены Партии демократического социализма. Присутствие женщин на высших политических постах Германии должно было, по их мнению, придать германской политике более взвешенный и миролюбивый характер. Иную позицию по этому вопросу заняли представители консервативных партий, которые, постоянно декларируя стремление к гендерному равноправию в политике, в реальности не спешили выполнять свои предвыборные обещания о равноправии женщин при занятии важных постов в политической сфере. По этой причине гендерная проблематика оказалась в рассматриваемый период новейшей немецкой истории в центре политического противостояния и явилась одним из факторов, который оказал некоторое влияние на процесс формирования внутренней и внешней политики германского государства.

В целом к началу 1980-х гг. количество женщин, занятых в политической сфере, заметно увеличилось по сравнению с 1960—1970-ми гг. Значительный приток женщин в немецкую политику был обусловлен стремлением находившейся в 1969—1982 гг. у власти левоцентристской коалиции во главе с Вилли Брандтом и Гельмутом Шмидтом получить поддержку наиболее социально активных слоев населения, в т.ч. и многочисленных женских организаций. Социал-демократам это удалось. И в конце 1970-х гг.

многие радикально настроенные в прошлом участницы внепарламентских женских групп, которые наиболее активно действовали в период массовых волнений 1968—1969 гг. не менее успешно включились в деятельность партийных структур СДП.

В связи с этим в 1980-е гг. возросло количество женщин — депутатов нижней палаты немецкого парламента (бундестага). И если в 1972 г. в его составе было лишь 5,8% женщин (это даже меньше, чем во времена Веймарской Республики), то уже после выборов 1976 г. эта цифра выросла до 7,3%, в 1980 г. составила 8,5%, а в 1983 г. — уже 9,8%. Этот количественный рост прежде всего обеспечил увеличение числа женщин-депутатов в левых фракциях. Тем самым перешедшие в 1982 г. в оппозицию социал-демократы пытались сохранить имидж партии, выступающей за полное равноправие женщин во всех сферах общественной жизни страны, в том числе и в политике.

В конце 1980-х гг. количество женщин-парламентариев превысило 15% от общей численности бундестага, а после общегерманских выборов 1990 г., в которых впервые приняло участие население включенной в состав ФРГ Восточной Германии, достигло 20,5% [1]. В 1994 г. немецкое государство приблизилось по этому показателю к североευропейским стандартам: в нижней палате парламента женщины составили более четверти (26,3%), а в 1998 г. почти догнали по этому показателю финнов (30,9% по сравнению с 34% в финском парламенте) [2].

Тем не менее детальный анализ распределения женщин-депутатов по фракциям в бундестаге позволяет констатировать, что за шестнадцать лет правления правоцентристской коалиции во главе с Гельмутом Колем немецкие христианские демократы и либералы так и не смогли отказаться от традиционного доминирования политиков-мужчин в депутатском корпусе. Этот вывод следует из данных таблицы 1.

Таблица 1

Доля женщин в правых фракциях бундестага, в %

Фракции:	1990	1994	1998
Христианские демократы (ХДС-ХСС)	6,7	13,9	18,4
Либералы (СвДП)	8,6	17	20,9

Источник: Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer polititische Bildung, 1997. S. 33.

Более существенных успехов в процессе привлечения женщин к принятию ключевых решений в сфере немецкой политики достигли левые и левоцентристские партии. Количество парламентариев-женщин во фракции крупнейшей в стране Социал-демократической партии (СДПГ) возросло с 1990 по 1998 г. с 10,4% до 35,2%. Еще более впечатляющих показателей сумели добиться партии, занимающие самый левый фланг в немецкой политике, — «Союз-90 — зеленые» и Партия демократического социализма. Этот количественный рост в сравнении с ситуацией во фракции СДПГ представлен в таблице 2.

Таблица 2

Доля женщин в левых фракциях бундестага, в %

Фракции:	1990	1994	1998
Союз-90 - зеленые	35,7	59,2	57,4
ПДС	47,1	43,3	58,3
СДПГ	10,4	33,7	35,2

Источник: Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 33.

Таким образом, существенное усиление женского представительства в нижней палате немецкого парламента было достигнуто в 1990-е гг. в первую очередь благодаря увеличению количества женщин-парламентариев в левых фракциях, в то время как аналогичный процесс у правых проходил более медленными темпами. ХДС-ХСС и СвДП по-прежнему не торопились расширить свой партийный актив за счет более широкого привлечения функционалов женского пола. В силу традиционной ориентации христианских демократов и либералов на консервативных немецких избирателей, для которых присутствие женщин в политике скорее anomaly, нежели приемлемое, нормальное явление.

Подтвердить этот вывод позволяет сравнительный анализ участия женщин-парламентариев в работе ландтагов (парламентов) 16 германских земель. На региональном уровне по состоянию на конец 1994 г. женщины также составляли большинство во фракциях левых партий в западногерманских земельных парламентах («Союз-90 — зеленые» — 46,1% и СДПГ — 27%). На этом фоне более чем скромно выглядели показатели правых: ХДС —

20,6%, СвДП — 15,4%. А в ландтаге наиболее консервативной земли ФРГ — Баварии — количество женщин в правительственной фракции Христианско-социального союза (ХСС) составило всего лишь 8,7%. Такая же тенденция наблюдалась и в восточной части Германии. Здесь первое место по количеству женщин в партийных фракциях принадлежало левым социалистам из ПДС (48,4%), за ними следовали «Союз-90 — зеленые» (40%) и СДПГ (35,2%). За мыкали список христианские демократы с 15,2%.

На уровне местного самоуправления наибольшее количество женщин в середине 1990-х гг. было в магистратах таких городов как Фрайбург-Брайстау (43,8%), Потсдам и Мюнхен (около 40%), население которых традиционно отдавали свои симпатии представителям левых партий. В городах с населением более 100 тыс. жителей треть всех депутатов городских советов также составили женщины [3].

Указанную тенденцию в развитии законодательной власти Германии обусловило введение левыми партиями еще в конце 1980-х гг. так называемых «женских квот» на занятие ключевых должностей. Первыми на такой шаг решились западногерманские «зеленые», которые в 1986 г. приняли решение о том, что половина всех выборных постов в их партии должны занимать женщины.

Пример «зеленых» вдохновил многих членов Социал-демократической партии, которые, начиная с 1988 г., стали добиваться введения аналогичной квоты. Однако этот процесс занял более 10 лет. Лишь в 1998 г. социал-демократы, одержавшие в этом же году победу на парламентских выборах, согласились с 40% «женской» квотой в СДПГ. При этом профсоюзная среда, на которую опирались социал-демократические лидеры, в этом вопросе оказалась не менее консервативной, чем баварские католики либо представители крупного бизнеса и армейских кругов — сторонники ХДС-ХСС. Так, к середине 1990-х гг. из 16 региональных профорганизаций, объединенных под эгидой главного союзника социал-демократов — Союза немецких профсоюзов, лишь в 4 существовали женские квоты.

Левые социалисты из ПДС, в свою очередь, также смогли в полной мере использовать нежелание руководства традиционных партий ФРГ своевременно реагировать на изменение общественного мнения в стране и еще в начале 1990-х гг. ввели по примеру «зеленых» 50% квоту на занятие партийных постов.

Стремясь не допустить использования проблемы гендерного равноправия в общественно-политической сфере своими оппонентами из левых партий, лидеры Христианско-демократического союза еще в 1985 г. приняли решение увеличить к началу 1990-х гг. количество женщин в партийном руководстве приблизительно до одной трети, что соответствовало доле женщин среди членов этой

партии. Наиболее активной сторонницей принятия такого решения выступила председатель Женского союза ХДС и президент бундестага Рита Зюссмут. Она сумела убедить лидера партии канцлера Гельмута Коля в необходимости накануне судьиночных для христианских демократов федеральных выборов 1998 г. не дать левой оппозиции обвинить лидеров ХДС в нежелании обеспечить гендерное равноправие внутри собственной партии. К этому времени количество женщин в этой партии уже достигло 23,5% в западной и 34% в восточной частях ФРГ [4].

Тем не менее, вопреки позиций федерального канцлера, на партийном съезде ХДС, который состоялся осенью 1995 г. в Карлсруэ, решение о введении “женской” квоты принято не было. Против выступили представители консервативных кругов партии, которые мотивировали свою позицию нарушением в случае принятия этого решения принципа свободной конкуренции при занятии должностей как в партийных, так и в государственных структурах. Однако спустя год на новом партийном съезде ХДС в Ганновере канцлеру Гельмуту Колю удалось убедить своих коллег в необходимости введения такой квоты. В октябре 1996 г. 609 из 980 делегатов съезда христианских демократов проголосовали за закрепление за женщинами трети партийных постов [5].

Еще более прогрессивно мыслящими оказались представители земельной организации ХДС в Гессене, которые в 1995 г. потерпели очередное поражение на земельных выборах. По этой причине в январе 1996 г. гессенские христианские демократы почти на год раньше делегатов партийного съезда ХДС приняли решение о введении 33% “женской” квоты в своей земельной организации. В дальнейшем такая же квота была одобрена и во всех других регионах ФРГ. И лишь в Баварии представители ХСС проигнорировали расширение прав женщин в ХДС, предпочитая по-прежнему апеллировать к консервативному населению своей земли, многие жители которой все еще полагают, что женщина и политика являются взаимоисключающими понятиями.

Аналогичную позицию в середине 1990-х гг. фактически заняли либералы. Принятое в 1987 г. обязательство увеличить на протяжении 5 лет количество женщин на внутрипартийных постах до 25% так и не было выполнено. Представители СвДП считали, что введение такой квоты противоречит либеральным принципам, которые среди прочего предусматривали необходимость свободной конкуренции при занятии различных должностей [6]. В дальнейшем эти “либеральные” принципы явились, по мнению автора, одной из причин (наряду с целым рядом иных ошибок) сократительного поражения СвДП на земельных выборах в новых землях ФРГ в 1994—1995 гг. и последующего вслед за этим практически полного

исчезновения партийных структур в Восточной Германии, где от последствий радикальной социально-экономической и обществено-политической трансформации в наибольшей степени пострадали именно женщины. На рубеже столетий в этом немецком регионе либералы — одна из старейших политических сил Германии — могли рассчитывать лишь на 1—2% поддержки избирателей [7].

В итоге к середине 1990-х гг. было достигнуто следующее соотношение между количеством женщин в руководящих структурах основных немецких политических партий и их долей среди членского состава этих партий.

Таблица 3

Женщины в руководящих органах и составе партий, в %

Доля женщин:	Руководящие органы партий	Членский состав партии
ХСС	11	16
ХДС	19	25
СвДП	32	26
СДПГ	38	28
“Союз-90 —зеленые”	55	33
ПДС	55	42

Источник: Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 291-292.

Таким образом, через четыре года после воссоздания единого немецкого государства женщины составляли более трети членов и более половины руководителей лишь в двух левых партиях, которые находились в оппозиции к правящей коалиции ХДС—ХСС и СвДП.

Между тем в настроениях населения Германии к середине 1990-х гг. произошли значительные изменения в пользу предоставления женщинам равных возможностей во всех сферах публичной и профессиональной деятельности. По данным опроса, проведенного в 1994 г. известным институтом исследований общественного мнения ФОРСА, 67% опрошенных жителей страны одобрили приращение специальных квот для женщин в политических и профсоюзных организациях. При этом за введение квот выступили не только 71% женщин, но и 62% мужчин, что позволяет констатировать существование в современном немецком обществе устойчивого большинства сторонников гендерного равноправия [8]. Это

обстоятельство обусловило стремление руководства большинства немецких партий выдвигать на наиболее общественно заметные политические должности женщин, что давало возможность постоянно демонстрировать избирателям приверженность принципам гендерного равноправия.

По этой причине большинство известных немецких женщин-политиков работает в структурах законодательной власти, где их присутствие является лучшим аргументом в пользу наличия у партий, которые они представляют, современного подхода к проблеме женского равноправия. Так, в 1997–1998 гг. женщины составляли большинство в президиуме нижней палаты немецкого парламента. Кроме президента бундестага в 1988–1998 гг. Риты Зюссмут [9], во главе законодательной власти ФРГ стояли еще две женщины. Представляющая ХДС Михаэла Гайгер заняла в январе 1997 г. пост одного из четырех вице-президентов нижней палаты парламента (их число определяется количеством партийных фракций). “Союз-90 – зеленых” в президиуме бундестага с 1994 г. представляла доктор Антье Вольмер. После выборов 1998 г. в этом руководящем органе нижней палаты немецкого парламента был достигнут количественный паритет между мужчинами и женщинами. Вице-президентами бундестага стали Анке Фухс (СДП) и Петра Блэсс (ПДС). Свой пост сохранила Антье Вольмер [10].

Примечательно, что Рита Зюссмут не была первой женщиной, которая занимала третий по значимости государственный пост в Западной Германии. Еще в 1969 г. член социал-демократической партии Аннемарие Ренгер была избрана президентом бундестага, положив начало политической традиции обязательного, хотя и весьма ограниченного, представительства женщин в руководящих органах законодательной власти.

Несколько иная ситуация сложилась в структурах исполнительной и судебной властей ФРГ. Господствующая в Германии на протяжении столетий политическая традиция ограничила роль женщины в общественно-политической жизни рамками традиционной формулы “дети, кухня, церковь” и предопределила фактическое отсутствие женщин в структурах управления страной. Во главе как единой Германии, так и многочисленных немецких государств, никогда, в отличие от России, Англии, Испании или Австрии, не стояли женщины. Получив право принимать участие в выборах в 1919 г., женщины сумели войти в состав законодательной власти, однако на протяжении более чем 40 лет оказались фактически исключены из процесса принятия решений в сфере внутренней и внешней политики государства. Из-за этого первая женщина-министр в правительстве ФРГ появилась лишь в 1961 г.

Западногерманский канцлер Конрад Аденауэр при формировании нового правительства предоставил члену ХДС Элизабет Шварцхаупт пост министра здравоохранения.

В последующие годы в немецком правительстве всегда присутствовала одна женщина-министр, которая отвечала за вопросы здравоохранения или семьи и молодежи. Другие сферы социально-экономического и общественно-политического развития ФРГ вплоть до 1990 г. относились исключительно к компетенции министров-мужчин. Исключением стали лишь два периода. В 1968–1969 гг. в западногерманском правительстве оказалось сразу 2 министра-женщины: христианская демократка Анне Браукзипе в 1968 г. заняла пост министра по делам семьи и молодежи, а представительница СДП Кете Штрёбель отвечала за здравоохранение. В 1976–1978 гг. министром по делам молодежи, семьи и здравоохранения была член СДП Антье Хубер, а пост министра экономического сотрудничества занимала социал-демократка Мария Шляй, которую в феврале 1978 г. сменил на этой должности политик-мужчина.

Эту традицию изменил канцлер Гельмут Коль, который при формировании правительства не мог не учитывать усиление роли женского движения в общественно-политической жизни ФРГ в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В 1982 г. впервые в истории ФРГ женщина – член ХДС Доротея Вильмс была назначена на пост федерального министра по вопросам образования и науки. Через 5 лет она заняла пост министра по межгерманским отношениям, в функции которого входило обеспечение одного из приоритетных направлений западногерманской внешней политики. В 1985 г. в правительстве появилась еще одна женщина: доктор философии Рита Зюссмут заняла пост министра по делам молодежи, семьи и здравоохранения. Спустя год к этим функциям прибавилась еще одна: решение проблем немецких женщин. После избрания Риты Зюссмут президентом бундестага в 1988 г. ее должность перешла к Урсуле Лер. В апреле 1989 г. должность министра по делам землепользования, строительства и градостроительства получила Герда Хассельфельдт, член действующего в Баварии младшего партнера ХДС по коалиции – Христианско-социального союза. Таким образом, накануне объединения Германии в западногерманском правительстве женщины занимали уже 3 министерских поста [11].

После воссоздания единого немецкого государства 3 октября 1990 г. в состав первого общегерманского правительства по инициативе Г. Коля были включены сразу 4 женщины. Этим руководители правящей коалиции христианских и свободных демократов застраховали себя от обвинений в ограничении равноправия женщин в единой Германии по сравнению с ГДР, где количество женщин на руко-

водящих должностях в партийных и государственных структурах в период демократических перемен 1989–1990 гг. превышало аналогичный показатель в ФРГ. Так, активистка одной из восточногерманских земельных организаций ХДС и известная в бывшей ГДР правозащитница доктор Ангела Меркель была назначена министром по делам молодежи и женщин. Герде Хассельфельдт (ХДС) был передан портфель министра здравоохранения, а министром по делам семьи и пенсионеров стала Ханнелоре Реньш (ХДС). Представительница СвДП Ирмгард Адам-Шваэгтлер заняла пост министра по делам землепользования, строительства и градостроительства.

Неожиданным явилось назначение 18 мая 1992 г. на одну из ключевых должностей в правительстве члена Свободно-демократической партии Сабини Лейтхойссер-Шарренбергер, которой было поручено руководить федеральным министерством юстиции. Традиционная монополия мужчин-политиков на занятие высших руководящих должностей в сфере юриспруденции и судопроизводства оказалась подорванной. Женщина впервые в немецкой истории приняла на себя ответственность за область профессиональной деятельности, которая не входила в традиционный для руководителей-женщин социальный блок [12].

После выборов 1994 г., на которых коалиция ХДС–ХСС и СвДП смогла добиться минимального перевеса над партиями левой оппозиции, в новом федеральном правительстве Гельмута Коля оказалось всего лишь 3 женщины. Пост министра по делам экологии, защиты окружающей среды и безопасности ядерных реакторов заняла Ангела Меркель. Вторая министерская должность также досталась члену ХДС Клаудии Нольге, которая в результате объединения двух министерств социального блока стала отвечать в правительстве за проблемы семьи, пенсионеров, женщин и молодежи. Примечательно, что эта женщина-политик стала самым молодым министром в истории ФРГ. В 1994 г. ей исполнилось лишь 28 лет, что стало своеобразным рекордом не только для Германии, но и для других европейских государств [13]. Пост министра юстиции сохранили за Сабиной Лейтхойссер-Шарренбергер, которая, однако, в январе 1996 г. ушла в отставку в знак протеста против принятия федеральным правительством решения о прослушивании при проведении полицейских расследований частных телефонных разговоров. По ее мнению, это могло нарушить конституционные права немецких граждан [14].

Снижение доли женщин в составе правительства вызвало ряд критических замечаний в адрес правящей коалиции ХДС–ХСС и СвДП в ходе предвыборной кампании 1998 г. со стороны левых партий, в руководстве которых присутствовали многие известные

женщины. По этой причине в образованном после победы на выборах правительстве “красно-зеленой” коалиции во главе с Герхардом Шредером, в которое вошли представители СДПГ и “Союза-90 — зеленых”, оказалось рекордное для Германии количество женщин — 5. Министром юстиции была назначена доктор юриспруденции Херта Дойблер-Гмелин (СДПГ), министерство по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи возглавила известный социал-демократический политик Кристина Бергманн, министром экономического сотрудничества и развития стала член СДПГ Хайдемария Вечорек-Цойль, а пост главы министерства образования и исследований получила Эдельгард Бульшван (СДПГ). От партии “зеленых” в состав нового немецкого правительства вошла Андреа Фишер, которая заняла должность министра здравоохранения [15]. 28 апреля 1995 г. член фракции ХДС в бундстаге Клэйр Мариенфельд была избрана депутатами нижней палаты немецкого парламента на пост военного уполномоченного, который согласно Конституции ФРГ осуществляет гражданский контроль за деятельностью германского бундесвера [16]. Первые в истории ФРГ этот пост заняла женщина, что вполне соответствовало новой кадровой политике в немецкой армии, где значительное количество командных должностей было занято женщинами.

Таким образом, к концу 1990-х гг. присутствие женщин в структурах федерального правительства существенно увеличилось, достигнув максимального показателя после прихода к власти в 1998 г. коалиции левых партий, которые традиционно занимали более прогрессивную позицию по вопросу гендерного равенства. Динамику этого процесса можно проследить, сравнив количество женщин-министров в составе правительств ФРГ в 1961–2001 гг.

Таблица 4

Количество женщин-министров в правительствах ФРГ

Периоды правления:	Количество женщин	Партийный состав
1	2	3
1961-1966	1	ХДС-ХСС и СвДП
1966-1968	1	ХДС-ХСС и СДПГ
1968-1969	2	ХДС-ХСС и СДПГ
1969-1976	1	СДПГ и СвДП

1	2	3
1976-1978	2	СДПГ и СвДП
1978-1982	1	СДПГ и СвДП
1982-1985	1	ХДС-ХСС и СвДП
1985-1987	2	ХДС-ХСС и СвДП
1987-1989	1	ХДС-ХСС и СвДП
1989-1990	2	ХДС-ХСС и СвДП
1990-1994	4	ХДС-ХСС и СвДП
1994-1996	3	ХДС-ХСС и СвДП
1994-1996	3	ХДС-ХСС и СвДП
1998-	5	СДПГ и СвДП

Источники: Lehmann Hans Georg. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 150-453; Deutscher Bundestag 14. Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S. 293-296.

Значительным образом изменилась в 1990-е гг. и ситуация в правительствах 16 федеральных земель. Приход к власти в большинстве из них в середине 1990-х гг. коалиций левых партий обусловил увеличение количества женщин в земельных органах исполнительной власти. В 16 земельных правительствах ФРГ к началу 1997 г. женщины занимали 42 министерских поста и 21 должность госсекретаря (заместителя министра). В Берлине и Бранденбурге женщины встали во главе министерств финансов, а в земле Гессен представительница Социал-демократической партии Барбара Стольтерфог возглавила министерство по делам женщин, труда и социальной политики. В других федеральных землях женщины отвечали за вопросы здравоохранения, социального обеспечения и политики в сфере занятости, культуры и образования. Но даже в таких германских регионах женщина премьер-министр является скорее исключением, нежели правилом.

Впервые такой прецедент имел место в 1993 г. в северогерманской земле Шлезвиг-Гольштейн, где представительница социал-демократов Хайде Симонис была избрана на пост главы земельного правительства, которое сформировала одержавшая убедительную победу на выборах в ландтаг СДПГ [17].

Еще более значительных успехов женщинам удалось достичь на уровне местного самоуправления. В 9 из 84 крупнейших городов Германии жители решили доверить посты бургомистров представительницам различных политических партий [18]. Тем не менее к середине 1990-х гг. женщины занимали лишь 6,7% руководящих должностей в органах исполнительной власти. Это обусловило продолжение активной борьбы женских организаций и активисток политических партий за закрепление в законодательном порядке равноправия мужчин и женщин при занятии различных постов и трудоустройстве.

В конце 1990-х гг. такие правовые акты существовали как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. В 1994 г. был принят новый федеральный закон, который гарантировал полное гендерное равноправие при приеме на работу и повышении в должности. Первый правовой акт, регламентирующий решение этой проблемы на местном (коммунальном) уровне, был принят в 1982 г. магистратом Кельна. К концу 1995 г. такие документы существовали уже в 1429 общинах, а именно во всех крупных городах страны и в большинстве земельных округов. Но в сельских общинах, особенно в традиционно консервативной южной части ФРГ, ситуация была совершенно иной: лишь в 763 из 16 тыс. таких общин в 1995 г. существовали подобные гарантии. С целью добиться расширения действия правовых актов, регламентирующих гендерное равноправие, в отдельных федеральных землях они стали обязательными для выполнения во всех городах, численность населения которых превышает определенное количество. За эффективностью применения этого законодательства следят земельные органы власти [19].

Следует отметить, что такие правовые акты были распространены на все ветви власти, в т.ч. и на судебную, где традиционно большинство должностей принадлежало мужчинам. Перелом, как и в случае с парламентскими и правительственными структурами, произошел в 1990-е гг. Наиболее важным событием в процессе формирования гендерного равноправия в этой сфере профессиональной деятельности явилось избрание в 1994 г. берлинского сенатора (члена городского правительства) по правовым вопросам, доктора юриспруденции Ютты Лимбах на пост президента федерального конституционного суда. В начале марта этого же года она стала членом и вице-президентом высшего судебного органа ФРГ, а 27 марта 1994 г. оказалась первой женщиной во главе германской системы судебной власти [20].

Таким образом, к концу 1990-х гг. женщины-политики стали таким же неотъемлемым атрибутом современной немецкой демократии как свободные выборы или наличие оппозиции. И если еще

в середине 1970-х гг. недовольные избирательницы — активистки женских организаций украсили предвыборные плакаты мужчин-политиков на выборах всех уровней надписями, содержание которых сводилось к вопросу: «Почему здесь нет ни одного кандидата-женщины?», то к концу 1990-х гг. эта проблема уже не являлась актуальной. Женщины активно конкурировали с кандидатами-мужчинами во всех избирательных кампаниях. Многие партии, особенно принадлежащие к левому политическому спектру, активно использовали гендерную проблематику в своей предвыборной агитации. Помимо них, в Германии действовали несколько сотен всевозможных женских организаций разнообразной направленности — от лиг защиты права на аборт до радикально-феминистских группировок, требующих передачи всех властных полномочий в ФРГ женщинам.

Достижение значительного уровня гендерного равноправия в общественно-политической сфере обусловило появление несколько иной, хотя и не менее важной проблемы. К концу 1990-х гг. выявились, что социокультурный разрыв между политически активной частью женщин и основной частью женского населения страны продолжает возрастать. Наиболее очевидным это различие было при сравнении результатов, полученных в ходе изучения общественного мнения жителей западной и восточной частей единого немецкого государства.

По данным социологического опроса, проведенного в ноябре 1995 г. Маннхаймским институтом прикладных социологических исследований, постоянно интересовались политическими проблемами лишь 31% женщин в западной и 26% — в восточной частях единого германского государства. Среди мужского населения ФРГ эти показатели составили соответственно 51% и 46%. Аналогичные цифры были получены при ответе на вопрос о членстве в какой-либо политической партии. Партийные билеты имелись у 8% мужчин в Западной Германии и 7% — в новых восточных землях, но только у 4% женщин на Западе и 1% — на Востоке этой страны [21].

Эти данные продемонстрировали, насколько радикально в начале 1990-х гг. изменился характер влияния гендерного фактора на общественно-политические процессы в новых восточных землях ФРГ. Если в 1989—1990 гг. присутствие женщин на руководящих постах в бывшей ГДР значительно превышало аналогичные показатели в западногерманских органах власти, то к середине 1990-х гг. именно женская часть населения Восточной Германии оказалась в наибольшей степени затронута негативными последствиями социально-политической трансформации новых восточных земель ФРГ.

Так, в образованном 18 ноября 1989 г. первом многопартийном правительстве ГДР министерские должности занимали 4 женщины, в то время как в высшем органе исполнительной власти ФРГ женщин-министров в это время было лишь 2. После первых свободных выборов в восточногерманский парламент, которые состоялись 18 марта 1990 г., в составе последнего правительства этой страны также оказались 4 женщины, которые возглавили министерства социального блока [22].

В целом накануне объединения женщины были представлены более широко в органах власти ГДР, нежели в ФРГ. Особенно отчетливым это различие было при сравнении доли женщин в органах законодательной власти двух стран как на общенациональном, так и на региональном уровнях.

Таблица 5

Женщины в законодательных органах ФРГ и ГДР, в %

Доля женщин:	ФРГ	ГДР
Общенациональный парламент (1960 г.)	9	25
Общенациональный парламент (1989 г.)	15	32
Региональные парламенты (1960 г.)	7	25
Региональные парламенты (1989 г.)	18	41
Местные легислатуры (1960 г.)	менее 8	24
Местные легислатуры 1989 г.)	14	43

Источник: Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 290.

Не менее значительные различия существовали и в органах местной исполнительной власти. Так, в 1988 г. женщины занимали 30% постов бургомистров в Восточной Германии, в том время как в ФРГ этот показатель даже к середине 1990-х гг. составлял менее 7% [23]. При этом следует отметить, что, несмотря на наличие жесткого контроля со стороны партийно-государственного аппарата за деятельностью местных органов власти в ГДР, внушительное присутствие в них женщин является, по мнению автора, одним из немногих численных элементов демократического общества в рамках полити-

ческой системы восточногерманского государства. Значительные достижения в сфере гендерного равноправия позволяли руководству СЕПГ постоянно подчеркивать это преимущество "социализма в цветах ГДР" над западногерманской демократией.

Кроме этого, в Восточной Германии существовала специальная организация – Демократический женский союз, образованный в 1947 г. Его членами накануне падения Берлинской стены являлись почти 1,5 млн. восточногерманских женщин. Помимо этой организации, деятельность которой находилась под жестким контролем со стороны государственного аппарата, в начале 1980-х гг. в ГДР были образованы неформальные женские группы, общественно-политическая активность которых направлялась против излишнего, по их мнению, присутствия военной составляющей в воспитании детей и молодежи. Объектом критики со стороны таких групп стал принятый Народной палатой 25 марта 1982 г. новый закон о всеобщей воинской повинности, который предусматривал также военное обучение девушек [24].

В период массовых народных выступлений в ГДР осенью 1989 г. неформальные женские группы примкнули к тем общественным силам страны, которые требовали демократизации политической жизни Восточной Германии и в конечном итоге добились отстранения СЕПГ от власти. Многие из этих женских организаций действовали под эгидой традиционному критически настроенной по отношению к правительству ГДР евангелической церкви. По этой причине в Христианско-демократическом союзе, крупнейшей оппозиционной партии ГДР, женщины составляли 46% членского состава, что было совсем нетипично для их западногерманских партнеров – ХДС во главе с Гельмутом Колем, где членов-женщин в 1989 г. было всего лишь около 30% [25].

В начале декабря 1989 г. более 20 неформальных организаций объединились в Независимый женский союз ГДР и образовали единый предвыборный блок с партией "зеленых". В марте 1990 г. за него отдали голоса около 2% избирателей страны. Еще 0,33% собрал шедший на выборы самостоятельно Демократический женский союз Германии [26].

После объединения влияние этих организаций на общественно-политическое развитие новых восточных земель стало постепенно снижаться, что позволило партиям левой оппозиции, в первую очередь, находящимся в радикальной оппозиции к федеральному руководству левым социалистам из ПДС, постоянно обвинять германское правительство в нежелании сохранить существовавшее, по их мнению, в бывшей ГДР реальное гендерное равноправие.

Мнение этих политических сил во многом разделялось большинством жителей новых восточных земель. По данным опроса общественного мнения в восточной части ФРГ, проведенного в 1993 г. наиболее авторитетным социологическим институтом Эмнида, 77% жителей этого региона полагали, что в годы существования ГДР равноправие мужчин и женщин было обеспечено гораздо лучше, нежели в объединенной Германии [27]. Не менее интересные сведения приводит немецкий социолог Урсула Шрегер, которая обратила внимание на тот немаловажный факт, что даже спустя три года после воссоздания единого немецкого государства лишь 39% восточногерманских женщин ощущали какие-либо выгоды от объединения. Среди мужчин сторонников этой точки зрения оказалось 48%. Примечательно, что 35% женщин, опрошенных в мае 1993 г., полагали, что включение территории бывшей ГДР в состав ФРГ не принесло им лично никакой пользы [28].

Формирование такой позиции было обусловлено значительными социально-экономическими проблемами в Восточной Германии, которые привели к росту безработицы среди женского населения этой части ФРГ. Так, в Саксонии имели работу лишь 40% девушек в возрасте до 25 лет и на каждых 4-х безработных мужчин приходилось 6 женщин [29]. Получить более полное представление об особой актуальности этой проблемы для Восточной Германии можно при сравнении доли безработных женщин с общим количеством потерявших работу в двух новых восточных землях: самой благополучной в социальном отношении Тюрингии и в наибольшей степени пострадавшем от последствий экономического кризиса 1990-х гг. Мекленбурге-Предпомерании. Результаты этого сравнения представлены в таблице 6.

Таблица 6
Безработица среди женщин в 1995 г., в %

Земли:	Безработные среди всего населения	Безработные среди женщин
Мекленбург-Предпомерания	15,2	20,5
Тюрингия	13,7	19,8

Источник: Juengel Erwin, Mecklenburg-Vorpommern, Edinger Michael, Lembeke Oliver, Lange Erhard.H.M. Thuringien // Hartmann Juergen u.a. Handbuch der deutschen Bundeslaender. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 315, 620–621, 662.

В этой связи немецкая исследовательница Мануэла Бадур обратила внимание на то немаловажное обстоятельство, что постепенное устранение значительной части восточногерманских женщин из сферы активной профессиональной деятельности было предопределено избранной правительством Гельмута Коля стратегией объединения, которая предусматривала полное включение жителей бывшей ГДР в социальную систему западногерманского государства. По этой причине рост безработицы среди женщин, проживающих в новых восточных землях, был фактически неизбежен, поскольку в старых землях ФРГ к моменту объединения лишь около 60% трудоспособных женщин имели постоянную работу либо получили профессиональное образование, а в ГДР этот показатель достигал более 91%. Аналогичное несоответствие выявляется и при более детальном сопоставлении показанной в таблице 7 доли работающих женщин, принадлежащих к различным социально-демографическим группам, в обеих странах в конце 1980-х гг. [30]

Таблица 7

Доля работающих женщин в ФРГ и ГДР, в %

Социальная группа:	ФРГ	ГДР
Замужние женщины с одним малолетним ребенком	47	94
Замужние женщины с тремя и более малолетними детьми	35	83

Источник: Badur Manuela. *Junge Frauen aus Ostdeutschland. Individualisierungsprozesse im Zuge der deutschen Einigung // Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1999. № 12. S. 28.

Постепенное вытеснение женщин из общественно-политической и профессиональной сфер, а также усилившиеся к середине 1990-х гг. социально-экономические проблемы в новых землях ФРГ обусловили определенную радикализацию восточногерманских женских организаций и групп. При этом следует обратить внимание на то, что изменение ситуации в женском движении в Восточной Германии в 1990-е гг. в целом повторяло аналогичные процессы, которые происходили в западногерманском государстве в конце 1970-х — начале 1980-х гг.

В ФРГ в указанный период женские организации, которые так и не сумели добиться значительных уступок со стороны федерального правительства по целому ряду важных вопросов (отмены уго-

ловного преследования за совершение аборта, введения дополнительных гарантий равноправия при приеме на работу), переориентировались на активную борьбу за изменение внутренней и внешней политики этого государства [31]. Так, весной 1980 г. в центре внимания многочисленных женских групп оказалась проблема размещения на территории страны американских ракет средней дальности в ответ на аналогичный шаг СССР, осуществленный советским руководством еще в 1976 г. Включившиеся в "движение за мир" активистки женских организаций требовали от федерального руководства отказаться от осуществления этого решения стран-членов НАТО. В ходе массовых выступлений протеста, проходивших в крупных западногерманских городах в период 1980—1983 гг., женские группы активно поддерживали такие лозунги, как выход ФРГ из Организации Североатлантического договора, роспуск буддесвера и осуществление постепенного всеобщего разоружения.

Женщины составили более половины участников наиболее массовых демонстраций в поддержку этих требований, которые состоялись в Бонне 10 октября 1981 г. (около 250 тыс.) и 10 июня 1982 г. (до 350 тыс.). Примечательно, что в общении с автором этих строк некоторые из участниц этих акций, ныне занимающие ответственные должности в аппарате СДПГ, уверенно называли еще большее число женщин, участвовавших в антивоенных демонстрациях в прежней столице ФРГ. Не менее активное участие политически ангажированные женщины приняли в массовых антивоенных акциях, которые состоялись в октябре 1983 г. после принятия НАТО окончательного решения о размещении крылатых ракет в странах Западной Европы. Особенно много женщин участвовало в организованной левыми партиями "живой цепочке с зажженными свечами" между южнонемецкими городами Штутгарт и Ной-Ульм [32].

Фактическое поражение антивоенного движения в Западной Германии, участники которого так и не смогли добиться успеха, привело к постепенному включению активисток женских групп в партийные структуры ведущих политических сил левого спектра ФРГ. Большинство предпочло примкнуть к образованной в начале 1980 г. общедеральной партии "зеленых", в рамках которой они продолжили борьбу за осуществление своих целей. После воссоздания единого немецкого государства радикальные женские движения в ФРГ получили дополнительную поддержку среди утративших свой прежний социальный и профессиональный статус восточногерманских женщин.

Широкое представительство женщин в партийном активе левых партий, в первую очередь, в радикально оппозиционной ПДС (43% членов и более 50% руководителей) явилось одной из причин более значительного присутствия женщин в восточногерманских

ландтагах, в которых значительная часть депутатов представляла СДПГ, ПДС и “Союз-90 — зеленых”, нежелали в западногерманских, где у правых были более крепкие позиции и отсутствовали фракции левых социалистов. Так, по состоянию на 1994 г. в земельных парламентах Восточной Германии было 30% женщин-депутатов, в то время как в западной части страны лишь 24% [33].

В последующие годы именно женщины-депутаты от левых партий в германском бундестаге стали наиболее радикальными оппонентами федерального руководства в сфере международного сотрудничества. Так, депутат бундестага и эксперт ПДС по международным вопросам дрезденский адвокат Андреа Ледерер в середине 1990-х гг. неоднократно обвиняла правительство Гельмута Коля в стремлении к милитаризации внешней политики страны [34]. Заместитель руководителя фракции этой партии в бундестаге доктор Кристиа Люфт, которая трижды избиралась в нижнюю палату германского парламента жителями одного из округов Восточного Берлина, весной 1999 г. стала одним из наиболее последовательных противников участия вооруженных сил ФРГ в военной операции НАТО против Югославии. На встрече представителей парламентских фракций с канцлером Герхардом Шредером 9 апреля 1999 г. она заявила, что в ответ на продолжение бомбардировок югославской территории ПДС будет оказывать поддержку массовому антивоенному движению. Кристиа Люфт призвала общественность страны выступить против внешней политики федерального правительства, результатом которой, по мнению левых социалистов, явилось нападение стран НАТО на Югославию [35]. В восточногерманской земле Бранденбург антивоенную кампанию возглавила лидер региональной организации этой партии Анита Так, которая в марте-июне 1999 г. сумела организовать сбор более 10 тыс. подписей жителей этой земли против продолжения военной операции на Балканах [36].

В апреле 1999 г. эксперт фракции “зеленых” по вопросам безопасности, депутат бундестага и известная активистка западногерманского женского движения Ангелика Беер заявила о существовании секретного раздела в тексте соглашения в Рамбуйе, которое представители западных государств, в т.ч. и министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер, предлагали подписать югославскому президенту Слободану Милошевичу. По мнению Ангелики Беер, содержание этого документа существенно ограничивало государственной суверенитет СРЮ, что фактически предопределило нежелание лидера Югославии поставить под ним свою подпись и спровоцировало начало войны [37]. Тем самым эта женщина-политик подвергла сомнению способность немецких дипломатов найти наиболее эффективное решение одной из самых сложных проблем современной мировой политики.

В заключении следует обратить особое внимание на следующий факт. По данным одного из социологических опросов, на которые, в частности, ссылается немецкая исследовательница Гизела Хельвиг, более 80% немцев, при этом как мужчин, так и женщин, считают вполне допустимой ситуацию, если женщина станет федеральным канцлером [38]. Поскольку одним из наиболее популярных политиков нынешней Германии является бывший федеральный министр доктор Ангела Меркель, в 1999 г. избранная на пост председателя крупнейшей оппозиционной партии страны — Христианско-демократического союза, вероятность того, что после федеральных выборов 2002 г. во главе ФРГ встанет именно эта женщина, весьма велика.

В этом случае процесс усиления влияния гендерного фактора на общественно-политическое развитие Германии может в конечном итоге подчеркнуть многовековую традицию исключительно мужского лидерства в этой стране. Вместе с тем следует отметить, что приход к власти в этом европейском государстве женщины едва ли сможет автоматически решить те многочисленные проблемы, которые возникли в начале 1990-х гг. в связи с созданием единого немецкого государства. Они были обусловлены ухудшением социального, профессионального и общественно-политического статуса женщин в новых восточных землях, вследствие чего в ФРГ произошла очередная радикализация наиболее активной части женского движения, некоторые представительницы которого подвергли сомнению оправданность избранного нынешним руководством страны курса в сфере внутренней и внешней политики.

Эффективное решение этих проблем позволит объединенной Германии выйти на лидирующие позиции в Европейском союзе в сфере проведения прогрессивной гендерной политики, тем более, что по целому ряду показателей (присутствие женщин в органах законодательной, исполнительной и судебной властей, а также в армейских структурах и сфере менеджмента, правовые гарантии соблюдения принципа равноправия при приеме на работу и продвижении по службе и т.д.) ФРГ уже вплотную приблизилась к североамериканским стандартам, которые по-прежнему являются эталоном соблюдения принципа гендерного равноправия в демократическом государстве.

Ёйой-ёёёё ё ёёёёёёёёё

1. Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 33.
2. Deutscher Bundestag. 14. Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S. 297.

3. Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 33-34.
4. Herzog Dietrich. Die Fuehrungsgremien der Parteien: Funktionswandel und Strukturentwicklung // Gabriel Oscar.W., Niedermayer Oskar., Stoess Richard (Hrsg.). Parteiendemokratie in Deutschland. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 316-317.
5. Sander Wolfgang u.a. Wahlanalyse und Wahlprognose im Unterricht. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1998. S. 260.
6. Herzog Dietrich. Die Fuehrungsgremien der Parteien: Funktionswandel und Strukturentwicklung // Gabriel Oscar.W., Niedermayer Oskar., Stoess Richard (Hrsg.). Parteiendemokratie in Deutschland. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 317.
7. Yoder Jennifer. The regionalisation of political culture and identity in postcommunist Eastern Germany // East European Quarterly. 1998. XXXII, № 2. P. 218.
8. Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 35.
9. Almanach der Bundesregierung 1993/1994. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1993. S. 84.
10. Deutscher Bundestag. 14. Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S. 297.
11. Lehmann Hans Georg. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 150, 162, 215, 218, 222-223, 225, 304, 308, 312-314.
12. Almanach der Bundesregierung 1993/1994. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1993. S. 14, 38, 42, 62.
13. Lehmann Hans Georg. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 453.
14. Sander Wolfgang u.a. Wahlanalyse und Wahlprognose im Unterricht. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1998. S. 261.
15. Deutscher Bundestag. 14. Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S. 293-296.
16. Ebd. S. 306.
17. Schuettemeyer Suzanne S. Schleswig-Holstein // Hartmann Juergen u.a. Handbuch der deutschen Bundeslaender. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 605.
18. Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 33-34.
19. Ebd. S. 36-37.
20. Mueller Helmut M. Schlaglichter der deutschen Geschichte. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1995. S. 471.
21. Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 39.
22. Lehmann Hans Georg. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 377-378, 396-397.
23. Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 291.
24. Lindner Bernd. Die demokratische Revolution in der DDR 1989/1990. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1998. S. 11-12; Goertmaker Manfred. Veraenderungen im Zeichen der Entspannung // Broecker Michael, Diehl Elke, Faulenbach Juergen u.a. Der Weg zur Einheit. Deutschland seit Mitte der achtziger Jahre. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 11.
25. Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 32.
26. Woyke Wichard. Stichwort: Wahlen. Opladen: Leske+Budrich, 1996. S. 61.
27. Koch Thomas. Die DDR ist passe, aber die Zeiten des naiven Beitritts nach // Die real-existierende postsozialistische Gesellschaft. Wissenschaftliche Konferenz der Brandenburgischen Landeszentrale fuer politische Bildung, Potsdam, 14-16.12.1993. Berlin, 1994. S. 162.
28. Schroeter Ursula. Ostdeutsche Frauen im Transformationsprozess: eine soziologische Analyse zur sozialen Situation den ostdeutschen Frauen (1990-1994) // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1995. № 20. S. 32, 41.
29. Patzelt Werner J., Ann Joachim. Sachsen // Hartmann Juergen u.a. Handbuch der deutschen Bundeslaender. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 517; Lappe Lothar. Jugend und Arbeit in den neuen Bundeslaendern // Hoffmann Reiner, Kluge Norbert, Linue Gudrun, Mezger Erika. Problemstart: Politischer und sozialer Wandel in den neuen Bundeslaendern. Kohn.: Bund-Verlag, 1994. S. 162.
30. Badur Manuela. Junge Frauen aus Ostdeutschland. Individualisierungsprozesse im Zuge der deutschen Einigung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1999. № 12. S. 28.
31. Mueller Helmut M. Schlaglichter der deutschen Geschichte. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1995. S. 412.
32. Ebd. S. 426.
33. Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S. 290.
34. Debatte ueber deutsche Beteiligung zur Unterstuetzung der UN-Truppen in fruheren Jugoslawien in der 48. Sitzung des 13. Deutschen Bundestages am 30. Juni 1995 // Das Parlament. 1995. Der. 14 Juli. S. 5-6, 10; Lederer Andrea. Die allgemeine Wehrpflicht ist undemokratisch // Bundestag-Report. 1994. № 3. S. 15.
35. Kosovo-Krieg sofort beenden, politische Loesungen suchen und humanitaere Hilfe intensivieren! Nach der Untersuchung der Fraktionsvorsitzenden der im Bundestag vertretenen Parteien ueber den Krieg

im Kosovo am 9.4.1999 durch den Bundeskanzler erklart die Stellv. Fraktionsvorsitzende der PDS im Bundestag, Prof. Dr. Christa Luft [PDS on-line]; available from <http://www.pds-online.de/1/zukunft/9904/luft.htm>; Internet; accessed 9 June 1999.

36. Neisse Wilfried. PDS gegen Koalition mit kriegsfuehrender Partei // Neues Deutschland. 1999. Der. 13 April. S. 20.

37. Beer Angelika. In Deutschland findet keine gesellschaftliche Debatte statt // Das Parlament. 1997. Der. 16 Mai. S. 3.

38. Helwig Gisela. Frau und Gesellschaft // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S. 35.

РАЗДЕЛ III

ЖЕНЩИНА, СЕМЬЯ И БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Н.ў. Сліж

ЖАНЧЫНА Ў ШЛЯХЕЦКАЙ СЯМ'І Ў XVI—XVII СТАГОДДЗЯХ

Муж і жонка складалі базавы элемент, на якім трымалася шляхецкая сям'я. Хоць яна насіла патрыярхальны характар, і галавой яе лічыўся мужчына, без моцнага статусу жанчыны гэты інстытут не мог стабільна функцыянаваць. Ад жанчыны залежылі маральны дабрабыт сям'і і выхаванне будучага пакалення. Грамадства патрабавала, каб яна была ўзорнай жонкай, маці, рэлігійнай мецэнаткай. Увесь унутраны свет сям'і трымаўся на жанчыне. Ён выступіў жыццяздзейнасці павінен быў забяспечыць мужчына. Ён выступіў абарончай юрыдычных і эканамічных правоў усіх прадстаўнікоў сям'і. Таму саюз муж-жонка быў фундаментам, на якім трымалася сям'я. Прыкладамі такой сістэмы могуць служыць сем'і трокскага падкаморыя Агінскага Багдана Мацвевіча (?—1625) і Райны Рыгораўны Валовіч, каралеўскага маршалак Унучкі Марэка Лаўрынавіча (?—1587) і Соф'і Шыманавай Міцкевіч, наваградскага падсудка Еўлашоўскага Фёдара (1546—1619) і Ганны Балатоўны, полацкага кашталіяна Зяновіча Юрыя Мікалаевіча (1510—1583) і Ганны Іванаўны і інш. У гэтых сем'ях прасочваецца ўзаемадапамога і падтрымка ва ўсіх справах — грамадскіх, рэлігійных, сямейных і нават палітычных. Стабільнасць і непарывнасць інстытута сям'і была ў інтарэсах дзяржавы, грамадства, царквы, таму яны сачылі, каб шляхціц і шляхцічка адпавядалі ўтвораным ідэалам. Гэта было важна для існавання ўсёй феадальнай сістэмы грамадства.

Для таго, каб зрабіць палітычную ці вайсковую кар'єру неабходны былі веды. Без іх кіраванне дзяржавай, ваяводствам, паветам і нават уласнай гаспадаркай было немагчыма. Для мужчыны-шляхціца лічылася аднолькава пачэсным займацца дзяржаўнымі справамі, служыць ў войску ці стаць рэлігійным дзеячом. Яны мелі больш магчымасцяў у атрыманні адукацыі і праходзілі шлях ад хатніх настаўнікаў да універсітэтаў. Адначасова іх вучылі вайсковым навукам. Такім чынам адукоўвалася большасць прадстаўнікоў мужчынскай часткі шляхецтва.

Адукацыя і выхаванне жанчын была пастаўлена па-іншаму. Патрабаванні да ведаў і адукацыі дзяўчынак залежылі ад таго, да якога саслоўя яны належылі. Асноўныя веды шляхціцкі атрымлівалі ў хаце. Пры дасягненні падлеткавага ўзросту дзяўчыну пачыналі рыхтаваць да шлюбу і сямейнага жыцця. Шляхціянак вучылі пісьму, чытанню, рэлігійным законам. У выхаванні працэсе значная ўвага звярталася на фармаванне ў шляхціцкі такіх якасцяў, як цнатлівасць, рэлігійнасць, гаспа-

дарліваць. Яе рыхтавалі да ролі будучай маці і гаспадыні. Гэтая тэндэнцыя ў выхаванні найбольш яскрава праявілася ў XVII ст. Норава шляхецкага грамадства, якія існавалі ў папярэднім стагоддзі, і наўнасьць некалькіх рэлігійных плыняў (праваслаўе, каталіцызм, пратэстантызм) дазвалялі шляхціцкаму большвольнаму паводзінка-выя ўзору. З прыняццем Статута ВКЛ 1588 г. і перамогай Контррэфармацыі патрабаванні да прадстаўніц жаночага полу сталі больш жорсткімі. Іх паводзіны сталі знаходзіцца пад пільнай увагай грамадства і царквы.

Найлепшым месцам для цнатлівага выхавання быў кляштар, куды прыймаліся дзяўчыны ад 7 да 25 гадоў. Па дасягненні 25-гадовага ўзроста, яе далейшае знаходжанне ў ім вырашалася біскупам, або яна павінна была стаць манахіняй. Не дазвалялася прымаць у адзін манастыр двух сяспёр акрамя выпадкаў, калі бацькі ўнеслі за гэта дадатковую плату. Выхаванкі трымаліся асобна ад манашак. Пасля заручын дзяўчына павінна была тэрмінова пакінуць кляштар¹.

Распараджэнні пра будучыню дачок можна знайсці ў тэстаментах іх бацькоў. Бабруйскі староста Пётр Трызна (?—1639) распарадзіўся, каб яго дачкі Кацярына і Тарэза выходзілі ў кляштары Св. Бенедыкта. Кацярына павінна была стаць манахіняй. Тэрэзу апекуны маглі змясціць там, дзе яны захочуць, але аўтар тэстаментаў быў схільны, каб яна жыла і выходзілася ў кляштары пад наглядам набожнай жанчыны.

Канюшы Вялікага княства Літоўскага Багуслаў Радзівіл таксама пажадаў, каб яго дачка Людвіка Караліна атрымала цнатлівае выхаванне. На яго думку, самым лепшым месцам для яе адукацыі быў двор сваячкі Кацярыны Глябовіч. Пры дасягненні ўзросту, “калі яна зможа вандраваць, то хай працягне адукацыю толькі пры двары курфюрста ў Прускім каралеўстве”. Багуслаў жадаў, каб будучы муж Людвікі Караліны быў са славуатага роду і калівніцкага веравызнання.

Рэлігійнай адукацыяй асабліва вылучаліся пратэстанткі. Берасцейскі земскі судзя Пётр Кахлеўскі быў шчырым калівністам і адпаведна выходзіў сваіх дзяцей. Ён падараваў сваім дочкам Агнэсе, Хрысціне і Марыяне па Бібліі (1646)². Такі падарунак не мог быць выпадковым. Для Пятра Кахлеўскага было важна, каб дачкі мелі ў сабе менавіта Біблію і кіраваліся гэтым вучэннем ва ўсіх жыццёвых сітуацыях.

1 НГАБ у Мінску. Ф. 694. Вол. 1. Спр. 463.

2 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. Ф. 1663. Вол. 1. Спр. 932.

Толькі ў XVIII ст. у дзяўчат з'явілася магчымасці атрымліваць лепшую адукацыю. Шэраг жаночых манашаскіх ордэнаў (бернардынікі, брыгіткі, візіткі, сястры міласэрнасці і інш.) засяродзілі сваю дзейнасць на адукацыі дзяўчат. Акрамя пачатковых ведаў дзяўчынак вучылі рукадзеллю, а пры неабходнасці — французскай мове¹. У гэты час пачалі ствараць свае школы магнацэркі. Яны бралі на выхаванне дзяўчат з дробнай шляхты, а сваіх дачок разам з дачкамі родных і сяброў вучылі этыкету і танцам². У гэты перыяд з'явілася шмат мемуараў, дзённікаў, літаратурных і навуковых прац, напісаных жанчынамі. Яны таксама арганізавалі музеі і культурныя цэнтры³.

Паўналецца дзяўчынкі дасягалі ў 13 год, а хлопцы — у 18⁴. У папярэдніх Статутах 1529 і 1566 гг. паўналетнімі дзяўчынамі лічыліся ў 15 год⁵. Але гэта не азначала, што пасля гэтага дзеці атрымлівалі свабоду дзеянняў. Яны працягвалі знаходзіцца пад уладай сям'і. Дзеці не маглі самастойна без дазволу бацькоў уступаць у шлюб. За такі ўчынак дзяўчыну пазбаўлялі пасага і маёнтка, калі яна выходзіла замуж за чалавека ніжэйшага паходжання, а калі гэта быў шляхціц, то маёнтка захоўваўся⁶.

Па закону дзеці з'яўляліся спадчыннікамі першай чаргі, але атрымлівалі спадчыну толькі пасля смерці бацькі. Маёнасць павінна была дзяліцца роўна паміж усімі дзяцьмі, незалежна ад якога шлюб яны народжаны — першага, другога ці трэцяга. Бацькам надавалася права пазбавіць маёнасці сына (дачку), які зняважыў ці ўдарыў іх. Асноўнымі нашчадкамі гавы сям'і з'яўляліся сыны. Дачкі не наследвалі нерухомую маёнасць, а атрымлівалі 1/4 кошту маёнасці ў пасаг⁷. На практыцы сустрэкалася перадача нерухомай маёнасці дочкам, калі ў сям'і не было сыноў, або было

1 Ганчарук І. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі: канец XIV—XX стст. // Беларусіка-Албатушеніса. Кн. 6. Беларускія паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультуранага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Ч. II. Мн.: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. С. 182-183.

2 Сліж Н. Статус жанчыны-шляхцінкі ў ВКЛ (XVI-XVIII стст.) // Беларускі гісторычны часопіс. 1996. № 4. С. 60.

3 Тамсама. С. 61-64.

4 Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С. 195.

5 Статут ВКЛ 1529. Р. 1. Арт. 18. Статут ВКЛ 1566. Р. 3. Арт. 38.

6 Статут 1529. Р. 4. Арт. 10. Статут 1566. Р. 5. Арт. 7. Статут 1588. Р. 5. Арт. 8.

7 Статут 1529. Р. 4. Арт. 7. Статут 1566. Р. 5. Арт. 1. Статут 1588. Р. 5. Арт. 2, 3.

двое ці трое дзяцей. Маёнткі мацеры дзяліліся пораўну паміж усімі дзяцьмі¹. Апека прызначалася за непаўналетнімі. Па закону апекунамі лічыліся бацька ці маці, родзічы. Чужыя маглі стаць апекунамі па тэстаменту ці па рашэнні суда, калі належылі да аднаго саслоўя з апекаемым, мелі ўласны маёнтка, былі ураджэнцамі Вялікага княства Літоўскага, былі не вельмі старымі, добра велі гаспадарку. Маёнткі апекаемага нельга было дарыць, прадаваць, закладваць².

Шлюб быў галоўным інстытутам для дзяўчыны. Яна ўступала ў яго ў даволі юным узросце, прыкладна ў 14—15 год. Акрамя шлюбу, была другая альтэрнатыва. Гэта — служэнне Богу. Такі лёс абралі дачкі падкаморыя Вялікага княства Літоўскага Фелікса Яна Паца³. Хрысціна-Эўфімія Радзівіл спачатку стала паслушніцай, потым манашыняй і ігуменняй манастыра бернардынак у Нясвіжы. Яна лічылася самай яскравай абатысай на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага ў XVII ст.⁴ Асноўная роля ў заключэнні шлюбу Статуты 1529, 1566, 1588 гг. прызначалі бацькам маладых. Яны павінны былі дамовіцца аб вене і пасагу, а потым ужо гуляць вяселле. Абавязковым было царкоўнае вячэнне для таго, каб надаць шлюбам законнасць⁵ і каб мець доказы шляхетнага паходжання дзяцей⁶. Калі на час шлюбу дзяўчына была без бацькоў, то замуж яе выдавалі апекуны ці дарослыя браты.

Аб жыцці ў шлюбе можна даведацца з панегрыкаў, ці пахавальных казанях, якія пісаліся на смерць шляхціца ці шляхцінкі Вялікага княства Літоўскага. Шляхецкая сям'я замаўляла напісанне гэтага твора ксяндзам. Панегрыкі пісаліся на польскай ці лацінскай мовах і друкаваліся ў Кракаве, Львове, Брэсце, а часцей за ўсё — ў Вільне. Яны чыталіся на пэрымоні пахавання. У панегрыку ў ідэалістычнай форме адлюстроўвалася жыццё нябожчыка, падрэсліваліся яго лепшыя рысы характару, ухваляліся яго ўчынкамі, подзвігі, дасягненні. Пахавальныя казанні з'яўляюцца адной

1 Статут 1529. Р. 4. Арт. 12. Статут 1566. Р. 5. Арт. 13. Статут 1588. Р. 5. Арт. 40.

2 Статут 1588. Р. 6. Арт. 1-15.

3 Borkowska S.M. Dekret w niebeskim fetowaniu parafamence. Krakow, 1984. S. 137.

4 Масленицына И., Богодзек Н. Радзивицкія - несвіжскіе королі. Мн., 1997. С. 132-142.

5 Abraham W. Zawarcie małnstwa w pierworotnem prawe polskim. Lwow, 1925. S. 344-353.

6 Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С. 195.

з найцікавейшых крыніц, якая раскрывае мужчынскія і жаночыя ідэалы шляхецкага грамадства XVI—XVIII стст. Нажаль, як адзначаецца ў аргыкуле Юліюша Храсціцкага¹, сярод гісторыкаў тэтыя крыніцы не знайшлі яшчэ адпаведнай увагі.

Сам тэкст панегрыкаў насіў рэлігійны характар, у ім было шмат цытат з Евангелля, разважанняў аб смяротнасці чалавека. Цяжка сказаць на конт дасканаласці інфармацыі жыццяпісальнага характару і шляхецкіх цнот, але калі верыць панегрыкам, то шляхецкае саслоўе трэба было кананізаваць, што, канешне, не заўсёды адпавядала рэчаіснасці.

Рэлігійнасць стала неад’емнай часткай шляхецкага жыцця, таму гэту рысу ксяндзы імкнуліся добра праілюстраваць. Напрыклад, жонка Мікалая Радзівіла Эльжбета Шыдлавецкая (1533—1562) за свой кароткі век жыцця паказала сваю багатаязлівасць, яна шмат чытала малітв. Паміраючы, Эльжбета наказала дзецям, каб яны шанавалі Бога². Пра парнаўскага ваяводу Пятра Трызна было адзначана, што ён быў спраўдным сынам Божым, аднак ён не паказваў сябе яго сынам, а сынам чалавечым³. Багабаязлівай геранійкай назваў жонку слонімскага маршалка Пятра Тышкевіча Ганну Кандержаўскую (?—1653) ксёндз Раймунд Заянчкоўскі⁴. Стэфан Пізцік адзначае сярод шматлікіх дасягненняў слонімскага маршалка Стэфана Ячыніча бачыння Бога і службу яму⁵. Гетман ВКЛ Ян Караль Хадкевіч (1561—1621) быў актыўным рэлігійным дзеячом. Фундаваў за ўласны кошт у Крэтынзе Бернардынскі касцёл і кляштар, у Быхаве — кляштар, у Жмудзі — езуіцкі кляштар⁶. Сапегі рабілі фундацыі ў Вільне, Гродна, Брэсце, Дзярэчыне, Быхаве і інш. Надворны маршалак Павел Караль Сангушка з жонкай Марыянай Любамірскай фундаваў кляштар Басых кармелітаў у Любліне. У дава Міхала Казіміра Радзівіла Кацярына

¹ Chrościcki J.A. Wiadomości o mecenacie artystycznym magnaterii i szlachty polskiej na podstawie panegryków pogrzebowychod XVI do końca XVIII wieku // Rocznik Historii sztuki. 1973. T. 9. S. 147.

² Bazilik C. Krótkie opisanie sprawy przy śmirci pogrzebie oświeconej księżny Helżbity z Szydłowca Radziwiłłowej wojewodziny wileńskiej. Brześć, 1562. S. 7, 10.

³ Kazimira tożnie. S. 20-21.

⁴ Ibid. S. 37.

⁵ Gizicki S. Panegryk P. Stephana Jacyńczu Slonimskiego powieży marszałka. Wilna, 1637.

⁶ Birkowski F. Jan Karol Chodkiewicz ó Jan woynier, wielmożni waleczni, pobozni wojowodowie, pamięćią pogrzebna. Kraków, 1627. S. 528.

падарвала цынакаваю труну для пахавання цела Пятра Скаргі. Берасцейскі падкаморы Міклай Пац заснаваў касцёл у Квячыцах. Гетман ВКЛ Міхал Серванцы Карыбут фундаваў і рэстаўраваў шмат кляштраў і шмат кляштароў¹. Выдатную характарыстыку атрымала жонка смаленскага падкаморыя Антонія Храпавіцкага Тарэза Петранела Валадковіч. Яна была набожным узорам жыцця. Святочныя дні праводзіла ў касцёле і малітвах, слухаючы слова Божае. Такімі паводзінамі яна вылучалася з маладых гадоў².

Соф’я Астроўская выйшла замуж ў 25 год. У шлюбе яна правяла 10 год, а ва ўдаўстве — 25. Прыводзячы словы апостала Паўла, што муж гэта галава жонкі, аўтар панегрыка робіць выснову, што калі памірае муж жонка застаецца без галавы, як пень без галля³. Удава, частка якой у зямлі, а другая па зямлі ходзіць, з’ўляецца неспраўднай, бо без галавы. На думку аўтара, Астроўская была сапраўднай удавой, бо ў якасці каханага ўзяла сабе Бога. Страціўшы мужа, яна больш не выйшла замуж і вяла вельмі рэлігійнае жыццё. Бог захаваў яе 25 годоў у паненскім стане і 25 — як удаву. Гэтым ён хацеў паказаць, што яна яму міла ў абодвух станах. Аўтар добра праілюстраваў найлепшыя цноты: чысціню душы і цела, як ідэал да якога трэба імкнуцца.

Рэлігійнасць была важнай рысай характару для жанчыны. Аўтары панегрыкаў апісвалі яе вельмі падрабязна, ілюструючы прыкладамі з жыцця. Пра Тэрэзу Петранелу з Валадковічаў Храпавіцкую ўказвалася, што яна мела рэлігійнае выхаванне, праводзіла ўвесь час за чапаннем малітваў і дапамогай абяздоляным. У шляхецкім асяроддзі было добрым тонам праўляць схільнасць да рэлігіі, аднак для жанчыны гэта становіцца неад’емнай рысай яе вобраза.

Каб даказаць, што нябожчык быў выдатным нашчадкам і адрымаў у спадчыну ўсе лепшыя рысы роду, прыводзіўся спіс продкаў. Яны сустракаюцца ў мужчынскіх і жаночых панегрыках. У спісах былі продкі па бацькоўскай і мацярынскіх лініях. Ежы Дэспат Зяновіч (пам. 1649) меў выбітных продкаў. Смаленскі ваявода Зенеў Зяновіч адважна служыў Айчыне. Ежы Зяновіч 10 год быў у вайскавай службе ў Венграх пры карале Яне і атрымліваў пенсію над туркамі. Чачэрскі і прапойскі староства Крыштаф Зяновіч (1540-1614) служыў у чужых землях пад пачалам гетмана ВКЛ Яна Хадкевіча. Яго сын полацкі кашталян Мікалай Зяновіч (пам. 1621) біў туркаў і загінуў пад Хоцімам⁴. Усхваляючы дом Ва-

³ Świętlica Boza nieby do schowania oddana na exequiach godney pamięci Jey Mość Paney Zofiey Ostrowskey Ostafey Korsakowecz. woyskiej Polockiey. Wilna, 1651. S. 7, 12.

ловічаў, з якога паходзіла Тэжля Пац, аўтар панегрыка пералічаў яго вябітных дзеячоў: дворны падскарбі Павел (пам. 1630), кара-леўскі дворанін Марцін, сакратар канцаларыі Марцін¹. Гісторыя радоў, звязаных з асобай Тэрэзы Петранелы з Валадковічаў Храпавіцкай, прадстаўлены ў яе панегрыку. Гэта былі Валадковічы, Слізні, Храпавіцкія, Лацкія. Узгадкі аб сваяках ёсць у пахавальных казаннях, прысвечаных Пятру Трызне, Аляксандру Масальскаму².

У мужчынскіх панегрыках спасылка на подзвігі продкаў паказвала, што нябожчык быў годны сваяго роду і працягваў яго традыцыі. І тут можна добра ўбачыць, якія якасці паніліся ў шляхціцах у першую чаргу. Часцей адзначалася яго грамадская і палітычная дзейнасць. Дзяржаўныя пасады паказвалі, якую прыступку ў шляхецкім асяроддзі займаў род. Такія пасады як гетман, канцлер, ваявода, кашталян вельмі паніліся. Вайсковая служба была прамым абавязкам. Па словам Аўгустына Віцінскага шляхціц не павінен чакаць смерці, а калі будзе патрэба, то аддаць сваё жыццё за Айчыну³. Сапраўдны шляхціц у вачах грамадства прадставаў як ваяр-абаронца, дзяржаўны дзеяч, добры сем'янін, адукаваны носьбіт шляхецкай культуры, рэлігійны чалавек. Гэты эталон быў выпрацаваны на працягу XVI ст. і стаў неад'емным эле-ментам шляхецкага жыцця. Ён паграбаваў добрых адносінаў да жонкі як да маці яго дзяцей і сябра, якая падтрымлівае мужа ва ўсіх складаных сітуацыях. Шляхціц з'яўляўся галавой сям'і. Таму ў пахавальных казаннях Ежы Зяновіча, Альбрэхта Уладзіслава Радзівіла, Міхала Вішнявецкага адзначалася, што жонкі і дзеці пасля іх смерці засталіся сіратамі. Пра жонку Стэфана Ячынчыка Калюмну паведамлялася, што яна цнатлівая, верная і прыслугоўвала мужу. Сваёй каханай жонцы справіў добрае пахаванне гетман ВКЛ Ян Караль Хадкевіч.

Калі мужчыны мелі даволі шырокае кола для рэалізацыі сваёй актыўнасці, жанчыны былі абмежаваны сем'ёй і гаспадаркай. Пры апісанні жыцця шляхцінкі аўтары пахавальных казанняў звярталі ўвагу на характар жанчыны і яе ўнутраны свет. На шляхцінку ўзлагалася адказная роля быць носьбітам найлепшых чалавечых

⁴ Witunski A. Okowy niesmertelnej slawy u chwały JM Pan Erzego Despota Zieniowicza starosty Upickiego Pulkwonika Mężnego u sławnego w dzień pogrzebu ciała jego w kosciole Wilenskim Franciszka Świętego, Oycow Bernardzinow. Vilna, 1650.

¹ Megolin M. Kres straża Wołłowiczowskich...

² Тутул жыцця і змярці Welmożnej JM Pani Terezy... Kazynia różnie. S. 20-21, 97-98.

³ Kazynia różnie. S. 85.

якасцей. Розныя сферы дзейняў шляхціца і шляхцінкі адбіваліся на іх вобразах. І ў гэтым плане панегрыкі выдатна ілюструюць розніцу ў ролях мужчыны і жанчыны ў грамадстве. Пры характарыстыцы жыцця шляхцінкі асноўнай канвой праходзіць яе шлюб, муж, дзеці і іх выхаванне, рэлігія. Менавіта такім чынам была прадстаўлена ў панегрыку Эльжбета з Шыдлавецкіх. Яе шлюб з Мікалаям Радзівілам выглядае ідэальным: яны разумелі адзін аднаго, захоўвалі вернасць у шлюбе і вельмі кахалі, у яго можна была навучыцца як трэба кахаць жонку, а ў яе — мужа. Яны прабылі разам 14 год. За гэты час у іх нарадзілася 9 дзяцей. Эльжбета была ўзорнай маці: добра выхавала дзяцей. Перад смерцю яна паклікала іх да сябе, блаславіла, наказыла старэйшай даччы быць прыкладам для малодшых сяцёр. Усім дзецям было сказана, каб яны святое пісанне чыталі, Бога кахалі, бацьку павагу выказвалі¹. Гэта вельмі яскрава ўзор жонкі і маці, які можна разглядаць як інструкцыю для іншых шляхцінак.

"Каронай для свайго мужа" была матрона Тэжля з Валовічаў Пац. Каханы муж быў дадзены ёй як дар ад Бога. Разам з ім яна да-чакалася дзяцей і ўнукаў. Яна характарызавалася як мудрая, кемлівая, цнатлівая, добра выхаваная кабета.

З Біблейскай Рахеллю параўноўвалася Тэрэза Петранела з Валадковічаў. Рэлігійную адукацыю яна атрымала пры двары мінскага падсудка Стэфана Валадковіча. У маладосці яна час праводзіла ў малітвах, ў чытанні, а не ў гульнях і забавах. Мудрасць у яе была як у цара Саламона: яна пранікала ў божую навуку, разумела людзей і давала ім добрыя парады. Гэта хрысціянка была праўдзiва ў кожнай сваёй цюце. Антоні Храпавіцкі атрымаў яе ў свой дом як сунеху для свайго сэрца. У шлюбе нарадзіліся сын і дачка.

Такім чынам, жанчына мела высокі статус у сям'і, яе паважалі муж і дзеці. Гаспадыня даглядала за мужам, выходзіла дзяцей, кіравала гаспадаркай, захоўвала сямейныя традыцыі. Пазіцыі мужа і жонкі ў шлюбе акрэсліваліся ў значнай меры як і для ўсяго шляхецкага грамадства стасункамі маёмаснымі, свабодай прававых дзеянняў, роллю сваякоў у сямейным жыцці, саслоўнымі традыцыямі ў адносінах паміж мужам і жонкай, сярод якіх галоўным для раўнавагі быў маёмасны аспект².

¹ Bazilik C. Krótkie opisanie sprawy... S. 6-11.

² Koczarska M. Rodzina szlachecka w Polsce różnego šreniewiecsza. W., 1975. S. 64.

С.А. Толмачёва

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС БЕЛОРУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Отечественными и зарубежными этнографами, публицистами, социологами, демографами и т.д. написано большое количество работ, касающихся вопроса о положении женщины в России. Довольно подробно изучена жизнь женщины второй половины XIX в. в великороссийских губерниях. Однако в исторической литературе «ни в России, ни в других странах социальное, семейное, юридическое положение русских женщин XIX — начала XX в. практически не изучалось (за исключением этнографической литературы)» [1]. О жизни белорусской крестьянки в названный период известно еще меньше. Исследователи затрагивали некоторые аспекты этого вопроса в своих работах, но всестороннего освещения он не получил. Поэтому автору представляется необходимым подробное изучение данной проблемы.

По результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., женщины составляли 49,85% крестьянского населения Беларуси, мужчины — 50,15% (в Европейской России — соответственно 50,97 и 49,03%). Удельный вес женщин-крестьянок наиболее высоким был в Могилевской губ. — 50,69%, самым низким — в белорусских уездах Гродненской губ. — 48,1% [2, с. 44].

Для выяснения положения женщины-крестьянки необходимо рассмотреть, в первую очередь, внутрисемейные отношения. Структура и размеры семьи были, пожалуй, наиболее важными для характеристики жизни женщины. В середине XIX в. на территории Беларуси преобладали большие, неразделенные семьи, в состав которых входили несколько брачных пар, которые были связаны родственными отношениями и вели общее хозяйство — 51,3%. Малых семей, состоявших из одной брачной пары с детьми или без, было несколько меньше — 47,1%. Одиноких было ничтожно мало — 1,6% [3, с. 45].

Именно в большой семье статус женщин сильно различался. В основную внутрисемейных отношений лежал иерархизм. Все подчинялись главе семьи (большаку), женщины — жене главы семьи и мужчинам, младшие по возрасту — старшим. Женщина стояла на заднем плане и должна была беспрекословно слушаться большака и своего мужа. П. В. Шейн отмечал, что «в семейной жизни... считают женщину ниже мужчины, даже если муж и убьет жену, то ответственности не несет...» [4, с. 21]. Бесправное положение мужчины-крестьянина по отношению к представителям власти неминусом отражалось и на внутрисемейных отношениях. Главу семьи можно было сравнить с монархом в его мини-государстве или с помещиком в вотчине. Он

так же беспрекословно распоряжался семейной собственностью и жизнями своих домочадцев. Наиболее высоким среди женщин был статус жены главы семьи, так как ей подчинялись остальные женщины. Одновременно она была в полной зависимости от своего мужа. Тяжелее всего приходилось жене младшего сына. Отношение мужа зависело от того, как невестку воспринимает старшие. Частенько случалось, что муж бил свою жену «через подстрекательство его матери» [5, д. 835, л. 15 об.]. В белорусских песнях нашла свое отражение «горькая доля замужней женщины. А песен такого рода большинство: они заполняют, нимало не преувеличивая, две трети всего песенного материала. Это бесконечные вариации на тему о побоях мужа, свекра, о преследованиях свекрови, злобе золо-вок» [6, с. 1-2]. Большой свободой пользовалась женщина в малой семье. Она подчинялась только мужу. Однако на ней одной лежали все многочисленные обязанности по хозяйству.

Еще более тяжелой была участь крестьянок, мужа которых служили в армии, и вдов. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы со стороны женщин на родственников мужа, игнорирующих их имущественные и личные права. Так, крестьянка Петревичского общества дер. Белолесая Магдалина Санюкова жаловалась волостному суду на избиение ее родными братьями мужа, отданного в рекруты, за то, что она стала просить обратно себе принесенное ею приданое [5, д. 835, л. 15]. Таких примеров можно привести множество.

На женщину в крестьянской среде смотрели исключительно как на рабочую силу. Так, например, в Минском, Речицком и Игуменском уездах Минской губернии в середине XIX в. предпочитались венские и зимние свадьбы, «потому что к лету семья получает рабочую силу... Взяв молодуху осенью, ее нужно целую зиму бесполезно для семьи кормить. Оттого родители девушки дорожатся ими весной и охотно отдают осенью, по окончании полевых работ» [7, с. 86].

Рабочий день белорусской женщины начинался застелю и заканчивался поздним вечером. Завтрак должен был быть готов «во что бы то ни стало к предзакатному времени», в то же время «семьяне оставляли постели почти тогда, когда стряпуха прикончит свое дело и заслонит печь». Хозяйка постоянно подносила кушанья и садилась к столу позже всех. После уборки дома в летнее время днем трудилась наравне со всеми в поле. «Потрудившись или праздные члены семьи могут прилечь после обеда для отдыха; стряпуха же, прикончив уборку, отдыхает только за женскою работою — шитьем и пряжей, от которых не замедлит оторваться, когда семьяне снова соберутся к столу полдничать...» Заканчивала хозяйка «трудоу день после всех односемьян». «Неустанная труженица творит свое дело день в день, мало слышит похвал и много — порицаний» [8].

В крестьянской семье, независимо от ее формы, существовало разделение на “женскую” и “мужскую” работу. Обязанности женщины заключались в том, что она готовила пищу, шила, стирала, убирала в доме, работала в огороде, помогала в поле и на сенокосе, то есть женщина занималась не только домашними делами, но и постоянно принимала участие в выполнении “мужской” работы. Одновременно мужчина считал оскорбительным для себя не только достать обед из печи, но и взять самому чистое белье из “кублы” (места для хранения одежды) [3, с. 53]. Зимой женщины днем пряли, ткали. П. В. Шейн отмечал, что одна пряжа могла спрядь за зиму и из этой пряжи выткать более 100 аршин полотна [4, с. 9]. И летом, и зимой женщины вставали раньше, а спать ложились позже, чем мужчины.

“Беременная женщина почти до последней минуты родов исполняет все тягостные обязанности не только хозяйки дома, но нередко и работницы. Она вынимает тяжелые горшки из печи, месит хлеб, работает на поле под знойным небом, укладывает сено и снопы на воза. И нередко среди этих тяжелых работ наступают роды... Не пройдет и двух, трех дней, как родильница опять принимается за тяжелую работу” [9, с. 277-278]. А. К. Киркор объяснял это просто: “природа делает чудеса”. Думается, причина вовсе не в чудесном здоровье белорусской женщины. Многие исследователи говорили о том, что если “невестка почему-либо не работает для семьи мужа, то последняя отказывается кормить ее” [10, с. 29]. Иногда белорусские женщины рожали по 19 и больше детей, однако в живых обычно оставалось 4-5 [3, с. 72]. Таким образом, существование крестьянок сводилось к беременности и уходу за детьми, а также к тяжелой работе по хозяйству, так как без женских рук мужчины не могли материально обеспечить семью.

Девушек выдавали замуж рано. Так, встречались такие семьи, в которых в 1850 г. мужу было 45, а жене — 32 года, их старшему ребенку — 18 лет, либо мужу 35, жене — 27, а ребенку — 12 лет, мужу 42, жене — 33, а старшему ребенку — 19 лет. В середине XIX в. такое раннее вступление в брак в целом для Беларуси было уже не характерно, за исключением Полесья, где девушки изредка выдавали замуж в 14 лет. Около 43% женщин в возрасте 16-20 лет были замужними. Среди мужчин этот процент был значительно ниже (18,3). В группе 21-25 лет замужние женщины составляли 38,9%, а мужчины — 43,5% [3, с. 67]. Такие ранние браки имели несколько причин. Их традиция сложилась еще в дореформенную эпоху.

Будучи очень древними, эти обычаи особенно поддерживались помещиками. Из опасения, что малая семья окажется менее самостоятельной, помещиками практиковалось восприещение семейных

разделов со всеми его стеснительными последствиями для личности, с деспотизмом главы семейства, принижением положения женщины, безысходностью подневольной совместной жизни и вредными нравственными влияниями. Хозяйственные выгоды более обеспечивала большая семья, и нерушимость таких семей не могла не поддерживаться.

Многие исследователи крестьянской жизни белорусов указывали на широкие права в отношении девушек и женщин, которые помещик присваивал себе. Нередким было “насилие со стороны владельца, или, что еще чаще, его управляющего”. Женщины подвергались и порке за недостаточное быстрое выполнение работы, за то, “что поздно пришла на работу: она одинокая и ребенок у нее при смерти лежит, ... другая, тоже одинокая, не была вчера на пригоне: свех без разбору, но девушек секли чаще всего... Понравилась девушка во время сечения, но оказывалась непреклонною, ее секли чаще, да все большее, пока не покорялась” [9, с. 280]. П. В. Шейн отмечал: “Иногда помещик и его управляющий пользовались и правом первой ночи, избегнуть которого можно было только посредством выкупа” [4, с. 153]. О “фактах подобного рода ... по рассказам старожилов из Речицкого уезда Минской губернии” писал и М. В. Довнар-Запольский. “Ходить же с подарком к помещику перед или после венчания — было принято во всей Белоруссии” [7, с. 83].

Вмешательство помещиков в брачные дела крепостных крестьян и присвоение ими весьма широких «обычных» прав в области семейных отношений были крайне развиты при существовании крепостной зависимости. “Помещик по достижении молодыми людьми известного возраста то соединял пары по своему усмотрению, то предоставлял это крестьянскому сходу” [12, с. 270]. “Землевладельцы в России обыкновенно принуждают к браку молодых людей, и делают это для того, чтобы иметь лишнюю пару, т.е. новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброк” [12, с. 276]. Так было до самого освобождения.

В пореформенный период по мере экономического расслоения крестьянства людность крестьянской семьи уменьшалась. Одной из важных причин этого являлись семейные разлады. Они были обусловлены не только заменой натурального хозяйства товарным, расширением сферы внехозяйственных доходов крестьянства, колоссальным ростом крестьянского населения, но и ослаблением патриархальной власти главы семьи, опорой которой до 1861 г. служила неограниченная власть помещика над крепостными крестьянами. Многие исследователи отмечали, что большая роль в росте количества семейных разделов принадлежала именно женщине, которая

не хотела мириться со своим принижённым положением в семье [3; 4; 10; 13]. Необходимо отметить, что уже в конце XIX в. молодые люди вступали в брак в более старшем возрасте. В Минской губернии (за исключением Полесья, где традиция ранних браков оставалась прежней) количество женщин, вступивших в брак в 15-16 лет, было незначительно. Большинство девушек выдавались замуж в 17-19 лет.

После отмены крепостного права статус женщины-крестьянки постепенно повышался. Этому способствовало отходничество, которое повышало самостоятельность женщины, укрепляло ее уверенность в собственных силах. Кроме того, женщины продавали продукты своего труда: они «обрабатывали и продавали лен, коноплю, выделывали из них полотно и нитки, отделив лишь в пользу семьи столько, сколько нужно для одежды... Им же идет часть огородных овощей, которые они продают, а также молочные продукты и шерсть, получаемые со скота, который привела мать в приданое от своих родителей» и др. [10, с. 18] В пореформенный период начали складываться обычаи наследования среди бывших частновладельческих крестьян. Постепенно повышающийся статус женщины в крестьянской семье отразился в обычном праве.

М. В. Довнар-Запольский, изучавший быт белорусских крестьян в пореформенное время, отмечал: «Вообще положение женщины в белорусской семье не может быть названо угнетенным. В хозяйстве она является помощницей своего мужа, а сфера домоводства принадлежит ей целиком... Наконец, женщина в белорусской семье обладает своим, отдельным от семейного, имуществом. Такое личное имущество прежде всего складывается из того приданого, с которым женщина переходит в семью мужа; кроме того, женщина имеет свои частные заработки, которые она получает от продажи огородных овощей, льну, полотна, домашней птицы. Этими путями каждая мать копит приданое для своей дочери. В силу сказанного и отношения мужа к жене в белорусской семье представляют мало примеров жестокости и грубого обращения. В случае взаимных споров народный суд чаще становится на сторону жены и строже относится к мужу» [10, с. 273-274]. «В белорусской семье жестокое обращение мужа с женой — явление редкое, даже более того — исключительное» [10, с. 20].

Гражданское право постепенно вставало на защиту женщин. Так, Минское губернское по крестьянским делам присутствие в 1861 г. разослало циркуляр, в котором говорилось следующее: «Главный комитет об устройстве сельского состояния в августе 1861 г. положил: ...из числа крестьянок и дворовых женского пола, вышедших из крепостной зависимости, не могут быть приговорены к телесному наказанию: а) достигшие 50-летнего возраста, б) получившие образование в учебных заведениях; в) занимаю-

щие должности повивальных бабок, смотрительниц больниц, сельских училищ и школ и г) принадлежащие к семействам изъятых от телесного наказания должностных лиц волостного и сельского управлений» [5, д. 96, л. 17]. Таким образом, в Минской губернии, раньше, чем в Российской империи в целом, часть женщин по закону не должна была подвергаться телесным наказаниям. Однако на бытовом уровне женщины все так же терпели побои и унижения.

Одним из факторов, характеризующих положение какой-либо социальной группы в обществе, является грамотность. В крестьянской среде укоренился взгляд, что «грамота — не нужное дело для женщины, баловство». В Гродненской губ., например, в 1857 г. среди «однородцев, солдатских детей и крестьян (не частновладельческих — С.Т.)» обучались 1255 мальчиков и только 62 девочки.

До отмены крепостного права в белорусской деревне существовали различные виды школ. Чаще это были примонастырские, церковные и прикостельные школы, в которых преподавали священнослужители. Необходимо отметить, что почти половину учеников в прикостельных школах составляли девочки, «которым отводилось почетное место среди товарищей-мальчиков. Этого почти не бывало в других школах... Дальновидные служители католичества и полонизма понимали настоящую цену грамотных матерей, к образованию которых и направляли свои воспитательные силы» [14, с. 36]. Кроме того, имели место и сельские школы, в которых преподавали приглашенные крестьянами учителя (у государственных крестьян), а также «временные школы», где детей обучали случайные грамотные люди, например, мастеровые, приехавшие в деревню на ту или иную работу. Особо следует отметить школы помещицы, которые на самом деле чаще всего подготовляли будущих писарей, счетчиков, лакеев и т.п., необходимых для ведения хозяйства владельца. Однако попасть в подобную школу для крестьян означало почти то же, что в рекруты: «Тут ученики приучались к стойке с выражением рабства, счастливой веселости, приучались спокойно переносить всевозможную треску ... и тут же ловить для поцелуя карающую руку» [14, с. 35]. Среди помещичьих крестьян умение читать и писать распространялось крайне мало.

Уже в 1875 г. в Минской губернии училось 15921 мальчик и 1393 девочки (количество учившихся девочек в 11,4 раза меньше, чем учеников-мальчиков). В 1876 г. в Минской губернии было 475 сельских училищ, из которых 277 для обоего пола, 6 для девочек и 192 училищных отделения. В них обучалось 17 332 мальчика и 1651 девочка, то есть разница в 10,5 раз. Сравнительно с предшествовавшим годом количество училищ возросло на 3, а училищных отделений на

23. За год количество учеников-мальчиков увеличилось на 1411, а девочек всего на 258 человек [15, с. 124-125] — разница в 5,5 раз.

В 1894 г. в народных училищах Минской губернии обучалось 14695 мальчиков и 1710 девочек из крестьян [5, д. 2568, л. 315] — разница в 8,6 раза. Таким образом, мы видим, что по сравнению с 1875 г. количество учившихся девочек и в абсолютных цифрах, и сравнительно с количеством учеников-мальчиков, увеличилось, однако очень незначительно. Первая всеобщая перепись населения Российской империи дает нам возможность сказать, что в Минской губернии количество мальчиков и девочек в возрасте 10-15 лет [16], проживавших в сельской местности в 1897 г., было приблизительно равным [17, с. 12]. Значит, причина столь разительного отлчия в количестве учившихся мальчиков и девочек не в разнице их общей численности.

Результаты переписи 1897 г. открывают перед нами картину грамотности мужчин и женщин Беларуси [18].

Таблица

Возрастные группы	Мужчины			Женщины		
	всего крестьян	в том числе грамотные		всего крестьянок	в том числе грамотные	
		количество	% от общего количества		количество	% от общего количества
В 5-ти губ.	3 223 302	778 569	24.15	3 193 656	300 587	9.41
менее 10 лет	930 976	31 796	3.42	916 145	12 026	1.31
10-19	694 664	280 255	40.34	712 960	110 448	15.49
20-29	550 660	219 625	39.88	533 898	83 018	15.55
30-39	389 880	130 348	33.43	393 486	49 181	12.50
40-49	247 237	66 437	26.87	256 063	24 245	9.47
50-59	189 775	29 739	15.67	188 114	12 640	6.72
60 л. и более	219 315	20 189	9.21	191 912	8 953	4.67
неизв. лет	795	180	22.64	808	76	9.41

В уездах (без родов)	3 081 811	705 797	22.90	3 119 358	280 002	8.98
менее 10 лет	913 711	30 419	3.33	898 776	10 951	1.22
10-19	679 950	269 799	39.68	698 687	103 777	14.85
20-29	470 704	173 661	36.89	515 804	75 917	14.72
30-39	374 414	120 954	32.30	382 291	45 703	11.96
40-49	240 512	63 136	26.25	250 675	22 982	9.17
50-59	186 111	28 436	15.28	184 581	12 094	6.55
Неизв. лет	644	124	19.25	769	65	8.45

В городе	141 491	72 772	51.43	74 298	20 585	27.71
Менее 10 л.	17 265	1 377	7.98	17 369	1 075	6.19
10-19	14 714	10 456	71.06	14 543	6 671	45.87
20-29	79 956	45 964	57.49	18 094	7 101	39.25
30-39	15 466	9 394	60.74	11 195	3 478	31.07
40-49	6 705	3 301	49.23	5 388	1 263	23.44
50-59	3 664	1 303	35.56	3 533	546	15.45
60 и более	3 550	921	25.94	4 137	440	10.64
Неизв. лет	151	56	37.09	39	11	28.21

Из таблицы видно, что в среднем в пяти белорусских губерниях из 3223302 мужчин-крестьян грамотных было 778 569 чел. (24,15%), а из 3193658 женщин-крестьянок — 300 587 чел. (9,41%).

Самые низкие показатели по этой категории населения как среди мужчин, так и среди женщин дала Минская губерния. В среднем по губернии грамотных мужчин-крестьян было 16,87% (130 312 чел. из 772 298), а женщин-крестьянок — 3,24% (24 881 чел. из 768 823) [17, с. 54]. В сельской местности картина была еще более удручающая — читать и писать умели только 2,91% женщин

(22 001 чел. из 756 781) и 15,83% мужчин (118 377 чел. из 747 746) [17, с. 54].

В то же время в Гродненской губ. самый значительный процент грамотных крестьян – в возрасте 10-19 лет: 53,33% (более половины – 61 628 из 115 554 чел.) мужчин и 21,68% (пятая часть – 25 536 из 117 789 чел.) [19, с. 60] женщин – разница в 2,5 раза. Показатели грамотности как мужчин, так и женщин в пореформенное время неуклонно росли, однако можно без труда заметить, что мальчиков охотнее отдавали в школы, чем девочек. Так, среди 20-49-летних крестьян грамотных женщин было в 2,9 раз меньше, чем мужчин, а среди всего “сельского сословия” Гродненской губ. – в 2,7 раз (12,26% против 33,01%).

Относительно высокий процент грамотных женщин тут может быть объяснен религиозным составом населения, в котором весьма значительную часть составляли лютеране, католики, иудеи. Так, в Минской губернии среди православных грамотными были 3,68% всех женщин губернии, среди римско-католиков – 23,42%, протестантов – 52,21%, иудеев – 29,70%, магометан – 25,82% женщин. Наиболее грамотным сословием в Минской, как и в остальных белорусских губерниях, было духовенство – 83,58% мужчин и 75,82% женщин, сельские сословия стояли на последнем месте [17, с. XIII].

По таблице 1 можно проследить и динамику обучения крестьянских детей. Самые высокие показатели приходятся на возрастные группы 10-39 лет, т.е. родившихся в 1857-1887 гг. и учившихся в 60-90-е гг. В 60-е гг. стали грамотными 26,87% мужчин и 9,47% женщин (возрастная группа 40-49 лет), в 70-е гг. – 33,43% мужчин и 12,50% женщин (возрастная группа 30-39 лет), в 80-е гг. – 39,88% мужчин и 15,55% женщин (возрастная группа 20-29 лет), в 90-е гг. – 40,34% мужчин и 15,49% женщин (возрастная группа 10-19 лет). Самый незначительный процент грамотных среди тех, кому не исполнилось 10 лет, поскольку обычно крестьянские дети учились в 8-12 лет. Необходимо отметить, что процент грамотных среди женщин-крестьянок в целом значительно меньше, чем у мужчин. Самый низкий показатель – у женщин старше 60 лет – 4,67%, что в 1,97 раза меньше, чем у мужчин (9,21%).

Существует ряд причин такой разницы между количеством грамотных мужчин и женщин. Часть мужчин получила начальное образование во время службы в армии. Среди крестьян вообще стремление к обучению детей было развито слабо, более того, наблюдалась “явное воспреещение своим детям ходить в школы, под тем предлогом, что к добру их там не научат, скорее подготовят

вольнодумцев, негодных для хозяйства” [5, д. 833, л. 2 об.]. Старшим поколением связывалось напрямую увеличение количества семейных разделов с распространением грамотности. Кроме того, с обучением грамоте крестьян связывали рекрутскую повинность, предполагая, что “грамотных будут брать в солдаты”. Одни из крестьян Дубенецкой волости Пинского уезда Минской губернии обращался к Минскому губернатору с просьбой, “чтобы не посылать брата его в школу, потому что третий их брат уже находится в военной службе”. [5, д. 643, л. 6 об. 7] В действительности мальчики, получившие начальное образование, имели льготу при отбывании военной повинности на основании § 56 Устава о воинской повинности 1874 г., по которому окончившие курс в начальных народных школах (приходские и сельские училища), шестилетний срок службы в войсках сокращался на 2 года [5, д. 1604, л. 20]. Одновременно с точки зрения общественного мнения белорусской деревни, необходимости в обучении девочек не было. Считалось, что женщинам вообще не нужно читать и считать, особенно в том случае, когда и мужчины-то этого не умеют. Даже в “Циркуляре по управлению народными училищами Виленского учебного округа” от 12 января 1863 г. говорилось, помимо прочего, о том, как важно просто и доступно излагать материал, чтобы **крестьянскому мальчику** было понятно, т.е. девочки вообще в расчет не брались [20, с. 34]. Поскольку во второй половине XIX в. в деревне царили патриархальные отношения, грамотная женщина на фоне основной массы неграмотных мужчин воспринималась односельчанами, как мужчинами, так и женщинами, чаще отрицательно. Н.Я. Никифоровский в 90-е гг. XIX в. отмечал: “...местный простолоудин еще и теперь не вполне верит в учительские силы женщины. Что же касается... прошлого, то эту веру он находил чуть не сумасбродную: ни выучить, ни выучиться “письменные” женщина не могла... Этим объясняется тогдашнее отсутствие в школах учительниц и учениц” [14, с. 28].

Кроме того, сельские школы содержались за счет крестьянской общины, и сборы на эти нужды были довольно значительными. В Минской губернии, например, в 1876 г. “на содержание низших училищ, подведомых дирекции, отпущено было из сумм государственного казначейства 47524 р. 95 к., от сельских обществ 26949 р. 93 к...” [15, с. 125]. О значительных расходах общины на обучение детей говорит и то, что по указу Александра II “для сохранения существующих училищ в селениях бывших государственных крестьян... частный земский сбор с [государственных] крестьян, установленный Высочайше утвержденным 12 февраля 1868 г. мнением Государственного совета, продолжить на 1876 г. в

прежнем размере, с души, а именно в губерниях: ...Виленской — по 7 коп., Витебской 6? к., Гродненской — 6?, Минской 6?, Могилевской — 6?” [5, д. 1676, л. 11].

В 1881 г. в Вировлянской волости Городокского уезда Витебской губернии на училище, которое содержалось из волостных сумм, было потрачено 203 руб. 9 коп. [21, д. 360, л. 41-42.] Это были немалые суммы, и крестьяне по возможности сокращали

расходы на содержание школ и иногда за счет уменьшения количества учеников, главным образом, девочек. Например, в 1-м участке Новогрудского уезда в 1866 г. в семи штатных сельских училищах (“с содействием правительства”) училось 50 девочек, а в шести нештатных — 14 [5, д. 823, л. 37 об.].

Поэтому в сельской местности, где жила основная масса крестьян (3 081 811 мужчин и 3 119 358 женщин), грамотность была распространена значительно меньше, чем среди крестьян, живших в городах: 22,90% грамотных мужчин и 8,98% женщин проживали “в уездах без городов”, а в городах — 51,43% (72 772 из 141 491 чел.) мужчин и 27,71% (20 585 из 74 298 чел.) женщин [18]. Необходимость в квалифицированных рабочих приводила к более быстрому распространению грамотности среди горожан.

Малоземелье, развитие капиталистических отношений на селе толкало крестьян искать побочные заработки. Одним из показателей изменения положения женщин в семье и деревенском обществе служит их активность в отхожих промыслах. Участие в отходничестве означало признание за женщиной равноправия с мужчиной, изменялся традиционный, сформировавшийся на протяжении жизни в условиях крепостной зависимости, взгляд на роль женщин в семье и крестьянском хозяйстве. Само участие в отходничестве давало женщине экономическую независимость, расширяло ее кругозор, развивало ее самостоятельность, независимость, чувство собственного достоинства и нарушало сложившийся уклад деревенской жизни. Однако среди белорусских крестьянок отходничество не было так широко распространено, как в промышленном центре Российской империи. Причин было несколько. Это и слабое развитие промышленности в городах; и наличие черты еврейской оседлости, следствием которой была безработица среди горожан-евреев; и нетрадиционность этого вида заработков среди бывших помещичьих крестьян, которых в белорусских губерниях было большинство и др.

Во второй половине XIX в. постепенно в города на временную работу стали уходить и женщины. Это были либо молодые незамужние крестьянки, которые, накопив определенную сумму, возвращались обратно в деревню, либо бездетные, вдовы или поте-

рвые шанс выйти замуж “засидевшиеся в девках” крестьянки. Среди них в наиболее работоспособном возрасте было много грамотных: в возрастной группе 10–19 лет — 45,87%, 20–29 лет — 39,25%, 30–39 лет — 31,07%. Одновременно “в уездах без городов” в возрасте 10–19 лет женщин, умевших читать и писать, было 14,85%, 20–29 лет — 14,72%, 30–39 лет — 11,96% [18].

Немаловажным является то, что перепись 1897 г. отмечает стремление и женщин к продолжению начального образования. Так, в средних учебных заведениях продолжили обучение 559 женщин-крестьянок, в специальных средних учебных заведениях — 121, и даже в университете училась 1 белорусская крестьянка [18]. Большинство этих женщин родилось после отмены крепостного права, и в 1897 г. они принадлежали к возрастной группе 10–29 лет, т.е. учились в 80–90-х гг. Это несомненный прогресс в утверждении значимости женщины, хотя их основная масса имела очень низкий социальный статус.

Таким образом, можно предположить, что положение женщины в белорусской деревне постепенно улучшалось. Связано это было, в первую очередь, с освобождением от крепостной зависимости от помещика, а вместе с тем — от патриархальной власти главы большой семьи, с обретением некоторой экономической самостоятельности. Вместе с тем данная тема требует более детального исследования.

Ёйні-ісёе ё ёёаёаёаёа

1. Пушкарэва Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 7.
2. Панютич В.П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. Мн., 1990.
3. Сям’я і сямейны быт беларусаў. Мн., 1990.
4. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. СПб., 1902.
5. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИА РБ) в Минске. Ф. 242, оп. 1.
6. Богданович А.Е. Перекитки древнего мирозаерпания у белорусов: Этнографический очерк. Гродно, 1895.
7. Довнар-Запольский М. Белорусская свадьба в культурно-реплигиозных пережитках // Этнографическое обозрение. 1893. № 1.
8. Никифоровский Н.Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895. С. 53–55.
9. Киркор А.К. Белорусское Полесье. Народная жизнь // Живописная Россия: Литовское и белорусское Полесье. Мн., 1993. (Репринтное воспроизведение издания 1882 г.)

10. Довнар-Запольский М. Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии // Исследования и статьи. Киев, 1909. Т. 1.
11. Шеметилло В. Жизнь крестьян до и после выхода из крепостной зависимости // Минские Епархиальные ведомости. 1891. № 12.
12. Семевский М. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1.
13. Карский С. Семейный быт белорусов Виленской губернии // Виленский вестник. 1891. № 110.
14. Никифоровский Н.Я. Сельско-школьное обучение в Юго-Восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застает его реформа 19 февраля 1861 г. Витебск, 1893.
15. Приложение ко всеподданнейшему отчету Минского губернатора за 1876 г. Б. м. Б. д.
16. Дети крестьян обычно учились в возрасте 8–12 лет, т.е. столько им было в 1894 г., следовательно, в 1897 г. мальчикам и девочкам должно было исполниться по 10–15 лет.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Ч. XXII.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ч. IV. Тетр. 3. СПб., 1903. С. 30; Ч. V. Тетр. 3. СПб., 1903. С. 34–35; Ч. XI. СПб., 1904. С. 60; Ч. XXII. СПб., 1904. С. 54; Ч. XXIII. СПб., 1903. С. 54–55.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Ч. XI.
20. Вестник Северо-Западной и Юго-Западной России. Киев, 1863.
21. НИА РБ. Ф. 2502, оп. 1.

О.А. Соболевская

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ НА БЕЛАРУСИ В XIX ВЕКЕ

“Женская история” заявила о своём праве на самостоятельное существование сравнительно недавно — только в 70-е гг. XX в. Сегодня всё большее количество историков, культурологов, специалистов других наук явственно представляют себе, что без “женского взгляда” на события, скрупулёзного анализа фактов, касающихся статуса и прав женщин, без гендерного измерения повседневности в общей канве изучаемой нами истории будут зиять дыры. Особое значение гендерный подход имеет для исследования этнических общностей. Он позволяет поставить в центр внимания формирование гендерных стереотипов, ролевых функций пола в разных этнических и социальных институтах общества, вопросы

социализации детей и передачи этнокультурных традиций от поколения к поколению¹.

Данное исследование предлагает обратиться к истории еврейской женщины XIX в. Помимо прочего, эта тема интересна тем, что в еврейском обществе данного периода, безусловно, традиционного и патриархального, реальные ролевые функции женщины сильнейшим образом корректировались социально-экономическими условиями российской действительности. Кроме того, на примере этого эпизода мировой “женской истории” достаточно рельефно выступают процесс завоевания женщиной права на самостоятельность. Пример того, как она использовала это благоприобретённое право, тоже может быть интересен.

Белорусское еврейство в XIX в. представляло собой наиболее консервативно настроенную часть еврейского сообщества Российской империи. Вследствие этого в нём надолго сохранились и традиции, и пережитки прошлого. Еврейский мир того времени предстаёт перед нами как закрытая структура, ограничивавшая до минимума влияние иноэтнической среды и жившая по определяемым религиозным законам. В традиционном еврейском обществе конца XVIII — первой половины XIX в. женщина считалась несамостоятельным, зависимым от мужчины существом. Иудаизм считает её неполноправной и зависимой². Женщине посвящено 4 тома Талмуда, в которых рассматривается её правовое положение и статус в семье. По сравнению, например, с женщиной исламского мира, иудейка сохраняла больше свободы и наделялась более значительными обязанностями. И хотя она не должна была, как мужчины, постоянно посещать синагогу и участвовать в сложных обрядах, на неё были возложены важные в религиозном отношении обязанности, например, церемония зажигания субботних свечей.

Главной целью жизни еврейской женщины должно было стать обеспечение уютного дома для мужа. Поскольку очевидно, что создание гармоничной, устойчивой семьи невозможно усилием одной только жены, мужу предписывалось любить, уважать свою “вторую половину”, заботиться о ней, не забывая, однако, о том, что именно он является главой семьи и основным авторитетом. В реальной жизни эта установка иудаизма реализовывалась, и семья действительно являлась центром жизни еврейской женщины. Создание семьи было одной из основных обязанностей каждого иудея. Необходимость сохранения себя как национальной общнос-

¹ Гендерные проблемы в этнографии / Под ред. Седловской А.И. М., 1998. С. 3.

² Авашалумова А.Х. Именем бога Яхве. Махачкала: Дагкингиздат, 1961.

ти привела к пониманию обязательности вступления в брак для каждого человека. Для евреев семья является центром жизни, обязательность создания семьи вытекает из одного из первых заветов Торы: плодиться и размножаться.

О значимости брака можно судить по пословицам и поговоркам, бытовавшим в еврейской среде. По словам Л. О. Леванды, было распространено мнение, что первым вопросом, задаваемым каждому человеку, попавшему на тот свет, будет следующая: «Занимался ли ты продолжением рода человеческого?»¹ В результате, «каков бы ни был личный взгляд еврея на брак как на общественное учреждение; каково бы ни было его семейное или имущественное положение, при котором брак с его ближайшими последствиями — размножением лишенных ртов — есть подчас обречение себя на верную нищету, голод и всякие лишения, каково бы ни было состояние его здоровья, при котором брак в его физическом значении иногда равносителен заведомому самоубийству — он жениться должен, и он женится ни на что не глядя»².

Безбрачие воспринималось как негативное отступление от нормы, позор, грех, своего рода аморальность. Это мнение подтверждают и мемуары А. И. Паперны: «Главная забота копыльцев состояла в женитьбе своих детей; самая убедительная клятва у них была: чтобы я не дожид (или не дожидка) повести своих детей к хупе (балдахину)»³. 20-летняя незамужняя девушка воспринималась уже как перестарок и подвергалась насмешкам со стороны подростка, а парень того же возраста считался едва ли не извращенцем. Встречались даже «браки с колыбели», когда родители, руководствуясь материальной выгодой или желанием упрочить личные контакты представительниц двух семей, совершали обряд помолвки над младенцами. Согласно Талмуду, еврейка может быть обручена, имея 3 года и 1 день.

Очевидно, что помимо тех, кому оказывали поддержку зажиточные родители, в обедневшем еврейском обществе было немало и такой молодежи, которой по разным причинам ожидать помощи было не от кого. Чтобы не лишать их возможности создать собственную семью, заботу о немущих взяло на себя само еврей-

1 Леванда Л.О. Старинные еврейские свадебные обычаи // Перезитое: СПб, 1911. С. 104.

2 Там же.

3 Имеется в виду главная часть брачной церемонии, когда молодая пара обменивается клятвой верности, стоя под балдахинном. Цитата по книге: Паперна А.И. Из николаевской эпохи // Евреи в России: XIX век. М., 2000. С. 42.

ское общество. Приданое и деньги на свадьбу собирали представительницы «кагальной элиты», объединённые в благотворительном обществе «Гахнасаг-Кала» (устройство невест).

Наиболее желательным женихом для еврейской невесты был человек учёный, т.е. знаток Талмуда. А. Алексеев свидетельствует: «За знатока Талмуда, хотя бы он был сыном бедняка, еврейский богач отдаёт охотно свою дочь и даёт за ней большое приданое»¹. Даже само родство со знаменитым раввином делало из молодого человека выгодного жениха. Богатство и внешность в списке качеств, которыми должен был обладать кандидат в мужья, стояли на последнем месте. По словам А. И. Паперны, знатный копылец ни за что бы не выдал своей дочери за ремесленника; такой союз был бы позором для всей семьи. От своей матери он не раз слышал: «Слава Богу, в нашем роду нет ни одного выкреста и ни одного ремесленника»².

Примерно так же исчислялась и ценность невест. Правда, за исключением того, что для еврейской женщины нежелательно было быть учёной. В тяге к наукам усматривали недостатки женственности, даже своего рода развращённость и кокетство. Существовала даже поговорка: «Лучше иметь сына-разбойника, чем дочь-раввина». Но всё же для того, чтобы быть хорошей женой и матерью, необходимо было владеть некоторым багажом знаний, ведь именно на мать целиком возлагалось нравственное воспитание в семье. Поэтому девочек обучали основам религии, молитвам и правилам выполнения некоторых ритуалов. Однако многие раввины отмечали недостаточность этих знаний: постоянно ощущалось незнание женщинами иврита в результате чего многие из них всю жизнь твердили заученные молитвы как тарабарщину, не понимая смысла и делая ошибки.

Согласно воспоминаниям А. Г. Ковнера, «от невест требовалось только приданое и целомудрие, и никакие физические недостатки не препятствовали еврейским девушкам выходить замуж. Впрочем, аристократическое происхождение девушек заменяло им приданое. Дочери умственной аристократии ценились на вес золота»³. Не последним требованием по отношению к невесте была нравственная чистота. Девушки дорожили своей репутацией. Проститутки были хорошо известны, их презирали, а в годину

1 Алексеев А.А. Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, богослужения, праздники, обряды, талмуд и кагал. Новгород, 1891. С. 20.

2 Паперна А.И. Из николаевской эпохи. С. 45.

3 Ковнер А.Г. Из записок еврея // Евреи в России: XIX век. М., 2000. С. 212.

бедствий (будь то пожары, наводнения или эпидемии) подвергали гонениям. Существовала вера, что эти бедствия — результат нравственного падения части еврейского общества и равнодушия к этому остальных. Нападения на евреек-проститутки во время холеры были отмечены в Могилёвской и Минской губерниях¹.

Недостаток знаний приводил к распространению суеверий. Среди них, например, вера в магическую силу человеческих останков и использование их при врачевании, изготовлении амулетов. Доказательства этому есть в судебных документах. В 1829 г. в свою очередь еврейки Ф. Хаимова и Ч. Беркова были осуждены за «употребление человеческих костей к непозволительному врачеванию, сопряжённому с суеверием». Эти дамы собирались использовать найденный ими фрагмент человеческого черепа для излечения от лихорадки маленькой дочери Хаимовой².

Какое же образование могла получить еврейская девушка? В 1852 г. в Гродно состоялось открытие женской еврейской начальной одноклассной школы. Количество учениц в этой школе в сравнении с числом молодых евреек, населявших в это время город, невелико: в 1870 — 100, в 1876 — 85, в 1883 — 125, а в 1884 г. — 112 человек³. Чтобы иметь представление об организации учебного заведения для евреев во второй половине XIX в., обратимся к характеристике 3-классного частного женского училища Т. Острогорской. Это старейшее в Гродненской губернии женское еврейское училище было открыто 9 сентября 1852 г. В сравнении с меландами (частными училищами), получившими «домашнее образование», преподаватели училища Т. Острогорской выглядели очень хорошо. Учительницами здесь работали лица, закончившие курс среднего учебного заведения или получившие место, сдав экзамен. По данным на 1887 г. здесь обучалось 139 девушек от 8 до 15 лет. Во дворе училища был небольшой двор в 506 кв. аршин, но ученицы никогда не гуляли в нём, потому что во время перемены, длившейся с половины двенадцатого до двенадцати часов, большинство уходило домой на завтрак, а остальные собирались в комнате приготовительного класса под надзором содержательницы или учительницы. С 15 июня по 8 августа полагались каникулы, но ученицы младшего отделения приготовительного класса, посту-

¹ Голицын Н.Н. [Н.Г.] Записки о евреях в Могилёве на Днестре и вообще в Западном крае России. М., 1878. С. 34–35.

² Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее — НИАБ в Гродно). Ф. 1. Оп. 3. Д. 352. Л. 14 об., 32 об.

³ НИАБ в Гродно. Ф. 2. Оп. 32. Д. 4; Ф. 1. Оп. 15. Д. 965. Л. 178. Оп. 17. Д. 415. Л. 476; Ф. 14. Оп. 1. Д. 387. Л. 24 об.

пившие в училище с опозданием и вынужденные в короткий срок ознакомиться с русской грамотой, по желанию родителей могли посещать занятия и летом, занимаясь ежедневно по 2 часа. Плата за обучение вносилась помесечно или сразу за 4 года — по 22 руб. в год в обычных классах и 18 в приготовительном. Но эта сумма была по карману далеко не каждой еврейской семье, поэтому дети бедных родителей вносили по 16, 12, даже 10 руб., а некоторые учились и вовсе бесплатно. Эти льготы позволило ввести пособие, которое училище получало от еврейского общества из сумм свечного и коробочного сборов. Оно составляло 250 руб. в год. Все годичные доходы училища, включая пожертвования учениц на пополнение библиотеки, составляли 2400—2600 руб. 14 июля 1906 г. 4-классное еврейское училище Т. Острогорской было преобразовано в еврейскую прогимназию. С 1907 г. она начала именоваться 7-классной гимназией с приготовительным классом¹.

В последние десятилетия XIX в. наблюдается стремление некой части молодёжи, особенно выходящей из зажиточных кругов, получить светское образование в общих учебных заведениях. Еврейки составляли значительную часть учениц в гродненской женской гимназии. В 1875 г. их было здесь 98 из 237, в 1876 г. — 104 из 268, в 1878 г. — 138, в 1883 г. — 138, в 1888 г. — 85 из 259. Еврейское общество считало своим долгом поддерживать также и этих учениц. В 1891 г. на стипендии для них было выделено 800 рублей, на преподавание Закона Божьего 200 рублей, на содержание гимназии вообще — 300 рублей из сумм коробочного сбора². Среди молодых евреек в возрасте от 18 до 30 лет, желавших получить специальность, в конце XIX — начале XX в. была популярна гродненская повивальная школа. Это учебное заведение, основанное 1 октября 1876 г., принимало на конкурсной основе кандидаток, владевших русским языком. Курс обучения был рассчитан на 2 года, всё это время ученицы находились на «казённом счету», то есть жили в общежитии, получали пищу, одежду, обувь и учебные пособия. Кроме того, набирались «приходящие» ученицы³.

Семейная жизнь для еврейской женщины начиналась, как правило, очень рано: в 13-14-летнем возрасте. Обычай заключения браков в еврейской среде в начале XIX в. практически исключали всякую инициативу молодой еврейки при выборе брачного

¹ Орловский Е.С. Гродненская старина: В 2 ч. Гродно, 1910. Ч. 1. С. 396.

² НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 15. Д. 531. Л. 42. 965. Л. 74. Оп. 16. Д. 184. Л. 121. Оп. 17. Д. 415. Л. 119; Ф. 14. оп. 3. Д. 69; Ф. 125. Оп. 1. Д. 28. Л. 125 об., 128.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 633. Л. 5.

партнёра. Родители пользовались услугами сватов (шадхонов), которые вели переписку с коллегами по профессии. Какие-либо личные контакты просватанных молодых людей считались ненужными. Они встречались эпизодически, во время церемоний сватания и обручения, всегда в присутствии свидетелей. Жених и невеста вели перед свадьбой переписку. Но поскольку девочек учили грамоте поверхностно, при написании писем они пользовались помощью своих учителей или готовыми письмовниками. В результате люди, которые должны были создать семью, подходили к моменту заключения брака практически незнакомыми друг с другом.

Не все дети легко смирялись с игнорированием своих симпатий при выборе супружеской пары. Сколько происходило трагедий, сколько полуманных судей! Даже религиозные авторитеты сходились во мнении, что выбор “второй половины” – это единственный случай, когда молодые имеют право не подчиниться старшим. Вот, казалось бы, и выход. Но на деле молодые чрезвычайно редко пользовались своим правом, потому что подобный протест неминуемо привёл бы к удалению непокорного из семьи. Для бунтаря это закончилось бы печально, ведь в юном возрасте мало кто имел не только собственные финансовые накопления, но и профессию. Результат был один – подчинение воле родителей, а поэтому “из молодых еврейских женщин редкие радуются полному семейному счастью, потому что еврейские родители более всех иных уверены в своём праве распоряжаться судьбами детей вообще, а дочерей особенно”¹.

С течением времени средний брачный возраст отодвигался. Тенденцию эту старалось поддерживать правительство, стремившееся привить в еврейской среде европейские культурные нормы. Так, в “Положении о евреях” 1835 г., своеобразной “еврейской конституции”, был установлен минимальный брачный возраст: для невест 16, для женихов 18 лет². В 1840 г. в Гродненской губернии средний возраст вступающих в брак евреев составил для невест 18, для женихов – 19 лет³. Этот процесс напрямую связан с эмансипацией

1 Факт самоубийства молодой женщины // Рассвет. 1880. № 2. С. 54.

2 Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени (от 1649 до 1873 г.): Извлечение из Полного Собрания Законов Российской империи. СПб, 1874. С. 362.

3 Соболевская О.А., Волков В.И. Естественное движение еврейского населения городов и местечек Гродненской губернии в 1840 году // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця захадняга рэгіёна Беларусі. Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі. Брэст, 23-24 красавіка 1998 года. У 2 частках. Брэст: 1998. Ч. 2. С. 82.

евреев и их ассимиляцией, когда под действием русской, а позднее польской культуры подтачивались прежние традиции, раскрывались новые возможности для образования и карьеры.

Но остатки традиции заключения ранних браков сохранились в среде богатого купечества, где родители могли обеспечить молодожёнам удачный жизненный старт. Доказательства этому мы находим в метрических книгах, которые содержат записи о расторжении браков при возрасте супруги всего 16 лет¹. Характерный пример заключения раннего брака дала семья гродненского купца Зунделя Зоннеберга. В 1827 г. он писал: “Дочь моя, Хая Эстер, ещё в возрасте 12 лет показала приметы дурного характера, для поправления которого приняты были разнообразные меры. Но, не имея успеха, я отдал её замуж...Сегодня дочери моей 15 лет”². Обратим внимание: к этому моменту Хая Эстер пробывла замужем не менее года.

Безусловно, главной мотивировкой создания семьи было продолжение рода. Дети являлись центром жизни родителей и расценивались как бесценный дар. Особенно трепетное отношение к ребёнку, которое было присуще еврейскому обществу, позволило Ф. Зимбардо назвать евреев “детоцентристской нацией”³. Бездетность считалась знаком гнева небес, ниспосланным за некие тайные прегрешения. Для избавления от неё применялись различные магические средства. Кроме того, женщине, желавшей забеременеть, советовали совершить омовение в микве (ритуальном водоёме) вместе с беременной, невестой или роженицей⁴.

Женщине, ожидавшей ребёнка, стремились всячески угодить и оберегать её от волнений и неприятностей. Она должна была получать приятные впечатления, окружать себя красивыми предметами. Запрещалось дразнить беременную и отказывать ей в чём-либо. В народе верили, что неудовлетворённое желание может привести к выкидышу. Были распространены обереги, среди них полудрагоценные камни – “падающая звезда” и орлиный камень. Будущей матери запрещалось есть “ординарную пищу” (лук, редьку), чтобы ребёнок не родился с ординарной внешностью; внутренности, потому что они “забивают голову” и сын не будет способен к науке⁵.

Существовало множество суеверий, связанных с зачатием. Талмуд предостерегает будущих родителей, что ребёнок родится

1 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 641.

2 Там же. Оп. 1. Д. 2186. Л. 13.

3 Зимбардо Ф. Застенчивость. М., 1991. С. 201.

4 Lilientalowa R. Dziecko żydowskie... S. 3-4.

5 Там же. С. 9.

глухонемым, если они разговаривали во время полового акта; хрым, если произошёл “развращённый акт”; эпилептиком, если при зажжённом свете; хулым, если на нерасстеленной кровати; чахоточным, если сразу после дороги и вообще ни на что не годным, если муж принудил жену к совокуплению. Будущей матери советовали внимательно вглядываться в лицо мужа, если она хочет, чтобы ребёнок родился на него похожим. Говорили, что ребёнок будет выглядеть моложе своих лет, если он был зачат в начале месяца и старше, если в конце¹.

В конце XVIII – первой половине XIX в. в еврейской среде доминировал традиционный тип воспроизводства семьи. Он характеризовался высокой рождаемостью. В семьях появлялось столько детей, сколько их могла родить мать. Общий коэффициент рождаемости евреев в 8 городах Гродненской губернии на 1840 г. составлял 53,43%, в 29 местечках – 36,19%². Но высокая рождаемость сопровождалась не менее высокой смертностью детей. Согласно тому же источнику, в городах более 50% от общего количества умерших – мальчики в возрасте до 5 лет и девочки до 7 лет. В местечках показатели смертности детей мужского пола также высоки (более 50%). Результатом плохого акушерства, тяжёлых условий жизни, проведения обрезаний без обеспечения асептики была высокая смертность младенцев. В 1840 г. в Гродненской губернии из 1000 новорожденных в городах умирали 102 мальчика и 111 девочек, а в местечках – 62 мальчика и 50 девочек³. В городах показатели смертности выше, что связано с плохими жилищными условиями и бедностью основной массы еврейского населения, создававшими благоприятную почву для распространения инфекционных болезней.

Мужчины сохраняли тайное недоверие к полной соблазнов женской натуре. Они опасались некоей внутренней испорченности, которая не довела до добра ещё их праматерь Еву. Контакт с женщиной расценивался как опасный шаг, как проверка нравственной устойчивости самого мужчины. Поэтому талмудисты советовали мужчинам держаться вдали от женщин, не вести себя в их присутствии фривольно, не обращать внимания на их красоту и не ходить за ними. Запрещалось даже проходить рядом с публичным домом, слушать песни женщин, разрешать прислуживать себе в доме. Целовать и обнимать позволялось только самым ближайшим родствен-

1 Lilientalowa R. Dziecko żydowskie... S. 5-6.

2 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 641.

3 Там же.

ниц и маленьких девочек¹. Целый комплекс правил регламентировал сексуальные отношения между супругами.

Заботой женщины было создание семейного уюта. А. П. Субботин даёт такое описание интерьера еврейского дома. “Внутри дома евреи соблюдают больше чистоты, чем вокруг себя; комнаты выбелены и чисты. У мало-мальски имущих довольно культурная обстановка, особенно по сравнению с крестьянами или бедными русскими мешанами. Даже бедные хижины все томятся по-белому, окна большего размера, чем в избах; несколько комнат, стараются всегда отделить одну чистую, другую для спальни, а очаг – отдельно”². Хозяйки гордились обилием постельных принадлежностей и своеобразными украшениями для помещений – вырезками из бумаги, близкими по своей орнаменталистике к изделиям из металла, росписи традиционных брачных договоров “кетуб”, фрескам синатога³. Стены были украшены портретами лиц царской фамилии, уважаемых раввинов. Тщательно хранились и передавались по наследству медные подсвечники и люстры на 6-8 свечей.

Разумеется, далеко не всегда удавалось достичь основную цель заключения брака – создание семейной гармонии. В таком случае возможен был выход – разрушение неудачной семьи. Иудаизм позволяет, но не поощряет развод. Один из комментариев на эту тему говорит: “Даже алтарь в храме льёт слёзы над тем, кто покидает свою жену”⁴. Правом инициативы при проведении развода пользовался муж. Школа Гилеля утверждает, что достаточным поводом для развода может считаться поданный мужу подгоревшим обед, а рабби Акива придерживался мнения, что совершенно достаточно, если еврей попросту нашёл себе более красивую женщину. Но несмотря на внешнюю простоту церемонии (ему достаточно было вручить своей жене гет – документ, в котором признавалось, что она свободна и может вступить в новый брак) распады семей происходили редко. Согласно метрическим книгам, наиболее распространёнными причинами разводов в середине XIX в. были: разногласия между мужем и женой, бесплодие, болезни одного из супругов⁵.

1 Unterman A. Zydzki: wiara i życie. Lodz, 1989. S. 177.

2 Субботин А.П. В черте еврейской оседлости: отрывки из экономических исследований в западной и юго-западной России за лето 1887 года. СПб: Издательство «Экономического журнала», 1888. Вып. 1. С. 39.

3 Канцелиас А. Еврейское народное искусство // Декоративное искусство в СССР. 1989. № 2. С. 37.

4 Palubicki W. Kwestia kobieca w społecznej doktrynie judaizmu, chrześcijaństwa oraz islamu. Warszawa: Akademia Nauk społecznych PZPR, 1989. S. 181.

В условиях XIX в., когда господствовали ранние браки и вся культурная традиция ориентировала молодого еврея не на приобретение профессии или капитала, а на овладение далёкими от практической жизни знаниями Талмуда, только что созданная семья оказывалась перед трудностями материального порядка. Обычно её финансирование брали на себя родители. Они принимали на себя обязательство в течение 2–5 лет содержать молодожёнов, что находило отражение в брачных договорах¹. По окончании этого срока задачу содержания семьи вынуждена была принимать на себя жена. Мемуары пестрят рассказами о семьях такого рода.

А. И. Паперна сообщает о богатырном и учёном квартиранте, который охотно предоставлял своей жене все домашние и семейные заботы, ведение лавки, поездки на ярмарки. Она подшивала векселя, заключала контракты, была в полном смысле слова представительницей фирмы. Он же проявлял себя исключительно на общественном поприще, потому что был катальным, в молитвенном доме, потому что считался местным религиозным авторитетом. Его жена и все окружающие не считали такое положение ненормальным. «Жена к нему не в претензии: он не занимается торговлею, потому что способен на дела поважнее. Впрочем, слава его ведь лучами своими озаряет и её, и её детей, а в будущем мире — она это знает — зачтётся ей в заслугу то, что она кормила и холила такого праведника»².

Если такая жена умирала первой, то её муж мог, ликвидировав дело, жить на ренту и продолжать свои учёные занятия³. Эти случаи не единичны. Для обозначения такого класса «деловых женщин» появилось даже особое выражение — эйшес хаил (женщина деловитая). Их мужья становились «придатками своих супругов» даже в филологическом смысле. Их обозначали именами жён: Элиоте Хаслес (Элиоте, муж Хаслы), Мейшке Динес (Мейшке, муж Дины). Таков был и отец самого А. И. Паперны. Прожив в доме тестя 3 года, он открыл жене лавку мануфактурных изделий и, оставив на её попечение двоих детей, отправился из белорусского местечка Копыль в польский Белосток. Там он нашёл себе работу управляющего в богатой фирме, приобщился к европейскому образу жизни и стал наведываться до-

5 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 641.

1 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 996, 1457. Оп. 2. Д. 926, 961. Оп. 20. Д. 641.

2 Паперна А.И. Из николаевской эпохи. С. 107.

3 Ковнер А.Г. Из записок еврея. С. 181.

мой только на осенние праздники, иногда отсутствуя по несколько лет.

Такое положение было в порядке вещей. Одни мужчины уезжали для занятий талмудической наукой, другие — для того, чтобы заработать. Вследствие этого А. И. Паперна называет Копыль «городом амазонок, вернее, молодых торговок, ведших отчаянную борьбу за существование без помощи мужского пола»¹. Интересно, что подобный раздельный образ жизни вели и многие богатые семьи, представители «европеизованного» еврейства. Из мемуаров А. Г. Ковнера мы узнаём о семье Карлинских, живших в середине XIX в. в Столбцах: «Отец семейства жил постоянно в Кеннигсберге, где он был комиссионером по экспорту русского хлеба, шедшего в Пруссию по Неману, и я его ни разу не видел в Столбцах. Жена его с детьми... жила в своём собственном хорошем доме, окружённом большим фруктовым садом»².

Но праздность могли себе позволить только очень немногочисленные жёны состоятельных евреев. Основной массе приходилось зарабатывать на жизнь для своей семьи самостоятельно. «Жену еврей кормит редко, ибо еврейки сами умеют зарабатывать себе деньги, большей частью той же торговлей, или какими-нибудь работами. Торговлей вразнос занимаются исключительно еврейки, они же большей частью сидят и в лавках», — такое наблюдение при посещении Минска оставил А. П. Субботин в конце 80-х гг. XIX в.³ Их промысел имел обычно жалкие масштабы. Тот же автор описывает деятельность вдовы-еврейки, которая брала в кредит у пекаря хлеб и, продав его, вечером возвращала долг. В результате у неё оставалось всего 15–25 копеек в день.

Довольно много женщин было среди минских мянел. Они имели более высокий статус и располагали капиталом до 25 руб. (впрочем, тоже чаще всего взятым в долг). Разменивая крупную купюру клиента, они брали в качестве комиссионных от 1/4 до 1/3 процента суммы. За день они получали дохода 20–50 копеек. Юные еврейские девушки часто занимались продажей минеральных вод в особых будочках⁴. Жительницы бедного еврейского квартала Вильно вязали чулки по заказу мастеровских, а находясь на краю нищеты старая еврейка жила главным образом тем, что разрешала накануне субботы воспользоваться своей

1 Паперна А.И. Из николаевской эпохи. С. 79.

2 Ковнер А.Г. Из записок еврея. С. 204.

3 Субботин А.П. В черте еврейской оседлости. Вып. 1. С. 13.

4 Там же. С. 18.

печкой соседкам. Кроме того, она скупала старую одежду и обувь. Первую чинила сама, вторую перепродавала жильцу-сапожнику¹. Гродненские еврейки торговали с лотков селёдкой, пирожками и другой снедью, занимались стиркой.

Нередко в богатых семьях, доход которых мы можем признать достаточным, жёны самостоятельно занимались торговлей или управлением предприятиями. Рассказы об этом звучат из Могилёва², Белостока и Гродненской губернии³. Хая Ионасовна Финова, Злотка Лейбовна Пружиц работали в кожевенной отрасли, Шейна Заблудовская владела кирпичной мануфактурой, Малка-Рейзля Сендеровна Блохова руководила ткацкой фабрикой. В конце XIX в. еврейские женщины проникли в новые сферы бизнеса: фотографию и издательское дело. Среди них гродненка Ента (Евгения) Овсевна Райхштейн⁴ и белосточанка Ривка-Юдесса Давидовна Мейлахович⁵.

Согласно переписи населения 1897 г., из 329 евреек трудоспособного возраста, которые жили в Гродно на улицах Белостоцкой, Гордичанской, Замковой, Иерусалимской, Подольной, Полицейской, Дровяном переулке, Скидельской и Грандичской заставах, 131 (39,8%) самостоятельно зарабатывали на жизнь⁶. Большинство из них — 45 (13,68%) — были служанками (нянями, кухарками, горничными, сиделками). Это были в большинстве своём очень молодые незамужние девушки, изредка — пожилые вдовы. Среди них грамотными были только 17, т.е. 37,8%. 33 женщины (10,03%) работали на табачных и гильзовых фабриках. Этот контингент составляли в основном опять-таки молодые еврейские девушки в возрасте от 12 до 25 лет. Среди работавших евреек зафиксированы, кроме того, 24 ремесленницы, 18 торговок, 3 рукодельницы, 2 учительницы, 2 акушерки, 2 простиутки, 2 нищие, ростовщица, огородница.

Перепись отразила доминирование в еврейской среде того времени нуклеарных семей, однако бывали и случаи, когда вместе с относительно состоятельными членами семьи проживали родственницы старшего поколения (тёщи, свекрови), внуки или племянники.

¹ Субботин А.П. В черте еврейской оседлости. Вып. 1. С. 79, 92-93.

² Голицын Н.Н. [Н.Л.] Записки о евреях в Могилёве на Днепре и вообще в Западном крае России. М., 1878. С. 33.

³ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2270. Оп. 19. Д. 1303. Оп. 20. Д. 1152. Оп. 29. Д. 568.

⁴ Там же. Оп. 29. Д. 197.

⁵ Там же. Д. 835. Л. 1-6.

⁶ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Д. 196, 197.

ки. Тем не менее, некоторая часть евреек проживала самостоятельно. Согласно сохранившимся данным, большинство женщин, записанных в качестве глав семей, были вдовами преклонных лет¹. Их доля — 53,3%, средний возраст — 53,5 года. Большинство их жило с семьями на капитал, оставленный мужем, или на средства детей. Вдовы 48 и 57 лет продолжали содержать лавки.

Вместе с тем перепись 1897 г. продемонстрировала наличие молодых женщин (21—35 лет), которые, нарушая еврейскую традицию, жили отдельно от родственников, не выходя замуж и предпочитая самостоятельно зарабатывать себе на жизнь². Интересно, что все они получили хорошее по тем временам образование: закончили курс гимназий и частных пансионов. Некоторые даже указали в качестве родного языка русский.

Участие женщин в общественной жизни было ограниченным. Оно могло проявляться, например, в сфере благотворительности. Оказание помощи неимущим было естественной частью еврейской жизни. Относительно благотворительности в Талмуде и сочинениях авторитетных талмудистов есть немало афористичных выражений. «Еврей суть милосердные дети милосердных отцов», «Пусть дом твой будет открыт для всех и каждого, а нищие да будут твоими домочадцами», «Благотворительность приносит человеку богатые плоды не только в настоящей жизни, но и в загробной» и т. д. Пожертвования собирали уполномоченные общиной лица, особые ящички для сбора мелочи были в каждом доме, подавали милостыню и нищим, обходившим дома. В каждой общине были благотворительные комиссии, в которых работали многие еврейки. Например, в Гродно в 1914 г. «первые дамы» местного кагала создали Общество помощи еврейкам, ученицам правительственных и частных гимназий. Его возглавили Т.Я. Хазан, Е.Б. Гаухман — жёны врачей и Ф.А. Гальперн — жена общественного раввина³.

Таким образом, в еврейском обществе XIX в. существовало своеобразное нарушение гендерного стереотипа женского поведения. Признанный идеал женщины продолжал содержать такие черты, как покорность, преданность, хозяйственность, красота, стойкость, скромность, спокойствие, воспитанность, доброта, красота, ум, а её главной жизненной целью являлось создание семьи, воспитание детей и обслуживание мужа⁴. Но фактически тяжёлые

¹ НИАБ в Гродно. Д. 196. Л. 15 об. — 16, 46 об. — 47, 52 об. — 53, 362 об. — 363, 376 об. — 377, 406 об. — 408. Д. 197. Л. 320 об. 321, 538 об. — 539.

² Там же. Д. 196. Л. 157 об. — 158, 362 об. — 363, 426 об. — 427. Д. 197. Л. 348 об. — 349.

³ НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 75.

социально-экономические условия, в которых находилось белорусское еврейство XIX в., заставляли еврейскую женщину активно участвовать (а многих и брать на себя полностью) материальное обеспечение семьи. Углубление этой тенденции в конце века привело к выделению определённого, пока ещё немногочисленного, слоя женщин, предпочитающих самостоятельное существование вне брака, связанное с активной профессиональной деятельностью. Данные об образовании и родном языке переписи 1897 г. по Гродно относительно этой группы женщин убеждают нас в наличии у них ориентации на ассимиляцию и эмансипацию.

Г.Н. Яковлева, А.Н. Дулов

ЖЕНЩИНЫ ВИТЕБЩИНЫ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ 1930-Х ГОДОВ

Период НЭПа 1920-х гг. не привел к вовлечению большого числа женщин в общественное производство. До 1928 г. использование труда женщин в основном ограничивалось текстильной и швейной промышленностью, где работницы на машинах выполняли операции, близкие к кругу привычных домашних работ. Многие женщины были заняты на неквалифицированных работах, отставали от мужчин на 2-3 разряда по уровню подготовки.

Положение изменилось с конца 1920-х гг., когда в СССР начала осуществляться индустриальная модернизация общества. Но-востройки первых пятилеток потребовали огромного количества рабочих рук, и промышленность стала испытывать острый недостаток в рабочей силе. Так, с июля по сентябрь 1930 г. органы труда не могли удовлетворить заявки промышленных и строительных организаций СССР на 1 млн. 67 тыс. рабочих и служащих. Дефицит рабочих рук испытывали предприятия и новостройки как БССР в целом, так и Витебской области. Кадровый голод вынуждал принимать меры по расширению контингента рабочих. ЦК ВКП(б) усмотрел резерв в привлечении женщин и дал соответствующую установку в постановлении от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок», согласно которой реконструкция и социалистическая модернизация дают «возможность, без ущерба для функций материнства, расширить применение женского труда в производстве, в том числе и в тяжёлой индустрии, ... особенно в механических цехах и машиностроении» [1, с. 273]. На основе партийной директивы на-

чалось массовое вовлечение женщин в общественное производство. В целом по БССР в 1940 г. доля женщин в общей численности рабочих и служащих достигла 40% на фоне 39% — по СССР [2, с. 23; 1, с. 167]. Индустриализация не только изменила структуру экономики, повлекла ускоренную урбанизацию, но и повлияла на изменение статуса и баланса занятости различных социальных групп, в т.ч. женщин: значительная их часть оказалась в тисках «двойной занятости», связанной с необходимостью совмещения трудовых и домашних обязанностей.

Структура женской занятости была неоднородна. С одной стороны, началось массовое применение женского труда на подсобных немеханизированных работах, бывших до этого монополей мужчин: женщины стали работать на выемке грунта, в бригадах бетонщиков, на подземных работах грузчицами, откатчицами и т.д. [3, с. 81]. Усилилась феминизация текстильной, пищевой промышленности; продавцы, повара, кассиры — эти профессии тоже стали по преимуществу женскими. С другой стороны, женщины начинают преобладать в сфере культуры и образования. Тысячи женщин стали не только высококвалифицированными рабочими, но и государственными служащими, учителями, научными работниками. Преимущественно женскими становятся профессии работников детских, почтово-телеграфной службы. Женщины составляли 54% общей численности врачей республики. Изменения в структуре женской занятости в БССР на фоне других, более индустриализованных, регионов СССР проходили медленнее, хотя степень участия женщин в динамичных социально-политических процессах этого периода практически не отличалась от общесоюзной.

Ставка на вовлечение женщин в общественное производство дала свои плоды: в БССР женщины составляли 40% рабочих и служащих. Резкое увеличение количества женщин, занятых на производстве и в различных сферах обслуживания, объективно сопровождалось ростом числа квалифицированных работниц. В СССР в 1940 г. доля женщин в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием составила 36%, однако удельный вес женщин-специалистов с таким уровнем профессиональной подготовки среди работающих женщин достиг лишь 6,5% [2, с. 23, 63]. Это являлось следствием того, что усложненное производство требовало знаний и времени для приобретения высокой квалификации, а необходимость заниматься работой по дому и воспитанием детей затрудняла профессиональный рост женщин.

В стране усилилась социальная мобильность. Женщины, включаясь в промышленное производство, получали возможности для профессионального роста. Значительная их часть, пройдя шко-

4 Pańubicki W. Kwestia kobieca... S. 57.

лы ФЗУ, различные технические кружки, курсы переподготовки, набирались знаний и опыта, повышали квалификацию. Воспоминания работниц витебской чулочной-трикотажной фабрики “КИМ” свидетельствуют о стремлении женщин повысить свой профессиональный и общеобразовательный уровень. Женщины-работницы этого предприятия, имевшие соответствующее школьное образование, без отрыва от производства могли учиться в техникумах, а женщины со средним специальным образованием направлялись на учёбу в Московский текстильный институт [4, инв. № н/в 7717/12]. Подобная ситуация была типичной и для других промышленных предприятий Витебской области и всей БССР.

Взрослая потребность в быстром увеличении объемов материального производства выдвинула задачу повышения эффективности труда. Одним из инструментов ее решения стало начавшееся в 1935 г. стахановское движение. Достигнутые передовиками высокие показатели должны были продемонстрировать массам рабочих возможность высокоэффективного и высокооплачиваемого труда. Стахановцы превращались в новую элиту общества, своеобразную рабочую аристократию, получавшую за свою работу не только моральное, но и материальное вознаграждение, которое, однако, могло обеспечить лишь элементарные жизненные потребности. Выполнившая план на 306,8% сортировщица 7-го разряда Витебского шетинного комбината Демиденко получила 406 руб. зарплаты в ноябре 1935 г. на фоне 218 руб. в предыдущем месяце [6, д. 376, л. 47]. Она одна воспитывала пятилетнего дочь. Зарплату израсходовала следующим образом: 36 руб. уплатила за 2 месяца за детсад, 28 руб. пошла на погашение трехмесячного долга за квартиру, ребёнку купила куклу за 10 руб. и балалайку за 8 руб., 15 руб. истратила на книги, а остальные деньги — на питание. Сама она была удовлетворена своим новым положением: «Я начала хорошо питаться и обращаю особое внимание на воспитание ребенка, чтобы он рос и воспитывался в лучших условиях, чем я, собираю деньги на зимнее пальто, на театры и кино средства не трачу, ибо получаю бесплатно от фабкома» [6, д. 365, л. 48].

Стахановки получали возможность продвигаться по служебной лестнице, имели приоритет в обеспечении жильем и медицинским обслуживанием, за ними закреплялись бесплатные постоянные места в кинотеатрах, театрах, цирках. В столовых предприятий для них выделялись специальные столы. Фабричные профилактории витебских предприятий “Знамя индустриализации”, “КИМ”, им. К. Цеткин ещё в 1935 г. были переведены главным образом на обслуживание стахановцев, им предоставлялись курортные путевки. Материальное поощрение дополнялось моральным. Стаханов-

ское движение разворачивали в атмосфере праздничного подъема. Перед входом в главный корпус фабрики “КИМ” устроили аллею с портретами лучших стахановцев. В обеденные перерывы в столовых играл духовой оркестр, проходили выступления артистов самотельности. Как вспоминала одна из работниц этой фабрики, “каждый новый рекорд встречался восторженно и бурно. Митинги, поздравления, цветы!” [4, инв. № н/в 7718/12]. Неудивительно, что стахановское движение отличалось массовым участием рабочих, вызывало у многих несомненный энтузиазм.

Однако возник и ряд проблем, связанных со стахановским движением. Значительная часть рабочих относилась к стахановцам отрицательно. С их достижениями увязывалось увеличение общих норм выработки, а стахановские привилегии вызывали зависть. Были и имитация рекордов, и никому не нужные достижения в коллективе произведенной продукции (знаменитая “горка имени Гудова” — изготовленные за одну смену крышки, но на 10 месяцев вперед). Нередко допускались приписки, выпуск недоброкачественной продукции. На швейной фабрике “Прогресс” многие стахановки, выполняя план на 200%, допускали до 60% брака. Часто энтузиазм работниц гасился неправильной оплатой труда, что вызвало разговоры о бессмысленности перехода на стахановские методы работы. Стахановка фабрики “КИМ” Лазарева, получив низкую зарплату, заявила: “Зачем бегать около машин и нервничать, когда я могу обслужить 1 ряд и получить не меньше”. В тот же день она перешла на обслуживание одного ряда машин [6, д. 541, л. 166, 292, 294, 331].

Модернизация 30-х гг. сделала женщину активной участницей промышленных преобразований. Однако требования государства и интересы собственно женщины и ее семьи далеко не всегда совпадали. Производственные и семейно-бытовые обязанности, слагающие женскую занятость, часто противоречили друг другу. Формально дискриминация женщин была устранена. Статья 122 Конституции 1936 г. провозглашала равные с мужчинами права женщин во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, возможность осуществления которых должна была обеспечиваться предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлении женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов. Тем не менее, в 1940 г. при 79% сельского населения только 414 детских учреждений с 10,3 тыс. обслуживаемыми ими детьми располагалось в сельской местности, что было катастрофически мало [5, с. 260]. Деревенские женщины не имели оплачиваемых пособий по беременности,

работали на тяжелых сельскохозяйственных работах до самых родов, оставаясь по всем показателям людьми «второго сорта». Но нельзя отрицать и успехов в развитии системы здравоохранения, решении проблем охраны материнства и детства. Впервые в СССР и БССР появились специальные женские и детские медицинские учреждения, ширялась сеть дошкольных учреждений. В 1940 г. в республике насчитывалось 1316 детских садов, яслей, яслей-садов, в которых находились 63 тыс. детей [5, с. 260].

В то же время повсеместно игнорировались запреты на использование труда женщин в ночное и сверхурочное время, нарушались правовые акты о нормативах переноски и передвижения тяжестей женщинами, отсутствовала слеподежда. Иногда у работниц не было самого элементарного — обуви, чтобы пойти на работу [6, д. 188, л. 374]. Беспорядочно начиналась зарплата. Например, в августе 1931 г. самая квалифицированная работница витебской трикотажной фабрики им. К. Цеткин зарабатывала 40-50 руб. в месяц, меньше неквалифицированных работниц других цехов [6, д. 52, л. 212]. Чрезвычайно острой была жилищная проблема.

Документы Государственного архива Витебской области первой половины 30-х гг. полны свидетельств о тяжелейших условиях, в которых приходилось жить людям в годы первых пятилеток. В 1931 г. ввели всеобщую карточную систему, предусматривавшую нормированное распределение основных продуктов питания и непродовольственных товаров. Было составлено 4 списка родов и индустриальных объектов, которые снабжались централизованно, введены 3 категории по нормам снабжения. Карточки выдавались только трудящимся и членам их семей. Так называемые «лишущицы» и жители деревень карточек не имели. Карточки, очереди, дефицит, полуголодное существование были характерны для всей первой половины 30-х гг. Советская распределительная система работала неэффективно. Продукты и промтовары поступали через закрытые распределительные кооперативы в недостаточном количестве. Правда, продукты питания можно было купить на рынке, но по коммерческим ценам, а при низкой зарплате работникам это было недоступно.

В 1932 г. тарифные ставки оплаты труда и нормы выдачи хлеба были снижены. Если на начало года работница получала 800 гр. хлеба ежедневно, то к лету — 200-400 гр. К тому же, в конце мая в Витебске начались перебои с хлебом. Это вызвало резкий стихийный протест женщин, бесспорных судьбой своих детей. 26 мая в Витебске произошёл своеобразный «хлебный бунт». Очередь в магазин ЦРК № 58 начали занимать уже с 5 часов утра, к 12 часам она насчитывала около 200 человек, главным образом, женщин.

Поскольку хлеба не выдавали, женщины начали волноваться, многие кричали: «Мы сегодня не вышли на работу, потому что дома у нас второй день нет ни куска хлеба». Когда к 15 часам хлеб так и не завезли, 100 человек из очереди двинулись к хлебозаводу, по пути к ним присоединялись женщины и дети. В результате этого стихийного женского выступления хлеб был привезен и роздан. 9 июня 1932 г. на кирпичном заводе 25 женщин-работниц отреагировали на ситуацию с хлебом отказом от работы.

В феврале 1933 г. перебои с хлебом повторились. На льнопрядильной фабрике «Двина» его ждали целый день, администрация боялась выходить к рабочим. Одна старая работница сказала: «Мы старые работницы такого безобразия никогда не видели, как при Советской власти, где приходится стоять в очередь по 7 часов за куском хлеба, это издевательство над народом» [6, д. 188, л. 2]. Документы свидетельствуют, что в 1933—1934 гг. трудности с продуктами сохранялись. «Первая пятилетка привела к голоду, а вторая приводит к смерти», «я в первую пятилетку два раза брюки перешивал, всё становится велики», «я ещё николаевскую юбку ношу» — вот подлинные свидетельства той эпохи [6, д. 188, л. 149, 80]. Нередко резко отрицательную реакцию работниц вызывали попытки провести подписку на заем пятилетки и лотерею Осоавиахима: «Я покупаю на базаре хлеб и картошку, за которую плачу 12 руб. за пуд и ничего не остается на жизнь, а здесь давай и давай, дети у меня дома голодные сидят, не признаю я никаких организаций» (1932 г.) [6, д. 113, л. 113]. Однозначным было отношение к администрации, получавшей зарплату в несколько сотен рублей и повышенные пайки: «на нашей шее засели, как бывлые помешки» [6, д. 113, л. 129]. В Витебске такое отношение тесно переплеталось с антисемитизмом. В целом следоводки ГПУ неоднократно фиксировали, что «преобладающей темой разговора и антисоветской агитации по-прежнему служит вопрос снабжения с увязкой его с делом коллективизации сельского хозяйства, которая истолковывается, как одна из главных причин переживаемых трудностей» [6, д. 188, л. 195].

Голодный государственный паек вынудил к развитию в первой половине 1930-х гг. общественного питания. Рабочие ходили в столовые целыми семьями. К 1933 г. общепитом охватили свыше 70% рабочих в основных отраслях промышленности, что в 6 раз превышало плановое задание на пятилетку. Только в 1935 г. с отменой картонной системы значение общественного питания в рациионе рабочих стало падать.

От государства в общепит поступало немного — в основном мука, хлеб, крупа. Рабочие станции Витебск возмущались, что настроили фабрики-кухни, а победать невозможно, т.к. дороги и к

тому же плохо приготовлено [6, д. 188, л. 80]. Часто физическое и санитарное состояние столовых было ужасным: на фабрике “Двина” многие оконные стекла отсутствовали, на “КИМЕ” — не хватало стульев, и работницы вынуждены были сидеть на ящиках. Везде — антисанитария, в обеды попадали черви, мухи, тараканы, иногда мелкое стекло. Часто еда была приготовлена из испорченных продуктов, и работницы, несмотря на голод, отказывались от нее. Мясо встречалось редко. Преобладали постные обеды из капусты, картофеля, брюквы. К 1934 г. появилась тенденция объяснять проблемы со снабжением и плохое общественное питание не организационными пороками системы, а “засоренностью аппарата ОРСа, ЗРК (закрытые распределительные кооперативы — *авт.*) и обслуживающего персонала столовых социально чуждым антисоветским и контрреволюционным элементом, которые проводят свою подрывную работу, расхищая, разбазаривая и портя продукты, предназначенные для снабжения рабочих” [6, д. 282, л. 116].

Тяжелые условия труда и низкий заработок порождали массовую текучесть кадров. За июль и август 1931 г. с фабрики им. К. Цеткин, по данным администрации, уволились 150 человек, фактически же — в 3 раза больше. Льнопрядильную фабрику “Двина” за это же время покинули 259 человек. Среди них преобладали работницы со стажем до 6 месяцев.

С трудом воспринимались многими женщинами коллективизация и раскулачивание, которые не только нанесли тяжелейший удар по экономике страны, но и оставили страшный след в памяти и судьбах тысяч людей. В женском восприятии происходивших событий присутствовало непонимание происходящего и жалость к заблужденным жителям кулаков и членов их семей. Сожаления по поводу высылки кулаков, которые ничего плохого не сделали и могли бы жить на месте, проявляли жительницы многих деревень Оршанского района [7, л. 193].

Часто женщины на селе действовали группами. Собираясь по 20-200 человек, они пытались защищать раскулачиваемых; после известной статьи Сталина “Головокружение от успехов” разбирали зерно из амбаров, скот из хлевов [8, л. 248, 249, 228, 238]. В таких же коллективных формах выражалось недовольство плохой организацией труда, безобразным уходом за скотом, небрежным урожаем, гниющим под дождем сеном и т.д. Выявить зачинщиков плохих выступлений было значительно сложнее, да и выступления женщин воспринимались с меньшей политизацией, хотя соответствующие органы и отмечали, что женщины проявляли особую активность, будучи враждебно настроенными к выселению кулаков [7, л. 91]. Неся ответственность за свою семью, женщины про-

являли больше сострадания и к чужому горю, а колоски, которые срезали для спасения своих голодающих детей, не воспринимались с точки зрения нарушения законности. Конечно, часть женщин-баграчек и беднячек, как и мужчин, восприняли коллективизацию, сами участвовали в раскулачивании, становились членами сельсоветов, правлений колхозов и даже их председателями [6, д. 287, л. 9]. Затем жизнь заставила смириться с колхозами и остальных женщин, которых выручали традиции больших деревенских семей, где дети рано начинали помогать родителям, а родственники — друг другу. В деревне с коллективизацией добавилось еще одно четкое деление: в общественном хозяйстве колхозники и колхозницы работали на государство практически безвозмездно, в личном хозяйстве они трудились на поддержание своего физического существования. Обслуживание семей было третьей и обязательной нагрузкой, падавшей на плечи женщин.

Таким образом, кампания 1930-х гг. по активному вовлечению женщин во внесемейное производство во многом изменил их образ жизни, социальный статус и мировоззрение, исследование различных аспектов которых только начинается.

Ё̀п0й-йёёё ё ёё000000000

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 4. М., Политиздат, 1970.
2. Кунгурова Н.И. Женщина в общественном производстве при социализме. Экономико-демографический аспект. М., 1983.
3. Таранов Е. Поколение Прометеев. М., 1978.
4. Витебский областной краеведческий музей.
5. Народное хозяйство Белорусской ССР. Мн., 1978.
6. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО), ф. 102, оп. 1.
7. ГАВО, ф. 2, оп. 1а, д. 61.
8. ГАВО, ф. 10051, оп. 1, д. 764.
9. Газета “Звязда”, 1935, 1 лістапада.

А.В. Булич

ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВОК НА МАЛОДЕТНОСТЬ У ЖЕНЩИН БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В конце XX в. Беларусь оказалась в ситуации демографического спада, выражающегося в беспрецедентно низкой рождаемости, уровень которой вдвое ниже, чем в годы Великой отечественной войны [6, с. 3]. В 1990-е гг. смертность в республике превысила рождаемость, а репродуктивные установки на многодетную семью (трое и более де-

тей) сменились ориентацией молодого поколения белорусов на семью с одним ребенком. При сохранении нынешнего режима рождаемости, по подсчетам специалистов, в середине XXI в. численность населения Беларуси составит около 4,5 млн. человек [16, с. 34].

Падению рождаемости во второй половине XX в. предшествовали огромные людские потери БССР в годы Великой Отечественной войны. Республика лишилась более 2,2 млн. человек [10, с. 33]. Эти потери были в два с лишним раза выше, чем в среднем по СССР, и большими, чем в любом другом государстве, участвовавшем во Второй мировой войне [12, с. 17]. Огромные потери понес народ от сталинских репрессий. По данным первой послевоенной переписи населения 1959 г. в БССР проживало на 854 тыс. человек меньше, чем в 1939 г. Довоенная численность населения была достигнута только в 1970-е гг. [17, с. 17].

После войны в Беларуси, как и в других регионах Советского Союза, наблюдался т.н. компенсационный подъем рождаемости, однако в советской демографии продолжала господствовать концепция прямой зависимости уровня рождаемости от условий жизни населения и социального строя в целом. “Ярким опровержением теорий, будто индустриализация, рост благосостояния и культуры, продвижение по социальной лестнице приводит к падению рождаемости и естественного прироста, может служить пример СССР” [2, с. 13-14], — таким был лейтмотив советских демографических исследований довоенных и послевоенных лет. До тех пор, пока в стране сохранялся сравнительно высокий уровень рождаемости, вопросы воспроизводства населения удавалось рассматривать в рамках концепции прямой связи.

Однако в 1950-е гг. темпы роста рождаемости стали снижаться. На протяжении 1959—1969 гг. количество родившихся в Беларуси детей уменьшилось на 62 тыс., или на 30,6% [7, с. 4]. Это значит, что ежегодно рождалось на 6,2 тыс. детей меньше, чем в предыдущем году. Если население Советского Союза в 1950—1979 гг. выросло на 41%, то в БССР рост составил только 24% [17, с. 17]. Сторонники концепции прямой связи связывали факты сокращения рождаемости с действием неблагоприятных факторов (нехваткой мужчин, погибших на фронте и т.п.).

Противники концепции прямой связи указывали на явные признаки обратной зависимости между доходами советской семьи и числом детей в ней, что способствовало формированию в советской демографической науке концепций обратной связи и “разрыва” между потребностями и возможностями их удовлетворения [2, с. 15, 45]. Резкое снижение рождаемости сторонники прямой связи объясняли плохим состоянием половозрастной структуры населения.

Действительно, на протяжении практически всей первой половины XX в. соотношение мужчин и женщин постоянно ухудшалось, а Вторая мировая война вызвала громадную деформацию половой структуры. В СССР в 1946 г. женщин было на 33,9% больше, чем мужчин [6, с. 82]. Такого соотношения не знала ни одна страна в мире. А Беларусь выделялась наибольшими нарушениями в структуре населения даже на фоне союзных республик [17, с. 30], что негативно сказалось на рождаемости. Демографы, анализировавшие уровень “плодовитости” белорусских женщин, находили в диспропорциях половозрастной структуры населения основную причину снижения рождаемости в республике [7, с. 5]. К условиям, способствующим повышению “плодовитости” белорусок, они относили прежде всего факторы “выравнивания структуры населения по полу и увеличение доли замужних женщин в численности женщин плодородного возраста” [17, с. 58]. Демографическая ситуация давала основания для подобного вывода. Доля замужних женщин во второй половине XX в. постоянно увеличивалась. В 1970-е гг. обеспеченность белорусских женщин потенциальными женихами повысилась настолько, что потенциалы женской брачности практически сравнялись с возможностями мужчин иметь супругу [7, с. 6]. Это должно было оказать положительное влияние на рождаемость, т.к. большинство детей в XX в. продолжало рождаться в браке, но, в действительности, брачная рождаемость продолжала снижаться.

А. Г. Волков еще в конце 1960-х гг. указывал на то, что падение рождаемости обусловлено не столько структурными факторами, сколько сокращением интенсивности брачной рождаемости, внутрисемейным регулированием деторождения [8, с. 181]. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. начинает формироваться концепция ослабления потребности в детях [2, с. 53], опирающаяся на результаты опроса 33,6 тыс. женщин, проведенного в 1969 г. НИИ ЦСУ СССР под руководством А. Г. Волкова. В последующем подобные исследования продолжались до середины 1980-х гг., но обследование 1969 г. стало первым и наиболее значимым исследованием, в котором использовались различные методы сопоставления уровня рождаемости с показателями условий жизни [6, с. 172-173].

Значительное расширение внесемейных ценностей и сужение семейных, по мнению В. А. Беловой, привело к уменьшению самой потребности в детях [4, с. 26]. Так, если в 1969 г. “идеальное” число детей в белорусской семье в среднем было равно 3, а по Минску — 2,6, то в 1982 г. оно снизилось в Минске до 2,4 [17, с. 52]. Понятие “идеальное” число детей используется в демографии при изучении репродуктивных установок. Оно характеризует представления респондентов опроса о наилучшем, в их понимании, числе детей в

семье вообще, но не обязательно в их собственной. Среднее идеальное число детей отражает представления людей о репродуктивных нормах. О них с известной долей условности можно судить по реальному числу детей в семье. Испокон веков жители белорусской деревни разделяли нормы многодетности. Согласно переписи населения 1897 г. средний размер сельской семьи в Беларуси был 6,8 человек [5, с. 4]. По переписи населения 1926 г. — 5,7 человека [5, с. 4]. Вторая половина XX столетия — это период резкого перехода от норм среднететности к репродуктивным нормам малодетности. Одну из причин этого можно усмотреть в высоких темпах урбанизации. Так, на протяжении 1959—1970 гг. городское население в целом по СССР выросло на 36%, а в БССР — на 57,5% [17, с. 56]. Это сказалось на уровне рождаемости. В 1970-е гг. в Белоруссии он снизился в 2 раза, а в сельской местности — в 5 раз [17, с. 22]. Всесоюзная перепись населения 1959 г. показала, что сельская семья в БССР составляла в среднем уже 3,8 человека [11, с. 4]. Семья с тремя и более детьми, необходимая для нормального замещения поколений, становилась все более нетипичной в белорусских городах, а затем и в деревне.

Структура репродуктивных установок включает в себя также понятие желаемого и ожидаемого (планируемого) числа детей. Показатель ожидаемого числа детей характеризует реальные намерения людей, их репродуктивные планы с учетом конкретных обстоятельств жизни [6, с. 178]. Среднее желаемое число детей рассматривается как показатель, характеризующий индивидуальную потребность в детях [6, с. 177]. Он призван выявить среднее число детей, которое люди предпочитают иметь в своих семьях. Как показали материалы обследования 1100 замужних белорусок, проведенного НИИ ЦСУ СССР в 1969 г., женщины в Беларуси в конце 1960-х гг. желали иметь в своих семьях в среднем 2,5 ребенка, а в Минске — 2,05.

Теории ослабления потребности в детях, широко используемой в своих исследованиях инструментарий репродуктивных установок, противостоит исследовательская концепция “помех” к деторождению [2, с. 39]. Сторонники этого подхода считают, что женщины непременно хотят иметь много детей, но это их “естественное” желание ограничивается нехваткой неких внешних условий. В связи с этим предлагается выяснить, какие конкретные условия жизни мешают женщинам удовлетворить потребность в рождении большого числа детей, а затем с помощью мер социальной политики устранить эти препятствия [6, с. 174]. “Повышение рождаемости должно явиться, — пишет Л. П. Шахотько, — результатом государственной политики, т.е. сознательной деятельности, направленной на повышение жизненного уровня населения, рационализацию занятости женского населения” [17, с. 58].

Такие меры в БССР были приняты. В 1980-е гг. вводятся специальные законы, позволившие женщине сохранить в декретном отпуске непрерывный стаж работы, гарантировавшие получение единовременного пособия, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до исполнения ему одного года и т.п. Тогда же показатели рождаемости в Белоруссии возросли. В 1983 г. отмечен наивысший за последние 20 лет уровень рождаемости: родилось 173,5 тыс. детей — на 15,6 тыс. больше, чем в предыдущем 1982 г. Однако повышение рождаемости оказалось временным. Оно пошло в результате смещения “календаря рождений”, того, что в демографии называется таймингом [1, с. 84], временным всплеском рождаемости. Анализируя рост показателей рождаемости, ученые установили, что прирост был обусловлен реализацией в указанный период времени репродуктивных установок родителей, которые планировали обзавестись ребенком, вторым или третьим, но эти намерения по разным причинам откладывали [7, с. 12]. Женщины родили своих, в основном вторых детей, раньше планируемого срока, но не изменили своих планов относительно количества детей в семье. Так, 12 тыс. детей из 15,6 тыс. прироста новорожденных стали в своих семьях вторыми по счету и 2,5 тыс. — третьими. На долю родившихся четвертыми и последующих очередностей пришлось чуть более 0,5 тыс. новорожденных [7, с. 12].

Таким образом, принятые меры стимулировали скорейшую реализацию сложившихся ранее установок на желаемое количество детей в семье, но не повлияли на изменение норм малодетности, о чем свидетельствует снижение показателей рождаемости в последующие годы. Тайминговое повышение рождаемости, обусловленное мерами “демографической политики партии и правительства” [7, с. 10], нельзя трактовать как “повышение” рождаемости, т.к. условное поколение женщин прореагировало на тайминг, а реальное поколение имело итог [6, с. 136], свидетельствующий о продолжении снижения рождаемости.

Проведенные в 1969—1984 гг. Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР опросы женщин, ставившие своей целью выяснить, к какому размеру семьи стремилась бы женщина, если бы она не имела никаких материальных ограничений, показали, что представления женщин об идеальном, желаемом и планируемом числе детей формируются задолго до их рождения и оказываются в обратной пропорции к материальным условиям жизни [9, с. 72]. Эти опросы показали, что младшие, более обеспеченные и более образованные группы женщин намерены иметь и имеют в среднем меньше детей, чем старшие, менее обеспеченные и менее образованные женщины [9, с. 72]. В связи с тем, что группа женщин,

разделяющих нормы малодетности, постоянно молодеет, а уровень образования женщин неуклонно растет, у демографов возникло опасение, что скоро однодетная семья может вытеснить иные типы семей. Однако пока речь идет лишь о статистической распространенности такой семьи, а не о ее популярности [13, с. 11].

Данные переписи населения 1979 г. подтверждают эту тенденцию. Так, на 100 белорусских женщин, имевших высшее образование, в среднем приходилось только 129 детей, 100 обладательниц среднего специального образования имели 135 детей, имевшие неполное среднее — 208, а начальное — 254 ребенка [17, с. 53]. В конце 1980-х гг. более половины новорожденных были первыми детьми в семьях. Первые и вторые дети составляли почти 90% всех родившихся у матерей в возрасте до 30 лет [7, с. 12]. Согласно переписи населения 1989 г. в Белоруссии одиноклетные, неполные и бездетные семьи составили 62,2% [14, с. 4].

Заметное влияние на динамику рождаемости оказывают сдвиги в женской брачности. Брачный фактор постоянно воздействует на процесс воспроизводства населения, т.к. большинство детей продолжает рождаться именно в браке. На протяжении последнего полувека “обеспеченность женихами” неуклонно повышалась, потенциалы женской брачности росли, однако степень ее реализации уменьшилась. Об этом говорят показатели “добровольного безбрачия” женщин, распространенность рождения внебрачных детей. И хотя считается, что доля окончательного безбрачия женщин [6, с. 97] в республике невелика (имеются в виду женщины в возрасте до 50 лет, которые никогда не состояли в браке) [7, с. 13], но уровень разводов приводит к массовому вторичному безбрачию женщин [13, с. 16]. “В период между 1960 — 1980 гг. число разводов в Белоруссии возросло в 4,5 раза. За 30 лет супружества, произведенного в эти годы, каждый третий брак распался” [7, с. 13].

Неустойчивость брака, равно как и безбрачие женщин, приводит к возрастанию числа внебрачных детей. В Минске число родившихся вне брака детей за 30 лет увеличилось почти в 3 раза. Если в 1970 г. было рождено 898 таких детей, что составляло 5,4% от общего числа новорожденных, то в 1998 г. у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, родилось уже 2193 ребенка, или 17% новорожденных [15, с. 19]. Внебрачные дети появляются, как правило, у совсем юных и у тех, кому за 30 [3, с. 41]. Для одиноких женщин — это способ избежать одиночества, а в неполной семье маловероятно появление второго ребенка. И хотя в XX в. изменилось отношение к внебрачным детям, у демографов к ним особое отношение. Внебрачная рождаемость только закрепляет нормы малодетности, она “воспроизводит себя в следующем поколении” [3, с. 41].

Исторические причины формирования норм малодетности в Республике Беларусь обусловлены теми факторами социально-экономического развития, которые отразились прежде всего на репродуктивных установках и на изменении функций семьи. В аграрном обществе с преобладанием сельскохозяйственного уклада жизни, ведущей функцией семьи являлась хозяйственно-экономическая деятельность. Дети имели большое значение для родителей как наследники и реальные помощники в ведении хозяйства. Ребенок ценился тем больше, чем он был старше. С изменением социально-хозяйственного уклада семья превратилась в своеобразную потребительскую общность, которая целиком стала зависеть от экономических условий, информационных потоков, индустрии быта и досуга, различных социальных институтов. В этих условиях произошли радикальные изменения в отношениях к детям, они перестали интересоваться родителями как потенциальные работники. Женщина стала более независимой от общества в проявлениях своего отношения к ребенку. Наибольшую ценность стал представлять именно маленький ребенок.

С другой стороны, общество, ожидая от женщины большей активности в общественной жизни и на производстве, от чего зависят ее материальное благополучие и социальный статус, должно рассматривать женщину в традиционной системе ценностей, где материнству отдается приоритет. Но все меньше времени женщина может проводить в кругу семьи, а удовлетворение бытовых, рекреативных и других потребностей все больше осуществляется во внесемейной среде. Все это, безусловно, влияет на формирование норм малодетности.

Согласно теории демографического перехода, в современном обществе происходит тотальная персонализация всех источников жизнедеятельности человека, переориентация их с семьи на отдельную личность [2, с. 59]. Однако переход семей разной социальной принадлежности к ценностям современного потребительского общества происходит неравномерно. В. А. Борисов утверждает: “Сначала к новым социальным ценностям и нормам (в том числе и нормам детности) переходят наиболее образованные и, главное, ранее других социальных групп утрагившие связь с сельскохозяйственным укладом жизни слои интеллигенции, затем ... рабочий класс и, наконец, по мере индустриализации сельского хозяйства и урбанизации деревенского быта (пресловутое “сближение города и деревни”) нормы малодетности закономерно распространяются и среди крестьян” [6, с. 191].

Общество вынуждено выработать стратегию по преодолению “кризиса семьи”, изыскать духовные и материальные ресурсы, инвестировав их в “фабрику жизни”. Эта стратегия должна учиты-

вать эволюцию репродуктивных установок женщин, соотносить их с развитием внесемейных сфер жизнедеятельности. Иначе любые меры демографической политики потерпят неудачу.

Ёйой-йёёё ё ёёёёёёёёё

1. Англо-русский демографический словарь. М., 1978.
2. Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980.
3. Балашов В.А., Савинов Л.И. Облик современной семьи: социально-демографические и этнические аспекты. Саранск, 1987.
4. Белова В.А. Обследование мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье // Вести статистики. 1971. № 6.
5. Бондарчик В.К., Соболенко Э.Р. Новые явления в семейном быту сельского населения Белоруссии. М., 1973.
6. Борисов В.А. Демография: Учебник для вузов. М., 1999.
7. Валюшко Л.Н., Шахотько Л.П. Современные тенденции рождаемости в Белорусской ССР. Мн., 1987.
8. Волков А.Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения. М., 1968.
9. Воспроизводство населения и демографическая политика. М., 1987.
10. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР. М., 1963.
12. Раков А.А. Население БССР. Мн., 1969.
13. Семья в кризисном обществе. М., 1993.
14. Семья в СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990.
15. Семья, женщины и дети города Минска. Статистический сборник. Мн., 1999.
16. Урбан М.М. Демографические основы рождаемости в Беларуси // Труды первого Международного конгресса "Демографические проблемы Беларуси" (17-20 марта 1999 г., г. Минск) / Под общей ред. М.Д. Тьяловского. Мн., 1999.
17. Шахотько Л.П. Воспроизводство населения Белорусской ССР. Мн., 1985.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Буланакова Мария Александровна** — ассистент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета
- Булич Анжела Васильевна** — аспирантка кафедры источнославяноведения и музееведения Белорусского государственного университета
- Дулов Анатолий Николаевич** — аспирант кафедры истории Белоруси Витебского государственного университета им. П. М. Машерова
- Ермаков Александр Михайлович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета
- Израэлян Евгения Викторовна** — кандидат исторических наук, заведующая сектором Института США и Канады Российской академии наук
- Королева Татьяна Валерьевна** — аспирантка кафедры новой и новейшей истории Ивановского государственного университета
- Ленцевич Ольга Михайловна** — аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета
- Новикова Наталья Валентиновна** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета
- Петровская Оксана Васильевна** — кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного университета
- Пушкарева Наталья Львовна** — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, постоянный представитель России во "Всемирной федерации исследователей, изучающих историю женщин"
- Слиж Наталья Владимировна** — аспирантка кафедры истории Белоруси Гродненского государственного университета имени Я. Купалы
- Соболевская Ольга Александровна** — кандидат культурологии, преподаватель кафедры культурологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы
- Сурга Елена Николаевна** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педуниверситета имени Максима Танка
- Толмачёва Светлана Александровна** — аспирантка кафедры истории славянских стран и методологии преподавания истории Белорусского государственного педуниверситета имени Максима Танка
- Фрольцов Владислав Валерьевич** — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
- Чеснокова Ольга Ивановна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П. М. Машерова
- Чикалова Ирина Ромуальдовна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педуниверситета имени М. Танка, руководитель Минского центра гендерных исследований при Женском институте "ЭНВИЛА"

Чухим Наталья — кандидат философских наук, доцент Киевского национального университета, директор “Киевского института гендерных исследований”

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук

Шутова Ольга Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения и музееведения Белорусского государственного университета

Юкина Ирина Игоревна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой Гендерные исследования Невского Института Языка и Культуры (Санкт-Петербург)

Яковлева Галина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и истории мировой культуры Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

Научное издание

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ УВИДЕННЫМИ

Сборник научных статей
Выпуск 1

Редактор И. Р. Чикалова
Компьютерная верстка С. Я. Алов

Подписано в печать 29.07.2001 г. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая. Усл.-печ.л. 18,6.
Уч.-изд.л. 18,1. Тираж 200 экз.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор РБ 007-98, ч. 1;
код 22.11.20.400.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка Лицензия ЛП № 154 от 17.10.2000 г. 220809, г. Минск, ул. Советская, 18

Отпечатано в типографии УП «Холдр» ООО «БелТІЗ» 220004, г. Минск, ул. Освобождения, 9. ЛП № 91 от 15.08.00 г. Заказ